

Анна Кувайкова
Юлия Созонова

ВАРВАРА-КРАСА
КЛЮК
СКАЗОЧНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
КОЩЕЯ

Если уж замуж, то только по любви! Так я думала в свои юные двадцать три, а в двадцать семь за плечами был неудачный брак и трёхлетняя дочь на руках возится. И вот уже и замуж не так сильно хочется, да и количество желающих резко сократилось. Кому нужна девушка в комплекте с ребёнком?

Но жизнь, штука не предсказуемая, а любовь тем паче. Одна беда, кого, где и как я прогнать успела, дабы получить на свою голову безответно влюблённого байкера? И ладно, если бы он в меня влюбился, так ведь нет!

Или всё-таки... Да?

Анютка Кувайкова

Варвара-краса или Сказочные приключения Кощея

Вывеска наискосок, с лаконичным и ёмким названием «Life for music» была потёртой и явно знавала куда как лучшие времена. Витрина радовала глаз одинокой бас-гитарой и парочкой колонок, а на входной двери примостился невесть откуда привезённый ловец снов, с аляповатым изображением кособокого волка.

На взгляд Ромыча ловить тут было нечего. Определённо. Небольшой спальный район, череда мелких магазинов розничной торговли и бедноватый антураж. Всё это, вкупе с плохим настроением самого байкера рисовало отнюдь не радужные перспективы. Но постояв ещё минут пять перед небольшим музыкальным магазинчиком, отчего-то пользующимся отличной репутацией среди любителей рока (не заслужено, по скромному мнению Кощея), мужчина тяжело вздохнул и всё-таки сделал шаг в сторону входа, засунув руки в карманы. Попутно пытаюсь вспомнить, как же он дошёл-то, до жизни такой...

А началось всё, надо признать, вполне себе мирно. Счастливая лыба друга и начальника, смущённая улыбка Ришки и гогот парней, поздравляющих смущённую девушку с предстоящим празднованием их первой годовщины. Кощей честно порадовался за друзей, поржал за компанию и даже почти не изменился в лице, глядя на счастливую парочку. Но предпочёл при первой же возможности слинять к себе в кабинет, дабы впасть в уныние и заесть его очередной порцией работы.

Всё-таки это действительно больно, наблюдать за любимой девушкой в чужих, пусть и надёжных, а самое главное любящих руках лучшего друга. Не, Ромыч действительно был за них рад. Даже с приставкой «очень». Только чёт сердце в этом удавалось убедить с переменным успехом. Вот и ныкался в своём логове, пугая заглядывающих коллег и друзей неизменными и пространными фразами про проверки, налоговую и прочее непотребство.

Правда, в этот раз уйти от ответственности и соучастия не вышло. В кабинет ввалился их неизменный сисадмин и озадачил бедного финансиста очень своевременным вопросом:

— Слышь, Ромыч... А ты подарок-то купил?

Он-то озадачил и сидел теперь на диване, с любопытством дожидаясь, пока друг отвиснет и перестанет тормозить. А сам хозяин кабинета ещё какое-то время судорожно пытался сообразить, куда бы так заковыристо отправить товарища и по какому адресу, что тот и потеряться умудрился и не обиделся одновременно. К сожалению, подходящих идей не было. Поэтому Рома просто вздохнул, руки на груди скрестил и поинтересовался:

— Чего тебе, ископаемое реликтовое, надобно-то от меня? Очередная мать сдохнуть умудрилась или Верещагин за кактусы никак успокоиться не может?

— Святое не тронь, это я про мать, если ты не понял, — флегматично отозвался Жека, откинувшись на спинку дивана и вытянув ноги. — А надобно мне от тебя, сволочь костлявая, активных телодвижений и отсутствия кислой рожи на лице, лицезрением которой ты стабильно отравляешь нам жизнь уже полгода так точно. Так что давай, Скрудж МакДак, расчехляй бумажник, включай креатив и дуй за подарком для нашей самой главной парочки.

Смерив прибалдевшего от такой постановки вопроса друга насмешливым взглядом, Женёк хмыкнул и добавил, явно вознамерившись добить Кощея по всем фронтам:

— И скажи спасибо, болезный, что Олафу с Эльзой мы подарок не только купили, но и проявили способности супер-ниндзя, умудрившись пронести его контрабандой прямо под носом у этого доморощенного Тёмного Властелина. Цени наши дружеские потуги и

усилия...

— Ёжика не родили в процессе? — заинтересованно вскинул брови Кощей, пытаясь не ржать. А это было сложно, потому как Ромыч прекрасно представлял каким будет выражение лица Верещагина, который опять всё пропустил и оказался не в курсе творящегося беспредела.

И это было бесценно, что не говори! Вся банда прямо-таки тащилась над ступором, недоумением и откровенной детской обидой на лице всезнающего Верещагина. Особенно часто такое выражение появлялась на его вечно довольном лице при общении с любимой девушкой и её загадочной подругой.

Подругу никто в глаза не видел. Но заочно побаивались. Потому что, судя по тому, с каким священным ужасом при упоминании оной крестился даже Харлей, это было воистину оружие массового поражения мозга!

Только Шут почему-то молча ржал и строил страшные рожи, загробным голосом возвещая о скором прибытии Лодочника по их скромные души. Последнее, правда, громким шёпотом и исключительно в отсутствии ледяного администратора вместе с начальником службы безопасности. От чего все дружно терялись в догадках и строили такие предположения, что даже у арт-директора волосы дыбом вставали и мозги переклинивало.

Всё-таки, до чего ж креативный у них народ в клубе... А самое главное добрый!

— Мы нет, а вот тебе придётся постараться и подвигать своими заржавевшими от циферок мозгами. Иначе за обиженного Кавая тебе мозг выключают сначала девочки, а потом и мальчики. И я сейчас даже не про главного мозгоклюя говорю! — насмешливо фыркнув, сисадмин соизволил оторвать свой зад от чужого дивана и даже зевнул, лениво потянувшись. После чего показал финансисту кулак и удалился, огорошив напоследок. — У тебя ровно полдня, что бы найти подарок. Потому как завтра наступает тот самый, прогнозируемый тобой какую неделю подряд писец. Шикарный, полярный и жирный. И кто ж тебя просил так яростно каркать, Ванга недоделанная?!

— А?!

— Бэ, блин, то ж нехилый витамин, — возведя глаза к потолку, Женька ткнул пальцем в сторону Ромыча и недовольно протянул. — Ты ж тут народ налоговой запугивал? Запугивал, по глазам бесстыжим вижу. Ну что угод? До запугивался. Встречай родимую, с завтрашнего дня. И судя по списку требуемого — сидеть тебе не пересидеть! И хорошо если в фигуральном смысле...

И на такой жизнерадостной ноте, сисадмин всё-таки покинул помещение, оставив последнее слово за собой. И нет, это был вовсе не демонический смех киношного злодея из коридора, за который хотелось догнать Жеку чем-нибудь тяжёлым вслед. Только вот легче от этого не становилось. А уж когда Кощей соизволил заметить висящее на корпоративной почте письмо с весёлым и жизнерадостным уведомлением от родимой и взаимно любимой Федеральной налоговой службы...

Идея покинуть помещение в поисках подарка уже не казалось такой уж глупой. Да и прогуляться определённо лишним не будет. Хоть мозги проветрятся и работать начнут.

Ну, Кощей на это хотя бы надеялся, да...

И именно по этой самой причине, ввиду никак не желающей сдохнуть надежды на лучшее, байкер и мялся сейчас на пороге затрапезного магазина, как школьник на первом свидании. Вроде как и хочется, и колется и гордость не велит. Больно не впечатляющим оказался рекомендованный неугомонным Шутом магазин. Однако, стой не стой, а подарок

сам себя купить в принципе не сможет. Поэтому глубоко вздохнув, Кощей саркастично усмехнулся в ответ радостно махавшему кому-то парню, застывшему посреди магазина и открыл дверь, поморщившись от тихо звякнувшего колокольчика.

Кажется, кто-то что-то крикнул... Но Кощей внимания на это не обратил, как не заметив бегущего в его сторону ребёнка. Правда, ровно до того момента, пока мявшийся в центре зала интеллигентного вида парень в круглых очках аля Гарри Поттер не икнул от неожиданности, резко побледнев. Несмотря на всё своё самомнение, Рома вполне справедливо полагал, что он не настолько страшный. Пугающий временами, да.

Но не страшный же!

— Марья, иди, порадуй дядю Петю своим фирменным приветствием, — приятный женский голос, раздавшийся за его спиной, с лёгкой насмешкой растягивал гласные. И вызвал табун мурашек вдоль позвоночника. Который сменило непонятно откуда-то взявшееся предвкушение, стоило даме недовольно протянуть. — Пока мама вежливо и очень тактично поинтересуется, чем дядя уши мыл и где свои очки потерять успел!

— Уля-а-а-а! — мимо проскочило маленькое, вихрастое чудо, подпрыгивая и радостно хохоча. Она с разгону врезалась в парня, обхватив его ноги руками и, стукнув кулачком, выдала. — Кучи мутики!

— Маша...

— Кучи мутики!

— Ну Марья...

— Кучи-и-и-и!

— Варька! — наконец не выдержал очкарик и укоризненно посмотрел за спину так и стоящего на одном месте Кощей. — Совести у тебя нет!

— Ага. Но сейчас речь не про мою отсутствующую совесть, — тихий смешок и на плечо рокера легла узкая ладонь, с длинными тонкими пальцами. Опустилась, сжала и дёрнула, разворачивая поддавшегося от неожиданности мужчину к себе лицом.

Ромыч даже сопротивляться не стал, поддаваясь чужой воле и с удивлением глядя прямо в недовольно сощуренные тёмно-серые глаза. Глаза, судя по выражению которых, кое-кого ожидала долгая, мучительная смерть.

И надеяться на милость не приходится. От слова совсем!

Глава 1

Утро встретило меня радостным солнцем, мягкой кроватью, пением птичек за окном, мечтами и...

— Кучи мутики!

Уже традиционным ударом пультом от телевизора по голове.

Я и возмутиться-то толком не успела, как малолетний террорист, трёх лет от роду, уже скрылся в зале, радостно (или пакостно?) хихикая. И ведь не сделаешь ничего, Манюня у нас ранняя птичка. Она выспалась и требует законные мультики так, как может и хочет.

Ну а то, что мать у неё сова проклятушая и трудоголик голимый, по версии бабушки, так это проблемы самой маман, а никак не Её Царского Величества Марьи!

— Ма-а-а! — громовой вопль сотряс стены квартиры, мой мозг и разбудил сладко дрыхнущую совесть. — Му-у-утики-и-и!

— Сначала завтрак, а потом всё остальное, — глухо пробормотала, лелея глупую надежду на то, что в ребёнке проснётся всё та же пресловутая совесть и даст мне выспаться.

Ага, как же! Маня притащила кота, бросила его на задремавшую меня и снова скрылась в зале, выдав непререкаемое и строгое:

— Ам! Ням!

— Да иду я, иду... — тяжело вздохнув, я глянула в ошалелые и круглые, как пятак, жёлтые глазки Кошмара, чёрного тощего котяры, приблудившегося к нам полгода назад. И, стряхнув обнаглевшее животное с кровати, поплелась в сторону ванны.

Отчаянно зевая и предпринимая бессмысленную попытку доспать на ходу, спотыкаясь то об голодного кота, то об игрушки, то об порог. К сожалению, сначала просыпалась я, потом уже мозг. И материнство только ухудшило это состояние, доведя до автоматизма некоторые действия.

Например, в ванную комнату я попадала без особых проблем и с закрытыми глазами легко находила как кран, так и зубную щётку с тюбиком пасты. Зато после умывания прохладной водой можно было уже без особого страха взглянуть на собственное отражение, привычно вздрогнув и мысленно перекрестив оное.

— Мда, — задумчиво протянула, привычно пропуская мимо ушей жалобное мяуканье кота, попавшего в лапы будущего светила медицины. — Дурдом. И я в нём...

Похоже, его настигла очередная проверка внутренних и наружных органов. Исключительно принудительная и без учёта его же мнения. И судя по строгому и серьёзному «Киса, тут!», к концу проверки у несчастного Кошмара найдут все возможные страшные и неизлечимые заболевания. Даже если он ими страдать в принципе не может.

— Марья, оставь кота в покое! — крикнула из ванной, пытаюсь расчесать волосы и переплести развалившуюся за ночь косу. И добавила, куда тише, когда кот забился под раковину, а ребёнок дорвался до барабана. — Дурдом, блин, и я в нём ну вылитая Баба-Яга... Только носа знаменитого и не хватает!

А вид в зеркале действительно... Впечатлял. Круги под глазами аля панда, хмурый взгляд женщины на вечной диете и общий вид упыря далеко не первой свежести. И это ещё только первая неделя проверки пошла, а дальше что будет? Нет, определённые плюсы в такой неотразимости есть, можно попробовать надавить на жалость проверяющих и пустить скупую слезу перед начальством, настаивая на отпуске и прибавке к жалованью.

Но что-то мне подсказывает, не пройдёт такой финт ушами, не пройдёт...

— Ма? Ням? — ребёнок объявился на пороге, как по мановению волшебной палочки. И с таким невинным выражением лица, что я почесала затылок, пытаюсь вспомнить, что могло сотворить это чудо.

Кот, отползая в самый дальний угол, усиленно притворялся мёртвым. Звук падения чего-то тяжёлого я не слышала, звона битого стекла тоже. Остаётся только одно...

Разглядывая изрисованные отчёты, над которыми моя полусонная тушка, собственно, и корпела две ночи подряд и сем дней до этого, я вздохнула и укоризненно посмотрела на Марью. Та спрятала руки за спину, опустив голову и водя ножкой по ковру. Вот только измазанные фломастером щёки было проблематично скрыть.

Как и хитрющий взгляд, очень хитрющий взгляд маленького, пакостного чертёнка.

— Мань, ну я ж просила... — вздохнула, убирая испорченные документы в отдельную папку. И тихо радуясь, что приучила себя распечатывать в трёх экземплярах каждую бумажку.

— Не найтёся? — огорчённо протянула малышка, показательно тяжело вздыхая.

— Нравится, — цокнула языком, убирая папки с неиспорченными документами, готовыми для налоговой, повыше. Вздохнула ещё раз и подхватила своё любимое чадо на руки, чмокнув засмеявшуюся Марью в щёку и потащив её на кухню. — Очень нравится. Не давай ты мои рабочие бумажки трогать всё-таки не будешь, а?

— Агась, — снова честный взгляд и счастливая улыбка, не внушавшая никакого доверия. После чего ребёнок снова выдал, нахмурившись. — Ням?

— Ням, — усадив Марью на стул, я повернулась к плите, соображая, что бы такого приготовить, что бы и времени заняло немного, и ребёнок съел всё без лишнего сопротивления. Но выбора особого не было, так что, вытащив пакет молока, пачку овсянки и сухофрукты, я занялась священнодействием.

Сварить кашу — это вам не годовое оборотное сальдо подсчитать, не хухры-мухры!

— Сейчас каша, потом поездка с мамой по делам, а потом в парк. Согласна? — я подмигнула задумавшемуся ребёнку и принялась аккуратно помешивать закипающее молоко.

Та сморщила нос и недовольно протянула:

— Не очу-у-у... Улять!

— Сначала каша, потом гулять, — задумчиво перебирая приправы, я пыталась вспомнить, к какому часу мне надо явить в налоговую. Выходило что к одиннадцати, а значит, есть ещё где-то час на сборы и дорогу. Не так уж много, на самом-то деле.

Учитывая, как некоторые любят эти самые «сборы»!

— Ма, кофе!

— Тьфу ты... — ругнулась себе под нос, выплывая из задумчивости и спешно выключая газ. Кофе, поставленный в небольшой турке, счастливо булькая сбежал, затушив конфорку. По воздуху поплыл аромат горелого напитка, а Марья, улучив момент, пока я отвлеклась, запулила в меня остатками каши.

И тут же слиняла, хихикая. Жест рука-лицо у меня получился чисто машинально, добавив пятен на домашнюю футболку и завершив бодрое начало утра не менее бодрым окончанием. Вот только стирки мне для полного счастья и не хватало! Машинка и так пыхтит исключительно из вредности и держится на одном честном слове последнего ремонтника. А деньги на ремонт...

Эт отдельная и очень печальная песня.

— Так, ладно... — глубоко вздохнув, я вытерла руки, убрала турку в раковину, убрала туда же посуду и приготовилась к битве не на жизнь, а на смерть. И понеслась следом за ребёнком. — Ма-а-арья! Пошли собираться!

— Неть!

— Манюня...

— Не поду!

— Манька!

— Не-е-е-е....

Что самое проблематичное для матери-одиночки, коли пора идти на прогулку с дитём? Правильно, собрать ребёнка, собрать себя. При этом надо как-то не довести до инфаркта соседей, кота и не разгромить собственную квартиру окончательно и бесповоротно. На ремонт денег нет и это факт, пусть и прискорбный.

Нет, можно попытаться пойти по пути наименьшего сопротивления, поверить в магию и попытаться превратить медь в золото, к примеру. Или получить наследство, внезапно обзаведясь богатой родственницей за океаном, которую настигнет не мене внезапная и скоропостижная смерть. И это почти так же вероятно, как сверхъестественная способность сдавать отчёт налоговой инспекции с первого единственного раза!

Через полчаса я была вспотевшая, уставшая и раздражённая. Но мои усилия всё-таки не пропали даром и я упаковала любимое чадо в лёгкий летний комбинезон, носочки, сандалики и футболку. Сверху повязала чёрную бандану с весёлыми смайликами, погрозив мелкой кулаком, когда та попыталась её стянуть. Марья насупилась, но кивнула, громко топая в сторону коридора.

Где и уселась на пуфик, болтая ногами в воздухе. Как бы невзначай напоминая, что у родительницы есть минут пять, прежде, чем чадо заскучет окончательно и пойдёт донимать кота повторно. Тот как раз, на свою беду, выполз-таки из ванной комнаты.

— Киса!

— Манюнь, оставь кота в покое! — прыгая на одной ноге, я пыталась одновременно влезть в джинсы и отловить разошедшуюся парочку. Получалось так себе...

Но спустя ещё минут пять я всё-таки сумела натянуть линялые, драные, местами, джинсы, футболку с символикой любимой рок-группы и переплести волосы в очередную косу. И засунув подмышку папку с бумагами, подхватила ребёнка на руки, пнула мешающегося кота и захлопнула ногой дверь, зажав связку с ключами в зубах. Маня снова смеялась, Кошмар верещал за дверью.

А я прыжками, через две ступеньки неслась вниз, со второго этажа, молясь про себя всем богам, что бы они, силы эти Высшие, смилостивились надо мной и не дали попасть в пробку.

Небольшой дэо-матиз, насыщенного апельсинового цвета, приветливо мигнул фарами в ответ на щелчок брелока-сигнализации. Усадив ребёнка в детское кресло на заднем сидении, пристегнула Маню ремнями, чмокнула её в нос и уселась за руль. Папка улеглась на сиденье рядом, и коротко вздохнув, я завела двигатель, плавно выезжая со двора.

— Му-ку! — протянула Марья, болтая ногами.

— Музыку? — выехав на центральную улицу, остановилась на светофоре и повернулась к мелкой. — Какую музыку, Ваше Царское Величество?

— Фиоле-е-е... — запнувшись, малышка вздохнула и отдельно и очень чётко

выговорила. — Фи-о-ле-то-во-чёр-ный! Муку!

— Ну, ваше желание для меня закон, царишна, — тихо фыркнув, нашла нужный трек на флешке и поправила регулятор громкости, когда в салоне раздались первые отзвуки знакомой с детства мелодии.

Кто бы мог подумать, что моя мелочь тоже полюбит группу «Пикник»? Я при ней свои музыкальные вкусы не сильно афишировала, а вот стоило дочери услышать один раз в машине именно эту песню — всё. Только под неё и едем всегда.

— Видно дьявол тебя целовал... — напевая себе под нос, я лавировала в потоке машин, подбираясь к зданию федеральной налоговой службы. — В красный рот, тихо плаваясь от зноя... И лица беспокойный овал...

— Ладил балхатной, тёмной лукою! — громко допела дочь и захлопала в ладоши, радостно улыбаясь во все свои немногочисленные зубы. — Ищё!

— Если можешь — беги, рассекая круги... Только чувствуй себя обречённой! — мелкая в ноты не попадала, но усиленно и старательно подпевала как мне, так и солисту группы. — Стоит солнцу зайти, вот и я... Стану вмиг фиолетово-чёрным!

— Фио-ле-то-во-чёр-ным! — снова очень чётко, по слогам проговорила Марья и счастливо засмеялась.

Таким образом, мы и добрались до центра города, где в большом девятиэтажном здании располагалась пресловутая налоговая служба, решившая во имя Святого Калькулятора провести проверку нашего маленького магазинчика. Именно сюда, к одиннадцати ноль-ноль мне и требовалось прибыть сегодня, с бухгалтерскими документами за последние полгода.

И это вместо того, что бы провести весь день с любимым чадом, используя выдавшийся в кои-то веки выходной на всю катушку. Увы, мечты-мечты, где ваша сладость?

Вздыхнув ещё раз, я выбралась из машины. Потянувшись до хруста в пояснице, взлохматила чёлку, после чего полезла за Манькой. Дитё машину покидать категорично не желало. Она сопротивлялась, цеплялась пальцами за передние сиденья, возмущённо сопела и мотала головой. Только вот не смотря на упрямство, одинаково сильное, что у меня, что у дочери, победил опыт в моём лице.

Не первый же раз её вытаскиваю и вряд ли в последний!

— Не очу, — надувшись как мышь на крупу, буркнула дочь, вцепившись в меня мёртвой хваткой и спрятав нос на плече.

— Я тоже не хочу, — доверительно сообщила мелкой, прижав папку с документами бедром к машине и пытаясь закрыть дверь. Получилось с третьей попытки и то, потому что, плюнув, я сделала это с пинка. Такое ощущение, что у этой вредной божьей коровки в предках каким-то макарон затесались «Жигули».

Пока, блин не долбанёшь — фиг закроется!

— Не падём? — и столько надежды в голосе у Царишны, что даже самое каменное сердце дрогнуло. Только вот моё промолчало, задавленное должностными обязанностями, ответственностью и дикой нелюбовью к штрафам.

Оправданной, кстати. Семейный бюджет у нас не резиновый, а некоторые штатские растут не по дням, а по часам!

— Падём, — решительно кивнула, зашагав в сторону парадного входа. И отчаянно надеясь, что дочь будет вести себя тихо и мирно, а проверяющий не станет заниматься любимым занятием всех моих знакомых: поеданием моего мозга чайной ложечкой.

К моему огорчению, мои надежды не оправдались. Нет, Маня в кои-то веки мирно

сидела за свободным столом и рисовала выданными сердобольными тётями строгих правил фломастерами на ненужных черновиках. Зато мой личный ночной кошмар в лице проверяющего, блондинки сурового нордического нрава, на мою улыбку не повёлся. Хотя до этого сия мегера умильно вздыхала, глядя на невинно хлопающую глазами дочь.

Так что пока ребёнок увлечённо занималась бумагомарательством, гражданка Никонова Анастасия Антоновна сдирала с меня три шкуры, требуя объяснить чуть ли не каждую запятую и не каждый нулик после запятой в каждой отчётной форме. Я бледнела, краснела, тёрла затылок, переносицу и чесала бровь. А ещё упорно пыталась ответить на все, даже самые каверзные вопросы.

Попутно составляя перечень предполагаемых пыток для собственного, так сказать, начальника и думала, куда можно спрятать труп, в случае чего. Кое-кому давно пора повзрослеть и запомнить, наконец, что в бизнесе рано или поздно всё равно приходит время расплаты и отчётов! И этот кое-кто — не я!

Но почему-то именно мне приходится каждый раз давать все необходимые пояснения, на которые у меня скоро уже фантазии будет банально не хватать.

— Ну что ж, — наконец, сдалась эта ведьма, деликатно кашлянув и убрав документы в тонкую папочку с пометкой «ИП». — Здесь вроде бы всё в порядке. Выписки по лицевым счетам?

— Завтра. Увы, банк не собирается делать всё быстрее, чем ему хочется, — чинно сложив руки на коленях, я старательно улыбалась, попутно исподтишка показывая кулак Манюне.

Мелочи надоело рисовать. Бумаги отодвинули, фломастеры попытались распахать по карманам, но увидев мой взгляд, со вздохом вернули обратно. И уселись, скрестив руки на груди и болтая ногами. И всё бы ничего, но это вот шkodное выражение лица...

Точно что-нибудь вычудит. Не сейчас, так позже!

— Хорошо, — Анастасия Антоновна скосила глаза на мою дочь и умильно вздохнула. После чего сурово выдала, как отрезала. — Увидимся через два дня, в это же время. Надеюсь, к этому моменту вы подготовите все оставшиеся документы.

И так на меня посмотрела, что я и не подумала возразить или оспорить хоть что-то. Молча собрала не пригодившиеся бумажки и сбежала, прихватив мелкую, пока мне ещё какие-нибудь отчёты не приложили сдать. Вежливо так предложили, ласково и без какой-либо возможности отказаться!

Нафиг такой график, вот честное пионерское! Пусть во времена моего детства этих самых пионеров уже и не было.

— Ма-а, улять? — выдало моё чудо, стоило нам оказаться на улице. И глазками похлопала, обнимая меня за шею и слюняво целуя в щёку. — Лю тя!

— Маня, а ну-ка что это у тебя? — озадаченно спросила, усадив малышку в кресло и нащупав неучтённые выпуклости на одежде ребёнка.

— Подалок, — нисколько не смутившись, выдала Царевшна, обезоруживающе улыбаясь. Но я на эту улыбку уже полтора года не велась.

— Показывай, — вздохнув, я укоризненно посмотрела на мелкую. Та всё так же широко и невинно улыбаясь, вытащила из широких штанин...

Да нет, не паспорт, как завещал великий Маяковский! Степлер. Большой такой, увесистый, канцелярский степлер. У меня сейчас только один вопрос: когда, как и зачем?

Ладно, вопросы когда и как можно снять сразу, если рассуждать здраво. Манюня у меня

дама обаятельная и привлекательная, о чём прекрасно осведомлена. А так же, Марья знает о том, что не срабатывает её обаяние только на мне и нашем кошке. Так что пользуется исключительно вне дома и тогда, когда я не могу отвесить лёгкий шлепок по чьей-то попе! Но вот зачем ей понадобился степлер, этого мне, увы, понять не дано.

Зато в моей власти отобрать у ребёнка совсем недетскую игрушку.

— Давай сюда свой подарок, — вздохнув, протянула руку, требовательно глядя на дочь.

— Неть.

— Маня...

— Не-а!

— Манюня...

— Не-еть!

— Волкова Марья Андреевна! — угрожающе нависла над ребёнком, уперев руки в бока и явно предоставив всем остальным прохожим прекрасный обзор на собственную пятую точку. — Давай сюда степлер иначе вместо гулять, поедем к зубному врачу!

— А? — дочь от такой постановки вопроса обиделась. Но страх перед стоматологом пересилил желание оставить понравившуюся игрушку при себе. Так что степлер мне отдали да. Бросили, чудом не попав в лицо. А потом опять надулись, показательно шмыгая носом.

И выдав, обиженно и требовательно:

— Улять!

— Гулять, так гулять, — щёлкнув мелочь по носу, я закрыла дверцу и уселась за руль, заводя машину. И только отъехав немного, вспомнила про документы, оставленные на бордюре рядом с машиной. Пришлось возвращаться, а то мало ли что?

Конечно, вряд ли кому-то приглянутся отчёты небольшого магазинчика со странным ассортиментом и не менее странным персоналом, но и рисковать так лишний раз не хочется. Доказывай потом всем и вся, что ты не верблюд!

Следующим пунктом нашего маленького путешествия стал парк. Где Маня облазила все доступные ей аттракционы и даже попыталась проникнуть туда, куда её по возрасту было нельзя. Я прям почти искренне посочувствовала зрителю, на котором это чудо испытало все свои коронные приёмчики. И он бы давно согласился на всё, что угодно, лишь бы эта мелочь наконец перестала крутиться у него под ногами и мешать работы...

Но у мелочи была мама, в моём скромном лице. И пусть мама стояла в сторонке, жевала сахарную вату и усиленно притворялась, что не имеет к этой малявке никакого отношения, мужчина держался. Усиленно держался.

Через пять минут я всё-таки смилостивилась над бедолагой, и забрала обиженного ребёнка. Всего-то и надо было, согласиться на покупку большой порции мороженого, попкорн и немного газировки. Газировку путём шантажа, удалось заменить на яблочный сок. Остальное, увы, Царевшна менять на что-то более полезное отказалась просто категорически.

Зато с гиком и радостным визгом гоняла по дорожке раскормленных, жирных голубей, выискивала что-то под каждой попадавшейся на нашем пути скамейкой, собирала веточки, листочки и цветочки, а так же доводила до нервного тика всех домашних любимцев, встречавшихся на нашем пути.

Нет, Манька к чужим собакам не лезла с наскоку. Но её пристальный взгляд и радостное «Щена!», что у неё означало собака, щенок и всё, что связано с четвероногим другом, внушало трепет и вызывало опасения. Если не у самого животного, то у их хозяев так

точно.

Я на все проделки своей дочери только хихикала, отлавливая её периодически и стараясь контролировать и направлять этот сгусток чистой энергии, поглядывая иногда на наручные часы. Командирские, мужские, суровые и слишком большие для моего тонкого запястья, они оказались единственными, кто вообще смог выжить в нашей квартире. И они же скромно намекали, что пора бы объявиться на рабочем месте...

Пока некоторые штатские не устроили из скромного магазина для любителей рока и музыки очередной салон красоты для гламурных светских львиц. Со всеми вытекающими! А так как моя душа в принципе не переваривает такие вещи как гламур, розовый цвет и королев, которым корона явно жмёт и требует поправить её лопатой...

В общем, лучше не усугублять, да. А это возможно только при моём непосредственном присутствии на работе.

— Ма-а-ань, — окликнула мелкую, заинтересованно изучающуюся скульптуру лягушки-царевны в центре клумбы. — Нам пора!

— На оботу? — нахмурилась дочь, глянув на меня недовольными карими глазами.

— На работу. Дядя Петя без нас заскучал, бесёнок, — хмыкнув, я подошла и подхватила дочь на руки, уверенно зашагав в сторону выхода из парка.

— Мутики? — заинтересованно протянула мелочь, послушно обхватив меня руками за шею.

— Мутики, — хихикнула, вспомнив, как Петька шугался, услышав требовательное «Кучи мутики!», а потом жаловался, что знает наизусть все серии «Сешариков». Это просто Мане ещё не надоел этот шедевр российской анимации. По моим подсчётам ещё неделю ребёнок будет активно страдать по Крошу и компании...

А потом будут «Фиксики». Петя просто ещё не оценил, какие его ждут перспективы, но у него ещё всё впереди! И пусть кажет спасибо что Свинку Пеппу мелкая органически не переваривает.

— Много мутиков? — дочь сосредоточенно хмурилась, приложив палец ко лбу, пока я устраивала её в детском кресле.

— Много, — вздохнула, про себя радуясь тому факту, что когда-то скачала все серии на один из рабочих ноутбуков.

— Ла-ан... — медленно протянула Марья, следя за тем, как я усаживаюсь за руль. И стоило машине тронуться с места, как тут же прозвучало уже привычное. — Муку!

— Да вы деспот, ваше Царское Высочество... — проворчала себе под нос, включая магнитолу и с улыбкой наблюдая за тем, как Маня пытается повторить слова очередной песни группы «Пикник», не попадает, мучается, но упорно делает это снова.

Чудо моё... В перьях!

Как мы доехали до моей работы, это отдельная история. Впрочем, настолько обыденная, что на целый список вопросов мелкой я отвечала на автомате, не задумываясь, ловко лавируя в потоке машин. И только припарковавшись на небольшом пятачке асфальта в тени деревьев на углу дома, где, собственно, и располагался наш магазин, я обратила внимание на окружающую меня действительность.

А посмотреть, стоит признать, было на что!

Наш скромный офис располагался на первом этаже пятиэтажного дома в одном из спальных районов города. И знали о нём, как и о том, что тут можно купить, далеко не все, а некоторые товары и вовсе заказывали через интернет-магазин и аккумуляты в социальных

сетях, пользуясь такой милой услугой, как доставка по почте или же в указанное заказчиком место.

Наверное, именно поэтому вид дорого, сверкающего хромированными деталями мотоцикла, явно стоившего в несколько тысяч раз больше чем мой скромный матиз, припаркованного рядом с магазинчиком, заставил меня насторожиться. Район-то не бедный, но и до элитного не дотягивал даже с натяжкой и наличие такого байка, это, мягко говоря, подозрительно.

Впрочем, мотоцикл это так, цветочки. А вот высокий, худощавый байкер, замерший перед входной дверью, это уже ягодки, да. Мрачное и скептическое выражение лица диво гармонировало с покосившейся вывеской.

Петя на стремянку лезть боялся, а у меня всё руки не доходили вызвать мастеров. И где-то в глубине души я подозревала, что пока сама не залезу, никто и не задумается над этим вопросом. Мне прям иногда дико интересно, кто из нас мужчина?

— Ма-а? — дочь дёрнула меня за прядь волос, выбившуюся из косы и вырывая из задумчивости. — Падём?

— Идём, — хмыкнула, продолжая разглядывать странного визитёра. И поставив Маню на землю, полезла за документами, отвлёкшись ровно на пару минут

Впрочем, этого мелкой пакости хватило, что бы с радостным воплем «Пе-е-ет-я-я!» рвануть в сторону входа, не обращая внимания ни на что вокруг. Я только руками всплеснула, щёлкнув сигнализацией и помчавшись следом за дочерью. Папку сжала в кулак так, что бумаги наверняка изрядно помялись. Но при всём своём желании догнать дочь не могла. А пытаться остановить её криком, было бессмысленно и бесполезно.

Когда ей надо было, дочь страдала избирательной глухотой, двигаясь к цели с настойчивостью и упрямством тарана. По принципу, вижу цель — не вижу препятствий. Ох уж эти детки!

Марья, меж тем уже подбиралась к дверям, в которые наконец-то решился зайти тот самый байкер. По сторонам этот кадр не глядел, лишними гаджетами вроде наушников, на первый взгляд, обвешен не был. И чувствуя, что перехватить реактивный снаряд по имени «Маня» у меня может получиться, только если рядом окажется кто-то вроде Супермена, я крикнула:

— Осторожно! Дверь подержите, пожалуйста!

Вы думаете, меня услышали?! Ага, три раза! Причём все, кто был поблизости, включая саму Манюню, остановившуюся от моего окрика в нескольких сантиметрах от закрывшейся двери! Все, кроме того самого байкера, благополучно скрывшегося внутри магазина.

И нет, я не то, что бы переживала за ребёнка, максимум, что бы та получила — это шишку и внеплановый визит к врачу. Но такое пренебрежение к чужой просьбе изрядно покорибило. По крайней мере желание высказать товарищу байкеру пару ласковых прочно поселилось в голове и отказывать себе в такой малости я не собиралась.

— Ма-а? — тихо спросила дочь, когда я всё-таки добежала до неё и быстро осмотрела на предмет повреждений.

— Фух, Царевшна... Ну и напугала ты меня! Давай ты больше не будешь так делать, ладно? — выдохнув, я чмокнула дочь в лоб и смахнула волосы с лица. — А то мама однажды так испугается, что будут жертвы...

Напряжение схлынуло и я ощутимо расслабилась, переводя дух. С дитём было всё в порядке, это плюс. Желание высказаться никуда не делось, это минус. Но тут уж ничего не

поделаешь. Как говорить, ситуация требует снять стресс самым безопасным для окружающих способом.

Ну не морду же ему идти бить, в самом-то деле? Больно разные весовые категории получаются и всё не в мою пользу.

— Пости... — протянула мелкая, виновато шаркая ножкой и активно строя мне глазки, прекрасно зная, как такое выражение лица действует на окружающих. — Мну не хотел...

— Знаю, солнце, — легонько щёлкнув своё любимое чудо по носу, я покосилась на байкера, так и замершего недалеко от входа и даже не пытавшегося пройти дальше в торговый зал. — Нет, ты, конечно виновата... Я тебе не раз говорила, не надо от меня убегать. Но это не отменяет того, что некоторые Летучие Утки могли бы и повнимательнее к окружающим быть! Манюнь, заходи!

— Моно?

— Нуна, — хмыкнув, я открыла дверь, пропуская ребёнка вперёд, и выдала, намеренно растягивая гласные. — Марья, иди, порадуй дядю Петю своим фирменным приветствием! Пока мама вежливо и очень тактично поинтересуется, чем дядя уши мыл и где свои очки потерять успел!

Дитё со счастливым воплем бросилось вперёд, тут же принявшись донимать моего начальника, а по совместительству партнёра и друга своим требовательным «Кучи мутики». Петя пытался отбиться, откупиться и переключить внимание ребёнка на что-то другое. Но сдавшись только выдохнул жалобно, глядя на меня:

— Варька! Совести у тебя нет!

— Ага, — согласно кивнула, признавая за собой этот грёз. И положила руку на плечо так и не обернувшегося парня, чей мотоцикл навевал странные ассоциации со старым мультфильмом компании «Дисней» и фильмами о супергероях. — Но сейчас речь не про мою отсутствующую совесть...

И развернув потенциального клиента к себе лицом, я с лёгким ехидством поинтересовалась, поглаживая широкое мужское плечо:

— Знаете, господин Чёрный Плащ местного разлива... Я не спорю, что вы мне ничем не обязаны, я даже не настаиваю, что вы как та самая бешеная утка должны грёзить спасением мира, защитой слабых и невинных. Но из элементарной вежливости могли хотя бы оглянуться, услышав чей-то крик. Или гонки на том монстре, по недоразумению названном мотоциклом, напрочь лишили вас слуха? И теперь вы отзываетесь исключительно на условный свист?

От такой постановки вопроса байкер слегка завис, явно не зная, как реагировать. И пока он пытался понять, что ответить на эту почти что вежливую тираду, моя обожаемая доча выдала, ничтожно сомневаясь во весь голос:

— Чёлный Пльщ! Только сфифни он пояфиться!

Повисшую после этого тишину нарушил Петька, нервно икнув и вцепившись в собственную шевелюру:

— Марья!

Ну, волнение Петюни было в чём-то понятным. Для него каждый клиент был на вес золота и не важно, что этот самый клиент может натворить. В конце концов, покупать\ель же всегда прав! И в этом принципе мы с ним сильно расходились, потому как для меня на первом месте дочь, самое дорогое что у меня есть, было и будет.

Так что, игнорируя гневные взгляды начальника, я терпеливо ждала, скрестив руки на

груди и притопывая недовольно ногой, что же мне ответят.

Дождалась. Байкер на мою тираду только фыркнул пренебрежительно и насмешливо заметил, сощутив тёмные глаза:

— По-моему мы не настолько знакомы, что бы обмениваться настолько личными данными, как состояние моего здоровья.

— И слава святым Фиксикам, как по мне, — я тихо хмыкнула, несильно ткнув его кулаком в плечо и обойдя по кругу, шагая в сторону своего закутка по недоразумению носившего громкое название «рабочее место». — Потому что если бы это было так, клянусь один-эс бухгалтерий, я б вам свела... И конечное сальдо за год, и акт сверки заполнила! Всем, что под руку подвернётся и исключительно из любви к ближнему своему! — и, отвлѣкшись на ребёнка, решившего помотать нервы ещё одному горю нашего предприятия со скромным именем Леночка, весело протянула. — Ма-ань, не трогай тётю Лену, заразишься ещё чем-нибудь модным!

— Варька, убери это от меня! — тонкий, визгливый голос ввинтился в мозг и вызвал зубную боль, вместе с острым желанием всё-таки приобрести кляп для некоторых личностей. — Оно портит мне карму!

— Было бы что портить... — философски вздохнула, отлавливая ребёнка и усаживая её на любимое кресло. Пододвинув ноутбук, нашла в пару кликов мультики и всё, со спокойной душой занялась разбором навалившихся за время моего отсутствия бумаг. И как всегда, зачитавшись очередным пѣрлом от поставщиков, по недоразумению названным договором на поставку музыкальных инструментов, выпала из реального мира.

Материнство интересная штука! Я могла следить за мелкой, работать и при этом не замечать, что творится вокруг, совершенно! Именно по этой причине, когда рядом кто-то дёрнул моё кресло на себя, отвозя меня подальше от рабочего стола в сторону торгового зала, я минуты три пялилась на то, как медленно, но верно удаляется от меня компьютер, печально мигая монитором.

А уж когда вместо родной, слегка подвисяющей бухгалтерской программы, на меня уставились всё те же тёмные глаза, с долей насмешливого ехидства, моргнула и протянула нехорошим таким тоном:

— Та-а-ак... Петя, а где это розовое чудо, по недоразумение названное продавцом-консультантом в нашем бедном магазине?

— Варь, вопрос жизни и смерти! — Петя сложил руки в молитвенном жесте, кося взглядом на усмехающегося байкера.

Я тоже туда посмотрела. Ничего фатального не увидела, да и впечатляющего тоже. Посему и осведомилась скептически:

— У неё что, журнал «Гламур» закрыли? Просроченный лак для волос продали? Блистеры резко опустели и плюшевые сердечки закончились? Потому что я других вариантов, с какого лешего она удрала со своего рабочего места в присутствии непосредственного покупателя в неизвестном направлении... Или в известном? Петя, если она опять закрылась в санузле, дабы порыдаться над очередным сломанным ногтем, я ей счёт за холодное водоснабжение в зарплату включу!

— Ну Ва-а-аря... — голос шефа стал уж совсем подхалимским, а на байкера он косил уже с удвоенной силой, да ещё и знаками пытался выразить мне всю значимость этого покупателя для таких скромных нас. — Это особый клиент...

— А у меня налоговая, Петя, — едко добавила, всё-таки поднимаясь с кресла и

направляясь в сторону кассы. — И если я не докажу ей, что мы честные индивидуальные предприниматели, а намерения наши чисты и прозрачны, как слеза девственницы в ночь некромантических ритуалов, пойдём мы с тобой по миру гулять и попрошайничать!

— Варя я тебя люблю! — облегчённо выдал шеф, когда я уселась на высокий стул и в пару щелчков вывела на монитор ноутбука, страницу нашего интернет-магазина.

— И это не взаимно, Петя, не взаимно, — хмыкнув, перекинула косу через плечо и поинтересовалась у терпеливо ожидающего чего-то байкера. — Ну? Что желаете, господин хороший?

Мужчина тихо фыркнул, подойдя к стойке. Он вальяжно оперся на неё, выставив локоть вперёд и, глядя на меня с некой снисходительной ленцой, ответила:

— Подарок. Для девушки друга. Что-нибудь необычное... Хотя я сомневаюсь, что у вас здесь богатый выбор.

— Сир, вы оскорбили меня в лучших чувствах, — в стороне раздался подозрительный звук, и я крикнула, не глядя. — Маня, сиди ровно. Навернётся ноутбук, не будет мультиков!

— Очу пить! — выдало дитё обиженным тоном.

— Петя, принеси ей сок, пожалуйста, — щёлкая по разделам сайта, я выискивала то, что могло подойти под определение необычное, девушка и девушка друга. Пора соответствующие теги вводить...

Как только отловлю нашего штатного программиста, который в очередном творческом запое. Отобрать у него, что ли игровую консоль? Ну так, ради разнообразия? Вдруг у него работоспособность внезапно повысится?

— А что, вы можете мне что-то дельное предложить? — такое ощущение, что то ли байкер не с той ноги встал, то ли просто решил отыгаться на ближнем своём из-за каких-то личных проблем...

Не знаю. Но чем дольше мы общались, тем больше я понимала, что желание треснуть его по голове чем-нибудь тяжёлым вызвано вовсе не моим хреновым характером, отнюдь нет.

— Я могу предложить пройти курсы этикета, но чувствую, не помогут, — вздохнув, я развернула ноутбук, демонстрируя вредному покупателю то, что смогла найти из доступных для заказа товаров. — Поэтому пока что предлагаю посмотреть украшения ручной работы, выполняемые под заказ, индивидуально. Камни можно заменить по желанию заказчика. Цена варьируется в зависимости от материалов. Смотрите, может, что-то да приглянется...

И пока мужчина удивлённо хлопал глазами, глядя на монитор, я подпёрла щёку кулаком, уже куда как внимательнее осматривая сие чудо с ног до головы.

Рост выше среднего. Худошав, хотя... Я прищурилась, оценивая фигуру байкера. Скорее уж жилист и проверять его силу всё-таки не стоит. Лицо приятное, с умильными ямочками на щеках, острым подбородком и носом с горбинкой. Тёмные, почти чёрные глаза, в окружении густых ресниц и довольно мощное, хищное такое обаяние. Будь я помладше, растеклась бы лужицей счастья, наверное.

Но мне не двадцать и даже не двадцать три. И...

А что это у Мани в руках?

— Манюня, чудо моё царское... — откатившись в сторону, я нагнулась, подозрительно глядя на дочь, тащившую куда-то щипцы для волос.

Прибор принадлежал Леночке, этому прелестному созданию вишнёвого цвета и взглядом на жизнь сквозь тёмно-розовые очки. Она была красивой, утончённый,

воспитанной, с отменным чувством стиля и авторитетным мнением в сфере красоты и моды. То, что так окромя Леночки больше никто не думал, саму Леночку не интересовало в принципе. Но речь сейчас не о том...

Речь о том, куда ж моё чадо всё-таки тащит сей предмет борьбы за длинные, прямые волосы, и что она собралась с ним делать.

— Очу игать! — выдала Марья, остановившись посреди зала и прижав к груди добытое сокровище. — В махелкую!

— Маня, иди мультики смотри. Я освобожусь, и будем играть в парикмахерскую, ладно? — дочь насупилась, но послушно вернулась к ноутбуку, а я села прямо, глядя на посмеивающегося байкера. — Выбрали что-то? Или как? И не смейтесь, не смейтесь уважаемый. Вот будут у вас свои дети, посмотрю я, как вы будете угадывать, что они хотят!

— Упаси боже, — хохотнул мужчина и ткнул пальцем в одну из картинок. — Вот это. Очень красиво. Из чего он?

Я наклонилась вперёд, заглядывая в монитор. И удивлённо присвистнула, оценив выбор гостя:

— Дерево жизни? Оберег для защиты дома и семьи? Всё так серьёзно?

— Да, — на мгновение на его лице промелькнуло угрюмое выражение. Острое чувство потери, безнадёжности и горькой печали.

Неужели я вижу тут ту самую, пресловутую безответную любовь? Да ладно?!

— Угу, — снова развернув ноутбук к себе лицом, закопавшись в технические подробности по этой игрушке. — Итак, основа серебро. Проволока тоже из серебра, камни на выбор: агат, аквамарин, авантюрин, лунный камень, кварц, змеевик... В общем, много чего. Кожаный, плетёный шнурок. Мешочек из чёрного бархата. Цена...

Грохот в подсобке вызвал у меня желание приложить руку к лицу в традиционном жесте «рука-лицо».

— Леночка, свет мой потусторонний... Неужто наша птичка решила покинуть жёрдочку и осчастливить скромных нас своими профессиональными навыками? — в зал вплыла невысокая, хрупкая девочка, на десятисантиметровой шпильке, с закрученными вишнёвыми локонами и такой улыбкой, что мужик косяками под ноги падать должны были.

Должны. Но не падали. Только Петя влюблёнными глазами хлопал, да покупатель слегка охреневал от того, как его раздевали взглядом, примериваясь к пухлому кошельку. Уж что-что, а оценить стоимость шмоток Леночка могла даже с завязанными глазами. По запаху, на ощупь и на слух!

— Варечка, спасибо, что подменила, — защебетало это нечто, бедром спихивая меня со стула. — Дальше я сама!

— Ну бог в помощь, — пробормотала я себе под нос, сама точно не зная, кому поддержки желаю. Леночке или байкеру. С одной стороны клиент был так себе, вредности в нём больше, чем в моей дочери, а я здраво оцениваю способности мелкой намотать чужие нервы на кулак.

С другой стороны это ведь Леночка... А Леночка это, я вам скажу, оружие массового психологического поражения! Но теперь это проблемы байкера, а мне куда интереснее добралась доча до моих бумаг или ещё не все счета и акты сверки потеряны для работы?

Маня обнаружилась спящей, под очередной виток неприятностей, которые Крош устроил всем своим друзьям разом. Тихо хмыкнув, я сделала звук потише и устроила ребёнка удобнее, сунув плюшевого зайца под щёку, вместо твёрдого подлокотника. После чего засела

за работу, иногда отвлекаясь на дочь и проверяя, как она. Из зала доносился спокойный, но уже уставший и полный ехидства голос байкера, восторженное щебетание Леночки и тихие, страдальческие вздох Петюни. Но меня больше интересовало, как свести всё так, что бы всё сошлось?

Потому что я третий раз всё пересчитала и вновь получила новую сумму. Нет, я понимаю, что настоящая женщина способна сделать из ничего салат, скандал и шляпку! Но как у меня при этом ещё и деньги, которых уже нет, прирастают? Мистика и поповщина какая-то!

— Тыщ, что-то тут не так... — озадаченно почесала бровь, пытаюсь найти ошибку в расчётах.

И едва не подпрыгнула, когда кто-то наклонился над столом и уверенно указал на пару моих же пометок в бумагах:

— Здесь дважды посчитано. Две строки, одно значение, один пункт.

— Мда, слона-то я и не заметила... — хмыкнула и потёрла переносицу. Что бы спустя пару секунд вздрогнуть и резко обернуться, подозрительно уставившись на подкравшегося со спины надоедливового покупателя. — Кхм, товарищ клиент... А вы, собственно, что тут делаете?

Байкер улыбнулся и доверительно зашептал:

— Ищу единственного здравомыслящего человека в этом дурдоме. Не знаю, где вы отыскивали такого консультанта... Но меня трижды раздели, дважды поженили и один раз уже успели похоронить... Присвоив все мои доходы и зажив весёлой вдовой в своё удовольствие!

— Сочувствую, — неискренне откликнулась, вбивая поправки в программу и радуясь как ребёнок, когда вредная машина всё-таки сосчитала всё так, как мне надо. — Но помочь ничем не могу. Продавец она. Я скромный такой бухгалтер... И даже почти экономист, во!

— Девушка, милая... Ну пожалуйста! — умоляющих ноток в голосе стало больше, а в глазах столько страха и паники, что где-то шевельнулась совесть. Вяло. Очень вяло.

Но всё равно напоминая о себе!

— Молодой человек, а куда вы пропали? — расстроенный голос Леночки был очень громким и потревожил Маньку. Та недовольно заворочалась и не навернулась с кресла только благодаря бдительной мне. — Мы же не оформили зака-а-аз!

— Щас, — вздохнув, я отложила бумаги в сторону и встала, подхватив байкера под локоть и утаскивая за собой. Леночка обиженно дула губки и жаловалась на жизнь уже уставшему от её щебета начальнику, тыча пальцами в сторону привередливого мужчины, променявшего её красоту на мою взъерошенную и недовольную личность.

— Значит так, — вновь заняв стул за стойкой, я принялась за работу. — Основа у нас серебро, это не обсуждается. Камни... Девушка какая?

— В смысле?

— В прямом. Милая и нежная? Агрессивная и мощная? Красивая и холодная? Яркая и обжигающая? Ну? — выуживая описания камней, я одновременно пыталась понять, что надо этому товарищу.

— Хрупкая, — помолчав немного, всё тем же печальным и нежным голосом откликнулся мужчина, взъерошив тёмные волосы на затылке. — Нежная. Ранимая. Мягкая... Но со своим стержнем внутри. И они очень любят друг друга. Сильно. Мощно. Наверное, так и выглядит любовь на всю жизнь...

— О как... — задумавшись, я сразу же откинула несколько вариантов и кивнула, когда

нашла один, самый подходящий. — Адуляр. Лунный камень, если по-простому. Угу... Интересное будет сочетание. Итак, заготовки-то у нас есть, готово будет где-то дня через два... Подходит?

— Да, — облегчённо вздохнув, выдал байкер, расплывшись в счастливой улыбке. Она, правда, померкла спустя пару мгновений. — Только я вряд ли смогу забрать заказ, у меня некоторые проблемы на работе, занят буду.

— Давайте адрес, доставим заказ туда, куда надо, — хмыкнув, я закончила заполнять формуляр и оторвала часть его, которая передавалась клиенту. — С вас...

Названная сумма покупателя на напугала, нисколько. Он расплатился, обогатив нашу контору на энное количество тысяч рублей. А ещё оставил визитку, адрес ночного клуба, самого популярного в городе, куда требовалось доставить заказ и исчез, растворившись в пространстве как тот самый пресловутый Чёрный Плащ. А я...

А я вернулась к работе. Потому что в одном месте у меня всё сошлось. Зато разошлось в другом! Блин, что за жизнь-то такая несправедливая?!

— Ма... Ням!

— Ну Ма-а-аня-я-я... — застонала, поняв, что свободное время закончилось как только родился ребёнок.

И этот ребёнок требовал моего высочайшего внимания немедленно!

Глава 2

— О как, — разглядывая стоянку перед клубом, я задумчиво потёрла нос, крепко прижимая к себе зевающую Маню. Обернувшись, оценив свой притулившийся в стороне матиз, нагло действующий всем на нервы расцветкой бешеный апельсин. И пригорюнилась. — Не, не нашего полёта птицы, ой не нашего... Маня, ты же знаешь, что это не твоё! Не суй в рот, зубки испортишь.

— Ну ма-ам... — суксилось моё чудо, всё-таки отдав чёрный, бархатный мешочек, в котором лежал выполненный заказ. И выдало обиженно. — Вниз!

— Э, нет, Царевшна, это мы уже проходили, — фыркнув, я уверенно зашагала в сторону входа, надеясь, что нужный мне кадр сейчас на работе. — Я тебя знаю, дитё, ты ж рванёшь на поиски жертв своего обаяния... Лови тебя потом!

Охрана на входе на меня в драных джинсах и майке, держащую подмышкой вертевшуюся трёхлетнюю девочку, смотрела как на явление Христа народу. Во всяком случае, бездна удивления в глазах была примерно такая же. А уж когда я сунула им визитку и сообщила, что мне нужен именно этот молодой человек по личному делу так и вовсе, впали в некое подобие ступора.

Я даже подёргала одного из них за ворот пиджака, пытаюсь определить, есть там жизнь или вся кончилась? Потому как судя по моим наблюдениям, даже Леночка не была так безнадежна, как суровый секьюрити на входе в ночной клуб. Которого почему-то переключило именно когда он на мою дочь глянул.

С чего бы только?

Обменявшись недоумёнными взглядами с Марьей, мы дружно вздохнули. Доча ещё и насупилась недовольно, хмуря тонкие брови. И когда она решила открыть рот, дабы выдать очередной пёрл из серии «Ох уж эти детки», молодой человек всё-таки соизволил подать хоть какие-то признаки оживления.

Коротко хохотнув, этот товарищ взял рацию и злорадно проговорил:

— Харлей, Олег, спуститесь в зал. У нас гости, — ему что-то явно ответили и явное нецензурное, но охранник уже отключился, вежливо отступив в сторону и пропуская меня внутрь. — Проходите. Спросите там у кого-нибудь, где Кошей обитает.

— Кошей? — я скептически выгнула бровь, припоминая этого вредного заказчика.

Но секьюрити мой вопрос проигнорировал, вновь занявшись своими непосредственными обязанностями. И у меня в принципе не осталось выбора, как вздохнуть, возвести глаза к потолку и направиться по коридору вперёд. В неизвестность. Тем более, что одна маленькая Царевшна возжелала свободы совести, личности и передвижений...

Говоря проще, Мане надоело сидеть на руках, и она стала активно пытаться выбраться из крепкой родительской хватки. Безуспешно, но старательно, активно елозя и недовольно пыхтя.

— Маня, сиди ровно, — вздохнув, сменила руки, так и не выпустив свою добычу. Заказ пришлось засунуть в задний карман джинсов. Хорошо, что не за ворот майки, а то были и такие случаи в моей практике...

Видели бы вы лицо того клиента, когда я вытащила мешочек из-за пазухи да ещё перед лицом его девушки!

— Ма, вниз! — недовольно пропыхла дочь, не оставляя попыток получить желанную

свободу. — Очу низ!

— Манюнь, мы в незнакомом месте с незнакомыми людьми, — терпеливо пояснила, добравшись до зала и остановившись, переводя дух возле барной стойки. На пристальное и ошарашенное внимание со стороны я успешно не обращала внимания. — За тебя я не переживаю, а вот за нервные клетки окружающих даже очень. Сиди смирно, мелочь!

— Ма....

— Маня.

— Ну ма-а-а...

— Манюнь...

— Мам, очу!

— Марья!

— Простите... — задушенный кашель сбоку больше напоминал попытку заглушить рвущийся наружу смех. Неудачную к слову, но прерванные во время любимого препирательства и попытки переупрямить друг друга, мы с Марьей на нарушителя взглянули одинаково недовольно.

Правда, долго молчать Манюне не давало шило в энном месте и природное детское любопытство. Посему оценив двухметрового гиганта с рыжей шевелюрой и повадками скандинавских викингов, моё чудо выдало умильным и осторожным тоном:

— Ма... Ъжий?

— Рыжий, — вздохнув, согласилась, глядя на удивлённо вытянувшее лицо байкера, несколько смутившегося от пристального внимания трёхлетнего чадушки.

— Онопатый? — с ещё большим сомнением протянула Манюня, обхватив меня руками за шею.

— Конопатый, — подтвердила, даже ни капли не смутившись от укоризненного взгляда этого варвара, явно не знавшего теперь как себя вести и что, собственно говорить.

Нет, что говорить он явно знал. Но чувствует моя печень, такие выражения точно не для нежных детских ушей!

— А опата де? — переварив всю полученную информацию, невинным тоном поинтересовалась малявка, хлопая своими карими глазищами и улыбаясь так, что подоспевшие мужчины сурового вида и не менее сурового содержания только умилялись, глядя на неё.

Это бы обаяние да в мирных целях...

— В багажнике, — хмыкнув, я всё-таки спустила дочь с рук и перекинула косу через плечо, дабы деловито осведомиться у этого самого «ыжего» байкера. — Итак, рыжий, конопатый и с лопатой в багажнике, где я могу найти Романа Костина?

Кажется, я сказала что-то не то. Или же просто байкеры мыслят не так как нормальные люди, но эта толпа сначала замерла, как змея под дудочкой, а потом грохнула. Да так, что кони от завести дохли от одного только эха.

— Я Харлей, — первый в себя пришёл тот самый «ыжий», присев на корточки и протянув руку для пожатия моей Царевшне. Та подозрительно осмотрела чужую лапищу, способную с лёгкостью сгрести её в охапку, но аккуратно пожала пальцы. — А я и не знал, что у Коцея ребёнок есть...

— У кого? — озадаченно мигнула, пытаюсь понять, о ком идёт речь. И краем глаза следя за передвижениями своего ребёнка. Манюня у меня товарищ такой, только отвернись, уже что-то натворит. К тому же, быстро освоившись в новой, незнакомой ей обстановке, Маня

заялась тем, что любила больше всего.

Естественно исследованиями! Тут же столько всего интересного!

— Маня, вот эти штучки совсем не дрючки и не надо на меня так смотреть, домой мы их не потащим, — деловито оповестила дочь, когда та попыталась утащить что-то с подноса, оставленного на столе кем-то из официантов. — И поднос тоже. И стакан. И ту интересную блестящую штучку... Марья, а зачем тебе кактус и где ты его взяла?

— Ма-а-ам!

— Манюня нет, ни один кактус не выживает в нашем доме. Если его не грохнешь ты, его кокнет Кошмар, — я хмыкнула в ответ на расстроенную моську мелкой, припоминая, какая участь постигла все мои попытки обзавестись комнатными растениями. — Спаси любимую маму, не дай ей взять грех на душу и ответственность за смерть несчастного суккулента!

— Ла-адно, — вздохну, ребёнок всё-таки оставил попытку утащить что-нибудь и уселся на стул. Ну, ей помогли на него сесть, и можно было перевести дух. Минут пять у меня есть, пока Маня сидит и дрыгает ногами, разглядывая окружающих её мужчин.

— Слава святому Калькулятору, — вздохнула и вновь посмотрела на рыжего байкера. Тот тихо ржал, утирая слёзы. — Так что там про какого-то Кощея? И что там про ребёнка, ась?

— Ну вы же к Костину Роману, — хмыкнул детина, опираясь на барную стойку. — А у него кликуха такая, подпольная... Кощей. Финансами рулит в нашем царстве.

— Царь Кощей над золотом... Кхм, — заканчивать известную притяжку в нецензурном варианте я всё-таки не стала, покосившись на своё чудо, уже уверенно начинавшего вить верёвки из всех присутствующих. Мужчин становилось чуточку жаль. Совсем чуточку, если уж быть совсем честной. — А с чего в голову взбрела мысль, что сия заноза в моей нервной системе — его дочь?

— Похожа, — уверенно заявил Харлей, ещё и кулаком стукнув по стойке. — Вот прям вылитая!

— Похожа она на меня, — я фыркнула пренебрежительно, дёрнув плечом. — И дочь она исключительно мамина и ничья больше. Ну так что, где это чахлое создание искать, зависшее над очередной бухгалтерской проводкой?

Как ни странно, краткие указания по поиску Романа Костина мне выдали. Когда прекратили ржать по второму кругу, хотя я так и не поняла, что ж такого смешного сказать умудрилась. И даже отрядили сопровождающего, представив его как местного системного администратора. Администратор спал на ходу и шёл явно на автопилоте, вяло кивнув на пожелание рыжего байкера, и медленно поплёлся куда-то вглубь клуба.

Я, вздохнув, только поинтересовалась, прежде, чем поспешить следом за ним:

— За мелкой присмотрите?

— А не боитесь? — сощурился господин Харлей, пытаясь всем своим видом внушить мне страх и трепет. — Вдруг мы её напугаем?

— Если найдёте то, что сможет испугать её царское высочество, непременно сообщите, — важно кивнула, всё-таки побежав в ту сторону, куда скрылся сисадмин. Оставив здорового мужика озадаченно чесать в затылке.

Видимо, с маленькими детьми он дело пока не имел. И даже не представлял, пока, в какую сомнительную авантюру успел ввязаться, согласившись присмотреть за мелкой. Ну, у него всё впереди, да...

И нет, оставлять ребёнка с незнакомыми мужчинами я не боялась. Хотя бы потому, что дел у меня минут на пять, а за это время вряд ли случится что-то фатальное. К тому же, огромный рыжий байкер странным образом не пугал ни меня, ни мелкую. Единственное, что могло произойти, так это попытка группы мужчин накормить очаровательное и очаровывающее чадо чем-нибудь сладким. А Маня, эта добрая и обожающая всякие вкусняшки душа, точно отказываться не будет, но изгваздается по самые уши.

Впрочем, тут я тихо фыркнула, спеша следом за выделенным мне провожатым, мыть это чудо будет тот, кто её угощал.

Догнать разошедшегося системного администратора особого труда не составило. И вскоре я пристроилась за ним, с любопытством оглядываясь по сторонам и засунув руки в карманы джинсов.

Вокруг царила суета суёт. Сновали туда-сюда официанты, байкеры и просто скромные охранники, поминая недобрым словом собственное начальство. Дизайн клуба, кстати, мне понравился. Правда, к чему тут сказка про Снежную Королеву я так и не поняла, да и не вникала особо, стараясь не отставать, отчаянно надеясь не потеряться в хитросплетениях этого заведения и размышляя над тем, чем платить в этом месяце за квартплату. Денег, как всегда, отчаянно не хватало.

Задумавшись, я не заметила, как сисадмин остановился и благополучно впечаталась лицом в широкую, чуть сутулую спину. Потёрла пострадавший нос и выглянула из-за чужого плеча, пытаясь понять, куда ж меня привёл этот Сусанин доморощенный.

Оказалось, мы стоим около приоткрытой двери в чей-то кабинет. Откуда доносились вдохновенные проклятия, адресованные коллегам, проверяющим и всем, кто вздумает сейчас сунуться к обитателю этой комнаты. Я даже на пару минут заслушалась, запоминая особо красочные обороты и сочные эпитеты. Меня, конечно, налоговая с миром отпустила...

Но обещала вернуться!

— Здесь этот Скрудж МакДак обитает... — сисадмин сцедил зевок в кулак и взлохматил волосы на затылке. — Не в духе. Так что, заранее соболезнаю. И это... Кричи, в случае чего. Авось спасёт кто-нибудь!

— Меня или его? — машинально осведомилась, прислушиваясь к очередному пожеланию всего наилучшего в адрес поставщиков.

Байкер только фыркнул, потопавав куда-то дальше. А я задумчиво почесала нос, стоя в коридоре, перед приоткрытой дверью и решая для себя прямо-таки вопрос в духе героев Шекспира. Правда, там Гамлет мучился от того, быть ему или не быть, а я вот стою и размышляю, стоит ли прерывать такой вдохновенный монолог или нет.

Но всё-таки, хмыкнув и потряхнув головой, коротко постучала, решив проявить хоть каплю вежливости и уважения к несчастному Роману. Однако, если я рассчитывала на ответную любезность, то здорово просчиталась...

— Млять, кому там надо маршрут пешего эротического тура проложить? Какого ху... дожественного промысла вам от меня надо-то?! Сказал же, не трогать, пока все документы не подготовлю!

Я на это только тихо засмеялась, заглядывая в кабинет и иронично заметила, мельком глянув на творившийся внутри феерический бардак:

— Я, конечно, дико извиняюсь... Но помнится мне, это вам от меня что-то надо было, господин клиент!

— Твою ж мать! — тихо выругался Кощей, осознавая масштабы грядущих неприятностей. Все свободные поверхности в кабинете занимали бумаги. И байкер всерьёз подозревал, что по окончании этой грёбанной проверки бумаги начнут являться ему не только наяву, но и во сне.

Кошмарном. Где будет много крови и всяких неаппетитных подробностей, вроде проводок, договоров, актов выполненных работ и всего того, что так срочно понадобилось налоговой.

Потерев переносицу, мужчина глубоко вздохнул и постарался успокоиться. Вышло так себе. Сказывался тотальный недосып, счастливые лица окружающих и работа. Много работы. Слишком много работы...

Да египетский гамадрил, она закончится когда-нибудь или нет?!

К несчастью для финансиста, работа заканчиваться не желала. И каким-то странным и мистическим образом только увеличивалась в геометрической прогрессии с каждым днём. Так что утонув во всех этих чёртовых бумажках, Ромыч напрочь позабыл и про заказ, и про подарок и про то, что вредная девица обещала доставить его лично через два дня. Поэтому на вежливый и даже кроткий стук в дверь, он отреагировал бурно и исключительно нецензурно.

И искренне удивился, когда вместо того что бы послать его в ответ, знакомый женский голос насмешливо заметил:

— Я, конечно, дико извиняюсь... Но помнится мне, это вам от меня что-то надо было, господин клиент!

Оторвав голову от кипы разбросанных бумаг, Кощей с трудом, но всё же сфокусировал взгляд на незваном госте. Точнее гостье. Стройной, среднего роста, в линялых драных джинсах и светлой майке. Коса тёмно-русых волос переброшена через плечо, на запястье болтаются кошмарные мужские часы.

Ромыч поднял взгляд выше, отметив неплохую фигуру и ямочку на подбородке. И даже оценил вполне себе симпатичную внешность. Правда, изрядно подпорченную тёмными кругами под глазами и сощуренным недовольным взглядом серых глаз.

— Пора брать деньги за просмотр, — девица хмыкнула, вытаскивая из заднего кармана джинсов небольшой мешочек из бархата чёрного цвета.

— Было бы на что смотреть, — ляпнул Ромыч, вновь потирая переносицу и с отвращением глядя на стопки бумаг.

Те от его пламенного взгляда исчезать не собирались, совершенно. Ещё и покачнулись так ехидно, напоминая о том, как пару минут назад несколько таких стопок благополучно рухнули вниз, разлетевшись по всему кабинету. Кажется, Жека тогда пару новых оборотов узнал, заглянув на шум и прочувствованные ругательства.

— До вас, мил человек, никто не жаловался, — притворно вздохнув, Варвара (он таки вспомнил, как её звали), подошла к столу и положила поверх очередного отчёта этот самый мешочек.

И, наклонившись вперёд, опираясь ладонями на край стола, она пристально разглядывала его в упор, прежде, чем разочарованно протянуть:

— Впрочем, я ошиблась... Это мне доплачивать надо, что б не пугалась таких страшных

рож. А вы, товарищ Кощей, когда спать в последний раз изволили? И больше чем три часа в сутки?

— Вот кто бы говорил-то...

— Да я и не отрицаю, что упыри и вурдалаки это моя близкая родня, — хохотнув, Варвара постучала указательным пальцем по мешочку. — Здесь кулон и плетёнка. К ним прилагается краткое описание самого талисмана и свойства камня. Дарить лучше в запечатанном виде, ни один камень не любит ходить по рукам. Тем более в таких талисманах и оберегах. И да...

Тут девица зачем-то нагнулась ещё ниже, заглядывая в монитор компьютера и ткнула заляпанном в чернилах пальцем, с коротко обрезанным ногтем, в одну из строчек таблицы:

— У вас, мил человек, две проводки в подвешенном состоянии и три акта сверки не сошлись. Отсюда вся таблица поехала, и конечные цифры так скачут. Не пробовал сначала одно считать, а потом уже вместе сводить?

В первые несколько минут Кощей подвис от того, что его чуть ли не носом ткнули в весьма привлекательные формы, обтянутые светлой майкой. И пусть хозяйка этих самых форм явно не задумывалась о том, как всё выглядит со стороны, сам рокер внезапное зрелище всё-таки оценил.

А вот прозвучавшее замечание по поводу своей работы не очень. О чём и сообщил раздражённо, постучав кончиком карандаша по столу:

— Я как-нибудь, без бухгалтеров почти экономистов разберусь. В отличие от некоторых, у меня с образованием и квалификацией получше будет.

— Зато с мозгами и чувством благодарности напряжёнка, да, — едва заметно поморщившись, Варя выпрямилась и развела руками. — Ну раз мои скромные умственные потуги не оценили, пойду спасать вашу банду от одного наглого и обаятельного террориста. Позвольте откланяться, Царь Кощей и пожелать вам приятно захачнуть над своим золотом!

И послав ему на прощание воздушный поцелуй, девушка вышла из кабинета, всё же не удержавшись и крепко саданув дверью. Да так, что лежащие на краю стола бумаги веером разлетелись по комнате. В третий раз за всё утро!

— Да млять... — закрыв лицо ладонями, Ромыч потёр глаза и с неохотой глянул на противную таблицу, никак не желавшую принимать нужный ему вид. И разглядев те самые строчки, в которые ему так любезно ткнули пальцем, разразился очередной матерной тирадой. Потому как ошибки имели место быть. И означали они только одно...

Снова. Всё. Пересчитывать.

Твою ж мать, где он так нагрешить-то успел?!

* * *

— А ещё говорят, бабы дуры, — задумчиво почесала бровь, шагая обратно в зал и старательно давя в себе порыв вернуться и таки треснуть этого кадра по голове.

Нет, я не злая и даже не злопамятная. Но уж больно напрашивался товарищ, просто умолял о том, чтобы мозги ему вправили подручными средствами. Хорошо ещё самоконтроль у меня был тренирован сначала Маней, а потом ещё и Петькой, так что тяжело вздохнув я только головой покачала, уже куда увереннее плутая по местным лабиринтам.

В зал я вернулась быстрее, чем добиралась до кабинета пресловутого финансиста. И как

раз вовремя, что бы заметить, как моё трёхлетнее чадо с упоением уплетает большой шоколадный десерт. Из чистого шоколада. Измазавшись как чёрт, невинно хлопая глазами и пытаясь притырить ещё один десерт, пока никто не видит.

Впрочем, судя по тому, как суровые байкеры млели от одного вида этого чуда, чувствую я, они бы не заметили, даже если она у них байк из-под носа! Ох, Маня...

— Нет, это конечно, замечательно, что вы ребёнка из виду не потеряли и даже накормить решили... Но скажите на милость, господа байкеры, а кто отмывать эту красоту будет, а?

То ли тон у меня был такой вкрадчивый, то ли мужики просто расслабились и за окружающей обстановкой не следили... Понятия не имею. Но подпрыгнули дружно, да так, что впору в олимпийскую сборную по синхронным прыжкам ввысь записываться!

Если такая, конечно же, существует.

— Ма! — радостно выдало моё чудо, сползая со стула и растопырив пальцы семеня в мою сторону. — Я скучал!

— Я тоже, — честно призналась, отлавливая мелкую за запястья и не давая ей обляпать мои джинсы, испортив их окончательно и бесповоротно. Практика показывала, что все следы, оставленные любвеобильным дитём, отказывались отстириваться напрочь.

— На учки? — и умильная улыбка во все имеющиеся зубы, оставляющая милые ямочки на измазанных шоколадом щеках. Так густо измазанных, что я принялась вспоминать, есть у меня дома супрастин или нет.

Правда, так и не смогла вспомнить, решив заехать в ближайшую по пути на работу аптеку. На всякий, так сказать, случай!

— Сначала умываться, потом на ручки, — смерив недовольным взглядом смутившихся байкеров, я полюбопытствовала. — Итак, вопрос дня сегодня звучит так. Кому ж пришла в голову такая удачная мысль сунуть ребёнку огромный шоколадный десерт? Нет, я, собственно, не против... Я даже ценю такой щедрый жест, хотя о нём никого и не просили. Но вопрос на присыпку, как любит утверждать моя незабвенная бабуля... Ни у кого мысль фруктов сунуть в голову не пришла, нет? Или хотя бы порцию уменьшить?

— Ну... Мы просто хотели её угостить, — кашлянув, с улыбкой протянул высокий зеленоглазый брюнет. И склонил голову набок. — А что такого?

— Да ничего, — я насмешливо фыркнула, ловко уворачиваясь от упрямых попыток Манюни использовать мою одежду вместо полотенца. — Кто её отмывать-то теперь будет? И что, никому в голову не пришла мысль, что много сладкого вредно и у кого-то явно в попе слипнется?

— Неть, — замотала головой Марнья. — Не сипнется!

— Ещё как слипнется, — увернувшись в очередной раз от грязных пальчиков, я глянула на довольно лыбившегося викинга с шикарным прозвищем Харлей я пакостно сощурилась и аккуратно подняла дочь на руки...

Что бы торжественно вручить ничуть не сопротивляющегося ребёнка этому самому Ъжему байкеру, с вытянувшимся от удивления лицом. При этом гордо и назидательно провозгласив, подняв указательный палец вверх:

— Как говорила одна моя знакомая, мать троих детей с пофигистичным выражением на лице... Кто девушку кормит, тот её и умывает! Тяжкие грехи требуют искупления... Жестокого и беспощадного. Да, Манюнь?

— Да! — радостно выдала дочь, ухватив байкера шоколадными пальцами за нос и

усиленно вытирая вторую руку о его же светлую рубашку и шевелюру. И повторила на все лады. — Да-да-да!

— А ху... — рыжий великан скосил глаза на невинно хлопающую глазами девочку, проглотил готовое сорваться ругательство и гораздо тише спросил. — А чё я-то?!

— Манюня, — невозмутимо позвала я дочь, скрестив руки на груди, стараясь не засмеяться. — Он рыжий?

— Ыжий! — подтвердила дочь, всё так же невинно улыбаясь.

— Конопатый? — байкеры начали подхихикивать, пытаясь замаскировать смешки кашлем.

— Онопатый! — согласилась Маня, вновь вытирая тайком руки о футболку мужчины.

— С лопатой в багажники?

— Дя!

— Ещё вопросы есть? — я вопросительно вскинула бровь и, не дождавшись возмущений, развела руками. — Вопросов больше нет. Вперёд, на баррикады! И побыстрее, Ыжий байкер, у нас по плану парк, работа и Леночка... Так что, вперёд и с песней!

— Вот и делай после этого добро женщинам, — ехидно протянул кто-то из байкеров, явно пытаясь пробудить если не мою совесть, то хотя бы покрывшееся плесенью чувство сострадания к ближнему своему.

Бессмысленное дело, на мой скромный взгляд. Я не спорю, что ребёнок мой и ответственность моя, но и элементарную логику с благоразумностью никто ж не отменял! Тем более, просили-то присмотреть, а не закармливать сладостями. Хорошо ещё, что Манька у меня не аллергик, хотя антигистамин всё равно надо будет дать.

На всякий пожарный случай, так сказать!

— Ну, вообще-то не зря существует истина о том, куда ж дорога благими намерениями вымощена, — скептически хмыкнув, я проследила за тем, как байкер скрылся с мелкой на руках в ближайшем санузле, по всей видимости. — Да и потом, я просила присмотреть, а не ухаживать и уж точно не кормить. Так что, инициатива как всегда полюбила инициатора во всех своих проявлениях... — тут закадычная парочка явилась после процедуры умывания и я обречённо застонала, закрыв глаза рукой. — Осспади, товарищ байкер! Я её просила умыть, а не искупать с ног до головы! Ну ё-маё... Мань, ну ладно он! Он Ыжий, его уже ничем не исправишь! А ты-то как могла?!

— Ма, учки! — весело засмеялась дочь, тряхнув головой и окатив меня брызгами с мокрых волос. И с радостью переключалась от мокрого насквозь байкера, с потёками шоколада на одежде, ко мне. — Улять!

— Гулять, гулять, чудо ты моё... — чмокнув ребёнка в щёку, я тихо фыркнула, глядя на мокрого мужчину и его хихикающих товарищей, на которых тот огрызался беззлобно и скорее по привычке.

Точнее огрызался он тихим шёпотом, старательно пытаясь не материться и явно испытывая нехватку слов и красочных, смачных эпитетов. И при этом кося на меня виноватым взглядом. Я даже удивилась, не имея ни малейшего представления, что мешает ему рывкнуть на разошедшуюся банду. А потом до меня дошло...

И хохотнув, я крепче перехватила Маню и поспешила откланяться:

— Приятно было познакомиться, но мы спешим. Нас ждут зрители аттракционов, домашние питомцы на прогулке и неизученные цветочные клумбы. Надеюсь, мы больше не встретимся, господа байкеры!

На этой ноте я из клуба вышла быстрым, уверенным шагом, направляясь в сторону своего «бешеного апельсина», вытаскивая ключи из кармана. И тихо радуясь тому факту, что с этими безумными людьми я, скорее всего, больше никогда не увижусь.

Слава святому Калькулятору и вечно висящей один эс!

Остаток дня прошёл в привычном темпе вальса, как любит выражаться мой отец. Сначала парк, где Маня только чудом не навернулась фонтан, и звали это чудо «мама», успевшая вовремя перехватить целеустремлённое чадо. Затем была работа, где Леночка пыталась вить верёвки из Пети, Маня сноровисто таскала её причиндалы для поддержания красоты и ухоженности, а я пыталась сделать всё и даже чуточку больше. И только в восемь вечера, когда я закрыла магазин, удерживая засыпающую на моём плече дочь одной рукой, а второй пытаюсь попасть ключом в замок и не уронить пакеты с заготовками, я поняла, как же я на самом-то деле устала.

Но вспомнив о том, что меня ждёт впереди, оставалось только вздыхать, опуская ролл-ставни. Покой нам только снится! А заказы, они ж сами себя не сделают и с мастерами сами не свяжутся...

Интересно, чисто теоретически, я смогу хоть когда-нибудь выспаться?

— Ма, ням! — тихо, но требовательно заявили мне на ушко. И я чётко осознала, что выспаться я смогу, конечно же...

Но явно не в этой жизни!

Как гласит народная еврейская мудрость, с кем ты поведёшься, так тому товарищу и надо. Всю истинность этих слов Кощей оценил на себя. Когда подпрыгнул от громового вопля «Рота подъём!» прямо над ухом в исполнении Шута. С кресла он не грохнулся только чудом. Но на заместителя начальника службы безопасности глянул таким ласковым взглядом, что тот предпочёл слинять из кабинета финансиста до того, как он поднимется. А то мало ли что!

— Гадёньш, — прошипел Ромыч себе под нос, всё-таки выпрямившись, и поморщился, разминая изрядно затёкшую шею. — Убить его что ли? И сказать, что так оно и было? Пал смертью храбрых на работе, сам лично видел! Интересно, Эльза будет моим адвокатом в случае чего или лучше Лектора попросить...

— Слышь, властелин нулей и калькуляторов... — в дверях вновь появилась голова Лёшки, с волосами стоящими дыбом и пакостной улыбкой во все тридцать два зуба. — Ты ещё жив или как? Судя по зверскому выражению лица жив. Печальненько. Давай, собирай мозги в кучу и подгребай на бар, там шеф изволит гневаться и жаждет лицезреть твою худющую рожу.

— И на кой хер?

— А я знаю? — искренне, ну почти, удивился Шут. — Наверное, жаждет узнать подробности того, каким макаром ты обзавёлся небранной дочерью года так три назад...

— Чё?! — Кощей, успевший привстать из-за стола, благополучно грохнулся обратно в кресло, свалив лежащую на краю стопку бумаг на пол. Проследил за её полётом и охрипшим голосом переспросил. — Какая к чёрту дочь?!

— Очаровательное чадушко трёх лет от роду, темноволосое, темноглазое и такое обаятельное, что Кавай-сан по сравнению с ней отблеск закатного солнца на клинке самурая, — высокопарно протянул этот паяц и гоготнул, явно что-то вспомнив. — Мама у неё, кстати, тож ничего!

— Шут... — медленно проговорил Кощей, понимая, что ни хрена он не понимает. Честное слово, в документации за два года разобраться проще, чем сообразить, о чём вообще тут идёт речь.

— Аюшки?

— Иди к чёрту, — от всей души, искреннее пожелал финансист, уткнувшись лбом в ещё одну стопку бумаг. Голова болела, тело болело, душа требовала что-нибудь сломать.

Или кого-нибудь. А впереди ещё дня три круглосуточной каторги, по недоразумению названной работой. Охренеть, мля. Нет, где ж он так нагрешить успел, никто не подскажет, нет?

— Не, к шефу без тебя не рискну шагать, — задумавшись на пару минут, с самой серьёзной миной на какую только был способен, выдал Шут. — Тем более, мне велено разузнать из первых уст все грязные подробности твоей семейной жизни, так что... Колись, Кощей, когда успел жениться, да без нас?

— Да вашу ж мать... — простонал Роман, не глядя, наугад, бросив в сторону источника беспрестанной болтовни попавший под руку степлер. Промазал, судя по ехидному смешку, но глаза открывать не спешил. Только буркнул. — Уматывай, лампочка Ильича. Твой жизнерадостный свет портит мою карму. И передай Харлею, что если я не объявлюсь через

пять минут, значит, меня заела совесть, задушила жаба, а внутренний хомяк скончался от приступа внезапной сердобольности. Всё, кыш птица!

Как ни странно, Шут в кои-то веки сделал то, что ему сказали. В смысле, скрылся с глаз, оставив бедного финансиста страдать на тему тех самых финансов, что так судорожно поют романсы. Однако, если Кощей надеялся урвать ещё немного времени для сна, то стоило бы хотя бы закрыть кабинет.

Потому как на место заместителя начальника службы безопасности явился его, заместителя в смысле, непосредственный шеф. Всей своей двухметровой, радостной и неприлично счастливой фигурой. Настолько счастливой, что у Ромыча аж глаз задёргался при виде широкой улыбки главного сплетника клуба.

А уж когда тот бесцеремонно скинул бумаги с кресла для посетителей и с удобством устроился в нём, закинув ногу на ногу, в душе появилось совершенно детское желание сползти вниз под стол и притворится, что его здесь нет. Глупо, конечно...

Но вдруг прокатит?

— Не-а, — помотал головой Олег, сощурившись и глядя на внутренние метания друга.

— Что «не-а»? — с тяжким вздохом, потеряв переносицу, поинтересовался Кощей.

— Не прокатит, — доверительно поделился своими выводами Верещагин, взглядом указав на стол. После чего полюбопытствовал невинным тоном. — Как самочувствие?

— Не спрашивай, — отмахнувшись, Ромыч нашарил кружку с остатками кофе и залпом допил холодную, горькую на вкус жидкость. Скривился так, как будто лимон съел и вздохнул. — Чего тебе-то от меня надо?

— Ну-у-у... — тут начальник службы безопасности попытался состроить суровое выражение лица и бодро отчеканить. — Наш рыжий и могучий руководитель велел отобрать калькулятор и вытащить тебя на свет божий под его светлые очи. Шута ж ты послал.

— Я и тебя пошлю, — ласково оповестил друга байкер, отчаянно зевая и ероша волосы на затылке. Мимоходом Кощей задумался о том, что один он всю эту кипу за оставшиеся три дня, два из которых выходные, не обработает. Даже если сутками напролёт тут торчать будет, отказываясь от еды, воды, сна и прочих прелестей жизни.

Отсюда вывод: нужна помощь. Вот только кого подрядить на такое неблагодарное дело, как разбор, сортировка, анализ и все остальные так недооценённые миром бухгалтерские и финансовые премудрости?

— А я как бумеранг, всегда возвращаюсь, — заржал Олег, ни капли не обидевшись на исключительно чёрный юмор казначея.

— Мне искренне жалко Эльзу, — вздохнув, Ромыч тряхнул головой. — И как она тебя только терпит-то?!

— Но-но, святое не трож, — поднял руки вверх Верещагин, тем не менее, нисколько не обидевшись на подколку. — И потом, моя-то меня хоть терпит, а твоя-то почему от тебя слиняла, да ещё и с дочерью?

Минут пять Кощей просто и незатейливо разглядывал сидящего напротив него парня. А когда понял, что тот не шутит, опёрся локтем на стол, подпёр щёку кулаком и задушевно так поинтересовался:

— Олежек, друг ты мой сердешный... Вы какое дикое пойло вчера принять на душу успели, пока я тут с бумагами возился, что вам коллективно такое примерещилось? И какого хрена лысого врачей не вызвали, раз вас всё ещё не отпустило-то?!

— Да ладно, а вчера к тебе что, не бывшая девушка приходила? — заинтересованно

выгнул бровь Верещагин, от нетерпения получить новую информацию аж подавшийся вперёд.

— Вчера?

Память на сотрудничество шла неохотно. Но напрягшись, Роман сумел таки вспомнить, кого вчера заносило отнюдь не попутным ветром в его родные пенаты. Выходило, что всех, кого только могло занести. Включая ершистую и язвительную девушку, привёзшую ему подарок для Ришика. Как её там звали-то? Валя? Галя?

А, Варя!

Покопавшись в воспоминаниях, Кощей смог вспомнить и то, что разговор у них вышел короткий и не самый-то приятный. И то, что у девушки, кажется, была дочка трёх лет. Ну теперь хоть ясно, откуда ноги растут у этих слухов! Видимо, Варвара в клуб приехала вместе с ребёнком, а так как искала она именно его...

Прям до чёртиков интересно, это ж какими путями ходила логика у всей банды разом, что бы принять эту малышку за его ребёнка-то?! Или всё было по принципу, что вижу, то и пою? В смысле, раз его ищут, значит, имеют к нему самое непосредственное отношение, так что ли?

Во логика! Вот можно бы логичнее, но по ходу просто некуда!

— Я с ней познакомился несколько дней назад, когда подарок Ришику искал. А вчера просто привезла мой заказ, — усмехнувшись в ответ на изрядно огорчённое выражение лица начальника службы безопасности, Кощей довольно протянул. — Так что зря напрягаете фантазию, Верещагин. Ой, зря... А может, в тебе просто отцовские чувства разыгрались, нет? Так за этим не ко мне, а к Эльзе надо.

— Тогда Харлею к Неаполь, Михе к Арине и так далее и тому подобное, ага, — не обидевшись совершенно, засмеялся Олег, качая головой. А потом добавил, с затаённой грустью и мечтательной улыбкой. — А девочка классная. Милое, прелестное и жутко вредное создание, да. И активное. Прикинь, она кактус свистнуть где-то умудрилась, мы даже не поняли где! И домой чуть его не утащила!

— Отобрали? — сцедив очередной зевок, Кощей вновь задумался о том, как быть с этими завалами и кого можно по-быстрому подрядить на такое неблагодарное дело, как долгая и нудная работа.

Кандидатов не было. Желающих, тем более. И как быть? Ну не случайного же человека на улице отлавливать! Хотя...

Внезапная мысль, пришедшая в его тёмную от недосыпа голову, на первый взгляд казалась бредовой. На второй не менее бредовой, но уже дающей возможность увидеть свет среди всего этого бумажного хаоса. А на третий попахивала откровенной авантюрой, однако каким-то шестым чувством Костин прекрасно осознавал, что иного выбора нет. И хотя он сам лично не далее как вчера не очень лестно отозвался об умственных способностях потенциальной помощницы...

Ну, извиниться никогда не поздно, так ведь?

— И тут мама её и заявляет, вручив измазанное в шоколаде чадо Харлею, мол кто кормил, тот и моет. А на вопрос, с какого хера он, отвечает, что раз рыжий и с лопатой в багажнике, то ему крайним и быть, — Олег заржал самым натуральным образом, явно с удовольствием вспоминая как всё это было.

Хотя, что именно было, Ромыч так и не понял, благополучно прослушав половину истории. А переспрашивать не стал, занятый мыслями о том, работает этот магазин сегодня

или нет. И если нет, то где тогда искать этого энергичного и острого на язык бухгалтера почти экономиста?

— Алё, Кощей, ты, где витаешь? — перед носом щёлкнули чужие пальцы и Рома с трудом, но всё же сфокусировал взгляд на своём собеседнике.

— Там, где нет вас, бумаг и налоговой, — язвительно откликнулся Кощей, соскребая себя с кресла и потягиваясь так, что в позвоночнике что-то хрустнуло.

— И как оно? — искренне заинтересовался Олег, поднимаясь следом. Попутно случайно столкнувшись со стола ещё одну стопку бумаги.

— Мля, Олег, ты как слон в посудной лавке! Вали отсюда, терминатор, пока окончательно мне всё не развалил! Тут, между прочим, всё лежало в определённом порядке! — вытолкав хихикающего товарища за дверь, Кощей захлопнул оную и прислонился лбом к прохладной поверхности.

И приложился пару раз от безысходности, всё ещё не уверенный, что пришедшая в голову идея, потом боком ему не вылезет. Но выбора особого не было. Фирму не нанять, ему ж не аудиторская проверка нужна, а помощь в разборе документов. Частников искать долго и проблематично, и уж точно не стоит этого делать накануне выходных! Так что...

— Ну, Варвара, надеюсь, вы не настолько злопамятны, как некоторые знакомые мне личности, — пробормотал Роман себе под нос, хватая шлем и куртку и выходя из кабинета.

Телефон переключался в карман куртки, ключи он нервно вертел в пальцах. И очень, просто зверски надеялся, что нужный ему магазин сегодня работает, а не закрылся внезапно на переучёт. А нужный ему симпатичный, в общем-то, бухгалтер будет снисходительным и милостивым к несчастному финансисту.

В последнее верилось, почему-то, с трудом.

* * *

Пристально изучая глубокую царапину и небольшой ожог на ладони, я только вздыхала тяжело, исподлобья поглядывая то на притихшего ребёнка, то на осколки кружки на полу. Маня сидела на диване, притиснув несчастного Кошмара к себе так, что и без того круглые глаза кота и вовсе стали по пять рублей каждый. Ребёнок виновато сопела и шмыгала носом периодически, кот жалобно, натужно мявкал на одной ноте, а я...

Я сидела, смотрела на всё это безобразие и отрешённо думала о том, что либо в моей квартире Ось Травматизма пролегает, либо это мне за что-то карма мстит. Впрочем, был и третий вариант, но вспоминать о нём не хотелось, абсолютно. Так что будем считать, что всё дело в чёртовом невезении...

Прямо мистика и поповщина, какая-то, вот!

— Маня, выше нос, — тряхнув головой, я весело фыркнула и легонько щёлкнула поникшего ребёнка по тому самому носу.

— Кужка абилась... — вздохнул ребёнок, продолжая душить кота в ласковых и нежных объятиях. Этот наглый комок шерсти решил притвориться мёртвым, дабы обрести свободу и теперь усиленно закатывал глаза. — И маме боно...

Тут Царевна моя совсем пригорюнилась, вновь начав шмыгать носом и смотреть на меня виноватым взглядом, с наворачивающимися на глаза слезами.

— На счастье, царевишна. Посуда на счастье бьётся, — улыбнувшись. Я потрепала

малышку по волосам истала собирать осколки, заметив. — А мне уже не больно, прошло почти. Сейчас помажу мазью, и всё будет хорошо!

— Плавда? — громко шмыгнув носом, подозрительно переспросила Манюня.

— Правда-правда, — ещё и покивала головой, для пущей убедительности, вытаскивая из-под дивана последний осколок.

Радовало, что керамическое изделие вёдерного объёма расколосось на большие, крупные куски. Печалило, что один из таких вот кусков полоснул по ладони, попутно вдарив по свежей ране кипятком. Видимо, придётся связываться с кем-нибудь из свободных мастеров, заказы-то выполнять всё равно надо!

Сложив осколки несчастной посуды на журнальный столик, я коснулась губами лба расстроенной малышки, чувствуя как та на пару минут прижалась ко мне. А потом выдала, требовательно глянув на меня совсем не расстроенным взглядом:

— Мутики!

— Договорились, ваша царская светлость...

Включив заметно повеселевшей Маньке очередную серию «Смешариков», я оставила дочь наслаждаться просмотром. А сама направилась в ванную, обрабатывать боевые ранения. Самым противным было то, что ровно за день до этого, делая тот талисман для чёртового байкера, я ещё умудрилась и проволокой порезаться. Так что ладонь, на самом-то деле, представляла собой довольно жуткое зрелище.

И простреливала болью при каждом движении.

Аптечка, как ни странно, нашлась почти сразу. Она скромно притулилась на стиральной машине и включала в себя стандартный набор: бинт, йод, зелёнка, перекись, мазь от ожогов, заживляющая мазь и аскорбинка, что бы занять ребёнка хотя бы на пять минут, пока ты его повреждения обрабатываешь. В зависимости от тяжести полученных боевых ранений и настроения мелкой, одна витаминка равнялась от одной до пяти минут молчания.

По выработанной привычке разложив все лекарства, первой вытащила ту самую аскорбиновую кислоту с глюкозой. И только поглядев на неё пару минут, сообразила, что в этот раз буду саму себя лечить. Но таблетку в рот сунула, справедливо решив, что негоже такому добру зря пропадать.

Промыв рану, обработав ладонь и смазав её мазью, аккуратно перебинтовала пострадавшую руку. И только закрепив повязку, соизволила посмотреть в зеркало, дабы уже привычно испугаться собственного отражения.

— Мда-а-а, Варвара Батьковна... Да вам скоро никакая охрана в магазине не понадобится, разве что только спасти незадачливых воришек от не выпавшегося и голодного бухгалтера, — хмыкнула, убирая за ухо прядь волос.

Бледные, заострившиеся черты лица, уже родные круги под глазами и воспалённые от долгой работы глаза. Мягкая линия подбородка и острый нос особого шарма не придавали, но очень уж гармонично вписались в образ прошлогоднего умертвия, непонятно зачем поднятого из фамильного склепа.

— Красавица, — оценив свой внешний вид, я плеснула в лицо холодной водой, дабы глаза перестали самостоятельно закрываться, в попытке урвать пару секунд-минут-часов-дней сна. — Или чудовище... Тут уж кому как повезёт!

О том, что потенциальных счастливиц в ближайшем будущем явно не предвидится, я предпочла не задумываться, вернувшись в комнату и прихватив с собой полотенце. Им я убрала остатки чая, за одним проверяя, что там дитя творить изволит. Как ни странно, Маня

сидела на диване, забравшись туда с ногами, и обнимала свою любимую подушку в виде совушки. На меня дочь внимания не обратила, увлечённо следя за приключениями рыцаря печального образа со скромным именем Бараш.

Вздыхнув, я забрала осколки и предпочла не мешать просмотру очередного мультмарафона, окопавшись на кухне. Поставила турку, намереваясь выпить нормального кофе, а не той растворимой бурды, которой приходилось травиться на работе. Соорудила себе большой бутерброд со всем относительно съедобным, что нашлось в холодильнике, и уже собралась откусить от этого огромного сооружения приличный кусок, когда в дверь позвонили.

Я от неожиданности чуть не подавилась, замерев на месте, как кролик перед удавом. И какого моржового принесло ни свет, ни заря, да ещё и в выходной?!

Звонок повторился вновь, куда настойчивее и злее. А потом этот неизвестный и точно незванный гость ещё и ногой пару раз двинул, видимо решив, что пронзительной трели недостаточно для привлечения внимания хозяев.

Нет, внимание-то он привлёк... Но что-то я сомневаюсь, что оно ему понравится.

Зажав бутерброд в зубах, я сняла турку с огня и гневно пыхтя, отправилась открывать дверь. Кошмар мявкал, мешаясь под ногами. Вредная живность учуяла остатки колбасы и требовала себе долю. Правда, получил только оттоптаный хвост и обиженно смылся в комнату, явно задумав жестокую месть. А я, добравшись-таки до входа, сердито дёрнула замок и резко распахнула дверь. Только чудом не приложив ею по лбу стоящего на лестничной площадке визитёра.

Впрочем, когда я разглядела, кого ж это черти принесли, остро пожалела о том, что чудеса случились не тогда и не с теми людьми!

— Варвара? — сощурился уже знакомый мне байкер со звучной кличкой Кощей. Прошелся оценивающим взглядом по мне и всё же сподобился на вежливое приветствие, слегка склонив голову. — Доброго дня. Мы можем поговорить?

— День перестал быть добрым пару минут назад, — хмуро откликнулась, прислонившись плечом к косяку и попытавшись скрестить руки на груди. Но предательский бутерброд обрёк идею на провал, так что недолго думая, я просто откусила ещё кусочек. И прожевав его, полюбопытствовала. — И с чего мне такая честь, о великий финансист всех времён и народов?

— Я...

Байкер только рот успел открыть, как из глубины квартиры раздалось громкое и радостное:

— Ма! Кохфе всё!

А следом звон чего-то, благополучно грохнувшегося на пол и тихое Манькион ойканье.

— Чудо, в перьях, — беззлобно буркнула, сунув недоеденный бутерброд в руки гостя и развернувшись, отправилась на кухни, выяснять масштаб бедствия. — Царевна, а Царевна... Ты чего уже успела натворить?!

Вопрос был риторическим. Потому что зайдя на кухню и каким-то невероятным образом не поскользнувшись на залитом кофе полу, я желание выяснять, что произошло резко потеряла. Как и жажду задавать какие-то вопросы умильно улыбающееся лапочке-дочке, протягивающей мне надколотую белую кружку с плещущимся на доньшке когда-то горячим и ароматным напитком.

— Ма, кохфе! Тебе! — Маня поставила кружку на стол и аккуратно слезла с табуретке.

После чего выдала убойный аргумент, отбивший порыв отругать любимое чадо, цепко удерживая оное за ухо. — Мну сталался...

— Спасибо, ваше царское высочество, — потеряв лоб, я оценила поле деятельности и, подхватив ребёнка под руки, перетащила её в коридор. — А теперь марш досматривать мультики... Пока мама пьёт кофе новаторским методом от самой Царевны!

— Лю тя! — счастливо улыбнулась малышка, тут же скрывшись в комнате. Оставив меня наедине с лужей от кофе, опрокинутой туркой, брезгливо дёргающим лапами кошаком, пытающимся добраться до собственной миски и вопросом.

Как она не обожглась-то? Чудом, не иначе!

Кстати, о чудесах...

— Кхм, однако... — ещё одно чудо, которое я скорее отнесла бы к категории «чудо-юдо», самовольно проникло в мою квартиру и...

Доедало мой же бутерброд, который должен был быть завтраком, обедом и ужином в перспективе. И на мой хмурый взгляд только невинно улыбнулось, явно пытаюсь взять своим обаянием и харизмой. Я в ответ только скептически хмыкнула, приложив наглого вторженца влажным полотенцем по плечу.

— Приятного аппетита, блин, — буркнула, наклоняясь и вытирая лужу. Попутно подобрала турку и бросила её в раковину. На кухне в четыре квадратных метра не шибко-то разгуляешься. И выпрямившись, отбросила волосы на спину, недовольно поинтересовавшись у рокера. — Что вам надо, господин Кощей? Если зашли позавтракать по случаю, поздравляю, у вас это получилось. Или ещё что-то хочется?

— Я вообще-то извиниться хотел, — улыбка слегка померкла. Костин, сообразив, что его обаяние я видела примерно там же, где сейчас валялись осколки кружки, вздохнул и без спроса уселся на табуретку.

— Смелое решение, — покивала головой, открывая холодильник и с прискорбием замечая, что еды в доме нет. Хотя...

Вытащив детское пюре, я подозрительно уставилась на срок годности оного. Есть, конечно, вариант проверить пригодность бифидойогурта, затесавшегося среди консервации. Но что-то не внушают мне доверия эти добрые и полезные бактерии. Спустя полчаса-час они уже вполне себе портятся и дружно переходят на сторону зла.

— Смелое и даже благородное, — попытка отвинтить крышку оказалась обречена на провал. Вздохнув, я открыла ящик стола, выскивая, чем можно скovyрнуть преграду на пути к еде. И выдала, покосившись на незваного гостя. — Ну? И чего ждём? Пришёл извиняться, извиняйся. Только побыстрее, пожалуйста. Мне нужно в банк, в магазин и на встречу с одним из мастеров.

— Ну... — байкер выдавать заготовленную речь не спешил, приватизировав мою бедную чашку с остатками кофе и вертя её в руках. При этом он старательно на меня не смотрел, нахохлившись, как воробей на ветке.

Судя по его виду, сам великий и ужасный Кощей страдал от той же болезни, что и я. Хронический недовысыпин, называется. И, увы, оно не лечится с такой-то работой. Мне бы ему посочувствовать, вот только...

Жестокая я женщина, нет во мне сочувствия. Ввиду голода, вечной сонливости и пребывания в постоянном поиске дополнительного заработка.

— Ябылнеправ... — буркнул себе под нос байкер, залпом выпив то, что осталось от моего кофе. У меня уже даже сил возмущаться не было, тем более что пюре я всё-таки

открыла.

Правда, на вкус оно было не очень, но хоть что-то лучше, чем совсем ничего! Голодный желудок, предательски заурчав, выразил своё согласие с такой жизненной позицией хозяйки.

Прожевав ещё одну порцию добытой в нечестном бою с упаковкой пищи, я поморщилась:

— Какая гадость, эта ваша заливная рыба... Хотя вроде бы тыква написано. Ну да ладно, — съев ещё ложку, я заинтересованно посмотрела на замолчавшего байкера. — Так что вы хотели, о великий мастер счётов?

— Варвара, я признаю, что вчера был не прав и незаслуженно тебя обидел, — набрав в грудь воздуха, на одном дыхании выпалил сей тип обаятельной и привлекательной наружности. И смиренно добавил. — Прости меня, пожалуйста...

Я от такого финта ушами, чуть с последней надеждой на пропитание не рассталась, с трудом удержав баночку в ослабевших пальцах. А когда переварила такой проникновенное признание в собственной грубости, фыркнула насмешливо и добродушно махнула рукой:

— Да ладно. У нас один препод был, так он априори всех баб... В смысле женщин, дурами считал и ничего. Счастлив был. Что на работе, что в браке. Так что милый Кощей, я вас с большим удовольствием своим прощаю. Что-то ещё?

Тяжко вздохнув, мужчина взъерошил волосы на затылке, не доволью на меня глянув:

— Вообще-то да. Как оказалось, в одно, пусть и компетентное лицо, разобрать все накопившиеся бумаги за такой короткий срок просто невозможно. А тебе, как я смотрю, деньги лишними не будут.

— Возможно, — на протестующее мяуканье из зала я никакого внимания не обратила. Как гласит народная мудрость, если ребёнок поел из миски кота... Это проблемы кота.

Как и то, что он не успел вовремя смыться.

— Ну вот я и предлагаю небольшую подработку. На два дня, — и снова эта робкая улыбка, от которой в обычное время дрожат колени и перехватывает дыхание, которое крадут проклятые бабочки в животе. — С соответствующей оплатой, конечно же.

— Оу... — от щедрости предложения хотелось много. Попрыгать от радости, похлопать в ладоши, а потом всё-таки огреть наглого интервента чем-нибудь тяжёлым по голове. — Какое заманчивое предложение...

Выдержав паузу, я медленно и степенно дожевала пюре, сполоснула баночку, ложку, убрала всё на место, вытерла руки...

И, вновь повернувшись к гостю, спокойно и вежливо выразила своё категоричное несогласие с такими вариантами временно подработки:

— Увы и ах, Костин, увы и ах... Но вынуждена отказаться. Мы, бухгалтеры почти экономисты народ может и глупый, зато гордый. И как-нибудь с нехваткой денег без отчаявшихся байкеров разберёмся. Тем более у нас и специфика работы разная, чем я там помочь-то могу? А вдруг напорчу что-то? И отвечать потом мне? Не-не-не, своего добра навалом для ответственности!

— Тебе что, деньги не нужны? — вздохнул байкер, потеряв переносицу и украдкой сщеживая зевок в кулак. — Варь, не глупи, блин. Ну ляпнул я не подумав, ну бывает!

— О, а мы уже на ты? Когда на брудершафт тянули, а я не заметила? — ехидно вскинула бровь, мельком глянув на часы. И заметив, что до встречи с одним из мастеров осталось где-то минут сорок, хлопнула в ладоши и скрестила руки на груди, упрямо поджав губы. — Значит так. Извинился? Молодец. Я тебя прощаю и с лёгким сердцем отпускаю

работать дальше. А ты окажи ответную любезность бедной девушке... иди, пожалуйста, по делам своим, куда глаза глядят, ладно? Мне ещё предстоит совершить маленький подвиг и собрать ребёнка... Это, заешь ли, похлеще отчётности будет.

Естественно, товарищ Костин сдаваться просто так не пожелал, попытавшись меня уговорить на сделку. Но все его аргументы сводились к банальному «тебе нужны деньги» и больше отговаривали, чем толкали к согласию. Так что в конечном итоге он оказался там, откуда пришёл...

В смысле, на лестничной клетке в подъезде, глядя на меня таким недоумённым взглядом, что я с трудом удержалась от подколов, закрывая перед его носом дверь. С колыхнувшимся в душе сочувствием, я договорилась без особых проблем, как и с внезапно проснувшейся совестью. И успокоившись, сунулась в зал, объявив заинтересовано глянувшей на меня дочери:

— Манюнь, собираемся. Мы идём гулять!

— Неть, — тут же сориентировалась эта мелкая поганка, отпустив кота и рванув в сторону спальни. — Не очу!

— Маня...

— Ма, не-а!

— Манюнь...

— Не очу-у-у...

— Марья!

И понеслась душа по кочкам. Привычный ритуал был соблюден полностью, без каких-либо отступлений от правил. Ребёнок отловлен и переодет. Кот получил по хребту тапком и слинял на кухню, посчитав, что там будет безопаснее. А я ещё минут пять прыгала, собирая по всей квартире нужные и такие необходимые для выхода из дома вещи. Что бы через пятнадцать минут спускаться вместе с ребёнком, решившим идти по ступенькам вниз самостоятельно, со третьего этажа на первый, попутно не задумываясь отвечать на все вопросы маленькой почемучки.

— Ма, а кто плиходил?

— Знакомый, — подхватив её на руки, я нажала на кнопку домофона, выбираясь на улицу и блаженно щурясь от тёплого, яркого солнца.

— Ма, а ты меня любишь? — и взгляд такой заинтересованный куда-то в сторону, пока я искала в небольшой сумочке ключи от машины.

— Люблю... — ключи отказывались находиться, зато нашлись плоскогубцы. Откуда они там взялись оставалось только догадываться.

— Ма... А дядя устный! — меня дёрнули за руку, привлекая внимания. И я всё-таки обернулась, глядя в ту сторону, куда мне указывала моя обожаемая дочь.

— Нда... — рассеянно проведя рукой по волосам малышки, я с любопытством разглядывала невиданное зрелище.

На скамейке у подъезда, сторбившись, опираясь локтями на колени и сцепив пальцы в замок, сидел байкер. Но куда-то подевалась и его уверенность, и его наглость, и обаяние...

Оставив после себя образ того самого рыцаря печального образа. Товарищ Костин вздыхал периодически, тёр переносицу, нервно ерошил волосы пальцами и будил всем своим расстроенным видом что-то в глубине моей души. Что-то подозрительно походившее на сочувствие.

— Ма, а почему дядя устит? — озадаченно протянула Маня, делая пару шагов вперёд и

уперев руки в бока. — Низя устить!

— У него на работе трудности, вот и грустит, — хмыкнув, я, наконец-то, нашла ключи и щёлкнула брелоком сигнализации. Матиз приветливо мигнул фарами в ответ.

Ребёнок задумался над моими словами, глядя то на байкера, который, кажется, нас даже и не заметил, то на меня. Приложив палец к губам, Манюня нахмурила брови, дабы просиять спустя пару минут и рвануть к мужчине, с радостным криком:

— Дядя, не усти! — и обняла опешившего рокера за ноги, доверчиво заглядывая ему в глаза. — Не усти! Мы поможем!

— Марья, — я только руками всплеснула, укоризненно глядя на дочь.

Та продолжала обнимать пресловутого Кощея и, встав на цыпочки погладила его по склонённой голове. И выдала опешившему от такого обращения байкеру:

— Не усти... Ма умная, обялательно поможет!

— Не поможет, — отмер Кощей, кинув на меня хитрый взгляд. Кажется, он решил воспользоваться внезапной помощью, воздействуя на меня через мою же дочь. И вновь посмотрев на Маню вздохнул тяжко. — Отказалась твоя мама.

— Ма? — теперь на меня смотрели с укоризной, а Кощея обнимали ещё крепче, недовольно надув губы. — Поможем?

И вот что тут ответить-то, никто не подскажет? С одной стороны, можно сказать «нет», пережить обиду и слёзы дочери и задобрить потом оную чем-нибудь вкусным или интересным. С другой, дитё смотрела на меня с такой надеждой, с такой верой, что я начинала нервничать и теряться, совершенно не горя желанием спасти бедного, несчастного байкера.

Вот только чует моя печень, что...

— Ма, очу помочь! — Царевна величественно кивнула, упрямо пыхтя и глядя на меня исподлобья. — Очу! Низя устить!

— Манюнь...

— Ма-а-а!

— Маня...

— Очу!

— Марья...

Дочь выразительно шмыгнула носом, нижняя губа показательно задрожала. Теперь на меня смотрели уже два несчастных, полных обиды и грусти взгляда. И я с каким-то отчаяньем поняла, что против такой дозы грусти и слёз ни одни, даже самые железные принципы не выстоят. Да ёшкин кот же!

И как теперь, скажите на милость, быть категоричной и стойкой, когда на тебя смотрят две пары глаз аля кот из мультфильма «Шрек»? Сговорились, демоны!

* * *

Даже если Вас съели, всегда есть два выхода. Сия непреложная истина Кощейю была прекрасна известна. И даже подтверждена на практике. Но вывалившись из чужого подъезда, байкер не мог понять, как быть, что делать и куда бежать.

А ещё, когда это его природное обаяние успело выдохнуться до такой степени, что одинокая мамочка не обратила на него ровным счётом никакого внимания?

— И чё делать-то теперь? — рассеяно почесав затылок, байкер уселся на скамейку. не имея ни малейшего представления как быть. Да что там! Он не то что представления, он даже понятия не имел, как выбраться из сложившейся ситуации.

Нет, можно было бы попытаться найти другого, менее вредного бухгалтера. Но вот парадокс! Ромычу теперь из одного упрямства хотелось уговорить Варвару на сотрудничество. Осталось всего ничего, понять как осуществить этот фигов финт ушами...

Словно в ответ на его тяжкие думы, дверь в подъезд открылась в очередной раз. И оттуда выскочил маленький трёхлетний ураган, тянувший отчаянно зевающую мать на буксире в сторону мелкого матиза, вырвиглазной расцветки. На пригорюнившегося байкера сама Варвара, вновь щеголявшая драными джинсами и майкой, правда теперь чёрной, внимания не обратила, что-то выискивая в карманах и сумке. А вот её ребёнок...

И заявила, авторитетным тоном:

— Ма... А дядя устный!

Только тогда бухгалтер почти экономист обратила внимание на своего утреннего визитёра. Но сочувствия или ещё каких признаков человеколюбия не выказала, продолжая что-то искать, машинально отвечая на вопросы ребёнка.

Да так, что сама не поняла, как оказалась в патовой ситуации на радость бедного финансиста. Марья, так кажется звали малышку, категоричным тоном выдала, что дяде быть «устным» нельзя. И что мама должна ему помочь. А когда мать попыталась отговорить девочку от этой затеи, принялась показательно шмыгать носом, крепко обнимая ноги байкера и выдавая безапелляционное «очу» на любые аргументы родительницы.

Кощей, глядя на это, не знал, то ли ему плакать, то ли смеяться. А так как сильнее всего ему, вообще-то, хотелось спать, принялся от нечего делать разглядывать свою невольную спасительницу.

Округлое личико и такая же ямочка на подбородке как у матери. Ясные, большие карие глаза в обрамлении пушистых ресниц, чуть вздёрнутый нос и тёмные, вьющиеся на концах волосы, сейчас собранные в задорные хвостики по бокам. Девочка даже на первый взгляд была здоровой, полной сил и бьющей во все стороны энергией.

А ещё, тут Ромыч сам не понял, как улыбнулся в ответ на улыбку малышки, Марья была похожа на маленькое солнышко, рядом с которым не хотелось ни грустить, ни ругаться. И, кажется, байкер начал понимать, чем это чудо могло покорить всю банду разом и почему друзья решили, что она его дочь.

Сходство определённое было. И пусть оно заканчивалось на глазах и цвете шевелюры, этого хватило, что бы обеспечить ржущей компании рокеров повод для бесконечных подколов.

Впрочем, чуяла его печень, если Варвара согласится ему помочь, количество шуточек возрастёт в геометрической прогрессии! Особенно будут стараться Мих с Олегом, которым в своё время пришлось выслушать все его высказывания о том, что все беды от баб и из-за баб. Ох и оторвутся они на бедном Кошее...

— Да, Манюнь... Твоё бы обаяние да в мирный целях, — наконец, тяжело вздохнув, Варвара подняла руки вверх, признавая своё поражения. — Сдаюсь, ваша царская светлость. Если предложение устного дяди будет достаточно заманчивым, так и быть, Царевшна, мама согласна будет помочь!

— Уи! — взвизгнуло это чудо, тут же перестав хмуриться и шмыгать носом. Чмокнула легонька окончательно обалдевшего Кошея в щёку и упрыгала к матери, тут же забравшись к

ней на руки.

Угу. Мавр сделал своё дело, мавр может уходить! А вот что предлагать матери этого переговорщика, Костин не представлял от слова совсем. Нет, чисто теоретически, он понимал, что надо сказать, но почему-то искренне сомневался, что получится отделаться лёгким испугом и двойной оплатой. Тем более, что малышку девушке явно девать некуда и оставить не с кем.

Тут Кощей прищурился, невольно выпрямившись и внимательно глядя на откровенно зевающую Варвару, прикрывающую рот перебинтованной рукой. И выдал первое, что пришло на ум:

— Две.

Варвара зевком благополучно подавилась, чихнула, потёрла нос и подозрительно переспросила, глядя на него недовольным взглядом:

— Чего две, чудо-чудное, диво-дивное?

— Твоя зарплата в магазине за месяц, в двойном размере. За то, что ты поможешь мне разобрать и подготовить все необходимые документы.

Девушка удивлённо хлопнула глазами, явно подсчитав, сколько это будет в деньгах. Но соглашаться всё равно не спешила. Только потёрла лоб, попутно, не глядя, отобрав у вездесущего ребёнка выуженные из сумки плоскогубцы, и протянула неопределённым тоном:

— Ну... Заманчиво конечно, заманчиво. И всё же...

— За ребёнком присмотрят, не волнуйся, — на лице сама собой появилась ехидная усмешка, когда в голову финансиста пришла прекрасная идея о том, кому выпадет удача нянчиться с этим непоседливым чудом, сейчас активно возившимся на руках у собственной матери.

— Нда? — хмыкнула Варвара, поудобнее перехватив дочь. — И кто же это таким добрым будет? Не пойми меня не правильно, Костин, но сидеть с ребёнком, это ничуть не легче, чем заниматься финансами. Маня у меня, конечно, золото, но временами исключительно самоварное.

— Ничего, — Кощей ехидно фыркнул, поднимаясь со скамьи и подходя к Варваре поближе. Мимоходом отметив, что та невольно отступила на пару шагов в сторону, стараясь держать дистанцию. — Им полезно. Меньше ржать будут... Наверное. Ну так что, согласна, бухгалтер почти экономист?

Варвара задумчиво прикусила нижнюю губу, укачивая прижавшуюся к ней девочку на руках, неосознанно прижимая её ближе. Жест был таким привычным и лёгким, что Кощей невольно залюбовался. Попутно думая о том, что около пятнадцати килограмм живого веса на руках явно не самая лёгкая ноша. А если эти самые килограммы ещё и елозить начинают...

Как она её держит-то так спокойно?

— Хорошо, — после пятиминутных раздумий выдала Варвара, недовольно морщась при взгляде на часы. — Двойная оплата, нянька для Марьи на всё время работы и... Час на то, что бы мне съездить по делам. Идёт?

— Идёт, — тяжело вздохнув, Кощей вынужден был согласиться и пожать протянутую ладошку мелкой. Та гордо вздёрнула нос, тихо хихикая и улыбаясь так солнечно, что он невольно то и дело улыбался в ответ. — Адрес помнишь?

— Склероз не мой профиль, увы, — хмыкнув, Варвара открыла заднюю дверь машины и

усадила дочь в детское кресло, тут же ловко пристегнув её ремнями. — А теперь вынуждена попроситься... Банк, магазин и мастер ждут нас. И да... — его удостоили насмешливым взглядом. — У вас потрясающее умение вести переговоры, господин Кощей... Правда, исключительно финансовые!

И вот поди, пойми, то ли похвалила, то ли опять подколола. Впрочем, в чём-то Кощей с ней был очень даже согласен. Финансовые переговоры вести он умел, это да... Но совершенно не представлял теперь, как ему уговорить банды присмотреть за мелким чудом на протяжении двух очень долгих выходных дней!

— Задача, млять... — выдохнул Ромыч, усаживаясь на байк и задумчиво вертя в руках ключи. Но, так не придя ни к какому выводу, поехал обратно в клуб. И даже не удивился, когда его возвращение встретил новый поток шуточек и приколов, безобидных, конечно, но изрядно действующих на нервы.

А когда его в очередной раз подколол неугомонный Шут и кот-то из официантов по наивности попробовал поздравить его с бракосочетанием, желание предупредить друзей о грядущем урагане по имени «Маня» отпало само собой. В конце концов, каждый сам кузнец своего счастья...

И кто ж им после этого лекарь, что они всякую куйню куют?!

Посмеиваясь про себя, Кощей засел за бумаги, время от времени бросая хмурый взгляд на часы. Время шло, Варвара не объявлялась, а номер телефона он банально забыл взять. А когда час уже прошёл, Кощей и вовсе задумался о том, что новоявленная помощница могла ведь и передумать, пока разбиралась со своими первоочередными проблемами. Но очень надеялся, что нет. И поэтому отправился на парковку, вяло огрызнувшись на ещё одну подколку по типу «без меня, меня ж женили».

Заколебали, млять, честное пионерское!

Сколько он провёл на парковке, нервно теребя в руках телефон, байкер сказать затруднялся. Вот только когда на горизонте замаячил тот самый матиз вырвиглазной расцветки, как оказалось, прошло всего то полчаса, не больше. Машина, кстати, обзавелась небольшой вмятиной на бампере и царапиной на двери. А Варвара, выбравшаяся из неё, по степени разозлённости напоминала королевскую кобру...

Шипела она, по крайней мере, очень уж задушевно и почти нецензурно.

— Всё в порядке? — Кощей дождался, пока девушка вытащит ребёнка, прихватит большую сумку и поставит машину на сигнализацию, прежде, чем задавать вопросы.

— В полном, — и так это проникновенно прозвучало, что задавать какие-то вопросы желание отбило напрочь. Байкер предпочёл сунуть руки в карманы и поспешить вперёд, жестом велев девушке следовать за ним. И только краем уха порою прислушиваясь к метафоричному, лишённому мата, но при этом очень уж образному монологу о том, какие мужики козлы и куда этот хмырь может засунуть свои права при случае.

Потенциального обидчика бедняжки матиза было искренне жаль. С другой стороны, хорошо, что всё обошлось малой кровью, разве нет?

Их появление возле бара на первом этаже никто и не заметил. Парни общались друг с другом, о чём-то переговариваясь. Где-то громко гоготал Харлей, в углу примостился Верещагин, довольно щурясь и явно обдумывая какую-то свою интригу. Где-то поблизости крутился Шут, Жека пытался тайком раздобыть алкоголь, а Сашка о чём-то спорил с Ильёй. И вся эта вакханалия даже голов не повернула в сторону гостей, пока притихшая на мамкином плече девочка не выдала радостно и громко:

— Ъжий! Ма, Ъжий! Онопатый! А опата де?

— В багажнике, — недовольно откликнулась Варя, выходя вперёд и оглядывая притихшую и слегка обалдевшую банду, щурясь недовольно. — Ну что, поздравляю господа байкеры... На ближайшие полдня вы отданы в добровольное подчинение прелестной Царевшне Марье, трёх лет от роду. Оберегать, присматривать, кормить и развлекать. А если обидите... У меня в багажнике тоже лопата есть!

— Ну ни х... — Харлей подавился привычной фразой и добавил, уже куда тише. — Ну не хурма ж себе задание...

— Ъжий, на учки!

Кощей впервые за последнее время почувствовал себя отмщённым. И нет, друзьям он нисколько не сочувствовал, вот ни капли, да!

Глава 4

— Эх, жизнь моя жестянка... — уткнувшись лбом в стол, в полголоса пропела заунывным тоном. — Да ну её в болото, живу я ка-а-ак поганка! А мне лета-а-ать! А мне лета-а-ать! А мне летать охота! Слушай, Кощеюшка... Поделись секретом... Тут хоть кто-нибудь пробовал что-то по порядку складывать, а не нехай, само уляжется как надо?

— Всё было нормально, — буркнула очередная стопка бумаг, за которой спрятался хозяин кабинета. — Пока не пришёл один хрен моржовый и не уронил всё, что мог, а что не мог просто смахнул не глядя! Тьфу, что б его... У тебя договора за январь?

— У меня есть всё, — подперев щёку кулаком, я почти улеглась на стол, с тоской глядя на фронт работ. Который по каким-то странным причинам ни капли не уменьшился за больше чем три часа работы. — Но договоров на январь я не наблюдаю, не помню, а значит, не видела и в руки не брала...

— Печаль-беда...

— И не говорите, товарищ финансист. Слушай, а под столом, что за стопка валяется?

— Оп...

И главный хранитель золота в этом бункере с самым мученическим видом полез под стол. Выражение лица у Ромки (а через полчаса пребывания в ограниченном пространстве мы уже вполне сносно ругались с переходом на личности) было таким страдальческим, что в душе шевельнулось что-то похожее на сочувствие. Не сильно и ненавязчиво, так что, поглядев на байкера пару минут, я потёрла ужасно чесавшийся нос и вернулась к своим баранам.

В смысле договорам и прочим ужасно важным бумажкам. Попутно стараясь не хихикать так громко, когда Кощей, в процессе извлечения недостающей части документации, приложился затылком об столешницу и уронил уже готовую, подбитую толстенную папку, лежащую с краю. Мой лексикон при этом изрядно обогатился парочкой занятных оборотов.

Правда, особой ценности такое приобретение не имело. Когда у вас на руках маленький ребёнок, волей-неволей учишься объяснять окружающим всю глубину их паления исключительно литературным языком, без применения исконного русского мата.

— Писец, — Костин наконец устроился на кресле, морщась и потирая пострадавшую часть тела. Окинул мрачным взором то, что мы ещё даже не трогали и выдал совсем уж печальным тоном. — Большой такой. полярный, пушистый... Писец, млин!

Я в ответ на такую характеристику сложившейся ситуации только хмыкнула неопределённо. И продолжила разбирать перепутанные бумаги и из вороха непонятно чего выкладывать с десятков стопок, имеющих хоть какой-то подобие систематизации. Болело всё. Рука, спина, голова и шея...

А ещё глаза слезились от пыли, скапливающейся на бумагах с поразительной быстротой, изрядно усложняя жизнь всем и сразу. Во всяком случае, нос чесался так, что сдержаться просто не было сил и, глубоко вздохнув, я всё-таки чихнула. Громко, выразительно. Да так, что с десятков листов, лежавших передо мной, плавно спикировали на пол.

— Упс... — смущённо развела руками в ответ на укоризненный взгляд своего временного работодателя. И подняв беглецов, принялась дальше просматривать эту сверх меры занимательную макулатуру. Периодически склоняясь к мысли, что ни одна зарплата не

компенсирует все моральные потрясения, при виде того завала, что мне предстояло разобрать.

А он. знаете ли, при первом взгляде потрясал, при втором ужасал, а при третьем подходе наводил на нескромную мысль, что даже будь в сутках не двадцать четыре, а все сорок восемь часов, нам всё равно не удастся успеть сделать всё за два дня. Нет, я-то ничего против не имею, учитывая, что за каждый день мне полагается месячный заработок.

Но, боюсь, кое-кого костлявого жаба придушит за такое расточительство!

Хмыкнув, искоса глянула на хмурого Кощея, зависшего с очередной стопкой всерьёз и надолго. Взъерошенный, уставший и недовольный жизнью, он выглядел довольно мило, выпятив нижнюю губу и упрямо пытаясь утрамбовать в пустую папку очередную стопку документов. Но всё очарование момента портил взгляд и общая неудовлетворённость как жизнью вообще, так и сегодняшним днём в частности.

Судя по нему, в данный конкретный момент царь свои угодыя любо, совершенно искренне ненавидел. И будь на то его воля и возможности, проклял бы всё к чёртовой бабушке, торжественно спалив все бумажки на парковке перед клубом, исполнив вокруг костра ритуальный танец шаманов из племени Тумба-Юмба. Однако, сжав зубы, Роман продолжал усердно трудиться, вызывая невольное уважение к его трудолюбию. терпению и усердию...

Хотя мысль спалить всё к чёрту, теперь уже мне не давала никакого покоя. Правда, я бы предпочла сжечь всё это перед зданием налоговой. Для надёжности плеснув в костёр бензина и распевая во всё горло один из известных хитов певицы Юты «Заколебало всё!», в не совсем цензурной формулировке. Первые места на ю-тубе нам были бы обеспечены, зуб даю!

А если ещё и налоговую прихватит огнём по случаю, так нам ещё и благодарность вынесут. Правда, об этом мы, скорее всего, узнаем в тюрьме...

Тряхнув головой, я сдула прядь волос с носа, убирая очередную рассортированную стопку бумаг в сторону. И, не выдержав, всё-таки поинтересовалась:

— Ваша костлявость... Вы меня дико извините, однако я у вас на работе или в рабстве?

— А что? — рассеянно откликнулся Роман, не отвлекаясь от компьютера. И добавил, насмешливо на меня покосившись. — Есть какая-то разница?

— Да вообще-то не особо, — рассеянно провела рукой по волосам, поморщившись от боли, прострелившей ладонь. — Да что б тебя... О чём я? А, да. Так вот, разницы-то нет... Но даже рабов принято было кормить! А вы, товарищ Кощей, умудрились сожрать мой бедный завтрак, плавно перетекавший в обед и ужин.

— А это подождать не может?

— Может, — погладив заурчавший от голода живот, я хмыкнула и скрестила руки на груди. — Окочурюсь, уйду в призраки, и буду будить по ночам, гремя доисторическими счётами у тебя над ухом. Или по утрам. Но желчно, громко и с садистским удовольствием. Если верить моим знакомым, выбрать удачный момент я не умею совершенно, так что...

В ответ на мои угрозы, Рома только заржал и куда-то смылся, что бы вернуться через пятнадцать минут с тарелкой бутербродов и большой кружкой... Чая.

— Гадость, — искренне ответила, всё-таки отпивая горячий, крепкий и сладкий напиток. — Вкусно, но не кофе, не кофе...

— Отобрать? — и брови ехидно вскинул, зараза тощая.

Я на этот жест на пару сантиметров от стола отодвинулась, прижимая к себе кружку и вновь тревожа пострадавшую ладонь. Скривившись, перехватила большую керамическую ёмкость другой рукой, потрясла и подула на горевшее болью место. После чего сделала ещё один глоток и, стащив бутерброд с тарелки, пробормотала:

— Никаких доходов с тобой, Кощеюшка, никаких... Одним сплошные расходы получают!

— Две, — мягко отметил Костин, вновь зарываясь в бумаги.

— Что две? — дожёвывая очередной бутерброд, я сделала ещё глоток, прежде, чем поставить кружку на свободный угол стола и вернуться к работе.

— Две зарплаты, Варвара.

— И это не компенсирует ни характер, ни трудности, ни то, что у меня болит всё, что может болеть! — перебросив косу на другое плечо, я принялась вновь разбирать бумаги, вчитываясь в мелкий шрифт и пытаюсь понять, что к чему и куда.

— Да?

Перепалка привычно прекратилась, когда мы оба вновь увлеклись работой. Периодически только, то его пробивало на едкие комментарии, то меня на язвительные реплики и пикировка завязывалась вновь, к обоюдному удовольствию. Иначе мы бы точно что-нибудь спалили, исключительно для успокоения несчастных нервов.

Но спустя ещё почти три с лишним часа я не выдержала и захлопнула очередную папку, выдав:

— Нет, я отказываюсь работать сверхурочно без дополнительной оплаты.

— Надбавку за вредность не дам, — сам владелец кабинета тоже отодвинул документы в сторону, откинувшись на спинку кресла и потирая переносицу. Зевнув, Кощей глянул на время и тихо ругнулся. — Впрочем, пора сворачиваться. Скоро открытие клуба и я не думаю, что маленький ребёнок обрадуется толпе незнакомых людей и громкой музыке в восемь часов вечера.

— Не, ну почему? — размяв затёкшую шею, я допила уже изрядно остывший чай и поморщилась от рези в глазах. Уж слишком много текста я сегодня просмотрела, пусть и бегло. Капли глазные что ли купить в ближайшей аптеке? А то завтра буду уже не упырём, но ещё и не вампиром...

Так, красноглазой, не выспавшейся немочью с двумя пятнами под глазами. А это, знаете ли, страшнее, чем банальный недосып.

Поднявшись, я потянулась, не обращая внимания на пристальный взгляд байкера и на то, что майка поползла вверх, оголяя живот. Зевнула, поведя плечами, и хмыкнула, подхватывая стоящую у стола сумку:

— Маня за любой кипешь, кроме голодовки. Но моя царишна вредная, упёртая, быстрая и непредсказуемая... Так что вместо работы будете отлавливать это чудо из всех возможных и невозможных мест. А учитывая, как она своим обаянием пользуется...

И замолчала многозначительно, стараясь не смеяться над озадаченным выражением лица Костина. Тот с минуту пытался представить, как оно будет, если оставить ребёнка в клубе. Вот только ответить не успел. Двери распахнулись и на огонёк заглянул высокий блондин, с хмурым лицом и знатным приветствием:

— Ромыч, млять! Где все?! Клуб открывается, а все кого я вижу, это официанты и охрана. Остальные, млять куда свалили?

А для улучшения мыслительного процесса финансиста, ещё и добавил пару крепких

выражений, саданув кулаком по столу. Слава богу Рома успел прижать руками те бумаги, до которых у него ещё руки не дошли. Иначе завтра пришлось бы начинать всё сначала!

— Мих, ты охренел? — хмуро откликнулся Кощей, с облегчением вздохнув, когда убедился, что ни один документ в результате такого демарша не пострадал. — Я-то откуда знаю, куда банда слиняла?! Не видишь, тут млять хоть кто-то пытается работать и подготовиться к проверке!

— И что? Никто, не сказал что ли, куда они намылились?! — продолжал бушевать ещё один байкер, грозно сведя брови к переносице. — Я все кабинеты прошерстил, кроме Верещагинского. Ни души, как вымерли все, ёпт.

— Кхм, — тихо кашлянув, я скрестила руки на груди, сощурившись и пристально уставившись на недоумённо моргавшего Костина. — Если их нет... Где Марья?

— Да тут они должны быть, — вздохнув, Кощей глаза к потолку возвёл и встал, махнув рукой. — Мих, это Варя. Варя, это Михаил Алёхин, совладелец клуба и мой друг... И мь сейчас дружно идём в кабинет нашего начальника службы безопасности, дабы проверить куда эта свора подеваться успела.

— Эм... — кажется, господин Алёхин меня сразу-то и не заметил, занятый куда более насущными вопросами. А когда разглядел, дёрнул плечом, недовольно бросив. — Приятно познакомиться.

— Аналогично, — вздохнув, я поспешила следом за финансистом, поправляя ремень от сумки на плече. — Я тут временно, разгрести ваши авгиевы конюшни и получить на свой счёт приятную сумму денег.

— Угу... — неопределённо протянул Алёхин, потеряв затылок. — Ладно, кто ты я понял, типа помощник для Кощея. Хотя на кой буй оно ему надо, я так и не уловил. А кто такая Марья?

— О-о-о... Марья это...

Вот только ответить я так и не успела. Мы свернули куда-то за лестницу из главного зала на первом этаже и заглянули в один из кабинетов. Где и замерли прямо на пороге красивой скульптурной композицией «Байкеры в шоке». Ну, в смысле, это Костин и Алёхин замерли, уронив челюсть и выпучив глаза. А я...

А я только тихо хмыкнула, качая головой и разглядывая творившееся в кабинете начальника службы безопасности безобразиие.

Представьте себе довольно просторное помещение, с большим количеством мониторов, широким рабочим столом, несколькими креслами для посетителей и диваном. Удобным таким, хорошим кожаным диваном. И именно в центре одного предмета мебели устроился рыжий великан, под боком у которого со всеми удобствами примостилась моя обожаемая дочь. Маня жевала крекер, пила сок из пластикового пакета с трубочкой и с увлечением смотрела «Фиксиков» на большом плазменном экране. Нет, всё в принципе не так уж и страшно, если бы не одно «но».

Это самое «но» заключалось в некотором количестве байкеров, расположившихся на всех доступных поверхностях, включая пол и нагло, вот просто невыносимо нагло дававшего такого храпаку, что даже меня невольно оглушило на пару минут. Самые громкие рулады, кстати, выдавал тот самый Харлей, рядом с которым уютно свернулась Манюня.

Он же и огребал от моей дочери периодически щипок или тычок кулаком под рёбра, вместе с недовольным и требовательным:

— Ыжий! Тише!

И знаете, что самое невероятное? То, что вся компания дружно приглушала храп, как по мановению волшебной палочки. Давая довольно улыбающейся малышки возможность спокойно досмотреть очередную серию приключений тех самых фиксиков и Дим-Димыча. Я, конечно, в талантах своего чуда ни капли не сомневалась...

Но ё-маё!

— Это... Это что за ху... Художественное безобразие? — наконец, отмер Алёхин, с щелчком поставив челюсть на место и хлопнув по плечу подозрительно молчаливого Кощея. Финансист кусал губы, трясся и порывался свинтить из кабинета, дабы банально заржать.

Сощурившись, я ещё раз оглядела открывшуюся нам картину и тихо хихикнула, вытаскивая телефон из заднего кармана джинсов. Света было мало, но фотография вышла классная, милая и оригинальная. И с чистой совестью убрав телефон обратно в карман, я негромко позвала:

— Мань, иди сюда, — я позвала малышку, стараясь не рассмеяться. Больно лицо у совладельца клуба было выразительное такое. Видимо, он много чего ожидал увидеть, но не того что группу сильных, упрямых, мужественных байкеров укатает очаровательное чадо трёх лет от роду.

— Ма, — радостно разулыбалась Манюня, тут же слезая с дивана и подбегая ко мне. Обняла за ноги и умоляюще протянула. — На учки?

— На ручки, на ручки, — подхватив дочь на руки, я чмокнула её в нос и указала на всё ещё пребывающего в щёке Алёхина. — Знакомься, Манюнь. Это Михаил.

— Не ыжий? — чуть расстроено протянула дочь, разглядывая новое действующее лицо. Потом задумалась, приложив указательный палец к губам, и выдала, довольно кивая головой. — Мифа! Мифа оший!

— Михаил, знакомьтесь... — выдержав небольшую паузу, я торжественно провозгласила. — Это её царское высочество Марья. Обаятельное чудо, очаровательное чадо, милый манипулятор и моя дочь. Увы, оставить мне её не с кем было... И ваш Царь Кощей любезно предложил услуги группы няnek. Но сдаётся мне, ваша банда недооценила способности моего ребёнка. Хотя для первого раза держались они не плохо, да.

Алёхин на такой сомнительный комплимент только глаза рукой закрыл в известном жесте «рука-лицо». Стоявший рядом с ним Костин голову опустил, явно сдерживаясь из последних сил. Но плечи у него подрагивали, выдавая состояние финансиста с головой.

Правда, прокомментировать всё происходящее я не успела. На моих руках завозилось моё обожаемое чудо и выдало, широко зевая:

— Омой, — Маня обняла меня руками за шею, пристроив голову на плече и осоловело хлопая глазами.

— Домой так домой, ребёнок, 0 невесом коснувшись губами её затылка, я кивнула на прощание всё ещё хранившим молчание байкерам и поспешила выйти из кабинета, старательно дав зарождающийся в груди смех.

И только добравшись до машины, всё ещё смотрившейся нелепо и неуместно на парковке перед клубом, забитой мощными джипами и крутыми байками, я смогла выдохнуть. Выдохнуть, усадить ребёнка в кресло, сесть за руль и...

Заржать. Банально, громко, от души, вытирая выступившие на глаза слёзы. Ну Маня, ну чудо в перьях! Нет, я всякое могла ожидать, но того, что моё трёхлетнее чудо вымотает компанию здоровых лбов и усадит их за коллективный просмотр «Фиксиков»...

Ох уж эти детки!

Краем глаза отметив на одном из мониторов, как яркая и непривычно маленькая машинка выехала с парковки, Кощей всё-таки не выдержал и захохотал, сгибаясь пополам. Рядом раздражённо и весело фыркал Мих, разглядывая сладко спящую банду и явно не понимая, что со всем этим делать. Пока, наконец, не гаркнул:

— Подъём!

Эффект был нулевым. Богатырский храп лишь на мгновение прекратился, прерванный ворчанием толком не проснувшегося Харлея, выдавшего тихо и даже почти цензурно:

— Мих, захлопнись! Ребёнка напугаешь!

Рыжий байкер ещё и рукой пошарил, явно пытаясь найти этого самого ребёнка. И не обнаружив рядом с собой никого, открыл сначала один глаз, затем второй. После чего резко принял вертикальное положение, рывкнув во всю мощь немаленьких лёгких:

— Где мелочь?! Эй, лежбище котиков, млять! — и ткнул ногой пристроившегося у дивана Шута. — Ребёнок где?!

К вящему удивлению Алёхина, этот вопрос подействовал как ведро ледяной воды на голову. Банда резко проснулась и всполошилась, не найдя доверенное им под опеку чадо в кабинете. И только дрыхнувший в уголке системный администратор, повернулся на другой бок, лениво отмахнувшись и выдав:

— Утихните, млять. Её мать забрала, времени-то уже сколько...

— Вот именно, — встрял в начавшуюся перепалку Михаил, выразительно постучав по наручным часам. — Времени уже сколько? И какого хера я не наблюдаю вас на рабочих местах?!

Дружный простеющий стон стал ему ответом, но какими именно словами любимый начальник вдохновлял подчинённых на трудовые подвиги, Кощей уже не слушал. Он предпочёл смыться к себе в кабинет, дабы добить начатую папку и подумать.

Ну, хотя бы о том, почему рядом с ней было так... Спокойно?

Обменявшись приветствиями с Ришкой, попавшейся ему по пути, Костин прошёл в свой кабинет и уселся в кресло, откинувшись на его спинку и прикрыв глаза. Вид очаровательной, заметно изменившейся и ставшей более уверенной, а от этого и более красивой, Арины, уже не вызывал острой боли потери и упущенных возможностей. Но в груди всё равно щемило, отдавая тоской и печалью.

А ещё была зависть. Не чёрная, удушающая, выжигающая изнутри, нет. Такая почти привычная, родная, поселившаяся где-то в сердце и то и дело коловшая изнутри. Наверное, именно поэтому он и не вылезал, поначалу, из кабинета, находя всё новые и новые поводы для того, что бы избежать частого общения. Потом стало чуточку легче, но всё равно...

Как оказалось, быть безответно влюблённым не круто, совсем не круто. И только столкнувшись лоб в лоб с бухгалтером почти экономистом, Ромыч с удивлением почувствовал себя живым. И дышать как-то легче и острее привычнее.

Да и смотреть на счастливых друзей было уже не так неудобно, зная, что портишь им жизнь своей кислой физиономией.

— Мда, — поведя плечами, Ромыч взъерошил волосы на затылке и предпочёл вновь закопаться в бумажки. Иначе такими темпами он дойдёт в своих размышлениях до того, что встреча с Варварой была далеко не случайной.

А ему такое счастье не надо, совсем не надо. Не надо же?

* * *

Кто сказал, что утро бывает добрым? Найти этого гада и осчастливить чем-нибудь по самое не могу, что бы в следующий раз думал, что говорить. Потому что сидя на кухне в воскресенье в восемь утра, я честно пыталась не уснуть в кружке с кофе...

И перманентно ненавидела весь мир вообще, байкеров в частности и обнаглевшего кошака в принципе. Кошмару, кстати, досталось за компанию.

— Ма-а-а... — из коридора высунулась любопытная физиономия мелкой, с растрёпанными волосами и счастливой улыбкой во весь рот.

— Что, чудище мелкое? — с трудом продрав глаза, я со вздохом улеглась на стол, подперев щёку кулаком и думая о том, что мечта «выспаться во всех позах» так и навсегда останется в категории несбыточных.

Не с таким активным ребёнком, определённно нет.

— А мы падём в уб?

Я даже не сообразила сразу, что на этот невинный вопрос ответить. Подёргала прядь волос, выбившуюся из наспех собранного узла на затылке, сделала глоток крепкого, чёрного кофе без сахара (кто-то вчера забыл о том, что надо бы купить такой важный продукт!) и задумчиво так протянула:

— Мань, а может ну его, этот клуб? Что там интересного-то?

Если я надеялась, что моё чадо озадачится этим вопросом, то надежды мои были напрасны. Маня только хитро сощурилась и развела руками, выдав:

— Ыжий! Мифа! Эня! Огя! Ут! И... — тут мелочь нахмурилась, шевеля губами и явно пытаюсь что-то припомнить. После чего торжественно заявила. — И Ощей! Вот! Хотю в уб!

Минуты три я пыталась понять, о ком идёт речь. А когда разгадала этот мудреный детский шифр, не выдержала и захихикала, уткнувшись лбом в стол. И Маня, ну окрестила, так окрестила, ничего не скажешь!

— Ма, очу в уб! — ребёнок ещё и ножкой топнул, скрестив руки на груди, и бесхитростно заявила. — А ты на оботу!

— Ах, вот оно что... — выпрямившись, я вытерла выступившие на глаза слёзы и подхватила мелкую на руки, потащив её в спальню. Дочь хихикала и вертелась, но не сопротивлялась, когда я уронила её на кровать и принялась щекотать. — Ах вот как, да? Ты, значит, играть в клуб, а я работать, да? Так, значит?

— Дя! — хихикала Маня, пытаясь вывернуться из моей хватки. А когда всё-таки сумела освободиться, уселась в ворохе из покрывала и подушек и торжественно шлёпнула ладонью по одной из них. — Очу в уб!

Ещё и насупилась, нахмурилась брови и выпятив нижнюю губу. И как прикажете отказать, когда тебя так настойчиво просят?

— Ладно, твоя взяла, Царевшна, — на меня с радостным воплем плюхнулись все эти пятнадцать килограмм с гаком, счастливо подпрыгивая на бедной маме, распластавшейся тонким блинчиком по кровати. — Ма-ня... Слезь с меня, лошадка пони! Сначала на работу, потом в торговый центр, потом в клуб! Договорились?

— Дя! — ещё один прыжок чувствительно приложил меня по бедной, несчастной

печени и дочь, удостоверившись, что мама не собирается отказываться от своих слов. понеслась собирать все важные и нужные для похода в клуб вещи.

Естественно, важные и нужные, по мнению самой Марьи. Кошмара, которого пытались запихнуть в детских рюкзачок, на этот счёт никто не спрашивал. Иногда мне искренне жаль несчастного кошака. Но стоит вспомнить, сколько он мебели, нервов и вещей попортил, так сразу начинаю понимать: карма.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Его настигла карма за все его прегрешения!

А дальше всё пошло по обычному, привычному сценарию. Отловить дитё, провести ревизию рюкзака, освободить Кошмара и умыть, успевшую измазаться Марью. Затем умыться самой, заплестись, натянуть первое, что попало под руки и снова ловить ребёнка по всей квартире. Выманивать затаившегося на карнизе кота и проверять собранный повторно рюкзак. Залпом допить противный холодный кофе, одеть ребёнка, по третьему кругу перетряхнуть все игрушки, которые Царевна решила взять с собой, отсеять половину, сдать на кубике-рубике, который Манюне приспичило подарить Ёжуму и сотворить из копны непослушных тёмных волос два задорных хвостика.

После чего всерьёз задуматься над тем, что кошка страдает суицидными наклонностями. Другого объяснения тому, как феерично он грохнулся с карниза, утянув за собой шторы, я просто не могу найти. Это недоразумение мало того, что равновесие потеряло...

Так ещё и приземлилось на спину, стукнувшись покатым лбом об край дивана. И теперь сидит вальяжно, глазами круглыми на меня смотрит. Нет, определённо, странный зверь!

— Зараза, — буркнула себе под нос, подхватывая нетерпеливо приплясывающую на одном месте Марью на руки и грозя коту всеми карами небесными. Молча. Про себя. И гадая, каким таким интересным образом я буду вешать этот чёртов карниз обратно?

Мой бедный матиз ночь пережил спокойно и завёлся легко, послушно выкатываясь с парковки и направляясь в сторону главное улицы. В\В воскресенье утром желающий прокатится по городу было не так уж много, так что до магазина я добралась минут за пятнадцать, успев созвониться с ещё несколькими мастерами и дать Петьке втык за то, что его обожаемая Леночка опять что-то перепутала в заказах. Желание уволить гримзу было практически невыносимо...

Но и вставать за стойку в качестве продавца мне не хотелось, совершенно. Бухгалтером? Согласна. Выполнять некоторые заказы? Почему нет, у каждого есть хобби, пусть даже порою и такое трудоёмкое! Но рассказывать и растолковывать каждому что да почему...

Нет, не моё. Я ораторским искусством, увы, обделена. Да и терпения у меня хватает исключительно на моё чудо, остальным приходится знакомиться с не самыми приятными гранями моего характера. Никто не идеален, ага. А не выпавшаяся мать-одиночка вдвойне!

В магазине мы пробыли полчаса. Маня нарезала круги по пустому торговому залу, Петя клялся и божился, что Леночка больше не будет, я сухо декламировала причины увольнения согласно трудовому кодексу Российской Федерации. И только самой Леночке всё было розово-розово.

Она сидела и красила ногти, томно вздыхая на чью-то хреново сделанную фотку на дисплее своего планшета. Мне объект её мечтаний заочно было жаль. Леночка мозги выносила профессионально, из чистой любви к ближнему своему. И совесть её, в отличие от меня, в принципе не беспокоит!

Раздав указания, выдав кнута и пряника коллегам, а так же прихватив кое-какие материалы для одного из заказов для мастера, удачно пойманного мною сегодня в сети, мы с Манюней отбыли по делам. Мелкой не терпелось в клуб, а мне нужно было в торговый центр. Сговорились на том, что я покупаю чаду засахаренных яблочных долек, а она за это сидит смиренно и спокойно ждёт, когда мы уже поедим к её новым нянькам. Взаимовыгодную сделку скрепили на мизинцах и даже дуэтом исполнили очередной музыкальный хит. В этот раз не повезло группе Би-2, с её песней «Варвара».

Учитывая, что буква «эр» у мелкой получалась далеко не всегда, звучало эпично.

А порой у неё получается как в той сказке у морского царя длинно, звонко и протяжно «Варварварварвара!». В ноты она не попадала, в ритм не вписывалась, но зато тянула с душой и полной самоотдачей, вызывая невольную улыбку на лице. И не только у меня, но и у водителей, останавливавшихся рядом с нами на перекрёстке.

«Пассаж» встретил нашу парочку толпой гуляющего народа и долгожданной прохладой. Маленький матиз, к сожалению, на солнце нагревался быстрее, чем зимой от печки. Тут же оживившаяся Маня, принялась глазеть по сторонам, прижимая к груди свой рюкзачок с сокровищами, а я поглядывала на часы, хмурясь и гадая, куда запропастился этот чёртов мастер. И так увлеклась этим делом, что подпрыгнула на месте от неожиданности, когда меня сгребли в крепкие, медвежьи объятия, сдавив несчастные рёбра и перекрывая доступ к вожделенному кислороду.

— Ну здорова, Варвара-краса длинная коса! — гаркнул низкий бас над ухом, оглушая и дезориентируя.

— Варяг, отпусти... Задушишь! — с трудом выдавила из себя, активно дрыгая ногами, болтавшимися в воздухе. И радостно выдохнула, когда мою просьбу исполнили, разворачиваясь и уперев руки в бока. — Когда-нибудь, ей богу, я тебя чем-нибудьогрею за такие шуточки!

— Да ладно тебе, Вареник, — меня снова сгребли в охапку и потрепали по голове. А когда взъерошенную и красную выпустили на волю, присели на корточки, поманив к себе радостно хихикающую Манюню. — А ну, иди сюда, чертёнок... У меня для тебя подарочек есть!

— Дядя Ляг! — ребёнок радостно запрыгал возле моего старого знакомого, так и норовя дёрнуть его за кончики длинных волос. А я переводила дух, переплетая косу заново и недовольно шурилась, глядя на эту глыбу.

Ну как глыбу... Вообще Варяг, он же Валентин Сергеевич Прокофьев ростом был метр восемьдесят где-то. Широкие плечи, мощные руки, рельефное телосложение и пальцы, способные лом гнуть и не вспотеть при этом. Увлекался ролёвками, в которых обычно отыгрывал варваров, викингов и прочих подобных личностей. Занимался фехтованием, конным спортом и стрельбой из лука. В обычной жизни работал в историко-патриотическом клубе и обожал возиться с детьми, ездил на раскопки, реконструкции и вообще, путешествовать.

И вроде бы нет в нём ничего такого уникального, кроме того что эти сильные, толстые пальцы создавали просто невероятной красоты украшения и аксессуары в древне-русском стиле, в стиле эпохи викингов и всего, что с этими периодами связано. Честно, я когда впервые увидела его работы, вообще подумала что столь изящные и тонкие украшения создаёт женщина. Ан нет, ошиблась. Мужчина.

Да ещё такой мужчина, что нам с Маней сейчас добрая половина посетителей женского

пола завидует.

— Держи, чудо, — чмокнув мою дочь в лоб, Варяг (звать его по прозвищу было привычнее, чем пытаться совместить в одной связке его внешность и нежное имя Валентин) сунул в руки Мане самодельный лук с затупленными стрелами в оббитом выделанной кожей колчане.

— Пасиб, — Маня довольно зажмурилась и чмокнула мужчину в щёку, тут же принявшись прыгать вокруг меня демонстрируя свою новую игрушку. — Ма, смотли, мотли! Ук!

— Лук, лук... — усмехнувшись, я подхватила дитё на руки и вытащила из сумки на плече мешочек с материалами и бланки с заказами. И протянула их Варягу. — Держи, тут всё. Я проверила, на этот раз должно быть без накладок, иначе я всё-таки возьму грех на душу и прибью это гламурное нечто.

Варяг хохотнул, выпрямившись и взяв всё из моих рук. Заглянул в мешочек, покивал довольно и протянул:

— Ну, Вареник, не раньше, чем через неделю, а то и две. Сама понимаешь, горячая пора. Я сегодня уже должен был на ролёвку отчалить, ради тебя задержался. Да и мелкой хотелось подарок отдать... Про себя-то не передумала ещё? А то есть у меня пара мыслишек...

— Варяг, ну на кой чёрт мне этот, извиняюсь, бронебюст сдался? — я покрутила пальцем у виска, выразительно обведя рукой свои не самые выдающиеся формы. — Тем более, что заковывать в него нечего.

— Ну смотри, — хмыкнув чему-то задумчиво, Варяг потрепал Варю по голове и вздохнул с сожалением. — Ладно, я погнал. Звони, если что. Как сделаю, пришлю фото и координаты, где забрать и кто привезёт.

— Вали уже, викинг, — тихо фыркнула, встав на цыпочки и чмокнув его в щёку на прощание. — И спасибо за помощь, Валь.

— Да нема за шо, — чмокнув меня в лоб, друг скрылся в толпе, рассекая её как ледокол воды Арктики. Маня ему ещё и рукой помахала, послав воздушный поцелуй.

А когда Варяга уже видно не было, доча, прижима к себе подарок и рюкзак, жалобно так протянула:

— А теперьв уб? Ну позязя!

— Манюнь, подожди чуть-чуть, — оглядевшись по сторонам, я попыталась вспомнить, где находится нужная мне контора. Оказалось, на втором этаже в самом дальнем конце коридора, если верить указателям. — Сейчас подарок твоим нянькам сделаем и в клуб. Там доблестные байкеры как раз должны проснуться...

— У-у-у-у...

Недовольное пыхтение дочери я проигнорировала, поднимаясь на эскалаторе в нужную мне сторону. И решительно направилась к сувенирному магазинчику, занимавшемуся, в том числе, и распечатыванием фотографий самых разных форматов, на самых разных поверхностях.

За стойкой стояла девчонка, лет восемнадцати, в свободной футболке с рекламой магазинчика. Она надувала пузыри из жевательной резинки, с шумом их лопала, лениво елозила мышкой по столу, листая что-то в интернете. И она не обращала на меня никакого внимания, пока я не хлопнула ладонью по прилавку, привлекая к себе внимание. После чего озвучила заказ, и минуты две с удовольствием наблюдала за усиленной работой мысли на юном лице.

— А... Вы уверены? — наконец, выдало это чудо, почесав затылок и медленно вытаскивая из-за своей конторки кабель для телефона.

— Вполне, — Маня ещё и кивнула, очаровательно хмур брови и недовольно поглядывая на девчонку-продавца. — Вот это фото, большого формата, оформление левого края в стиле «Фиксики» и вставить его вот в ту большую рамку с плюшевыми мишками. И побыстрее мы спешим.

Какие у девочки глаза были, я таких круглых давно не видела. Она нервно косилась на само фото, где были спящие байкеры во всей своей красе, поглядывала на меня, но всё же выполнила свою работу. И получив приглянувшуюся рамочку с фотографией, я попросила упаковать её в подарочную обёртку. С милыми белыми барашками.

Глаза девочки стали такого радиуса, что я невольно обеспокоилась, не выпадут ли они при случае. Но она всё-таки сделала то, что я просила. Правда пока она затягивала шикарный бант голубого цвета, пальцы у неё заметно дрожали. А меня пробивало на зловещий хохот, в стиле классического Тёмного Властелина...

Нет, ну ситуация-то располагает! Удерживает только то, что девочка юмора не поймёт, определённно. Её и так от фото байкеров в окружении фиксиков плоховато стало, а если я ещё и обстановку нагнетать начну...

Оплатив своё приобретение, я под радостное хихиканье Мани, отправилась, наконец-то в сторону выхода. Что бы спустя ещё минут пять мой любимый бешеный апельсин рванул с парковки в сторону клуба. Я, конечно, сомневалась, что в десять утра там можно будет хоть кого-то обнаружить, но втайне надеялась, что хотя бы моё временное начальство окажется на своём непосредственном рабочем месте.

Стоянка возле клуба приятно радовала глаз разнообразием байков и крутых, навороченных джипов. Мой матиз по сравнению со всей этой красотой казался неуместно ярким пятном на чьей-то чистой рубашке. Так что пристроив его как обычно подальше от всей этой красоты, на которой гоняли что сотрудники клуба, что его владельцы, я вышла из машины, привычно хлопнув дверцей. Высадила Маню, прихватила пакеты и сумку, после чего всерьёз задумалась над важным вопросом. Отобрать у неё подарок Варяга или не стоит?

Но глядя как это чудо радостно скачет вокруг меня со своей новой игрушкой, подумала, что ничего страшного с байкерами не случится. Стрелы затуплены, натянуть тетиву нормально у Манюни всё равно не выйдет, а так хоть развлекутся чем-то кроме просмотра Фиксиков. Всё интереснее!

— Ма, в уб! — Маня от нетерпения аж на месте подпрыгивала, поглядывая на меня недовольно. Тихо фыркнув, я подхватила своё чудо на руки и смиренно потащила в указанном её царским величеством направлении. А меня ещё и подгоняли при этом, требовательно выдавая каждые три минуты. — Быстлее!

— Как скажете, Царевшна, как скажете... — перехватив ребёнка поудобнее, я кивнула в ответ на приветственные улыбки на лицах охранников и прошла внутрь, уже привычно направляясь в сторону главного зала на первом этаже. И даже открыла рот для заготовленной приветственной речи, когда увидела всю ту же группу байкеров у барной стояки, как меня опередили.

Манюня радостно засмеялась и громко выдала на весь клуб:

— Ъжий! Я скучал! А ты?

Судя по тому, как огромный рыжий варвар дрогнул, он тоже... Скучал.

Наверное.

Кажется, просыпаться в собственном кабинете становится какой-то нехорошей традицией. Именно так думал Кощей, пялясь на знакомый светлый потолок с вычурными лампами и ощущая спиной твёрдый пол, который не скрашивал даже толстый ворс ковра.

Вопрос, где он, можно было не задавать. Уж что-что, а родные пенаты финансист узнает и с самого дикого перепою. А вот вопрос, как он на полу оказался, это уже куда интереснее. Как и то, почему над ним склонилось смутно знакомое лицо со скептическим выражением, смешливыми серыми глазами и длинной косой, кончик которой щекотал Ромке шею.

Лицо ехидно улыбалось, весело фыркало и махало у него перед носом двумя пальцами. Или тремя?

— О, царь Кощей... Вы к нам вернулись? — Варя тихо фыркнула, машинально заправляя за ухо прядь волос. И ещё раз помахала рукой перед его глазами. — Ну, сколько пальцев видишь, болезный?

Роман моргнул, невольно следя за этим жестом, отмечая изящные, тонкие пальцы, со следами старых ожогов и почти незаметных шрамов. И выдал, морщась от гудящей головы:

— Два...

— Уже прогресс, — покивала головой девушка, поднимаясь и перекидывая косу на спину. — Сотрясения нет, на Спящую красавицу ты не похож, так что целовать не буду. Зато я принесла тебе кофе! И надеюсь, что в тебе проснётся таки сладко дрыхнувшая совесть и ты соизволишь вернуться к работе. Я за тебя всё в одно лицо разгребать не нанималась!

— Жестокая ты... — выдохнул финансист, всё же найдя в себе силы и приняв вертикальное положение. Голова на это отреагировала сугубо негативно...

Зато прямо перед носом появилась кружка с кофе. С горячим, крепким кофе, от одного вида и запаха которого жизнь начала играть новыми красками. Не совсем жизнеутверждающими, но убивать по крайней мере уже хотелось не так сильно.

Кощей в кружку вцепился как утопающий в спасательный плот. И сделав первый жадный глоток, застонал довольно, откинувшись спиной на стену и прикрыв глаза. Живительный напиток прогнал остатки сонливости, придал заряд бодрости и прояснил сонное сознание.

Однако, понять, каким-таким образом он на полу оказался, так и не смог. Последнее, что Костин запомнил, так это то, что откровенно и не совсем цензурно послал сунувшегося в гости арт-директора, после чего на пару мгновений закрыл глаза...

— Я упал? — наконец, сделал единственно-верный вывод Кощей, подозрительно поглядывая на хихикающую Варвару.

Та прикусила кончик карандаша, хитро сощурившись и насмешливо протянула:

— Всякое я видела в этой жизни, Костин, ох всякое... Но что бы уснув на столе, свалиться на пол и даже не проснуться... Это надо уметь, да. И я бы советовала умыться. Не знаю, кто ж тебя так в клубе не любит, но грим аля скелет тебе не идёт.

— А?!

Варя весело фыркнула и бросила в его сторону небольшое зеркальце. Байкер поймал его на автомате, открыл хитрый женский аксессуар и прочувствованно выругался, разглядев собственную физиономию.

— Ну, твою ж бога душу мать... — в отражении виднелась чересчур бледная кожа, явно выбеленная чем-то вроде пудры. Нос, глаза и губы густо обвели чёрным и прорисовали костей. А на лбу кто-то вывел красным цветом жизнеутверждающую надпись «Не влезай — убьёт!».

И ведь так сразу не определишь, чьих рук дело. Потому как Кощей мог поспорить на собственную зарплату, это мог быть кто угодно из банды. В том числе и результат коллективного творчества!

— Это отмоется? — мрачно зыркнув на пытавшуюся скрыть улыбку девушку, Кощей потёр кончик носа. Цвет как был чёрным, так и остался, зато часть пятна перекечевала на палец. — Млять... И чё делать?!

— Умываться, — всё-таки хихикнув, Варя забралась с ногами в кресло и принялась разбирать оставшиеся бумаги. Рядом на полу лежало уже три готовые папки, как бы намекая, что временный помощник трудиться уже давно и далеко не первый час.

Костин подозрительно сощурился. Поднявшись на ноги, медленно приблизился к невозмутимо работающей Варваре. Опёрся руками на край стола, наклонился поближе и поинтересовался вкрадчиво:

— Всё видела, да?

— Что видела? — девушка подняла на него невинный взгляд. Вот только почему-то Кощей ей не поверил. Вот ни капельки!

— И не стыдно тебе, Варвара? — Ромыч склонился ещё ниже, невольно касаясь носом чужого носа. На светлой коже осталось смазанное тёмное пятно. — Не помогла бедному человеку, допустила надругательство над беспомощной жертвой... Совесть не мучает, нет?

— А мы с ней в доле, — Варя потыкала его пальцем в щёку, потёрла оставшийся на коже след и цокнула языком. — Ты бы всё-таки умылся... А то если высохнет, боюсь будет как в той рекламе...

— Это в какой? — нахмурившись, байкер выпрямился, засунув руки в задние карманы джинсов.

— Ярославские краски, покрасил и забыл! — наклонившись, девушка подняла свою сумку и вытащила оттуда какой-то флакон с жидкостью. Бросив его рокеру, она кивнула головой на дверь. — Это средство для удаления водостойкой туши. И не смотри на меня так, я тоже иногда крашусь. Попробуй, если мыло не поможет!

Как показал практика, мыло не помогло. Оно смыло пудру и надпись, явно выполненную помадой. А вот те самые, пресловутые чёрные пятна, превратившие Кощю в панду с оскалом маньяка, только посветлели слегка. Но сходить с лица так и не желали. Пришлось, скрипя сердцем и зубами, плюнуть на имидж крутого байкера и воспользоваться средством для снятия макияжа, выданным Варварой.

Какими Ромыч словами друзей поминал, уши вяли на подходе. А какие у него планы мести в голове рождались...

Жаль, что на большую часть способов отмщения себя любимого в такой умной книжке как уголовный кодекс отдельная статья имелась. И с не самыми малыми сроками заключения. Не то, что бы рокер так сильно любил законодательство собственной страны, во уж нет. Но имея в друзьях одного профессионального юриста, а в коллегах любителя этого самого кодекса, волей-неволей уяснишь одну интересную теорию: все самые клёвые развлечения караются законом Российской Федерации по всей строгости!

— Узнаю, мстить буду долго, со вкусом, и кошмарно, — пробормотал Кощей, оттерев

последние остатки грима с собственного носа. Окинул критическим взглядом собственное отражение, оцени покрасневшую физиономию и стоявшие дыбом волосы, после чего протянул недовольно. — Красавец, ёпт. Хоть сейчас в очередной вампирской саге сниматься в роли самого главного упыря! А всё эти, юмористы, млять...

В кабинет Костин вернулся чистым, умытым и нахохлившимся как воробей на ветке. Зыркнул недовольно на посмеивающуюся Варвару, закончившую подбивать уже четвёртую папку и уселся за свой стол, закинув на него ноги.

Правда, долго молчать не смог и, не выдержав, обиженно протянул:

— Смешно тебе, да? Чего не остановила?

— А зачем? — вполне искренне удивилась Варя, допивая очередную порцию чая и пододвигая к себе последнюю стопку бумаг. Потянулась, повела плечами и проказливо улыбнулась. — К тому же, ты так сладко спал... Во сне причмокивал... Храпом рулады цветастые выводил... Прости, рука не поднялась будить такое чудо-чудное и диво-дивное!

И показав ему язык, девушка вновь склонилась над документами, проворно перебирая их, сортируя по папкам и раскладывая в отдельные файлы. На обиженные взгляды байкера она не реагировала, на его негодующее сопение тоже. Пришлось Кощей вздохнуть душераздирающе и допить остывший кофе, прежде, чем вернуться к работе.

Кто бы знал, как он её нынче любит! Вот просто безмерно и всем своим чёрствым сердцем!

Погрузившись в дела, финансист всея клуба совершенно потерялся во времени. Он вчитывался в сухие и формальные строчки, делал пометки в перечне необходимых для сдачи документов и только спустя где-то полтора часа заметил, что что-то не так. И недоумённо глянул на бухгалтера почти экономиста, каким-то мистическим образом оказавшегося за его спиной.

— Эм... — Кощей даже слов подобрать не смог, глядя на то, как девушка медленно сползает по стене вниз, сжавшись в компактный комок на полу. — Какого...

— Тихо, — шикнула на него Варя, схватив бесцеремонно за руку и дёрнув непонимающе хлопающего глазами байкера вниз. От неожиданности тот не стал сопротивляться, рухнув во второй раз за день с кресла.

Вовремя. В картину, висевшую над его головой, врезалась стрела, а звонкий детский голосов грозно повестил:

— Выходи полый тлус! Мну дёт за тобо-о-ой!

— Ну, есть тут кто? — не узнать голос Шута было просто невозможно. Выглянув из-за стола, Кощей увидел, как заместитель начальника службы безопасности клуба приложил ладонь ко лбу козырьком, оглядел вдумчивым взглядом кабинет и горестно вздохнул. — Увы, солнцеликая богиня, добыча ускользнула из наших рук! Но я точно знаю, где могут прятаться эти презренные олени... За мной, моя повелительница! Охота ещё не закончена!

— Уля! Впелёд! На охотю! — радостно захихикала девочка и судя по топоту рванула следом за байкером, причитавшим о том, что «его богиня», дескать, совсем не щадит бедного слугу своего.

Дружный гогот и чьи-то протестующие вопли говорили о том, что парочка нашла своих «олений». И «олени» были не очень-то рады встрече и развернувшейся на них охоте! Но их возражения никто слушать, судя по всему, не стал.

— Мне надо спрашивать, что это было? — осторожно поинтересовался Кощей, поднимая с пола импровизированный снаряд и с удивлением опознавая в нём самую

настоящую, искусно выполненную стрелу. С оперением и тупым, закруглённым концом.

— А сам не догадываешься? — Варя сдула с носа прядь волос и выглянула, оценивая окружающую обстановку. — Могу дать бесплатный совет, Царь Кощей... Когда у тебя появится ребёнок, ни в коем случае не заводи в друзья ролевика! Чревато!

— Чем это? — удивлённо вскинул брови Ромыч, в который раз ловя себя на том, что засматривается на какую-то непосредственную, живую мимику Варвары и на её фигуру. Хотя мог поспорить на что угодно, что в качестве потенциальной девушки этот вредный бухгалтер почти экономист его совершенно не привлекал.

Ну нет в ней мягкости, недостаёт чего-то такого, такого...

Тряхнув головой, Роман отогнал совершенно не уместное теперь сравнение Арины и Варвары, так и норотившие забраться в его мысли. Девушки были разные, причём в чём-то от слова абсолютно. Да и потом, меньше всего Кощей сейчас интересовали возможные подвиги на любовном фронте.

Тут бы, для начала, трудовые совершить!

— Подарками. Поездками в лес для разгрома стада белокожих и тонкокостных эльфов, — Варя явно кого-то процитировала, поднимаясь с пола и отряхивая любимые рваные джинсы. — А так же тем, что ваш ребёнок с раннего детства научиться любить природу, ненавидеть орков и гоняться за прохожими с криком «Выходи подлый трус» и луком наперевес. Или с чем похуже... Зависит от фантазии этого самого ролевика.

— Я так понимаю, совет из собственного опыта? — Кощей последовал её примеру, усевшись в кресло и с сожалением рассматривая пустую кружку.

— Точно, — кисло улыбнувшись, девушка забрала поднятую им стрелу и засунула её в задний карман. После чего с довольной миной грохнула ему на стол пять полновесных папок с документами. — Ну что, ваша чахлость... Свою часть работы я выполнила и с чистой совестью оставляю вашу обитель. Ты рад?

Байкер наклонился влево, оценил девственно чистый стол временного помощника, и со вздохом вынужден был признать что да. Варвара не только повеселилась за его счёт и превратила клуб в филиал детского сада, но и рассортировала и разобрала все отданные ей на откуп документы.

— Так что, я могу быть свободна? — девушка нетерпеливо постучала пальцами по одной из папок, поглядывая на всё те же ужасные часы на запястье.

— Ну да, — озадаченно почесав затылок, Ромыч вымученно вздохнул, морально совершенно не готовый остаться один на один с финальной прямой подготовки всех документов для вредной налоговой. — Деньги я сейчас переведу.

— Отлично, — хлопнув в ладоши, Варвара вернулась к креслу и, подхватив свои вещи, повесила на плечо сумку. А перед ним на стол положила два ярких подарочных пакета. Один из них, тот что побольше, она подтолкнула поближе к рокеру. — Это на память бедным нянькам, а во втором чисто символический подарок. Для поднятия настроения так сказать! Надеюсь, мы больше не увидимся, Царь Кощей... И хоть иногда выбирайся из кабинета. Ладно, я на упыря похожа, мне с ребёнком на руках выспаться ещё года три не светит точно. А тебя такими темпами с байка сносить малейшим порывом ветра будет!

И потрепав по волосам опешившего от такой заботливости байкера, Варя вышла из кабинета, громко хлопнув дверью. И уже из коридора зычно провозгласить:

— Марья! А ну поставь кактус туда, где взять умудрилась! Нет, я не поведусь на ваши жалобные глазки, ваша царская светлость! И нет, мы не будем его ныкать в ближайшее

тайное место!

— Ну ма-а-ам...

Кощей на это уже привычное переругивание только весело фыркнул, в красках представив обиженное выражение лица ребёнка и скептическое Вари, рассматривающей, что в очередной раз сумело стащить её обожаемое чадо. А после, решив не откладывать в долгий ящик, перевёл деньги на счёт бухгалтера почти экономиста и...

Взял в руки один из подарков. Яркая упаковка с весёлыми барашками уже наводила на определённые подозрения. Байкер глядя на это аляповатое безобразие только скривился недовольно и предпочёл избавиться от слишком уж раздражающей своей оптимизмом расцветки самыми радикальными способами. Он просто и незатейливо разорвал обёрточную бумагу, без сожаления выкинув её в мусорное ведро и задвинув оное ногой под стол.

Правда, наконец-то увидев то, что под ней скрывалось, Ромыч на пару мгновений завис, разглядывая изображённое. На фото было запечатлено лежбище морских котиков во главе с самым рыжим из них и конопатым, развалившееся в кабинете начальника службы безопасности. На диване с царственным видом сидела маленькая девочка, отвоевав у страшных байкеров больше половины свободного места. А внизу была сделана небольшая приписка размашистым, витиеватым почерком «От Царевны Марьи с любовью к Ыжим и Онопатым». Завершающим штрихом стало изображение фиксиков в углу...

И плюшевые мишки. Много плюшевых мишек по всей рамки насыщенного синего цвета. Это и доконало финансиста, заржавшего на весь кабинет, откинув голову назад. На то, что он при этом затылком со всей дури об стену приложился, Кощей внимания не обратил. Зато живо представил себе как удачно будет смотреться сей шедевр на стене бара на первом этаже.

Если, конечно, тот самый Ыжий не реквизирует себе ценный презент в единоличное пользование. А он может, из чистой и незамутнённой вредности!

Кое-как успокоившись, мужчина отложил подарок банде в сторону, взяв в руки второй пакет. Там тоже был свёрток прямоугольной формы, только форматом поменьше, да и расцветка у обёрточной бумаги была не такой вырвиглазной и безумной как в прошлый раз. Вот только если Рома надеялся на то, что содержание подарка тоже будет иным, то зря он так размечтался. О чём ему прямым текстом и сообщалось, в приписке на фотографии у самого края «Милый мальчик Рома?! Ромакаша он, кактусообразная!». А на самом фото...

Распознать собственное явно сладко храпящее тело среди горы бумаг Кощей смог без особого труда. Он лежал на столе, обнимая приличную стопку документов, и выглядел до отвращения мило, послав к чёрту образ сурового байкера. А за ним пристроились Шут с Женькой, местным властелином компьютеров и интернета, вооружённые пудрой и ещё как-то хренью.

Личности тех, кто его разукрасил, перестали быть тайной за семью печатями. И Кощей мысленно уже представил, что сделает с друзьями, когда заметил ещё одно действующее лицо. На краю стола примостилась Варвара собственной колкой персоной, закинув ногу на ногу и держа в руках самодельную табличку с надписью «Кто не работает, тот... Вляпывается!». И выражение лица у девушки было таким насмешливым, что не понять посыл было просто невозможно...

Да уж! Прикорнул, блин, минут на пять! А ещё друзья, мать их волшебницу, называются!

— Ничего, — зловредно улыбнувшись, он машинально поставил рамку возле монитора и поднялся, прихватив подарок для банды с собой. — Мы ещё посмотрим, кто тут и куда

вляпается! Олени, мать их... И Варька тоже хороша! Нет, что бы спасти... Когда только фотку распечатать-то успела?!

Вот так, бурча себе под нос, он и добрался до зала, где вновь заседала банда, пусть и в несколько урезанном составе. И лица при этом были у парней не очень-то счастливые.

— О, идёт ковыль, качается... — хохотнул Шут, отсалютовав товарищу кружкой с кофе. Кощей поведя носом, тут же затребовал себе порцию горячего бодрящего напитка.

И плюхнул на барную стойку перед хмурым шефом рамку с фотографией. Стойко проигнорировав смешки со стороны парней. Его мысли сейчас занимал исключительно крепкий, чёрный, как его жизнь, кофе...

А, ну ещё месть. Но месть потом. Сначала кофе и работа.

— Едрыжка кочерыжка... — выдал Харлей, разглядев, что ему подсунили под нос. Поморгал, глаза потёр и расхохотался. — Не, ну Варюха даёт! Слышь, гоп-компания... Может, кто-то всё-таки отважится пригласить на свидание такую шикарную дивчину с не менее шикарной дочерью? Достойное пополнение в банде будет!

— Шеф, исключительно из любви к ближнему своему... А чё самому слабо? — Жека, подгрёбший с другой стороны к бару, скосил глаза на фотографию и вдруг расплылся в довольной, искренней улыбки, ероша русую чёлку пальцами. — А всё-таки классный ребёнок... Шило в одном месте, но, мать моя материнская плата, обаятельное шило!

— Её бы энергию да в мирное русло... — страдальчески вздохнул Шут, распластавшийся на другом конце стойки. — Слышь, худосочный наш... Когда там планируется следующий визит? Чую, надо будет мне морально подготовиться... И выяснить, что за успокоительное принимает тот Медведь из мультика!

— Чем тебя алкоголь не устраивает? — глухо отозвался Кощей, наслаждаясь кофе и оттягивая момент возвращения в собственный кабинет. Видеть бумаги не хотелось категорически.

— Но-но, позвольте! Во-первых, не при ребёнке... А во-вторых, я алкоголиком становиться вообще не гор. желанием. вот ни капельки! — возмущился Лёшка, с трудом отрывая голову от стойки и жадно выпивая поставленный перед ним стакан воды. — Так когда там Марья с Варварой снова придёт?

— Расслабься, болезный, — хмыкнув, Кощей взял ещё одну порцию кофе и слез со стула, намереваясь добить таки последние отчёты и с чистой совестью завалиться спать на ближайшей горизонтальной поверхности.

— Чой-то?

— Я Варю просил помочь мне с документами для налоговой. Ровно на два дня. Сегодня был последний, так что можете выдохнуть и не беспокоиться, больше на вас никто охотиться не будет. Ну за исключением искательниц приключений на свою задницу, пытающихся вас на себе женить. Но тут вы и сами неплохо справляетесь, нэ? — и, сторбившись, Ромыч направился обратно в своё царство счетов, цифр и прочей финансовой ерундистики.

Кто бы мог подумать, как ему это всё надоело-то за эту неделю!

На прозвучавшее тихое и отчего-то печально-щемящее, дружное «А как же мы?», он привычно не обратил внимания, вновь задумавшись на тему проверки и её последствий. Как показала практика, не стоило быть таким невнимательным, ох не стоило...

— Ма, а мы в уб не падём? — тихо поинтересовалась Марья, в кои-то веки, стоя спокойно и давая мне возможность одеть её, а не гоняться с одеждой наперевес по всей квартире. Хоть какое-то разнообразие в нашем привычном утреннем ритуале!

— Не-а, Манюнь. Не пойдём, — одёрнув подол сарафана, я чмокнула дочь в кончик носа и выпрямилась, отбрасывая косу на спину. Закинув сумку на плечо, я поправила повязку на ладони и, подхватив Маню на руки, вышла из квартиры, уже привычно споткнувшись на пороге об кота.

Его обиженное мявканье вновь приглушила дверь.

— А как же бя-я-керы? — ещё тише протянула царишна, обнимая меня за шею и утыкаясь носом в плечо.

Я от такой вариации слова «байкеры» чуть в собственных ногах не запуталась и лишь по чистой случайности не встретилась лбом с крышей любимого матиза. Маня на такие выверты моей координации никак не отреагировала, шею стиснула сильнее и шмыгнула носом. А я...

Я с минуту пыталась сообразить что на это ответить, усаживая дочь в кресло и пристёгивая её ремнями безопасности. После чего уселась за руль и улыбнулась, выдав:

— А бякеры, Манюнь, про тебя теперь никогда не забудут... А если забудут, то ты побыстрее расти большой и сильной! Вырастишь, придёшь в клуб и напомнишь! Негоже такую Царишну забывать, ад?

— Дя! — ребёнок сразу повеселел и требовательно хлопнул в ладоши. — Муку!

— Ну музыку, так музыку...

Когда у тебя есть маленький ребёнок и у него начинается стадия «Почемучки», приходится в экстренном порядке учиться правильно уходить от ответа на сложные или странные вопросы. И вовремя уходить от темы, переключая внимание обожаемой шкеры на что-то другое.

Последнее вообще искусство, что ни говори!

Работа встретила меня во всеоружии. Бедный Петя отчаянно пытался сдержать напор посетителей и успеть всё и сразу, а Леночка, это уникальное в своей неповторимости чудо, скользило по торговому залу с лицом средневековой леди на приёме у королевы английской. Модные зауженные джинсы сверкали блёстками и дырками в самых неожиданных местах, а лямка блестящего топика так и норовила соскользнуть с тощего плеча. И глядя на это чудо, я в который уже раз задалась вопросом, как же мы при таком-то персонале ещё не разорились-то окончательно и бесповоротно?

Впрочем, тут следует отдать должное как моему начальнику, так и мне. Петюня, не смотря на весь свой безалаберный вид, умел быть въедливым, настойчивым и жёстким когда ему надо было. К тому же, он прекрасно разбирался в музыкальных инструментах, знал толк в виниловых пластинках и умел найти общий язык с любым покупателем. Ну а то, что он был слегка дезориентирован в документах, не особо-то разбирался в финансах и откровенно пугался второго направления работы нашего общего детища, так это не страшно. В конце концов, на то, что бы со всем разобраться у него есть я, его дядя, который, кстати, и является официальным владельцем магазина и...

Нет, не Леночка. Как это чудо ещё живо я искренне не понимаю. Но вынуждена терпеть, как и та самая очередь из недовольных жизнью и конкретно нашим продавцом-консультантом заказчиков. Они усиленно пытались просверлить в мадам Вишне дырку, но та на их гневные взгляды не реагировала.

Зато кокетливо стреляла глазками направо и налево, доводя бедного начальника до самого натурального нервного тика. Заказчики в ответ злились и друно негодовали, замышляя поднять восстание. А отдуваться кому?

Правильно, бухгалтеру почти экономисту! Ну, Петя...

— Манюнь, порадуй дядю Петю... — спустив дочь на пол, я зашагала в сторону рабочего места этого злосчастливого продавца почти консультанта, что б ей мозги пергидролем вывело! — А мама пока посмотрит... И раздаст всем братьям по рюмке, всем сёстрам по серьгам!

— Уля! Кучи мутики!

— Варя, у тебя совесть есть?!

— А этот вопрос мы уже проходили... — усевшись на стул, поставила на стойку сумку, вытащила оттуда все принесённые готовые заказы и...

Занялась работой, да. Нет, а что мне ещё оставалось-то? Не придавать же Леночку аутодафе, хоть и хочется! Одно понять не могу, что такого написали в чёртовом «Гламуре», что она сегодня из себя куклу Барби строит, да ещё так неумело? Жеманничает, глазами густо подведёнными хлопает, на шпильке качается...

Я даже поглядывала периодически, грохнется она всё-таки или нет с такой-то высоты, попутно обсуждая с очередным заказчиком, что же он желает видеть на браслете. Периодически притормаживая чужую фантазию на поворотах. Клиент-то, конечно, всегда прав, но и мастера у меня не с китайских рынков набраны.

И в отличие от той же Леночки, за свою работу они отвечали собственной репутацией. Тем более, хоть и создавались украшения в основном в этническом, фэнтезийном стиле и стиле стимпанка, они не терпели излишеств. К тому же...

Серьёзно? Кристаллы «Сваровски»? Размером с мячик для гольфа? Я даже ущипнула себя, дабы убедиться, что это действительно прозвучало из уст клиента. И болезненно поморщившись, принялась объяснять, почему это не самая лучшая идея. Иногда это у меня даже получалось, да.

Вот уж не знаю, то ли сегодня было очередное полнолуние, то ли просто народ соскучился по эпатажному внешнему виду, но наплыв клиентов не уменьшался. Правда, раздав все готовые заказы и приняв несколько от постоянных клиентов, давно уже относившихся со снисходительным недоверием к Леночке, я спокойно спихнула всех остальных на эту мадам. А сама направилась к своему личному рабочему месту, попутно проверяя, чем занимается моя неугомонная дочь.

Манюня с самым серьёзным видом занималась тем, что заплетала дяде Пете косички. Ну как косички? Короткие хвостики, украшенные цветастыми резинками. И судя по страдальческому выражению лица моего шефа, сбежать от царишны он уже пытался и потерпел неудачу.

Марья грозно сопела, надув губы и продолжала своё чёрное дело. Шеф пытался возвать к моему человеколюбию. Вот только заметив на своём столе очередную стопку бумаг, договоров и счетов, я тихо чертыхнулась себе под нос и отправилась разбирать завал. За тем, чем дочь занята, следила краем глаза, попутно выбирая плейлист, под который работа пойдёт быстрее.

Выбор пал на смесь из старого отечественного рока, с вкраплениями классической музыки. И подпевая хриплому голосу Бутусова, выводящего «На берегу безымянной реки...», погрузилась в работу, периодически отмечая, что творит моя егоза. Ну и спасая мир от

очередной безумной идеи мелкой, в случае чего. Увы, жажда познать мир и сделать это исключительно самостоятельно порой приводила к фатальным последствиям...

Если мама не успевала перехватить инициативное дитя до того, как оно что-то натворит, конечно же!

Вчитываясь в очередной договор, я постукивала ногой, в такт звучавшей из колонок мелодии, и не заметила, как в магазинчике наступила оглушительная тишина. Где-то что-то грохнулось и судя по шуму, это что-то явно могло оказаться несчастной Леночкой. Кто-то испуганно ойкнул, а кто-то восторженно ахнул. Но я всё это отметила машинально, продолжая хмуро изучать сухие формулировки текста.

Пока во всё-таки наступившей, окончательной и бесповоротной тишине, не раздалось радостное и счастливое Манино:

— Ъжий! А опата де?!

Я второй раз за один день чуть не уткнулась носом во что-то твёрдое. В этот раз, для разнообразия в собственный стол, неожиданно дёрнувшись в сторону и чуть не въехав на кресле в ближайшую стену. После чего медленно разжала пальцы, выпуская на волю несчастный договор на поставку виниловых пластинок, теперь напоминавший пожёванный клочок бумаги, и медленно обернулась в сторону входа.

Как раз вовремя, стоит признать. Потому как Манюня, оставив Петю в покое, радостно хихикая, рванула навстречу подозрительно знакомому рыжему байкеру. Эта двухметровая бездна обаяния и харизмы расплылась в ответной улыбке, подхватывая её царское величество на руки и позволяя той запечатлеть на его щеке звонкий поцелуй.

Прозвучавший томный вздох со стороны рухнувшего стеллажа с пластинками, стал завершающим штрихом в картине «Явление Харлея народу». И разобрав в нём те самые, очень хорошо знакомые нам с Петей нотки, я только вздохнула тяжело, попирая щёку кулаком:

— Леночку, как говорится, понесло...

А потом подумала, почесала затылок и выдала, разворачиваясь к своему рабочему столу и возвращаясь к бумагам:

— Манюнь, кавалера своего сама защищать будешь. Харлей, царишину не обижать. Петя, подними челюсть с пола, а то споткнуться... Эх, где там был знакомый наш юрист?

И уйдя с головою в работу, отстранённо подумала, что старый проверенный способ «Не можешь предотвратить, возглавь» ещё ни разу меня не подводил. Главное, правильно распределить роли и вовремя принять успокоительное.

Или кофе, за неимением оно!

Утро начинается не с кофе. Определённо нет.

По крайней мере это бодрое утро вторника началось даже не с удара пультом в лоб с традиционным «Кучи мутики». Про мирный, спокойный завтрак и чашку чёрного бодрящего напитка жизни я вообще молчу. На меня просто и незатейливо свалили кучу-малу из одежды и добавили приятную тяжесть в виде утюга (спасибо, что не включенного), безапелляционно заявив:

— Ма, вставай! На аботу! Вста-а-вай!

— Ещё пять минут... Зомби-апокалипсис сегодня наступит попозже... — и накрылась одеялом с головой, в надежде спрятаться от этого жестокого мира и своего упрямого детёныша.

Зря. Надежда была напрасна и в противовес всему погибла раньше времени. Потому как Маня помолчала, подумала и выдала, с угрожающими интонациями:

— Ма! На аботу! Живо!

И мне на голову приземлился кот. Я даже не скажу толком, кто из нас больше испугался, я или Кошмар. Но судя по офигевшему взгляду и моему ору — оба, одновременно и в одинаковой степени сильно. Во всяком случае, мне хватило что бы проснуться и сигануть в одну сторону, а кот сообразить что к чему и рвануть в другую. Попутно утащив с собой какую-то ленточку, но мне на это было уже наплевать.

— Маня... — я нависла над дочерью, уперев руки в бока и намереваясь сказать ребёнку, какая она вредная, нехорошая личность!

Но эта самая личность, улыбнулась мило, невинно глазами похлопала и ножкой шаркнула, протянув:

— Мамуля, я тебя так ублю! Сино-сино! Павда-павда! А ты меня?

— И я тебя... — машинально откликнулась, послушно наклоняясь ниже и подставляя щёку под слюнявый поцелуй. И поняла, что моя обожаемая поганка только что провенула всё так, что злиться я на неё уже не могла. Только и оставалось, что щёлкнуть её по носу и убедительно попросить. — Маня, не надо больше меня так будить. Хорошо? А то вдруг бы Кошмар меня поцарапал и была бы я некрасивая...

— Ма, ты касивая!

— Ну, местами, да... Но после такой побудки могу стать очень и очень страшная!

— Павда?

— Правда, — потянувшись и сцедив зевок в кулак, я пошаркала в сторону ванной, попутно пытаясь окончательно проснуться. — Давай, выбирай, что оденешь... Мама щас найдет, чем себя окончательно воскресить и отправимся на эту... Аботу!

— Чесно-чесно? — подозрительно протянул ребёнок, следуя за мной по пятам.

— Честно-честно, — машинально кивнула, пытаясь вспомнить купила я кофе вчера или нет. — А пока посмотри мультики что ли...

— Уля, мутики!

И маленький ураганчик с завидной бодростью унёсся в зал, едва не задавив замешкавшегося и запутавшегося в ленточке кота. Я обязательно позавидовала бы такой невиданной бодрости у ребёнка, если бы мозг всё-таки соизволил проснуться. А так лишь плечами пожала, занявшись банными процедурами.

Осознавать реальный мир я начала только на кухне, допивая вторую чашку кофе, доедая последний бутерброд и чётко осознавая один, но весьма немаловажный факт. На часах, коли зрение меня всё-таки не подводит, целых восемь утра. И до официального начала рабочего дня ни много ни мало, а целых полтора часа свободного времени.

Целых. Полтора. Часа. Убиться тапком, прикрыться калькулятором...

— Ма-а-аня, а, может, не пойдём на ра-боту? — всё же рискнула я выторговать себе выходной. Но надежды не оправдались и в этот раз-

Из зала раздалось категоричное и уверенное «Нет!», перекрывшее даже уже набившую оскомину заставку к мультсериалу «Барбоскины». Подкрепленное задуманным писком кота оно ставило жирный такой крест на моих вялых попытках увильнуть от обязательств по добычи денег. И уткнувшись лбом в столешницу, я в который раз задалась вопросом, где ж я так начудила-то в своей жизни, что бы мне так до сих пор везло?

Впрочем, долго так бездействовать и заниматься никому не нужным самокопанием у меня тоже не получилось. Во-первых, не давала покоя деятельная натура любимой дочери. Во-вторых, не смотря на свои скромные размеры, квартира нуждалась в уходе, любила чистоту и требовала уборки. А уборка, в свою очередь, просто таки кричала о необходимости оторвать свою пятую точку от насиженного места и отправиться в магазин добывать порошки, мыло, щётку...

В общем, всех тех чудодейственных средств, которые заканчиваются в самый неподходящий момент. Да и корм коту купить не мешало бы. Потому как, судя по плотоядным взглядам этой пушистой личности, ещё немного и жрать будут уже меня. Без соли, перца и гарнира.

При мысли о еде, дал о себе знать желудок. Бутерброды хоть и не перешли на сторону зла, как стабильно выполняющие этот трюк йогурты в моём холодильнике, но явно не удовлетворили запросы крепкого, почти здорового организма взрослой женщины. Посему поставив кружку в раковину и издав душераздирающий вздох, я окончательно похоронила надежду на мирное утро и спокойный, ленивый отдых, выдав на всю квартиру:

— Ваше Царское Величество! Не желаете ли сходить за покупками? В смысле гулять по магазинам пойдём, нет?

— Дя!

Этот громкий вопль напугал откормленного голубя, минут пять уже топтавшегося на карнизе кухонного окна, тощего соседского кота, охотившегося на него и местного безобидного алкаша, пытавшегося оборвать клумбу под нашими окнами. А топот маленького слонёнка подсказал мне, что моё обожаемое чудо направилось собираться. И пускать этот процесс на самотёк было чревато долгими переодеваниями в конечном итоге. Так что широко зевнув, я потянулась до хруста в пояснице и отправилась контролировать творившийся в квартире беспредел.

Да и себя привести в порядок не мешало бы... Судя по отражению в чайнике, ещё немного и действительно можно будет в кино сниматься. В фильме ужасов. Без грима и спецэффектов. Вот Леночка-то обзавидуется!

Что бы собратиться самой мне хватило целых пяти минут. А вот что бы дождаться, пока Царевшна выберет себе наряд и самостоятельно его на себя натянет, пришлось потратить ещё полчаса и уйму нервных клеток. Потому как на любое моё предложение помощи, дочь отвечала категоричное и твёрдое «Нет!», реагируя на особо настойчивые предложения помощи гневным взглядом и возмущённым сопением.

Приступ самостоятельности, что б его! И чему удивляться, что в машину мы забрались чуть ли не через час, начиная с сомнительного удовольствия, полученного от устроенной ребёнком побудки? Вздохнув, я поправила зеркальце заднего вида, подмигнула притихшей Мане и завела двигатель:

— Музыку?

— Муку! — тут же оживилась мелкая и широко, счастливо улыбнулась, хлопнув в ладоши. — Пек-такль!

— Как-как? — озадаченно почесала бровь, пытаясь вспомнить, какая именно песня могла получить такую звучную интерпретацию собственного названия.

— Пек-такль! Очу!

Путём недолгих научных изысканий, до меня дошло, что речь идёт о песне «Пентакль» всё того же, любимого нами «Пикника». И найдя нужный трек, я выехала со двора, направляясь в сторону гипермаркета. Если уж закупаться, так всем, сразу и в одном месте. За одним Манюня набегается от души!

— Хорошо тебе, не так ли? Таять воском от свечей... С нарисованным пентаклем, на горячем на плече... — напевая себе под нос, я лавировала между редкими машинами на дороге, краем глаза следя за пытавшейся подпевать дочерью. — Как постель худой невесты... Постылых улиц плен... Почему же так тесно?

— Шо так есно на Земле-е-е! — закончила вместе со мной Маня, весело хихикнув.

— То тасует, то смеётся... То резвится на краю! Если жизнь твоя порвётся...

— Тебе ноую сошьют!

Хихикнув, я только головой покачала, выруливая на стоянку перед большим сетевым гипермаркетом, находившимся в паре кварталов от нашего дома. Припарковавшись, прихватила кошелёк, телефон и, вытащив своё чадо из кресла, уже вдвоём с ней отправилась грабить магазин и тратить скромный семейный бюджет. Тем более, что небольшая подработка принесла неплохую прибыль...

Чем не повод для шопинга? Пусть даже он необходимость, а не удовольствие? Тут главное, что бы магазин выдержал нашествие Ей царского высочества...

К моему вящему удивлению, процесс покупки всего самого необходимого и не очень, превратился в увлекательный и очень непродолжительный квест. Манюня, в кои-то веки, не останавливалась посмотреть на всё подряд, не выбирала долго с самым задумчивым видом что-нибудь вкусное и интересное, нет. Моё чудо чётко контролировало процесс покупки, тащило меня в сторону кассы и недовольно пыхтело, стоило мне отвлечься на что-то постороннее. И чего тогда удивляться, что в конечном итоге мы уложились в рекордные сорок пять минут, успев проскочить через кассу до того, как у неё образовалась огромная, недовольно пыхтящая очередь?

Вот и я не стала удивляться, да. Только вздохнула обречённо, покорно заводя мотор и направляясь в сторону нашего магазинчика. Под неизменный Пикник, издевательски тонко выводящий строчки песни «Мракобесие и Джаз» и тихо подпевающую солисту Маню, довольно улыбающуюся во весь рот. Вот мне бы такой неунывающий оптимизм по пути на работу! А то что-то не наблюдается ни творческих порывов, ни трепетного желания к личному обогащению.

Ну вот от слова совсем!

Магазин встретил нас тишиной, покоем и отсутствием даже намёка на хоть какую-то бурную деятельность. Леночка привычно опаздывала, начальство не менее привычно

задерживалось. И только клиенты радовали своим постоянством, уже успев собраться в небольшую очередь около закрытых дверей. На моё появление в компании Манюни, эти «ждуны» отреагировали крайне положительно.

Да с такой активной радостью, что я невольно шаг назад сделала, судорожно сглотнув и крепче прижимая к себе дочь. А то, судя по некоторым, горящим алчным светом лицам, нас сейчас просто и незатейливо разберут на сувениры! Вот даже интересно, то ли карма у меня неправильная, то ли просто кто-то назначил меня крайней по жизни, а я об этом ни сном, ни духом...

Только вот почему именно мне, да с завидным постоянством, выпадает такое «счастье» как работа с большим наплывом посетителей? Нет, я работу свою люблю, к прибыли дополнительной отношусь положительно. Как собственно и к повышению заработка, и расширению клиентской базы нашего скромного предприятия. Один вопрос, а почему я одна за всё отдуваться-то должна, а?

Тихо вздохнув, я почесала затылок и протянула, растерянно, окидывая пристальным взглядом предстоящий мне фронт работы:

— Здравсьте, товарищи ожидающие-поджидающие... А можно мне попасть на работу, а?

Как ни странно, очередь меня услышала. И даже отступила в сторону, пропуская к входу в магазин. Вытащив из заднего кармана джинсов ключи с брелоком от сигнализации, я только с тоской подумала о том, что та стопочка документов, что меня давно уже поджидает, так и останется не разобранной. Если, конечно, наша непревзойдённая в мастерстве гламурного макияжа по имени Леночка не решит вдруг сократить срок опоздания на работу с двух с половиной часов до тридцати минут.

Но мне, увы, вряд ли так повезёт! Звёзды таким макаром встать просто не смогут, при всём моём на то желании.

Мои ожидания оправдались на все сто процентов и даже больше. Леночка вплыла в магазин спустя три часа после его открытия, сияя тщательно отбеленными зубами, стреляя густо подведёнными глазками и поминутно поправляя и без того идеальную причёску. Вишнёвые локоны густой волной ниспадали на спину, ноготочки кокетливо отбивали счастливый ритм по поверхности фирменного клатча, а шпильки поражали воображение своей остротой и высотой. И это убойное сочетание, приправленное манерным поведением и брезгливо морщившимся носом при виде небогато одетых посетителей, как ни в чём не бывало, устроилось на привычном месте. Ещё и на меня недовольно зыркнула, когда уточняющий вопрос задали вовсе не ей, а бедному, скромному бухгалтеру.

— Вообще-то, я здесь продавец-консультант, — Леночка высокомерно задрала нос, покачивая ножкой.

— Вообще-то рабочий день у продавца-консультанта начался дай бог памяти часа так три назад, — флегматично отозвалась, сползая со второго стула и уже грезя о том, что бы устроиться за своим столом и погрузиться в бумаги, отчёты, акты...

Мечта бухгалтера почти экономиста, ей богу! Особенно, когда он занимается всем, чем угодно, кроме того, чем надо бы!

— Я была в салоне красоты! Девушка должна за собой ухаживать, а не быть такой... Такой! — и такая выразительная пауза получилась, что даже клиенты примолкли, ожидая развития столь содержательной беседы.

А я отвлеклась от подсчёта того, сколько же мне понадобится времени на то, что бы разобрать-таки ту стопку, высотой с целую Эйфелеву башню и оглянулась. Оценила

внешний вид нашего горе-продавца, прикинула, сколько труда в неё вложили несчастные мастера и...

Только плечами пожала, направляясь к своему заваленному бумагами столу:

— Каждый компенсирует то, чего ему не хватает. Мне вот денег не хватает, вот я и работаю. А тебе, видать, как раз красоты и не достаёт, раз только по салонам и шастаешь...

То, что за это фразой, произнесённой почти искренне сочувствующим тоном, не последовал скандал, исключительно заслуга клиентов. Так что пришлось Леночке обиженно дуть губы и жаловаться на свою непосильную ношу какому-то парню, исключительно интеллигентного вида. Желание самого парня в расчёт не бралось в принципе. А когда зоркий глаз нашего Чингачгука ещё и кольцо на безымянном пальце увидел, так бедняга и вовсе право голоса потерял окончательно и бесповоротно.

Ещё бы! Ходят тут, понимаешь ли, исключительно женатые личности! Леночке и глазки построить некому, и заочно замуж выйти не за кого и вообще! Никто её не любит, никто не понимает...

Плавали, знаем. Не первый раз такие концерты начинаются и, боюсь, не в последний!

Проверив своё чудо, успешно осваивающее детскую раскраску про принцесс, я плюхнулась в собственное кресло, вытащила плеер и погрузилась в мир бумаг, цифр и хриплого голоса любимого Бутусова. Краем глаза, правда, отслеживала, чем дитя занимается, но про остальной мир забыла напрочь, дорвавшись до бумаг. В конце концов, ничего фатального произойти в магазине музыкальных товаров в принципе не должно, да и народ у нас обычно тихий и мирный, да.

Во всяком случае, я так думала. Реальность же оказалась куда суровее и богаче на удивительные происшествия. Особенно, когда уютную, рабочую атмосферу разрушил радостный вопль моей Царевны, заглушивший даже вялое лепетание Леночки, привычно жаловавшейся всем на жизнь:

— Ма! Бякеры!

— Где? — до загруженного цифрами мозга информация дошла далеко не сразу. И только увидев в дверях уже знакомого, счастливо улыбающегося, высоченного зеленоглазого брюнета, я отчаянно застонала, уткнувшись носом в бумаги. — Опять?! Ну ё-маё... Леночку ж щас инфаркт счастья тяпнет... А нам с ней потом ещё жи-и-ить!

— Здравствуйте, — брюнет улыбнулся ещё шире, заходя в магазин и пробираясь в рабочую зону, минуя нашего ослепительного цербера. И остановившись неподалёку, присел, протягивая Манюне... Мягкую игрушку. — Ну, солнце, смотри, что у меня есть?

— Огя... Паси-и-иб! — дочь рванула в объятия к байкеру с такой скоростью, что я и глазом моргнуть не успела, как она повисла на шее мужчины, крепко прижимая к себе плюшевого щенка хаски. — Мну скучал! А ты?

— И я, — брюнет аккуратно обнял Маню и выпрямился, с лёгкостью держа её на руках. — Что поделать, ребёнок, твоя мама отказывается приходить к нам в гости... Значит в гости придём мы!

— Что, прям все? — я удивлённо похлопала глазами, представив себе явление всей банды народу. То, что зрелище будет незабываемое, это даже не обсуждается. Вопрос только в том, как долго я протяну после этого, учитывая всю степень «любви» одной конкретной девушки ко мне вообще и к обеспеченным мужчинам в частности?

— А что, кто-то против? — Олег (я всё-таки вспомнила, как звать сие зеленоглазое творение) мило улыбнулся, явно пытаясь брать обаянием своим и харизмой.

Я на это только глаза к потолку возвела и вернулась к работе, пробормотав себе под нос:

— А я что? Я ничего. Но спасти мир, человечество и одного конкретного байкера на сегодня отказываюсь просто категорически. Сам приехал, сам пусть и отбивается.

И словно услышав мои крамольные слова, Леночка (что б ей щипцы для волос в ванной утопить!) жаловаться резко перехотела. Зато очень сильно возжелала заполучить внимание такого шикарного, можно сказать породистого экземпляра. Мнение самого «экземпляра» конечно же не учитывалась. Впрочем, зная Леночку...

— А может быть, я могу вам чем-то помочь? — и ресничками нарощенными хлоп-хлоп. Я аж перекрестилась и на всякий случай отодвинулась подальше от роковой женщины, вышедшей на тропу войны. Боюсь, моя нежная психика и тонкая душевная организация не переживёт того, что будет дальше.

И, я надеюсь, Огя пошутил про массовый исход байкеров в наш скромный магазин?

Как оказалось, крепость байкерской нервной системы я недооценила. Как и их упрямство, упёртость и ещё пару десятков качеств, гарантировано вошедших в мой личный топ идиотизма, возведённого в абсурд. А ещё я явно переоценила нашего чудо продавца. Леночку не только не удостоили своим сиятельным вниманием, ей ещё и очень прозрачно так намекнули, куда она может отправиться вместе со своими матримоальными планами. Причём как пешком, так и при посильной помощи.

Нашу вишневую леди, это слегка отрезвило. Но желание удачно выйти замуж явно сильнее доводов разума. И я готова поспорить не свою собственную зарплату, что при следующем явлении очередного байкера народу, попытку завоевать желанную крепость повторят. Не факт, что успешно.

Но зрелище будет занимательное!

— Варь, а Варь... — наконец, отмер Петенька, следивший за шикарным брюнетом со скромным именем Олег и не менее скромно должностью начальника службы безопасности самого крутого, ночного клуба города. — А не подскажешь, с чего у нас поток клиентов так... Кардинально увеличился и поменялся?

— А? — выплыв из собственных скучных размышлений на тему быта и домашнего хозяйства, я недоуменно моргнула, глядя на шефа. — Да вроде бы все как всегда... А к чему вопрос?

И вот вроде бы ничего такого я и не сказала. А шеф воздухом подавился и так возмущённо кашлять начал, кидая на меня яростные взгляды, что хочешь, не хочешь, а задумаешься над собственным поведением. Впрочем, я только бровь недоуменно вскинула, провожая взглядом удаляющегося в сторону стоянки байкера. Особо любопытно было смотреть на то, с каким отчаяньем цепляется за широкие плечи Леночка, в последней, яростной попытке обратить на себя внимание такого шикарного мужчины. И то, что «Огя» в сторону вишневой бездны очарования и красоты даже глянуть не соизволил, нашего несчастного консультанта ни капли не смутило.

Будь её воля, Ленок и на байк бы забралась, не смотря на шпильки, откуда-то взявшуюся мини-юбку и блузку с таким декольте, что Петюня глаза потерял там ещё часа два назад. Однако, брюнет при первом же порыве коснуться своего мотоцикла так ласково и проникновенно посмотрел на девушку, что даже у меня все потенциальные желания отбило. Про Леночку, я думаю, и уточнять не стоит.

Все что ей оставалось, это обиженно хлопать глазками, шмыгать носом и жаловаться на

жизнь заблудшим так не во время к нам в магазин душам. Нет, определённо, такими темпами мы действительно рискуем остаться без клиентов. Но не по вине банды байкеров, а исключительно и эксклюзивно из-за этой любительницы гламура и вишни!

— Петя, я всё-таки надеюсь, что когда-нибудь ты мне откроешь великую тайну мироздания... — выдержав эффектную паузу и подхватив зевающую дочь на руки, я закончила фразу, поднимаясь с кресла. — И объяснишь такой недалеко мне, на кой чёрт и каким макарон мы её на работу взять умудрились.

— Оставь Леночку в покое, она милая!

— Ага, как крокодил в бассейне с отдыхающими, — фыркнув, я помахала расстроенной красавице на прощание и поспешила скрыться с глаз начальства. Потому как меньше всего мне сейчас хотелось бы думать о том, как интересно пляшут счёты, после моего феерического знакомства с некими байкерами.

Поменялся поток покупателей? Ха, мягко сказано! Всплыли крупные заказчики, что раньше в нашу сторону и не глянули бы? Чудеса случаются, ага. Представители мотоклубов заглядывают? Так это в гугл-картах новое обновление вышло! И я бы, может быть, даже поверила бы честным зелёным глазам улыбающегося «Оги», вот только...

— Ма! Огя сказал завтла Ут приёт... — Манюня, обхватив меня за шею, со счастливой моськой прижимала к груди подаренную помесь жирафа с дикобразом. Точнее щенка хаски, по размерам вполне смахивающего на настоящего.

С некоторым трудом, но я все же вспомнила, чья кличка пострадала таким каверзным способом. И, усаживая свою царишину в кресло, тихо хмыкнула:

— Ну раз придёт Ут... То он-то и огребет по рогам за всех этих оленей!

— Ут хооооший! — обиженно засопела Маня, стискивая подарок в крепких объятиях.

— Так я и не спорю, что он хороший... Но Ваше Царское Величество... Как гласит старинная мудрость: благими намерениями выложена дорога в Ад! А посему... — обернувшись, я подмигнула надувшемуся ребенку. — Не желаете ли прогуляться до парка, а?

— Дя!

Весело фыркнув, я завела двигатель и вынудила с парковки. И нащупав кнопку магнитолы, в кто-то веки изменила привычке и любимому русскому року. Так что в сторону парка мы с Манюней ехали подпевая не в такт и не зная слов знаменитой группе AC/DC. «Хайвей ту Хелл» у моего чада получалось особенно впечатляюще. Интересно, а есть шанс вырастить дочь и остаться при этом живой и здоровой?

* * *

Роман Костин за свою жизнь пережил много приключений. И зачастую было искренне жаль, когда все они подходили к концу. Но не в этот раз! Получив все положенные бумаги и заверения о том, что налоговой от его клуба и него лично уже точно (ну вот совсем точно!) ничего не надо, Кошей искренне по радовался жизни. А ещё перекрестился, поплевал через плечо и трижды постучал по дереву. То, что роль этого самого дерева была отведена не вовремя подвернувшемуся под руки системному администратору, его ни капли не смутило. Как и то, что Царь мышки и Бог клавиш клятвенно пообещал отомстить.

Ну, когда соизволит нормально проснуться, конечно же. А это дело не ближайшей пятилетки, как пить дать!

Впрочем, Кощею, после налоговой, было абсолютно фиолетово. И на угрозы жизни своей и здоровью, и на то, что фантазией Жеку природа не обделила, и на весь мир вообще. Ромыч был откровенно и бессовестно счастлив. И если уж на то пошло, был далеко не против осчастливить кого-нибудь ещё. Если попадется!

— Неужто эра беспросветной мглы и печали наконец-то закончилась? — заглянувший в кабинет финансиста Шут, оценил счастливую физиономию хозяина апартаментов и хмыкнула. — Прямо не знаю, радоваться или печалиться...

— Премию не дам, — лениво откликнулся Костин, развалившись в родном кресле и закинув ноги на стол.

— Я всегда знал, товарищ начальник общей казны, что вы есть жмот и самый главный жадина среди нас, — притворно обиженно протянул Лёха, все же заваливаясь внутрь. Рухнув на диван, протеже начальника службы безопасности довольно вздохнул, заложив руки за голову и глаза закрыв. — Ёпт... Как же хорошо... Никто не прыгает... Не бегают... Играть не проси-и-ит... Ляпота!

— Это где тебя так носило? — Кощей заинтересованно вскинул бровь, припоминая, что в последнее время что-то неладное творилось в подведомственном ему царстве. Периодически кто-то из банды пропадал, чуть ли не на весь день и возвращался с такой лыбой на все лицо, что волей неволей закрадывались подозрения в их психическом состоянии.

Правда, на вопросы эти товарищи не отвечали. Отмалчивались, уклончиво рассуждали о хорошем настроении и стремительно удалялись с горизонта. Кощей же было не до выяснения причин такого поведения. Тут бы самому окончательно не спятить!

— А вы, вещество, с какой такой целью интересуетесь? — Шут лукаво сощурился, кидая на Рому непонятные взгляды.

— Шут...

Тот прозвучавшим в голосе финансиста предупреждением не впечатлился. Зато вздохнул показательно и...

Перевёл тему, поинтересовавшись:

— Я так понимаю, проверка пройдена успешно?

Наверное, Ромычу стоило бы насторожиться от такой явной заинтересованности со стороны товарища. Но эйфория от удачного завершения великого дела его все ещё не отпустила. Поэтому насмешливо фыркнув, Костин довольно протянул:

— Атака противника успешно отражена. Отряд потерь не понес... Ну почти. Не считая инвестиций в бухгалтера почти экономиста. Впрочем, стоит признать, помощь Варьки пришлась кстати, да... Иначе хрен бы я что к сроку успел. Разве что к своему личному, уголовному, ага.

— Ну это ты загнул, конечно, — хохотнул Алексей. — Кто б тебя, сердешного, посадить-то дал? Не, ну исключительно в профилактических целях я б ещё понял... А так только время зря тратить! — и махнув рукой в ответ на скептический взгляд финансиста, Шут вкрадчиво так поинтересовался. — Так значит, помогла тебе Варвара, да?

— Ну, — медленно кивнул в ответ Ромыч, откровенно не понимая, на что этот чёрт безрогий так «тактично» намекать изволит.

— И без неё ты бы не справился?

— Шут, танцы с бубнами будешь перед Олафом разводить, в очередной раз пытаешься откосить от добровольно-принудительного допроса на тему исчезновения чужого

бутерброда, — хмыкнув, Кощей вопросительного бровь вскинул. — К чему ведешь-то Сусанин?

— Блин, никакого удовольствия, одно сплошное расстройство, — притворно обижено протянул Шут, все же соизволив сесть прямо. После чего почесал затылок и выдал. — Я вещество даже не веду, я прямо заявляю, даму надо отблагодарить! Если бы не её су... Сурьезный подход к работе, мы б тебе передачи уже таскали, орёл ты наш... Стабильно не высыпающийся и тормозящий на поворотах!

Привычно бросив в сторону откровенно насмехающегося товарища комок бумаги, Кощей только глаза к потолку возвёл. И задумался. Вообще-то определённая логика в словах Лехи присутствовала, не смотря на все сомнения финансиста. Помощь хоть и не была совсем уж судьбоносное, но все равно изрядно упростила дело. И если уж быть совсем честны, Костин сам подумывал о том, что бы заехать к Варваре (благо, знал, где обитает этот едкий бухгалтер почти экономист) и сказать ей «спасибо».

Один вопрос. А Шуту-то чего так неймется-то? Опять интриги по всему клубу, а он пропустил самое интересное, погрязнув в бумажной работе? И почему тогда на торжественном уговоре выпавшего из жизни банды финансиста не присутствует сам Серый кардинал всея клуба?

— Шут...

— Аюшки? — и такие невинные глаза, что спору усомниться в собственных умственных способностях, коли заподозрил этого чистого и честнейшего человека в каких-то дурных помыслах.

Вот только Кощей не первый день был знаком, как с самим Шутом, так и с его непосредственным начальником. Так что в невинность этих глаз не поверил от слова совсем. Жаль, настроение было слишком хорошее, и докапываться до истины не было ну никакого желания. Зато, как оказалось, он совсем не против поделиться подробностями проверки и обсудить оную с кем-нибудь, понимающим все трудности такого грандиозного мероприятия. Так что...

Почему бы и не проведать своего невольного помощника?

— Так вы чего хотели-то, вашество? — ненавязчиво напомнил о своём существовании Лёха, в кои-то веки усевшийся ровно. Ещё и руки сложил на коленях, как примерный ученик.

Ромыч на такие показательные выступления только фыркнул насмешливо:

— Вали отсюда, Глас совести неприкаемый. Я в город, по делам. Меня не терять, беспокоить только в случае угрозы благосостояния нашего клуба. Лады?

— А дела, случаем не Варварой зовут?

— Шут!

— Все! Понял, осознал... Исправляться не собираюсь! — и прежде, чем Рома успел хоть что-то сделать, эта ёмкость слиняла из кабинета с такой скоростью, словно за ним черти из Преисподней гнались изволили.

Впрочем, Костин в душе подозревал, что если и догонят, то или автограф взять, или репетитором нанять. На курсы повышенной профессиональной пакостности, как минимум.

Раздавшееся из коридора уже знакомое, такое привычное, уважительное «Купидон», дополненное не менее привычным «Харлей!», с непередаваемым оттенком восхищения и недовольства, Ромыч привычно проигнорировал.

Зря, как позже выяснилось. Но пока что Кощей больше думал о том, что можно приобрести в качестве презента девушке, с которой у тебя чисто профессиональные

отношения. И к своему величайшему стыду, тихо и панически начинал понимать, что фантазией в этом плане его явно обделила! Иначе, с чего бы его потянуло исключительно на романтические жесты, включающие в себя обязательный букет, коробку конфет и свидание в уединённом месте?!

Выпав из реальности на пару секунд, Костин тряхнул головой, отгоняя совершенно неуместные мысли и всё же совершил побег из кабинета в разгар рабочего дня. И, что удивительно, его даже не остановил никто. Хорошо ещё вслед одобрительно не свистели, а то с них станется, да...

К нужному дому, байкер добрался только ближе к вечеру, успев проклясть всё и вся. Особенно Шута с его безумными идеями. И искренне обрадовался тому немаловажному факту, что знакомый матиз бешеной расцветки, спокойно прятался от солнца в тени деревьев. Аккурат напротив знакомого подъезда, где на скамейке пристроилась милующая парочка подростков. Данный факт (матиз, а не парочка) означал тот неоспоримый факт, что куковать ночь напролёт под чужими окнами Кощей однозначно не придётся, как и гадать, куда мог подеваться в восьмом часу вечера, в пятницу вредный бухгалтер с трудным именем Варвара. На работе-то её точно нет, туда он заехал прежде, чем отправиться по уже известному адресу.

И очень, просто несказанно удивился, когда та самая, гламурная и вишнёвая девочка, только завидев его в дверях магазина, тут же принялась плакать, жаловаться на судьбу окружающим и кидать в сторону недоумённо почёсывающего затылок Кощей презрительные взгляды. Впрочем, как оказалось, это ещё был верх адекватности! Сам владелец сего предприятия на бедного байкера глядел как на врага народа, поминутно порываясь что-то вякнуть.

Но стоило ему только род открыть, как Пётр (кажется, так его звали?) тут же замолкал, краснея, морщась и кося обиженным взглядом на девушку. Острая шпилька, якобы случайно воткнувшаяся в его кеды, не способствовала сопротивлению и излишней разговорчивости. Так что на вопрос «Где я могу найти Варвару?», Ромыч получил невразумительное мычание и недовольный фырк. После чего Леночка (это имя он тоже вспомнил, как и интонацию, с которым, растягивая гласные, произносила его Варя), дёрнула плечиком, надула губы и процедила:

— Знать, не знаем, где ваша Варвара! Дома, наверное! Где ещё быть этой мамочке, что даже за собой следить не может, что уж про своего ребёнка говорить?

— Что Лена? Что Лена?! Она, значит, может приходить, когда вздумается, уходить, когда вздумается, да? Не следить за собой, не делать ничего... Мне не помогать закрывать магазин, да?! Только потому, что у неё ребёнок?! Ты думаешь, это всё оправдывает?! Её придирки, вечные издёвки... ты думаешь, что я дура тупая, что не замечаю этого, да?! Она же специально на меня всю. Работу сваливает, она же... Она же... Мышь серая!

Дальнейший поток обвинений, байкер даже слушать не стал, поспешив уйти от греха подальше. Желание огреть девицу чем-нибудь существенным по голове было несколько иррациональным, зато очень уж сильным. Ромке почему-то стало дико обидно за Варвару. Бухгалтер почти экономист, судя по цветущему виду, на работе практически жила, добросовестно выполняя не только свои, но и некоторые чужие должностные обязанности. И хотя сам финансист женщин, в общем-то, не бил...

Только вот сейчас был не прочь сделать одно исключение. Маленькое такое, плюгавенькое, ядовито-вишнёвого цвета. Кощей вишню отродясь терпеть не мог. И глядя на

это чудо, с самым умным видом рассуждавшее о том, кому можно иметь детей, а кому нет, всё больше убеждался в этом. Не его фрукт, однозначно не его.

Вздыхнув, байкер взъерошил волосы на затылке и решительно зашагал в сторону подъезда. Бабушки на лавочке, заметив неучтённое лицо, ни разу не появлявшееся в их дворе, настороженно проследили за парнем. И стоило ему скрыться за железной дверью, тут же принялись гадать, кому ж из не пристроенных девиц в доме так свезло-то в жизни. Красивый, богатый, внимательный...

С букетом скромных, трогательных ромашек и небольшим плюшевым медведем. Да, оригинальностью в плане подарков девушкам Кощей действительно не отличился. Во всяком случае, в этот раз. И вполне справедливо рассудил, что главное ведь не то, какой подарок, главное внимание!

Остановившись напротив знакомой двери, Роман глубоко вздохнул, сам не понимая, почему робеет. После чего, сообразив, о чём думает, нахмурился, фыркнул, покачал головой и громко постучал в дверь. Ещё и добавил, вспомнив любимый всеми советский мультфильм про Винни-Пуха:

— Сова, открывай! Медведь...

Правда, договорить у него не вышло. Дверь с силой распахнулась, лишь чудом не приложив его по лбу. А на пороге оказалась совсем не милая, смущённая девушка, с мягкой улыбкой на губах, как ему представлялось, нет.

Стоя на пороге, в коротких джинсовых шортах, свободной футболке и с растрёпанной косой, на него недовольно смотрела сама Немезида, греческая богиня возмездия. И половник в её руке, с которого капало на плитку пола что-то красное, как-никогда напоминал собой карающий меч. Особенно, когда Варвара, сдув с носа прядь волос, сощурилась и очень недобро протянула:

— О как... Свободные кончились, пошли исключительно занятые специалисты широкого экономического профиля. Ну здравствуйте, ваше царское костлявое величество. Не велите казнить, велите миловать... И будьте любезны пояснить, вас-то на кой французский мой нецензурный прислать изволили?!

Такая постановка вопроса Кощей явно озадачила. Так что не придумав ничего лучше, он выдал:

— А?!

— Ага. Нет, я всё понимаю. Маленькие дети — это само очарование, а желание сделать приятное порою атрофирует как чувство меры, так и чувство такта, хотя байкерам такое понятие, думается мне, в принципе неизвестно, — скрестив руки на груди, Варька недовольно дёрнула плечом. — Но ваше ежедневное паломничество на протяжении всей недели меня уже заколебало. Вам-то что, пришли, поиграли с мелкой, потравили байки да анекдоты... А мне потом с Леночкой сидеть в закрытом помещении неопределённый срок. И скажу я вам, товарищ Костин, это рано или поздно закончится какой-нибудь статьёй уголовного кодекса. Я, правда, ещё не определилась какой...

— Сто пятой, — машинально откликнулся Костин, совершенно без задней мысли. Что поделать, сказывалось долгое и продолжительное общение с двумя неординарными личностями, знавшими этот самый кодекс, как свои пять пальцев.

— Сто пятая для Леночки очень уж шикарно будет, — хмыкнув, Варвара с куда большим интересом глянула на незваного гостя и любопытствовала. — Но теперь у меня назрел другой вопрос. Чем же таким интересным вы в своём клубе занимаетесь, что простой

финансист разбирается в статьях уголовного кодекса, м?

— Ну...

От необходимости отвечать Кощей спас запах чего-то горелого, громкий звук удара, надрывный мявк кота и испуганное ойканье ребёнка. И все эти звуки раздались одновременно из глубины квартиры Варвары. Бухгалтер почти экономист, услышав эту какофонию, подпрыгнула от неожиданности, сунула ему в руки половник и скрылась из виду, явно отправившись проверять, что, где и когда.

В смысле, что, где случилось и когда ж это безобразия закончиться соизволит. Во всяком случае, именно так воодушевлённо, но вполне цензурно вещала сама хозяйка квартиры, поминая качество крепление карнизов и наглость некоторых хвостатых личностей в одном предложении. Жалобное мяуканье несчастного животного её явно не смягчило, как и заявление ребёнка о том, что «Кошмал хоооший».

Вздыхнув, Кощей глянул на половник в одной руке, букет и игрушку в другой и почувствовал себя идиотом. Ощущения так себе. если честно. Поэтому, когда из-за угла в коридоре выглянула Варвара, недовольно потиравшая наливающимся на лбу синяк, байкер даже воспарил духом, надеясь побыстрее закончить это благодарственное мероприятие. Однако, судьба решила иначе.

Окинув его задумчивым взглядом, Варя невинно поинтересовалась:

— Товарищ Кощей, а вы гардины вешать умеете?

— Умею... — недоумённо откликнулся Ромыч, пытаюсь понять, каким образом с уголовного кодекса они добрались до гардин. — Но я вообще-то пришёл спасибо за помощь сказать.

— Ничего страшного, я и трудовыми подвигами благодарность принимаю, — Варя хмыкнула и кивнула головой. — Проходи, Рома, сейчас будет сеанс беспощадного эксплуатирования грубой мужской силы...

— Чего?!

— Блин, Костин... — девушка вздохнула и, подойдя к дверям, дёрнула его за руку, затаскивая в квартиру. — Я даже стесняюсь спрашивать, о чём ты сейчас подумал. А надо-то всего лишь прикрутить на место свалившуюся гардину, лишь чудом не прибившую обнаглевшую кошачью морду, вознамерившуюся покачаться на шторах!

И Кощей сам не понял, как оказался балансирующим на табуретке, с зажатой в зубах отвёрткой. Руками удерживая гардину на нужной высоте, парень честно пытался осознать, каким таким хитрым образом его загнали на верхотуру и как отомстить за это одному вредному бухгалтеру с длинной косой. А ещё отчаянно старался не грохнуться вниз, не выколоть себе глаз отвёрткой и не обращать внимания на действительно в край обнаглевшего кошака, пытавшегося отвоевать у незнакомца облюбованный им лично табурет!

Цирк-шапито отдыхает, блин! Хорошо ещё банда не видит, чем он тут занимается...

— Выше, — скептически критиковала откуда-то снизу Варя, попутно поглядывая в сторону кухни и периодически скрываясь в неизвестном направлении. Что бы из глубины квартиры вновь раздалось. — Выше и левее! Костин, я верю, что глазомер штука исключительно индивидуальная и не каждому дана! Но в суровых условиях суровых отечественных строительных гостей, я тебе по собственному опыту советую вымерять не по логике, а по потолку!

— Без сопливых солнце светит... — пробормотал себе под нос Ромыч, пытаюсь вернуть

вредный шуруп на полагающееся ему место.

— Ма, дядя обз... Обл... Дядя ой! — тут же выдало трёхлетнее чудо, сидевшее в кресле и увлечённо донимавшее кота игрой в Ай-Болита.

Кот был против. Но его мнения не спрашивали, успев отловить в тот самый момент, когда огромная, чёрная махина попыталась устроиться на табуретке поверх ног самого байкера.

— Это потому, что у дяди велосипеда нет, — откликнулась Варька, вновь появившись на пороге комнаты. — А появится, так дядя сразу похорошеет... Жаль, что не поумнеет. Кощей, я же сказала, по потолку вымеряй! Потому что по логике тут всё равно нет ни одной прямой линии!

— Варя, я тебя чем хочешь молю... — зло пыхтя, Ромыч приподнялся на цыпочки, пытаясь найти в каком месте застряла эта долбанная гардина. — Не говори мне под руку, женщина! В конце концов, кто из нас мужчина в этом доме?!

— Э... Это был риторический вопрос, надеюсь? — задумчиво переспросила Варвара, высвободив из вражеского плена домашнего любимца и подхватив дочь на руки. Марья против такого поворота совершенно не возражала, с любопытством следя за действиями «бжкера», как она легко и не задумываясь окрестила Кощея. — Потому что в этом доме единственный мужчина и то, условно, кот по кличке Кошмар. В остальное время я за него... За мужчину в смысле.

— Варвара... — проникновенно выдал Костин, раздосадовано приложившись лбом к несчастной гардине. — Иди ты... На кухню! Борщ доваривать! И не мешай мне!

— Вообще-то, не борщ, а солянка, — фыркнув, девушка только плечами пожала, направляясь в сторону кухни. И лишь на пороге комнаты обернулась, решив что-то добавить. — Только поосторожнее, Ваше Кощейство. У этой табуретки ножка подла...

А дальше произошло, собственно, несколько событий одновременно. Ножка у табуретки предательски подломилась, не выдержав веса далеко не маленького мужчины, отнюдь не самой скромной комплекции. Гардина с душераздирающим треском переломилась пополам, пополнив ряды сломанной мебели. Сам же Кощей несколько секунд удивлённо балансировал на самом краю, отчаянно пытаясь сохранить равновесие.

Что бы с традиционным и даже в чём-то цензурным воплем «Вашу ж мать!» рухнуть таки на пол, придавив кота, получив следом по лбу останками гардины и заполучив растяжение ноги как минимум. Как максимум, сотрясение морга. Если там, конечно, было что ещё сотрясать!

Голова гудела нещадно. Пострадавшая лодыжка ныла смертным воем. Перед глазами плыло и темнело. А в голове зрела дикая, но от того очень дельная мысль. На кой чёрт он вообще решил последовать подначкам Шута? И если уж последовал, то какого ж икса через логарифм, да игреком прикрыться, он согласился повесить гардину?!

— Эй... — его осторожно погладили по щеке, вырывая из бессмысленных размышлений на тему «А что, если?». С трудом открыв глаза, Костин недовольно посмотрел на причину всех его сегодняшних бед.

Варя встревоженно вглядывалась в его лицо, явно беспокоясь о самочувствие своего помощника по хозяйству. Пальцами аккуратно и мягко скользнула в волосы, ощупывая увеличивающуюся прямо на глазах шишку и хмурилась, задумчиво покусывая нижнюю губу. Заметив, что байкер внимательно за ней наблюдает, девушка замешкалась на пару секунд, после чего выпрямилась и деловито осведомилась, помотав перед его глазами рукой:

— Сколько пальцев видишь, спящая красавица?

— Пятьдесят первая статья конституции Российской Федерации разрешает не свидетельствовать против себя, — пробормотал Кощей, с трудом сфокусировав свой взгляд на весело улыбающейся Варе. Беспокойство из глаз девушки не ушло...

Зато улыбка вышла широкой и искренней, смягчая острые черты и делая её милой и какой-то особенно домашней. И кажется, ему всё-таки не мешает провериться на сотрясение. А то мысли куда-то ну совсем не туда свернули.

— То есть если ты тут ради прикола решишь-таки отдать богу душу, на вопросы добрых дядей в погонах я могу ответить, что пациент сам отказался от реанимации и героически погиб при попытке повесить гардину вместо? — заинтересованно вскинула брови Варвара, поднимаясь и помогая встать самому байкеру.

— Я не настолько стар, что бы умереть от падения с табуретки! — попытался возмутиться Кощей, но так и не смог скрыть весёлую улыбку, появившуюся на лице против его воли.

— Такими темпами ты до старости просто не доживёшь, — уверенно заявила девушка, усаживая парня в кресло и присаживаясь на корточки рядом. — Давай. Показывай боевую рану...

— Всё нормально, — Ромыч попытался соорудить героическую мину мужественного человека. Судя по скептическому взгляду Варвары получилось не очень.

— Поня-я-ятно, — покивав головой собственным мыслям, девушка поднялась, откинув косу на спину, и позвала. — Манюня! Ваше Царское величество требуется внимание компетентного специалиста! Дядя бякер ногу ушиб! Сильно-сильно! Поможешь спасти бедного дядю бякера?

То, что лучше было сразу сознаться во всех грехах и в том, где у него болит, Ромыч осознал буквально тут же. Когда в зал заглянула трёхлетняя малышка, крепко прижимая к груди одной рукой белый чемоданчик с большим красным крестом, а другой несчастного кота, глядевшего на мир жалобными жёлтыми глазами.

— Ма... Де боит? — заинтересованно переспросила Марья, поглядывая то на замершего в кресле Кощея, то на мать.

— Ёк... — это всё, что успел сказать байкер до того, как всё сиятельное внимания оказалось отдано ему. Безоговорочно и без остатка.

А Варвара только посмеивалась и отказывалась сдаваться в ответ на жалобные и умоляющие взгляды Ромки. Вот же ж, что за бессердечная женщина, этот бухгалтер почти экономист!

Вот уж не знаю, кто там наверху отвечает за исполнение планов людских, но сегодня он был просто в ударе. Потому что даже в самых смелых своих мечтах я не могла себе представить, что в пятницу вечером буду принимать в гостях одного небезызвестного байкера.

Который окончательно доломал карниз, сломал бедную табуретку, довёл до инфаркта кота и обеспечил моё чадо прекрасной возможностью поиграть в доктора. Маня с самым серьёзным видом, вооружившись игрушечным стетоскопом, обследовала грудь мученически вздыхавшего Кощея, выдавая периодически:

— Дыфите... Не дыфите... Не дыфите... Не...

— Мань, если господин бякер не будет дышать, придётся вызывать других врачей, — старательно пряча улыбку за чашкой кофе, внесла свою лепту в процесс лечения.

Господин «бякер», расположившийся на диване, с пристроенной на второй табуретке забинтованной ногой, наградил меня многообещающим взглядом. А я в ответ показала ему язык, поглаживая всё ещё вздрагивающего от испуга кота. Беднягу с трудом удалось вытащить со шкафа, куда тот забился в отчаянной попытке спастись от очередного сеанса лечения.

— Пациент сколе жив чем мёлтв, — наконец, выдал заключение доктор Ай-Болит и с важным видом покивала головой. — Нуфна ленимация!

На этой фразе я всё-таки подавилась кофе, старательно пытаюсь замаскировать смех кашлем. И ни капли, не смущаясь под укоризненными взглядами мужчины, уже успевшего получить пластиковую пилюлю, покорно позволить маленькому врачу помазать лоб ваткой, смоченной пустым флаконом из-под зелёнки...

Так. Зелёнка?!

— Я сейчас, — отставив чашку с кофе в сторону, я поспешила скрыться из комнаты, старательно игнорируя подозрительный прищур изрядно позеленевшего финансиста. И только оказавшись в ванной и обнаружив следы маленького, но всё-таки преступления, я сползла по стенке от хохота.

Ну Маня, ну даёт!

Вытирая выступившие на глаза слёзы, я в который раз подумала о том, как точно звучит утверждение «Маленькие детки — маленькие бедки!». Моё обожаемое чудо, пока я командовала нашим гостем, решила пополнить запас лекарственных средств в своём маленьком чемоданчике. И не придумала ничего лучше, чем раздобыть из позабытой на стиральной машинке аптечки полный пузырёк зелёнки, вылить его содержимое в ванну и теперь с удовольствием рисовать зелёные разводы на покорно подставленном лице байкера! Я даже не знаю теперь, как настоятельно посоветовать ему умыться...

А самое главное — чем?

Словно в ответ на мои мысли, из комнаты раздался голос байкера, нежно и ласково окликнувший мою скромную персону:

— Варвара... А не будете ли вы так любезны посетить наш скромный врачебный кабинет?

С трудом, стараясь громко не ржать, я поднялась на руки и принялась рыться в шкафчике, в поисках того, что ототрёт злосчастную зелёнку. И пару минут спустя, всё же

отозвалась:

— А заче-е-ем?

— А у пациента есть пара вопросов к заведующему отделением и начальнику реанимационной бригады в одном вашем милом, симпатичном лице! — и ведь не поскупился чёрт на комплименты, под аккомпанемент довольного хихиканье моей дочери.

— А пациент не может решить все свои вопросы со своим лечащим врачом? — пыхтя, я залезла в шкафчик под раковиной. И пропустила тот эпический момент, когда в ванну заглянул сам травмированный бякер.

И брякнул, не подумав:

— Какие интересные виды открываются в вашей больницы... Это для всех или исключительно для меня?

Нет, шаркающее шаги и весёлый смех Мани я прекрасно расслышала даже занятая своими археологическими раскопками. Но прозвучавшие слова с непонятым контекстом и ещё более непонятными интонациями оказались полной неожиданностью. И кто бы сомневался, что от неё я попытаюсь резко разогнуться, закономерно приложившись затылком об раковину так, что искры из глаз полетели.

Так что к радостно улыбающемуся во все тридцать два зуба Кощею я повернулась не задом, а передом спустя пару минут. Очень недовольным, злым и обиженным передом. И скрестив руки на груди, сощурилась, выдав:

— А вас, Кикимор Болотный никто насильно в гости не тащил. Так что извольте не жаловаться, а умыться и прибыть на кухню для обсуждения дальнейшего лечения вашей ноги... И головы.

После чего гордо удалилась из ванной, прихватив хихикающую дочь и пытаясь всё-таки громко не ржать. Особенно, когда недоумённо моргнувший Кощей, удосужился разглядеть собственное отражение. И выдать обижено, но вполне цензурно:

— Ну ёкарный баобаб...

— Ма, дядя ой? — задумчиво протянула Маня, устраиваясь на стуле за кухонным столом.

— Ну что вы, Ваше Царское величество? — потрепав её по голове, чмокнула дочь в лоб и принялась хлопотать по кухне.

Налила мелкой суп, пододвинула поближе, постелила на колени полотенце и сунула в руку хлеб. А то знаю её, либо суп либо хлеб, вместе никак! Убедившись, что любимое чадо послушно ест, занялась варкой кофе в двойном объёме, на всякий случай. И пока закипала вода в турке, добавила, тихо хмыкнув:

— Дядя просто оценил всю прелесть нашего домашнего лечения. Один вопрос, Манюнь. Ты зачем зелёнку взяла, чудо моё в перьях?

— Мой пузырьлёк потелялся... — вздохнув, созналась Марья, болтая ногами в воздухе. И зачерпнув ложкой суп, пробормотала, искренне недоумевая, чего это глупые взрослые так суетятся из-за какого-то пузырька. — А дядю бякела лечить надо... Голова бо, нога бо... Надо лечить! Я плава, мам?

И невинными глазами хлоп-хлоп, попутно прихлёбывая суп из тарелки. Попутно заметив и вазочку с конфетами, и заранее нарезанные фрукты. Я только тихо фыркнула, разливая кофе по чашкам и стараясь сильно не смеяться над всей этой ситуацией:

— Права-права Манюнь. Ешь, давай, а то остынет... Приятного аппетита!

— Пасяб, — кивнула головой дочь, вплотную занявшись собственным ужином. А я стала терпеливо ждать, пока на кухню явится наш дорогой гость. И всё равно не успела морально подготовиться к его явлению. Когда в дверях замаячила костлявая фигура, с угрюмым лицом, укором в во взгляде карих глаз и мокрой чёлкой, пытающейся криво и косо скрыть зелёный лоб, я не выдержала.

И захихикала, закрывая лицо руками.

— Смешно тебе, да? — угрожающим тоном протянул Кощей, устраиваясь на свободной стуле. Ещё и нахмурился, прорезая зелёный лоб морщинками. Глядя на это зрелище сквозь пальцы, я икнула, тонко всхлипнула и предпочла вернуться к кофе, игнорируя возмущённое пыхтение за спиной и возмущённый взгляд.

Оно как-то безопаснее будет!

Отвлёкшись на привычный для меня ритуал священнодействия, связанный с превращением молотых зёрен арабики в терпкий, пряный и ароматный напиток богов, я на время выпала из реальности. Зато когда добавила последний штрих в виде специй и повернулась, собираясь сказать что-то колкое в адрес гостя, чуть не выронила чашки на пол. А почему?

А потому что этот самый гость с самым покорным видом позволял мелкой кормить себя с ложечки. Ещё и головой кивал под уговоры Манюни «За маму, за папу, за Валю, за Маню...». Я даже не нашлась что сказать, глядя на это безобразие. Только фыркнула, плечом дёрнула и поставила чашки на стол, пробормотав:

— Вместо того, что бы объедасть ребёнка, товарищ Кощей, можно попросить себе порцию! Я не жадная, мне тарелки супа для оголодавшего Костлявого Величества не жалко!

— А можно? — и столько надежды во взгляде, что я вновь потеряла дар речи. Правда, в этот раз от чьей-то непрошибаемой наглости. Ещё и на Маню покосился, которая доедая свою порцию не применула поддакнуть:

— Ма, ещё ням! И дяде ням! Моно?

И как тут отказать, такой-то двойной порции обаяния, невинности и настойчивости? Пришлось с тяжким вздохом подчиняться большинству, доставая тарелку и наливая ещё солянки. Попутно пытаюсь понять, каким-таким интересным образом звёзды на небе встать умудрились, раз вместо разбора полётов для банды вышли почти семейные посиделки, плавно переходящие в совместный ужин?

Ей богу, если подумать и взглянуть на ситуацию непредвзято, мы с Кошеем сегодня напоминаем женатую пару, состоящую в браке лет пять точно, не меньше. И почему-то меня это ни капли не напрягает, ну вот совсем!

Повод задуматься, что ни говорите...

В следующие минут пятнадцать в небольшом помещении, резко показавшимся ещё меньше, с учётом сидящего за столом долговязого байкера, царила блаженная тишина. Маня усиленно доедала вторую порцию супа, Кощей соревновался с ней в скорости поедания. А я цедила кофе, флегматично отодвигая периодически, то от одного, то от второго вазочку с конфетами и фруктами. На умоляющие взгляды я не реагировала совершенно, задумавшись о том, как избавить господина финансиста от зелёной метки на лбу.

Теперь, познакомившись поближе с большей частью банды, я прекрасно представляла, какая черед насмешек и подколов ждёт несчастного Кощея по прибытию в клуб. Тот же Шут от насмешек не удержится точно, а за ним и остальные подтянутся, не желая упустить хоть малейший повод подействовать на нервы казначею всея банды. Один вопрос, чем же

известии эту зелёнку с бледной кожи?

— Ма, я всё! — отодвинув тарелку, моё чудо прыгнуло с табуретки, утёрло моську полотенцем и унеслось в сторону зала, успев опустошить вазочку наполовину. Спустя пару минут из комнаты раздалось жалобное мяуканье Кошмара и звук работающего телевизора.

— Кот должен выжить, — крикнула вслед дочери, поднимаясь с табуретки и убирая посуду в раковину. И включив чайник, почесала бровь, задумчиво разглядывая баночки с приправами и прочими, необходимыми каждой уважающей себя ведьме ингредиентами.

ТЬфу ты! В смысле, каждой уважающей себя домохозяйке, да. И сейчас этой самой хозяйке стоило бы вспомнить как быстро и без труда убрать зелёнку с морды лица своего гостя. В распоряжении спирт, уксус, лимон, хлорка (хотя сомневаюсь, что это полезно для кожи лица) и...

Жидкость для снятия лака. С ацетоном. Интересно, стоит ли говорить пациенту о том, чем я буду его «лечить» или лучше не разглашать такую секретную информацию?

— Варвара.... А ты что задумала? — подозрительно поинтересовался Костин, прерывая мои размышления на самом интересном месте.

— Убрать последствия домашнего лечения, — честно призналась я, вытаскивая из шкафчика нужный флакончик и ватный диск. И повернувшись к парню, подкинула в руке бутылочку, состроив зверское выражение лица. — Ну что? Давай-давай лечиться? Или предпочитаешь ходить как Халк после концлагеря?

— А у меня есть выбор? — Кощей вздохнул и закрыл глаза, задрал голову. Всем своим видом выражая полную готовность принять все кары, что Судьба в моём скромно лице для него приготовила. Я даже загордилась собой, минуты так на две.

После чего со вздохом, принялась стирать зелёные разводы, попутно отмечая и круги под глазами, и лёгкую измождённость на лице байкера. Кажется, кому-то в последние пару недель было ох как не скучно жить и работать, поддерживая организм ударными дозами кофеина и никотина.

Чудодейственная «Прелесть» справилась с задачей на раз. Но оглядев результаты своего труда, я вытаскала детский крем и аккуратно, осторожно смазала пострадавшее место. Подула, ероша тёмные волосы и выдавала, стараясь не смеяться:

— Ну что, пациент, жить будете. Но попадать в руки нашего доктора я вам всё-таки не рекомендую. А то потеряется у неё ещё какой-нибудь пузырьрёк, отмывай вас потом, успокаивай...

— Язва вы, товарищ бухгалтер почти экономист, — пробормотал Кощей, приоткрыв один глаза. — Я вообще-то пришёл спасибо сказать, за то, что с проверкой помогла. А ты...

— Признаю, была не права, — покаянно вздохнула, устраиваясь на соседнем стуле и подпирая подбородок кулачками. — Но заметьте, господин финансист... Я тебя накормила, полечила и даже от зелёнки отёрла! Так что, считай, что мы в расчёте! Ну, за исключением паломничества вашей банды в мой скромный магазин.

— Паломничество?!

— О, а кто-то так выпал из жизни клуба, что не увидел какие интриги плетутся у него под носом? — я удивлённо склонила голову набок, глядя на озадаченного Кощей. Судя по его слегка офигевшему взгляду и резвому мотанию головы, Костин точно не знал о том, что творят друзья за его спиной.

Счастливым человеком, пребывающим в неведении! Правда, недолго. Ровно столько, сколько мне понадобилось, что бы сварить ещё одну порцию кофе с пряностями, сделать

пару бутербродов и устроиться со всеми удобствами на облюбованной табуретке. И со всеми подробностями, в красках и лицах рассказать Кощеюшке о том, как день за днём его друзья-байкеры появлялись в нашем магазине. Доводя до удивления меня, до нервного тика и кровавых слёзок Леночку и медленно, но верно выводя из себя несчастного Петю.

А ещё о том, как они тайком, почти незаметно блин, пытаются оказать хоть какую-то финансовую помощь моей скромной персоне. Причём мне даже предьявить-то им толком нечего! Похлопают глазами и скажут, что всего лишь честно отвечали на вопросы знакомых и товарищей, после приобретения украшений ручной работы, приобретённых в нашем магазине. И да, подумаешь, чуть-чуть порекомендовали коллекционерам винила хороший магазин...

Что тут такого-то?

— И как апофеоз всего этого театра абсурда, сегодня вечером ко мне в гости нагрянул ты, — закончила я свой рассказ, стащив из-под носа Романа последнюю конфету.

Конфету проводили обиженным взглядом, но отбирать не стали. Зато усмехнулись и кивнули головой, допивая кофе:

— Похоже, нужно будет мстить. С чувством, с толком, с расстановкой... Леночку не одолжишь?

— Забирай, — махнула рукой, стараясь широко не улыбаться. — Только претензии за пострадавшую неокрепшую психику окружающих не принимаются. Сиё оружие массового поражения лично я мечтаю сбавить последние пару лет в надёжные, ежовые рукавицы какого-нибудь специфического заведения. Подумывала о БДСМ-клубе... Но может, ваш клуб что-нибудь предложить сможет?

На последней моей фразе Кощей подавился и закашлялся, кидая на меня красноречивые взгляды. Я в ответ невозмутимо похлопала в ладоши, прежде, чем встать и поставить перед несчастным стакан воды. Выпив который, Ромыч вздохнул, выдохнул и задумался, пробормотав себе под нос:

— Может её того... Лектору на перевоспитание отдать?

— Лектору? — заинтересованно наклонилась вперёд, пытаясь припомнить, кого таким красивым прозвищем наградили.

— Ага. Ганнибалу Лектору, — и так улыбнулся, что я невольно посочувствовала Леночке. Заочно, так сказать. — Он у нас... Мастер по таким вот вишнёвым девочкам.

— Мазохист? — я озадаченно почесала бровь, пытаясь представить, каким надо быть человеком, что бы иметь такое интересное хобби.

— Гм... — Кощей озадачился ещё больше, медленно допивая воду. — Никогда об этом не задумывался. Поинтересуюсь при случае...

И замолчал, порою кидая на меня странные взгляды. Прямо даже интересно, о чём его сиятельство думать изволит и к каким выводам придёт? И самое главное, чем мне эти странные, почти семейные посиделки грозить могут?

Наконец, спустя минут десять, когда я уже успела смотаться в зал, обнаружить там спящую дочь, в обнимку с котом и вернуться обратно, занявшись мытьём посуды, Ромыч тихо хмыкнул и выдал:

— Варь, пойдем, покатаемся, а?

От неожиданности я уронила тарелку в раковину, чудом её не разбив и выдала, ошарашено:

— Чё?!

Вечерний двор был наполнен тишиной и покоем. И сидя на собственном байке, Кощей вертел в руках шлем, улыбаясь и шурясь на заходящее солнце. Настроение, не смотря на ноющую ногу, пострадавший затылок и лоб, было офигенное. А предстоящие гонки по трассе, навстречу ветру и свободе только разжигали в груди тёплый ком азарта и предвкушения. Осталось всего ничего...

Дождаться пока соберётся Варя, попутно вызванивая какого-то Варяга, что бы присмотрел за Марьей. Что это за Варяг, Костин особо не вникал, но отчего-то очень надеялся, что данный представитель мужского рода и племени Варю рассматривает только в качестве друга.

Вот такое вот странное желание, учитывая, что он её в качестве девушки вообще не рассматривает. Да и у него уже есть любовь, пусть и безответная, разве нет?

Пристроив шлем на руле, Ромыч опёрся на него руками, задумчиво сцепив пальцы в замок. И честно, положив руку на сердце и собственную кочуху, попытался понять, что ж его связывает с вредной девицей, обременённой нелёгким характером и трёхлетним ребёнком. Ну кроме вместе пережитой налоговой проверки и сегодняшнего сеанса лечения, конечно же.

Как ни странно, мысли на сходку прийти отказались. Всё, до чего смог додуматься несчастный байкер, так это до того, что рядом с Варей было на удивление комфортно и легко. И с Ариной стало проще общаться, когда удавалось встретиться в клубе, и на счастливых друзей он смотрел без былого надрыва, не портя им жизнь своей кислой миной. Вот только было ли это действительно влияние Варвары или же влияние пресловутого времени...

Как знать? И как во всём этом вообще разобраться-то?

Хлопок двери отвлек Кощю от тяжких дум. Тряхнув головой, он выпрямился и сам не понял, как расплылся в довольной улыбке, глядя на стоящую перед ним Варьку. Недовольно хмуря брови, прикусив губу, девушка постукивала ногой по примятой траве и теребя в кончик косы, перекинутой через плечо. И поглядывала поминутно, то на часы, то через плечо, хмурясь ещё сильнее.

— Эй, готова? — окликнул её Ромыч, сняв шлем с руля и протягивая его Варваре.

— Нет, — откровенно откликнулась девушка, взяв шлем и принявшись постукивать им по бедру. На часы она смотрела уже с откровенным недовольством. — Вот приедет моя скорая на помощь, и тогда я буду действительно хоть к чему-то готова. Одно радует, что ролёвка Варягу не понравилась, а знакомых там, как оказалось, кот наплакал. Так что сорвался он без зазрения совести и без лишних раздумий, да...

— Варяг? — в голосе против воли проскользнула напряжённость, вызвав недоумённый взгляд Вари, Только девушка не успела ничего сказать, заметив подкативший к подъезду потрёпанный мотоцикл с коляской.

Если память Кощю не изменяла с пенсией, то мотоцикл был старой моделью марки «Урал», которые и встретить-то сейчас почти нереально. Вот только данный экземпляр трёхколёсного антиквариата не только работал, но и лихо тормозил, оставляя за собой облако дорожной пыли. Сидящий за рулём мужчина, стянув очки-авиаторы вниз радостно сцапал в объятия подошедшую Варвару. И покружив на месте, чмокнул смеющуюся девушку

в лоб.

Ромыч нахмурился, постукивая пальцами, затянутыми в кожаные перчатки без пальцев, по бензобаку. Нет, это была не ревность. Совершенно. Какая на хрен ревность, когда они знакомы всего ничего, да ещё и знакомство это не самое приятное было?! Не, это не ревность...

Просто опасение. Мало ли какие неуравновешенные личности могут гулять в такой поздний час по полупустому двору спального района?

— Угу, — мрачно поддакнул собственным мыслям финансист, растерянно ероша волосы на затылке. — Сам-то в это веришь, а? Незнакомая, гипотетически опасная личность, которой позволяют так себя обнимать и так радостно обнимают в ответ, ага. Видимо, это и есть тот самый Варяг, друг-ролевик...

Варвара, тем временем, не замечая как всё сильнее хмуриться байкер, то-то объясняла своему знакомому, активно жестикулируя. Тот расхохотался и, потрепав её по волосам, выхватил у девушки ключи от квартиры, направляясь к двери. А сама Варька фыркнула, дёрнув плечом, и поспешила обратно, к ожидавшему её Кощею.

— Ну? Предложение в силе или ты уже раскаялся в том, что не вовремя и не той ляпнул? — сдув с носа выбившуюся из косы прядь волос, Варька лукаво сощурилась, глядя на хмурого финансиста.

Ромыч только глаза к небу возвёл, вставая и натягивая удивлённой девушке на голову шлем. После чего сделал приглашающий жест рукой в сторону собственного байка, вновь устраиваясь за рулём. Красавец «Харлей» сыто, раскатисто заурчал, напоминая собой довольного и готового к охоте хищника. А сам его владелец иронично вскинул бровь, глядя на Варвару, недоумённо застывшую в двух шагах от него.

— Нахал, — наконец, мотнув головой, Варька закрыла защитный экран и, помедлив, уселась позади Костина.

Тонкие, но сильные руки, обхватили финансиста за талию. Девушка крепко прижалась к его спине, доверчиво и по-детски наивно открыто. От этого где-то в душе зарождалось ещё неосознанное, но такое узнаваемое, тёплое чувство удовлетворения и целостности. Словно Костин, сам того не подозревая, наконец-то нашёл то, что каждый байкер ищет порою всю свою жизнь...

Дёрнув бровью, Ромыч нахмурился, отгоняя совершенно ненужные и неуместные мысли. После чего оттолкнулся, выжимая газ и уводя своего довольно рычащего зверя в сторону от жилых домов. Хватка на талии стала крепче, вызывая невольную дрожь удовольствия по телу и подстёгивая азарт. И Кощей не нашёл ни одной причины для того, что бы отказывать себе в этом.

Тем более, когда сидящая позади девушка чуть отстранилась, отдаваясь тому же пьянящему чувству свободы и полёта, когда выехав на полупустую трассу, байкер только прибавил скорости, отпуская на волю всю свою жажду и все свои желания. В пределах разумного, конечно же.

Сумерки медленно сгущались над городом, сменяя яркий дневной свет на густые, вязкие тени, скользившие вслед за мчавшимся по дороге мотоциклом. Тёплый ветер обдувал лицо, путаясь в волосах и одежде. Звуки города оставались где-то там, на краю сознания, оставляя вместо себя блаженную пустоту и восторг, наполняющий каждую клеточку организма. Потому что именно в этой скорости, в этом ощущении власти и силы, в этом неповторимом кураже свободы он чувствовал себя живым.

И стремился продлить это мимолётное ощущение. Как можно дольше, как можно больше, как можно чаще.

Скупой поток машин вскоре и вовсе сошёл на нет, стоило им выйти за пределы города. Свет фар создавал причудливые узоры по трассе, абсурдный театр теней, наполняющий густой воздух летнего вечера чем-то таинственным и неподдающимся описанию. Кто-то приветственно сигналил им вслед, кто-то что-то кричал. Но Кощей чувствовал только маленькую, хрупкую ладошку, прижатую к его груди под расстёгнутой курткой, над самым сердцем. И улыбался в ответ, не смотря на то, что Варька не могла видеть его улыбку.

— Ночь, дорога и рок... — беззвучно пробормотал Кощей, закладывая лихой вираж и с радостью чувствуя, как девушка прижалась ближе. Скорее всего с непривычки на коже останутся синяки, уж больно цепкая хватка оказалась у бухгалтера почти экономиста. Но это почему-то финансиста «Максимуса» ни капли не огорчало.

Наоборот. Согревало хлеще самого лучшего виски из коллекции самого Харлея. Того самого Ъжего и с лопатой, что так приглянулся Марье. И пьянило ничуть не меньше, оставляя на языке сладко-пряный привкус.

Поворот, ещё один, ещё. Вечер плавно перетекал в ночь, наполненную томительным ожиданием чуда. Густой воздух и запах свежескошенной травы, переплетающийся с неповторимой атмосферой города. Города, чья деловая и сдержанная часть успела заснуть, зато проснулась, забурлив его обратная сторона. Неформальная, неподдающаяся правилам и не признающая принятых в обществе норм.

Неторопливо сбрасывая скорость, Кощей свернул на набережную. Его байк мягко, почти нежно ворчал, скользя по каменным плитам. Пока байкер не решил притормозить у спуска к реке и заглушил мотор, наклоняясь вперёд и опираясь локтями на руль. Говорить ничего не хотелось, совершенно.

Молчание не напрягало. Оно было уютным, обоюдным и родным, сливаясь с размеренными ударами сердца и чувством умиротворения. Закрыв глаза, Кощей мягко улыбался, наслаждаясь окружающим его спокойствием и теплом. И чувствуя себя каким-то отдохнувшим, что ли? Как будто эта поездка с внезапным попутчиком забрала всё плохое, всё напряжение и весь скопившийся негатив.

Спустя пару минут хватка на талии ослабла, а потом и вовсе исчезла. Тихий шорох заставил парня слегка повернуть голову, отвлекаясь от разглядывания пейзажа и последних ярких красок догорающего заката. Варвара медленно выпрямилась и спрыгнула с байка на землю, стягивая шлем с голову. К вящему удивлению самого Кощей, каких-либо комментариев не последовало.

Девушка просто села боком позади него и в свою очередь облокотилась на спину Ромыча, пристроив подбородок на его плече. Мягкие волосы смешно щекотали щеку, а прохладная, нежная кожа касалась его виска. И от таких вот невинных, ничего не значащих прикосновений почему-то хотелось зажмуриться, мурча как самый настоящий кот. Странное, несвоевременное, но очень уж заманчивое желание, что не говори.

А ещё пугающее и непривычное. Это ведь вредный бухгалтер почти экономист, по имени Варвара. И она ему точно не нравится, вот совершенно точно!

— Время выбирать... Остаться или, бросив всё... Бежать к перекрёсткам дорог? Нечего терять! Тем, кто никогда не ждали... Чья судьба — ночь, дорога и рок... — тихий голос Варвары оказался на удивление мелодичным, низким, с лёгкой хрипотцой, но мягкостью и нежностью. Хотя Ромыч мог поклясться, что никогда не слышал эту песню, вот ни разу!

Девушка же, вздохнув, прижалась плотнее, пряча руки под курткой байкера, забираясь озябшими пальцами под футболку:

— Вот значит, чем живёт простой Кощей... Даром, что не бессмертный, — и тихо хмыкнула, уткнувшись лицом в кожаную куртку. — Ночь, дорога и рок... Свобода и ветер в волосах. И байк, который больше, чем мотоцикл и лишь чуть меньше, чем ты?

— Ага, — чуть помедлив, откликнулся Ромыч, прижавшись щекой к затылку девушки и бездумно переплетая её пальцы со своими, согревая хрупкие ладошки. И прежде, чем понял, ляпнул. — Знаешь, Варь... Я тут чё подумал... Вот как девушку я тебя не могу рассматривать, да. Но как друга...

Вечер перестал быть томным ещё до того, как Роман закончил собственную мысль. Варя как будто закаменела, выдержав долгую, очень долгую паузу. И только спустя минуты три с ноткой обречённости пробормотала:

— Умеешь же ты всю романтику на корню загубить, Кощей. Вот честное слово! Молчал бы, цены бы тебе не было... А теперь я даже не знаю, как тебя назвать, что б не матом прозвучало... Одно слово, бякер, блин!

И приложила его кулаком между лопаток. Не сильно, но чувствительно. Потом ещё и ущипнула мстительно за бок, снова спрыгивая на землю. Кощей же озадаченно потёр затылок, совершенно не понимая, что он такого сказал...

А самое главное, как это теперь исправить и стоит ли исправлять-то?

* * *

Песец. Большой, толстый, пушистый и очень полярный песец. И эта наглая лисья морда посмела явиться ко мне в гости в самый неподходящий момент. Отправив в малый, не самый приличный пеший тур и мечты, и желания и хорошее настроение, да.

Вздохнув и ссутулившись, я пнула носком кеда валявшийся под ногами камень. В двадцать семь лет пора бы уже перестать верить в сказки, Варенька. Но нет, мы же не ученые, по полю из граблей не ходившие и вообще, совершенно не понимающие никаких намёков, признаков и знаков судьбы женщина. Которая стоит теперь на набережной, рядом с симпатичным мужчиной на шикарном байке и вспоминает правила ведения бухгалтерского учёта...

А то руки так и чешутся отвесить кое-кому подзатыльник в чисто воспитательных целях. И вот вроде бы не сказал Кощеюшка ничего такого криминального, неожиданного и непредсказуемого, но поди ж ты. К рукоприкладству тянет просто с немыслимой силой.

— Ва-а-арь...

— Рома, молчи, — дёрнула плечом, нахмурившись и качнувшись с носка на пятку и обратно. — Вот калькулятором любимым заклинаю... Молчи!

— Ва-а-аря-я-я...

— Коще-е-ей, ты же не хочешь проверять теорию о собственном бессмертии? — я скосила глаза на этого гада обаятельного и скрипнула зубами. Костин улыбался, широко и весело, щурился довольно и глядел на меня с какой-то таинственной хитринкой...

Блин, и почему тут рядом нет магазина со сковородкой по акции? И удовлетворение бы от мести получила и приобретение полезное совершила. А то моя кухонная утварь оставляет желать лучшего.

— Ну, Ва-а-аря... Ты чего, обиделась что ли?! — и такая бездна удивления и недоумения в голосе, что я даже подавилась воздухом от неожиданности. После чего крепко задумалась.

О том, что я не красавица, я и без Кощея прекрасно знаю. Как знаю и о том, что женщина с ребёнком не самый желанный объект для отношений вообще и в принципе. А ещё я знаю, что байкеры ценят свою свободу и очень ревностно относятся к своим увлечениям. И к тому, кого и как подпускать к самому драгоценному, своему байку.

Меня до байка допустили, да. Только как я и думала, предложение было спонтанным. И никакого дополнительного подтекста не несло. Впрочем, с другой-то стороны, я что, на что-то ещё надеюсь, после почти трёх лет жизни в роли матери-одиночки и неудачного брака?

Почесала бровь, задумчиво прикусив губу и вновь качнувшись с пяток на носки и обратно. Надежда, она, конечно, погибает последней, это факт. Но если уж мне так «везёт» и вместо каких-то романтических прелюдий досталось предложение дружбы с чокнутым байкером...

Почему бы и нет, собственно? За одним, может получится выжить-таки Леночку с места продавца-консультанта, занимаемого ею исключительно за красивые глазки и нашпугатуренное личико. Если уж не получилось замуж выйти, может получится, хоть так познать все прелести подобного знакомства?

— Рота подъём! — вопль, раздавшийся прямо за моей спиной, был не то, что бы неожиданным явлением, нет. Краем глаза я была удостоена чести лицезреть попытку некоторых костлявых личностей подобраться ко мне незамеченным.

Вот только я хоть и понимала, что Костин явно что-то задумал, но уж точно не ожидала, что ему в голову придёт безумная мысль схватить меня в охапку и, закинув на плечо, потащить обратно к байку.

— И как это понимать? — озадаченно протянула, повиснув в чужой хватке и задумчиво созерцая филейную часть парня.

Мило, симпатично, но... А он вообще нормально питается или к недосыпу ещё и недоедание добавить можно? Честное слово, я с голодухи и то, не так прискорбно выгляжу.

— Не люблю, когда меня игнорируют, — фыркнув, Кощей усадил меня на байк и не оставил и шанса на побег, поставив руки по бокам от меня. И брови изогнул ехидно, полюбопытствовав. — Ну что? Мир, дружба, жвачка? Или я всё-таки разбил нежное, девичье сердце?

И вот не поймёшь так сразу, то ли язвит, то всерьёз обеспокоен данным вопросом. Я на такое наглое заявление только хмыкнула, скрестив руки на груди.

— Эй, тут кто-нибудь живёт? — и постучала ему по лбу, игнорируя обиженный взгляд финансиста. — Костин, ты о себе слишком много думаешь. Да, симпатичный. Ага, обаятельный. А ещё наглый, беспардонный, грубый, невыносимый... А, нет, пардон. Выносимый. С такой конституцией тела вынести тебя можно будет даже через дверной проём самой захудалой хрущёвки, — Ромыч глаза к небу поднял, что-то пробормотав себе под нос, а я всё-таки закончила свою мысль. — Но до того, что бы разбить моё девичье сердце ты, увы, не дорос. Так что... Мир, дружба жвачка, да.

Помолчав немного, сама не понимая почему, качнулась вперёд, уткнувшись носом в воротник куртки байкера. Вдохнула аромат мягкой кожи, терпкий запах мужского парфюма, как никогда идеально подходивший Кощейю, оттенённый запахом бензина и машинного масла, нагретого металла...

Острый приступ жалости за несбывшиеся и толком не оформившиеся мечты прошёл так же стремительно и внезапно, как и нагрел в гости. Тряхнув головой, я ткнула Костина кулаком в бок и насмешливо протянула:

— А теперь не будете ли вы так любезны, Ваше Кощейство и не доставите ли бедную даму не вашего сердца до дома? На ваш дом не согласная, так что везите туда, откуда взяли!

— А можно ещё круг? Пожалуйста... В качестве компенсации за моё косноязычие, — блеснул познаниями в литературной речи Костин, заглядывая мне в глаза. И я не смогла отказаться...

Почему-то слишком велико было искушение вновь почувствовать себя стремительно летящей стрелой, ощутить дрожь и вибрацию мощного зверя и спрятаться за пусть и не широкой, но надёжной мужской спиной.

В конце концов, побыть сильной, смелой, гордой и самостоятельной я ещё успею, а вот на «Харлее» прокатится мне, вряд ли кто-то предложит дважды.

— Ладно. Ещё раз, — я кивнула, натягивая протянутый шлем и вновь устраиваясь позади байкера. И старательно игнорируя предупреждение инстинкта самосохранения, настойчиво шептавшего о том, что мне эта ночная прогулка аукнется и ещё не раз.

Ночь давно вступила в свои права, разогнав остатки вечерних сумерек, сменившихся чернильной чернотой, с редкими вкраплениями ярких звёзд. Уличные фонари освещали дорогу, сливаясь в светлую полосу по краю обочины. Редкие машины сигналили вслед мчавшемуся вперёд байку. А сам Кощей ловко маневрировал, потерявшись в скорости, ветре и ощущении полёта, накрывающего с головой, погружающего в себя без остатка. И я терялась вместе с ним, закрывая глаза, позволяя не думать, а чувствовать и остро не желая расставаться с этим ощущением спокойствия и уверенности, исходившим от сидящего впереди мужчины.

Вот только, как и всё хорошее в моей жизни, и эта поездка подошла к концу. Мягкий, осторожный толчок вывел меня из своеобразного транса, заставив недоумённо моргнуть и откинуть защитный экран, глядя невидящим взглядом на родной двор. Мой любимый малыш притулился под деревом, одинокий и позабытый хозяйкой. Тусклый свет в редких окнах остро намекал на поздний час и совсем уж недетское время моего возвращения. И вздохнув, я нехотя отстранилась, спрыгивая с мотоцикла на тротуар, снимая шлем и отдавая его владельцу. Кощей смотрел на меня странно задумчиво, хотя темень стояла такая, что я с трудом угадывала очертания его лица...

Так что спорный вопрос, какой он у него, этот самый взгляд, от которого почему-то сердце пропустило удар, а в душе поселилась тонкая грусть. Видимо вот так и рушатся самые грандиозные планы, оставляя после себя привкус несбывшихся надежд. Но я ведь и не надеялась, верно? Во всяком случае, не сильно и не до конца.

— Спасибо за вечер, — хмыкнув, перекинула косу через плечо, по старой привычке засунув руки в задние карманы джинсов. — И, пожалуйста. Воздержитесь от визитов в наш магазин хотя бы неделю. Я-то привыкшая, Маня тоже против не будет... Но Леночка это такой дикий зверёк, который вроде бы и скромных размеров, но с амбициями, давно перегнавшими по высоте Эйфелеву башню. А после ваших дружеских посещений она остаётся в слезах, с разбитым сердцем, рухнувшими надеждами и стойкой нелюбовью ко мне. А мне ещё договора подбить надо.

— Не могу обещать, — тихо фыркнул Ромыч, приподнявшись и погладив меня по щеке. Жест явно вышел спонтанным. И я, и он замерли на месте от неожиданности, пока парень не

додумался убрать руку. — Просто Марья обладает такой бездной обаяния, что без неё становится скучно и тоскливо на свете жить. А нам, в свете некоторых событий, просто жизненно необходим заряд позитивной энергии.

— Ладно, — вздохнув, я сжалась над бандой байкеров и припечатала. — Пять дней. Ни больше, но и не меньше! У меня завал по бумагам, заказам и злющая Леночка это не тот фактор, который помогает справляться с таким наплывом работы.

— Договорились, — тяжело вздохнув, согласился байкер и натянул шлем. «Харлей» сыто, раскатисто заурчал, готовясь взять с места с низкого старта. — Тогда... До встречи?

— Угу, — кивнув, я развернулась и зашагала к подъезду, не оборачиваясь и старательно отгоняя от себя все воспоминания о сегодняшней поездке. Хватит, Варя. У тебя есть дочь, друзья, работа и хобби.

Боюсь, не только для тебя места нет в жизни неординарного байкера, но и для него нет места в моей судьбе. И нечего всякие посторонние мысли думать, гадать и представлять!

Варяг открывший мне дверь вопросов задавать не стал. Совершенно. Только буркнул что-то про «непутёвых кавалеров» и потащил мою вяло сопротивляющуюся персону на кухню. Друг-ролевик в свободных штанах с множеством карманов и светлой футболке производил собой неизгладимое впечатление. А уж когда этот амбал принялся хлопотать по кухне, напевая какую-то балладу себе под нос, я почувствовала, что меня отпустило.

Я вздохнула, выдохнула и поинтересовалась громким шёпотом, почёсывая залезшего на колени кота:

— В Багдаде всё спокойно?

— Обижает, — передо мной поставили большую круглую чашку с крепким чаем авторской сборки Варяга. Он с ролёвками и реконструкциями от кофе отказался от слова совсем. И активно пытался привести меня в свою чайную религию...

Правда, я пока что успешно сопротивлялась, отвоёвывая своё право на ежедневную дозу кофеина.

— Останешься? — сделав первый глоток, я закрыла глаза, наслаждаясь согревающим теплом, поднимающимся изнутри.

— Ты чего, мать? — тихо хохотнув, друг уселся напротив, потягивая собственную порцию. — У меня завтра пара заказчиков и... Надо вернуться на ролёвку, — скривившись, Варяг тяжело вздохнул. — Приеду, разнесу всё в дребезги, зашлю разведчиков во вражеский лагерь, разложу из морально и материально, после чего вернусь и сразу же за заказы. Кстати... — тут он сощурился, глядя на меня подозрительным взглядом. — Что это за заказ такой, с камнями размером с перепелиное яйцо?

Я от неожиданности подавилась чаем, закашлялась и...

Поняла, что этому викингу, внушительных размеров, удалось вывести меня из печальной задумчивости, навеянной заявлениями Кощея и проведённым с ним временем. И широко улыбнулась, погрозив ему кулаком:

— Ладно. Разберусь. Оставь в коридоре, на зеркале этот злосчастный заказ. Я посмотрю, кто, куда и когда пойдёт за этими самыми брюликами. Я прям даже догадываюсь кто...

— Она должна выжить. Или не оставить следов своего исчезновения... Ну хотя бы на первое время, — флегматично протянул друг, отставляя кружку. Поднявшись он чмокнул меня в лоб и поспешил скрыться в коридоре, пока я переваривала очередную порцию шоковой терапии в его исполнении.

— Варя-я-я-г... — протянула негромко, но с чувством и с расстановкой. Ответом мне послужил хлопок входной двери, намекающий на то, что ролевик поступил в лучших традициях ассасинов из рода тёмных эльфов...

В смысле, скрылся с места преступления до того, как я сообразила, чем бы его таким догнать, дабы не заронял в душу мою крамольные мыслишки. Я только головой покачала, продолжив пить чай и...

Не думать ни о чём. Вытащив телефон, порылась в плейлисте, ища какую-нибудь песню, подходящую под настроение. Как ни странно, выбор пал на некстати вспомнившуюся мне сегодня группу Louna. И задумавшись на пару мгновений, я всё же нажала на воспроизведение, вслушиваясь в сильный голос солистки, негромко раздающийся в тишине квартиры.

— В каждой притче есть мораль: круг сжимается в спираль... Зло всегда вернётся злом, что мы сеем, то пожнём... Знаю я — спасут всех нас не молитвы, не намаз... В глубь себя ты посмотри и увидишь, что у нас внутри...

Песня звучала вновь и вновь, поставленная на повтор воспроизведения. А я сидела, почёсывая придремавшего на коленях кота, и смотрела в окно. И сама не заметила, как уснула, прислонившись боком к стене, положив голову на скрещенные на столе руки.

Что бы по утрам проснуться от грохота табуретки и уже привычного удара пультом по голове, с неизменным:

— Кучи мутики!

И потирая затылок, глядя на счастливо улыбающуюся Маню, тискающего задушенного мяукающего кота, я не могла не улыбнуться в ответ. Какой байкер может сравниться с моим личным, обожаемым чудом? Правильно, никакой!

Глава 8

— Нет, ну это, уже, ни в какие ворота не лезет... — выдохнула я, с трудом вытаскивая огромный пакет с мусором из собственной комнаты, и бодро волоча его в сторону коридора.

Пакет шуршал, упирался, цеплялся за мебель. Кот прыгал следом, пытаясь утащить торчавший из пакета кончик шнурка. И только моё обожаемое чудо сосредоточенно сопело, водя карандашами по листу бумаги. Радует, что в этот раз по чистому, а не украшает очередную порцию важных документов нашей бедной бухгалтерии.

Печалит, что при этом количество мусора в комнате увеличивается просто-таки в геометрической прогрессии. Привередливая Маня раз за разом отвергала рисунок за рисунком, добиваясь одного ей ведомого совершенства. И я даже боюсь предположить, кому ж она так старательно подарок готовит.

Уж больно загадочной выглядит Царевшна, кося хитрым взглядом на меня.

Дотасив пакет до входной двери, я плюхнулась на тумбочку для обуви и почесала затылок, оглядывая небогатую, но хорошо подобранную коллекцию. Итогом моего приступа любви к порядку стали пять, забитых под завязку мешков хлама из одной только комнаты. Учтывая, что в квартире их три, пять мешков — это не предел, то меня уже пугают открывающиеся перспективы!

Нет, ну как так получается-то? Как вещи куда-то поставить, мебель какую — так места нет. А как начинаю прибираться, так пентхаус, не иначе!

— Ма, а гости буут? — выглянувшая в коридор Марья застенчиво шаркнула ножкой, пряча руки за спиной.

Глядя на окружающий нас хаос, я нервно хохотнула и ответила, почесав бровь:

— Нет, Манюнь. Гостей не будет. В ближайшую неделю точно.

— Почему-у-у? — дочь подошла ближе, заглядывая мне в глаза и робко улыбаясь. И выждав минуты две, протянула мне. — А я Ъжему подалок плиготовила...

— У Ъжего и конопатого, вместе с его свитой маленьких, рождественских оленей на этой неделе дел много, — фыркнув, я сдула с носа прядь волос, выбившуюся из-под косынки. — А что за подарок? Покажешь?

— Ня, — мелочь гордо протянула мне сложенный пополам листок бумаги, изрисованный фломастерами и карандашами. Попутно Марья кидала заинтересованные взгляды на шнурок, валявшийся на одном из пакетов.

Обычный такой, длинный шнурок от ботинка, с оборванным и пожёванным фантиком на конце. Я нашла это сокровище в самом дальнем и пыльном углу комнаты, под кроватью. И вздохнула, разворачивая рисунок:

— Бери.

— Лю тя, ма! — засиявшая как лампочка дочь, сцапала добычу и с воплем предводителя индейцев упрыгала обратно в зал. — Впелёд, мои велные лыщали-и-и!

Шуршащая обёртка привлекла кота. И тот, недолго думая, рванул следом за Царевшной. Только тогда я поняла, что этот жёлтоглазый, тощий ночной кошмар всей моей жизни не просто так возлежал на мусорных пакетах. Он, собака, не смотря на то, что кот, прогрыз один из них, дабы добраться до пенопласта!

Вот же ж... Слов нет, одни междометия! Глядя на активно скользящего по линолеуму кота, я как никогда ясно осознавала, что закончить уборку в ближайшие несколько дней у

меня не получится. При всём моём на то желании!

— Это моё! — раздалось возмущённое пыхтение мелкой из зала. И спустя пару минут в коридоре показалась интересная процессия. Кошмар тащил в зубах конец шнурок с фантиком, следом деловито шествовала Манька, делая вид, что активно сопротивляется и упирается.

Дочь выдавала счастливая улыбка до ушей и задорный смех. Ставший громче, когда кот уселся передо мной, выплюнув кончик шнурка. Что бы тут же кинуться назад за ним, когда Маня, выждав удобный момент, рванула обратно. Хитрые манипуляции ребёнка привели к тому, что Кошмара занесло на повороте, и он поехал по линолеуму весь коридор и кухню...

Где и сбрыкал благополучно по собственным мискам. Но не сдался и воинственно мяукая бросился за уходящей из-под носа добычей. Я только флегматично проследила за происходящим и, всё же, развернула подарок для Ыжего и конопатого.

На простом листе белой бумаги стандартного офисного формата было изображено...

Склонив голову набок, я пыталась понять, что ж тут изображено. Угадывались очертания дома, отдалённо напоминающего наш магазин. Очень отдалённо и опознать можно было только по чему-то похожему на ноты, на очень кособокой табличке. В углу рисунка старательно нарисовали солнышко и кривоватые сердечки, почему-то синего цвета. Или это облака?

Тихо фыркнув, я принялась разглядывать творчество дочери рядом. Судя по всему вот это длинноволосое существо, нарисованное по принципу «палка-палка огуречик, вот и вышел человечек» — это я. И я держу за руку самого автора рисунка, с воздушным шариком в руках. Чуть в стороне кто-то очень большой и очень... Оранжевый. На большой апельсин похожий. Волосатый такой большой апельсин...

Ставлю свою месячную зарплату, что это и есть тот самый Ыжий и Конопатый. И даже сказать ничего не могу, связного, кроме сдавленного хохотом «Похож». Выглянувшая из зала Маня только обиженно губы надула, глядя на хихикающую меня.

Я же, кое-как успокоившись, снова вернулась к рисунку, заметив чуть в стороне ещё одного «человечка». Почему-то в чёрном и с ромашкой в руке.

— Ваше царское величество, а не будете ли вы так любезны подойти? — задумчиво позвала дочь, пытаясь понять, кого это она так старательно изобразила. Да ещё и с цветком.

Вариантов было много, за прошедшую неделю я повидала байкеров всех мастей и видов, с такими тараканами, что моя собственная сборная команда насекомых нервно курит в сторонке. Каждый обладал неповторимой харизмой, запоминающимся внешним видом и оттачивал собственный сарказм и ехидство на несчастной Леночке. Впрочем, последнюю было не очень-то и жалко.

Я бы даже добавила, что так ей и надо. Больше времени будет уделять работе, а не собственному внешнему виду, который ни один из байкеров так и не оценил. Про новый контингент покупателей я вообще молчу, те на нашу вишнёвую девочку смотрели как на экспонат кунсткамеры. Только что не интересовались, как она оттуда слинять сумела.

— Маню-ю-юнь? — позвала снова, так и не дождавшись ответа от дочери. И, озадаченно почесав бровь, отложила рисунок. Повисшая в квартире тишина ничего хорошего не предвещала. Так что, пожелав себе удачи, я отправилась выяснять, чем же таким особо важным занято моё любимое чадо, что даже на зов не откликается.

Как гласит древняя народная мудрость, чем тише ведёт себя ребёнок, тем страшнее заходить в комнату. Практика материнства только подтверждает данное умозаключение.

Поэтому, прежде, чем войти в зал, я сделала пару глубоких вдохов. И всё равно оказалась не готова к представшему передо мною зрелищу.

— Ну Марья-а-а... — увидев, что творится в комнате, я где стояла, там и сползла медленно на пол, не зная, то ли мне плакать, то ли смеяться, то ли всё-таки пригрозить кое-кому неугомонному старым армейским ремнём.

На журнальном столике были раскиданы атрибуты борьбы каждой женщины на красоту. В смысле тушь, тени, румяна, тональный крем, помада. И многое другое, что может пригодиться при наведение марафета, оставшееся у меня с времён замужества и студенческих вечеринок. Кое-что я купила не так давно, кое-что явно требовало проверки по срокам годности, а кое-что явно грозило перейти в раздел антиквариата. Потому как я понятия не имею, когда я себе могла купить мягкие тени для век и зачем они мне понадобились, если последние пару лет я довольствуюсь исключительно лосьоном, тушью и блеском для губ.

И то, не всегда и не каждый день. Впрочем, раскиданная и открытая косметика это ещё цветочки. Ягодкой сегодня была грандиозной красоты мадам, замершая перед настольным зеркалом, явно притащенным из моей спальни, совмещённой по случаю с мастерской.

Щеголяло это чудное видение в моих туфлях на каблуках, великоватых ей раза в три, если не больше. В тунике яркого красного цвета, смотревшейся на маленьком теле как цельное бальное платье. Перьевое боа заменила разноцветная ёлочная мишура, оставшаяся с Нового Года, кокетливо перекинута через плечо. А на темноволосую макушку натянули соломенную широкополую шляпку, с огромными подсолнухами в качестве украшения.

Дополняли образ круглые солнцезащитные очки, как у Кота Базилио и увешанные самыми разными браслетами (за которые и резинки для волос сошли местами) запястья. А уж о том, как сиё чудное видение, с трудом опознанное, как моя обожаемая Царевिशна, крутило попой под мелодию из заставки сериала «Смешарики», я вообще промолчу.

И вряд ли когда-нибудь забуду. Ну, Маня, ну даёт!

— Царевिशна, а ты куда собралась? — наконец поинтересовалась я, сумев справиться с распирающим меня весельем и сделать тайком пару снимков на телефон. Такую красоту грех не сохранить на будущее!

А уж когда красота повернулась ко мне лицом, я даже растерялась, не зная то ли смеяться, то ли возмущаться, то ли тащить это чудо умываться. Алая помада на пол лица, чёрные модные стрелки до виска и яркие румяна на щеках, напоминающих свекольные пятна из старого фильма «Морозко». И бусы на шее, свисающие почти до пола, теряющиеся где-то в носках туфель.

Маня манерно поправила очки и обаятельно улыбнулась, сейчас очень сильно смахивая на Джокера из фильмов про Бетмена. После чего выдала, попытавшись шаркнуть ножкой:

— Ма, я класавица?

— Ага, — вяло кивнула, оглядывая комнату и признавая своё поражение в борьбе за чистоту и порядок. Ребёнок по залу прошёлся на пару с притаившимся где-то на шкафу котом, как Мамай по полю, оставив после себя творческий беспорядок, граничивший с хаосом. А у меня даже язык не поворачивается высказать какие-то претензии, глядя на эту перемазанную помадой моську, так открыто мне улыбающуюся и строящую глазки.

— Да, Манюнь... — озадаченно протянула, почесав затылок и стягивая уже в общем-то ненужную косынку с головы. — Красота в твоём случае, это ух какая страшная сила. Сводящая на нет любые мамины усилия по наведению и поддержанию порядка в доме. Про

жертв твоего обаяния я вообще молчу...

— Ма... А мы гулять? — и дочь сделала пару шагов вперёд, шаркая туфлями по ковру и старательно балансируя поднятыми руками с растопыренными пальцами. Украшенными стильным и модным чёрным маникюром.

Ну что могу сказать, водостойкая тушь приказала жить долго и счастливо. Но без неё. Кто бы мог подумать, что трёхлетнее шило в одном месте может придумать такой оригинальный подход к дизайну ногтей?

Сощурившись, я всерьёз задумалась над предложением собственного ребёнка. Боевой настрой, сподвигший меня на уборку, благополучно испарился, помахав платочком на прощание. Заниматься заказами не было никакого желания, да и сроки там не поджимали, что бы дневать и ночевать в импровизированной мастерской. На работу в свой законный выходной я не выйду даже под страхом смертной казни, а погода на улице радуется солнышком и ясным голубым небом. Поэтому...

Почему бы и не сходить с мелкой в парк?

— Гулять, — согласно кивнула головой, поднимаясь с пола и запихивая косынку в задний карман домашних шортов. И схватив в охапку красоту эту, неземную, потащила смеющегося и вяло сопротивляющегося ребёнка в сторону ванной. — Точнее сначала умываться, потом переодеться и только потом гулять!

— Не, не очу! — Манюня принялась вертеться активнее, не желая расставаться со своим звёздным макияжем.

— Надо, Федя, надо...

— Неть!

Как мы умывались — это отдельная история. Эпичное противостояние двух упрямых женщин закончилось моей победой. И то в силу большего опыта и возраста. Ну и путём банального шантажа, когда я заявила, что если Марья не умоется, гулять мы не пойдём вообще и в принципе. Вот только расслабилась я зря.

Мелочь после ванны самостоятельно выбирала наряд, одевалась и причёсывалась с важным видом у всё того же настольного зеркала, тщательно следя, что бы ни один волосок не выбивался из её косички. Так что из дома мы вышли ладно если минут через сорок, после принятия судьбоносного решения. И вернулись туда вновь, потому что её царское величество возжелало взять рисунок с собой.

Как мне было сказано убедительным тоном «На сякий учай!». Ещё и в рюкзачок свой сложили, аккуратно так, между тетрадкой с фантиками и баночкой с цветными стёклышками и бусинками. И как тут можно было хоть что-то возразить?

Чудесный летний день перешёл в не менее чудесный вечер. И городской парк встретил нас огромным количеством народа, родителей с маленькими детьми, подростков и пожилых пар, гуляющих среди аллей. Играла ненавязчивая музыка, шумели фонтаны, то и дело раздавался громкий, заразительный смех. Остановившись у входа, мы с Маней обменялись взглядами, как заправские заговорщики. И поправив одинаковые круглые чёрные очки, как у любимого нами кота Базилио, неторопливо зашагали вперёд, навстречу приключениям.

Ничего удивительного, что на нас оглядывались. Я в любимых драных джинсах, не менее любимых красных кедах и в той самой красной тунике, с заплетёнными в длинную косу волосами, украшенными чёрным дракончиком-заколкой. Рядом гордо вышагивает дочь, в джинсовом же полукомбинезоне, чёрной футболке с принтом логотипа Бетмена и банданой, скрывающей задорные косички. Дополнялся такой вечерний туалет маленьким,

чёрным рюкзачком, цена которого до сих пор приводит меня в трепет.

Обеспечить ребёнка одеждой нынче не самое дешёвое удовольствие, это факт. С другой стороны, ограниченное количество средств на карточке повышает сообразительность, увеличивает креативность и понуждает фантазию работать просто-таки ударными темпами. Главное, успевать записывать приходящие в голову идеи и тормозить на поворотах, а то мало ли что...

— Ну, Царевшна... Куда пойдём? — остановившись возле фонтана, я задвинула очки на лоб, шурясь на солнечные блики, идущие от воды. Вокруг бегала малышня, гоня стаю откормленных голубей. Рассекала молодёжь на скейтах, самокатах и велосипедах. И хотя в северной части парка была отдельная площадка для любителей экстрима и молодёжных развлечений, оборудованная всем необходимым...

Когда это останавливало тинейджеров-то?

— Кататься, — авторитетно заявила Манюня, захлопав в ладоши и ткнув пальцем в сторону пыхтящих на маленьких самокатах детей от двух лет и старше.

Рядом с ними крутились их родители, пытаясь одновременно присмотреть за своими чадами, поругаться с попавшимися на их пути гуляющими горожанами и похвалиться успехами детей друг перед другом. Сощурившись, я оценила предполагаемую компанию и задумчиво постучала пальцами по кожаному ремню, сделанному мной ещё в пору бурной, юной молодости.

И приняла судьбоносное решение...

Если паренёк, сидящий на прокате роликовых коньков и самокатов, и удивился, то виду не понял. Послушно выдал мне пару роликов, мелкой самокат, сделал отметку в компьютере и протянул два браслета, по которым нам нужно было вернуть средства передвижения обратно. Устроившись на ближайшей скамейке, я переобулась, сунув кеды в небольшой холщовый мешок из-под роликов. Поправив шлем на Манюне, искоса глянула на рядом сидящую мамочку, явно ожидавшую собственное чадо и залипшую в телефон. И пожав плечами, чмокнула мелкую в щёку, откинувшись на спинку скамейки:

— Давай, пробуй. Покатаешься немного тут, потом вместе по аллеям прокатимся. Лады, Царевшина?

— Так точно! — радостно улыбнувшись, Маня оттолкнулась от земли и неторопливо, но достаточно уверенно рванула на небольшую площадку, по которой раскатывали её ровесники. Я, глядя на своё удаляющееся чадо, только фыркнула, водрузив очки обратно на нос.

Теперь главное не потерять мелочь из виду и, в случае чего, не совершить фееричное падение с роликов. А то я на них стояла последний раз на первом курсе института, и дело это было давнее. В смысле, давно это было и не правда, ага.

Отвлёкшись на сообщение от собственного начальства, интересовавшегося стоит ли ему покупать валерьянку, или на следующей неделе всё будет спокойно и необычных визитов не планируется, я упустила тот момент, как рядом оказалась чья-то девочка. На вид лет четырёх-пяти, ухоженная, широко улыбающаяся и...

С явным отклонением в умственном развитии. Нет, я не специалист, образование у меня никак не связано с психологией, психиатрией, медициной или ещё чем похожим. Но у этого ребёнка это было настолько явным, что я даже не удивилась, когда вместо каких-то звуков раздалось невнятное мычание и низкий, диковатый смех.

Глянув на неё ещё раз, я пожалала плечами, решив для себя, что это не мои проблемы и

далеко от себя такого ребёнка родители вряд ли отпустили бы. Так что, вернувшись к переписке с начальством, я уже и забыла про бегавшую рядом девочку минуты через две. И вновь обратила внимание на окружающий мир, только когда кто-то повис на моей шеи со всей дури лупя коленками по спине.

Первой моей мыслью было, что это Мане стало скучно. Иногда мелкая любила подкрадываться сзади и прыгать на меня всем своим немаленьким уже весом. Вот только когда я подняла взгляд и заметила дочь на самокате, проезжавшую мимо меня, я сообразила, что что-то не так. Повернула голову, а там та самая девочка. Улыбается, коленками пинает меня и пытается выковырять серёжку из уха.

— Девочка, нельзя так делать, — мягко укорив чужого ребёнка, сняла её со скамейки и поставила на дорожку. Ребёнок засмеялся своим низким, лающим смехом и убежала. Правда, если я думала, что на этом всё закончилось...

Что ж, я ещё никогда так не ошибалась!

Через пять минут история повторилась. Потом ещё. И ещё. На десятый раз, когда уши уже горели от попыток вырвать из них серёжки, я уже недовольно дёрнула бровью ставя ребёнка на дорожку перед собой и отправляя её в сторону других детей играть. К моему облегчению, это сработало.

К моему разочарованию, ребёнок нашёл другие объекты для своих странных игр. И что самое интересное, никто даже не пытался остановить ребёнка, нет. Родители косились, скупо улыбались, но ничего не делали. А где горе-мать или горе-отец данного чуда я даже представить не могу, потому как ни окриков, ни каких-то телодвижений в её сторону от находившихся рядом людей я не наблюдала. Что было довольно странно, учитывая, что девочка на вид ухоженная и явно домашняя.

Пожав плечами на такую странность, я всё-таки поднялась со скамьи и пару минут балансировала руками, пытаюсь сохранить равновесие и заново вспоминая, каково это, стоять на роликах. И вздрогнула, когда раздался громкий, очень знакомый вопль, разнёсший по парку:

— Низя длаться!

А следом уже разнёсся дикий, злой и очень обиженный рёв, возмущённые вопли других родителей и злой крик рядом со мной:

— Лилечка! Кто тебя обидел?!

Подняв глаза я со всё возрастающим удивлением смотрела как подрывается с места та самая мамочка, залипавшая до этого в телефон и на крейсерской скорости несётся к катавшимся на самокатах детям. Пережив когнитивный диссонанс от того, что мать сего чуда, оказывается, сидела рядом со мной, спокойно реагируя на то, что её дочь виснет на мне, я нахмурилась и направилась следом за ней, постепенно набирая скорость. Так что рядом с собравшимися в кучу детьми и родителями я оказалась быстрее. И тихо хмыкнула, разглядев, что ж там всё-таки произошло!

Моё воинственное чадо стояло перед группой мальчишек и девчонок от двух до трёх лет от роду, судя по виду. Стояла уперев руки в бока и сжимая в ладошке пластмассовую лопатку. Выражение лица у Манюни было суровым, брови сдвинуты, губа нижняя выпечена и такой взгляд, что та самая Лилечка только икала, глядя на мою Царевিশну. Сама же плачущая девочка сидела на попе, тёрла кулаками лицо и продолжала орать, тыкая пальцем в детей, что-то лепеча себе под нос, размазывая сопли по лицу и прерываясь только на то, что бы сделать вдох.

После чего всё начиналось по новой. А Маня только пыхтела и продолжала повторять: — Длаться неолошо! Делуться только глупые, глупые дети!

Тут толпу раздвинула та самая мамочка, подлетая к плачущему ребёнку и сходу начав тараторить:

— Вы посмотрите на неё?! Что за невоспитанное нечто?! Где её горе-родители? Почему они своим ребёнком не занимаются? Да как так можно?! Как?! Вы только посмотрите, что натворила эта маленькая тварь!..

Я только кашлянула, вслушиваясь в тираду, где цензурными постепенно становились только предлоги и то не всегда. А что самое интересное, стоявшие рядом мамочки и папочки начинали постепенно поддакивать разошедшейся женщине, говоря о том, что, дескать «понарожают, но не воспитывают», «куда катится мир?», «беззащитных детей обижают» и так далее, и тому подобное, и в том же духе. Я даже немного восхитилась тем фактом, какая же я нехорошая, безответственная, безграмотная, а самое главное малолетняя дрянная мать!

Как много, оказывается, можно узнать от посторонних, совершенно незнакомых с тобой людей!

— Где? Где эта прости господи шляется?! Где? — продолжала сольные выступления дамочка. Она уже собиралась выйти на расчётную мощность, когда ей в лоб прилетела всё также лопатка. А Манюня...

Моя любимая дочь погрозила кулаком женщине и заявила:

— Маму мою обижать тоже низзя! Мама холошая! И воспи... Воспе... Вопя...

— Воспитанная, Манюнь, — тихо хмыкнув, я добралась до дочери и погладила её по голове. После чего скрестила руки на груди, подняв взгляд на обалдевшую мадам и иронично вскинув бровь. — Итак, я та самая малолетка, которая нарожала, неблагодарная тварь такая, и воспитанием своего ребёнка не занимается, причиняя тем самым вред окружающим. Очень приятно познакомиться с добропорядочной мамочкой, залипавшей в телефон всё то время пока её ребёнок лазил по чужой тёте и развлекался, обижая других детей. Я просто горжусь фактом нашего знакомства, определённо...

В толпе зевак раздались одобрительные смешки. Горе-мать хватала ртом воздух. А я, воспользовавшись паузой в её монологе, поинтересовалась у детей постарше, явно видевших, что тут происходило:

— Ну-ка, молодняк. Колитесь, что тут произошло, и с чего начались такие активные боевые действия.

Подростки переглянулись и наперебой принялись рассказывать. И чем больше они говорили, тем круглее становились глаза у молодых мам и пап, а та самая мамочка Лили и вовсе, то краснела, то бледнела на глазах. Судя по бегающему взгляду, она всерьёз подумывала о побеге. Вот только пробиваться сквозь толпу и так быстро удирать с поля боя, было, как-то не комильфо.

— Так, — почесав бровь, я поправила очки на переносице. — Я правильно понимаю, что девочка кидалась всем, что попадалось под руку, отбирала у мелких игрушки и с хохотом окунула двойняшек в фонтан?

— Угу, — шмыгнув носом угрюмый паренёк, лет тринадцати. Взъерошенный, темноволосый, в свободной футболке, катал туда-сюда потрёпанный скейт. — Мелочь от неё пугаться начала, к нам она не лезла. Ну мы не вмешивались, думали сами разберутся, да и предков тут дофига... А она снова к мелким стала приставать. У одного самокат отобрала, второму подзатыльник отвесила, третьему по спине самокатом чуть не прилетело... Тут

эта, — парень ткнул пальцем в Маню, так и не сменившую свою воинственную позу и хохотнул, — лопатку попросила у кого-то из мелкоты и сказала, что драться нельзя. А когда эта, — тут парень скривился, ткнув пальцем в уже скорее по привычке орущую Лилечку и сплюнул себе под ноги, — не послушалась... В общем, боевая девчонка растёт. Лопаткой в лоб и без лишних разговоров! Уважуха, да, пацаны?

Его друзья согласно загудели, поддакнул кто-то из стоящих рядом родителей, услышавших новую и, как я подозреваю, правдивую версию событий. На Марью теперь смотрели с долей умиления, хотя хватало и активно негодующих взглядов. Впрочем, мелкую это не смущало, она считала, что поступила правильно.

А общественное мнение, это мнение тех, кого не спрашивали! И почему-то я ничего не могла на это возразить...

— Весело, — медленно протянула, задвинув очки на лоб и глядя на покрасневшую мамашу. — Женщина, если уж вы тут подняли вопрос ответственности... То прежде, чем указывать мне как воспитывать мою дочь, займитесь для начала своей.

— Ваша дочь ударила мою!

— Ага, это мы уже слышали, очевидцы нам всё пояснили, вопросов лично у меня нет никаких. Кроме, где же вы были мамочка, раз не смогли предотвратить подобное? И ладно дочь ваша лопаткой в лоб огребла... А если что похуже случилось бы? Кого тогда винили бы, м? — снова вернув очки на нос, я скомандовала. — Марья, пошли кататься. А то нас тут сейчас во всех смертных грехах обвинять будут незаслуженно... Вывод, ваше царское величество?

— Надоть засужить! — уверенно заявила Манья, поднимая свой самокат. И под дружные смешки невольных зрителей, мы гордо удалились в сторону одной из аллей.

Мамаша что-то кричала нам вслед, явно пытаясь вновь настроить толпу против такой нехорошей малолетки, как я и моего выродка. И я лишь волевым усилием заставила себя проигнорировать сие высказывание в адрес моего обожаемого чуда, не желая портить выходной возможной дракой. Я вообще-то человек мирный, спокойный, даже терпеливый. Но за собственного ребёнка точно отвесила бы этому горе луковому пару оплеух, дабы в чувство привести. Оставшиеся там родители, кстати, девушку не поддержали...

А стоило нам выехать на тенистую, тихую аллею, так я и вовсе забыла про этот инцидент. Тем более, что на дураков обижаться, только зря время и нервы свои тратить!

Высокие деревья, густые кусты акации и сирени создавали уютную тень, отделяя нас от остальной, многолюдной части парка. Здесь, по широкой дорожке, прогуливались пожилые люди, на скамейках притулились степенные игроки в шахматы, а влюблённые парочки прятались по кустам. Кое-где, на небольших полянах, можно было заметить художников, пытавшихся поймать уходящие отблески заходящего солнца.

И только иногда попадались молодые мамочки, с колясками, но они старались никому не мешать и ехать у самого края дорожки, позволяя остальным свободно передвигаться по широкой дорожке. Чем мы, собственно, с Маней и пользовались вовсю. Дочь активно осваивала самокат, а я вспоминала какво это кататься на роликах. К своему облегчению, я пока ещё ни разу не встретила лбом ни с одним деревом или человеком, вполне уверенно держалась на ногах и даже позволяла себе порою совершать опасные манёвры.

Ну как опасные? Внезапно разворачивалась на сто восемьдесят градусов или же резко тормозила, расставив руки в сторону и тем самым пытаюсь сохранить равновесие. Инерция такая коварная штука, что стоит только зазеваться, как тут же окажешься в не самой

лицеприятной позе и резко заболеешь асфальтовой болезнью.

Сделав пару кругов вокруг Маню, я остановилась и нагнулась, поинтересовавшись у пыхтевшей мелкой:

— Ваше Царское величество... А не отдохнуть ли нам?

На что получила такой возмущённый взгляд, что не осталось ничего другого, как отступить в сторону, покорно соглашаясь с мнением дочери. Та тут же рванула вперёд, дальше, намереваясь повернуть на другую аллею, где, если мне память не изменяет, любили прятаться от солнца и учебных будней товарищи студенты. Сколько я там шпор порою находила, во время прогулки, сколько писем безответных в адрес нехороших преподав...

Любо дорого посмотреть, ей богу! Впрочем, сейчас, вроде бы, там должно быть немногочленно, основные периоды нелёгкой жизни студентов уже отгремели, так что...

— Ектол! — радостно засмеялась Маня, рванув в сторону одной определённой скамейки. Я даже остановилась от неожиданности, не сразу поняв, кого она там увидеть сумела! Но приглядевшись только головой покачала, досадливо поморщившись и вновь набирая скорость.

Как там говорят? Хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах, да? Ну тогда чему я удивляюсь, что моё желание побыть несколько дней без вредных байкеров, вертящихся рядом с нами, исполнилось с точностью да наоборот? И на внеплановой прогулке по парку меня угораздило встретиться с одним из них!

Вздыхнув, я поправила очки на переносице и покатила следом за дочерью, уже успевшую обняться со старым знакомым. И даже залезть на скамейку рядом с ним, тихо хихикая и закрывая лицо ладошками. Так что, лихо затормозив возле оккупированной байкером по прозвищу Ганнибал Лектор (и я почему-то сразу поняла, что получил он его заслуженно) скамейки, я уже собралась, было, поздороваться, но так и застыла с открытым ртом. А блондин, глядя на меня, вздохнул тяжело, сцепив пальцы в замок:

— Варя... Молчи...

Я и замолчала. Минуты на две, переваривая открывшееся мне зрелище. После чего всё-таки не выдержала и захохотала, согнувшись пополам и схватившись за живот. Потому что удержаться от веселья было выше моих сил!

Знакомство с Лектором, в миру и по паспорту Алексеем Ярмолиным, у меня было занятым, но, в целом, плодотворным. Он помог с некоторыми договорами и даже прокомментировал попытки поставщиков нас надуть. Язвительно так, едко, с постной миной на лице и улыбкой, оправдавшей его кличку на все сто процентов. А уж когда на него попыталась напасть Леночка...

В общем, с Лектором мы быстро нашли общий язык. Да и в отличие от большинства наших так называемых гостей, Алексей Маню сладостями не задаривал. Он с ней в игры развивающие играл, книжки читал, азбуку разбирал. С комментариями, своими собственными, но в цензурной форме. Угроза огрести первым попавшимся под руку калькулятором явно возымела эффект.

Поэтому, наверное, мне так непривычно было видеть такое несчастное выражение лица ехидного преподавателя основ юриспруденции, сидевшего ссутулившись на скамейке в парке и явно не знавший что делать с девушкой, так нескромно прикорнувшей на его плече. Миловидная брюнетка, с длинными распущенными волосами, едва заметно трепыхавшимися от ветра, сладко посапывала, с удобством расположившись на байкере. Лишь иногда морщила чуть вздёрнутый нос и вздыхала, прижимаясь теснее.

Дополняли образ светло-голубые джинсы, с прорезами, чёрные кеды и чёрный топ. А так же небольшой джинсовый рюкзачок, который она так трогательно прижимала к себе, вместе с букетом ромашек.

— Варя, я же просил... — тихим шёпотом попытался воззвать к моей временно отсутствовавшей совести байкер, состроив грозную мину.

— Не, я всякое могла представить... Но что бы тебя вместо подушки использовали, да ещё так безнаказанно... — я снова захихикала, после чего не выдержала и вытащила телефон. — Я должна это увековечить. Такая милость... Просто невероятная!

— Варя... Если ты это сделаешь... — щелчок сработавшей камеры заставил Ярмолина замолчать на полуслове, после чего тот фыркнул и невольно дёрнув плечом мстительно заявил. — Вот женюсь на тебе! Возьму и женюсь, в отместку за издевательство над бедным мной!

Я аж подавилась воздухом на время, но всё-таки сумела выдать, сохраняя фотографию в памяти телефона:

— И кому ты хуже сделаешь? Так ты меня дозировано принимаешь, а там на постоянной основе вынужден будешь терпеть! Так что подумай, Лектор, прежде, чем словами бросаться!

— Ради возможности отомстить, я тебя под конвоем в загс приведу! — продолжал шутливо грозить Ярмолин, пытаясь не рассмеяться в ответ на моё скептическое выражение лица.

И чуть не подпрыгнул от неожиданности, когда спавшая на его плече девушка, тихо фыркнула, сонно пробормотав:

— Совет да любовь, товарищ преподаватель... А теперь пожалуйста, либо идите уже в загс, либо дайте поспать! Изверги...

Наступившую после этой фразы почти что мхатовскую паузу нарушило недовольное заявление Манюни, слезшей со скамьи и вставшей рядом со мной, скрестив руки на груди:

— Неть. Нам такого не надоть! Мы длугого надём! Учше!

— Вы меня ранили в самое сердце, Марья... — Лектор прижал руку к груди, состроив обиженное выражение лица.

И снова чуть не подпрыгнул, когда спавшая девушка, едко добавила:

— Нет у вас сердца, товарищ Ярмолин... Нет и не было! Проверенно студентами с первого по пятый курс включительно...

— Снегирёва, у тебя совесть есть? — тяжело вздохнул Лектор, впрочем, не спеша скинуть наглуую оккупантку с плеча. И едва заметно, почти удивительно улыбался краешком губ, шурясь на свет.

— Это был риторический вопрос? — девушка вздохнула вновь и повернула голову, сонно моргая и глядя недовольным взглядом на мужчину. — И вообще, товарищ суровый му... Мучитель дней и ночей моих бессонных... Вместо того, что бы интересоваться наличием у меня совести, лучше бы отдали уже задания и свои ценные указания, да в загс отправлялись. Пока есть хоть кто-то, кто согласен на такую сомнительную авантюру...

— Снегирёва, ладно ваши опоздания, я к ним почти привык. Ладно ваш постоянный и здоровый сон на задней парте на моей паре, к этому я тоже почти привык. Хорошо ещё не храпите на всю аудиторию! — фыркнул Ярмолин, отвешивая вновь прикорнувшей на его плече девушке щелбан. — Но ваше хамство...

— Хамство? — девушка широко зевнула, сев прямо и сладко потянувшись. — Да ни в

одном глазу! Обычная констатация факта, товарищ преподаватель, только и всего!

— Снегирёва...

Глядя на разворачивающуюся перепалку между ехидным байкером, с кличкой известного серийного маньяка, и сонной, лениво зевающей девушкой, откинувшейся на спинку скамейки и закрывшей глаза, вытянув ноги вперёд, я почему-то улыбалась. Наверное от того, что эта перебранка почему-то напомнила мне о нашем, почти семейном, разборе полётов с Кощеем и последовавшей за этим поездкой на байке. Это было так...

Романтично, что ли?

Тряхнула головой, отгоняя ненужные мысли и сравнения. И наклонившись к Мане, тихо шепнула:

— По-моему, нам пора, Ваше Царское величество.

— А как же подалок? — так же громким шёпотом осведомилась Маня, снимая свой рюкзачок и протягивая его мне. — Подалок для Ъжего и онопатого!

— Что за подарок? — отвлёкся от увлекательного спора Алексей, вновь поворачиваясь к нам. И только вздохнул печально, когда девушка, улучив момент, снова пристроилась на его плече, закрыв глаза. — Снегирёва, ну ты... Ну просто слов у меня нет!

— И не надо, — сонно пробормотала брюнетка, прижимаясь теснее. — И вообще. Продолжайте вести допрос с пристрастием, а мне дайте поспать хоть немного...

— Я даже боюсь спрашивать, чем ты ночью занимаешься...

— Золушку изображаю, блин, — буркнула девушка, ущипнув байкера за руку. — Меня не кантовать, при пожаре выносить перво-о-ой...

— Зараза, — Лектор усмехнулся, почему-то добродушно и с долей иронии. И вновь на меня глянул, заинтересованно вкинув бровь. — Так что за подарок для Рыжего и Конопатого?

— Вот! — Маня, довольная тем, что про неё вспомнили, поставила рюкзачок на землю и открыла его. Вытащила бережно сложенный ещё дома листок бумаги, она протянула его байкеру. — Делжи! Это от меня с мамой, для Ъжего! И Ощею пливет пеледай! Позязя!

— А, ну теперь мне понятно, кто там такой чёрный, тощий и с цветочком... — я озадаченно почесала нос, осуждающе глядя на пытавшегося замаскировать смех кашлем Лектора.

Тот всё же сумел взять себя в руки, хотя многообещающая улыбка прямо намекала на то, что бедному Ромычу не избежать новой порции шуточек. Убрав Манюнино творчество во внутренний карман куртки, валявшейся рядом на скамейке, Ярмолин перехватил маленькую ручку моего чада и приложился к ней в церемонном поцелуе:

— Всё для вас, Царевшна, всё для Вас...

— Раствление несовершеннолетних? — сонно фыркнула брюнетка, широко зевнув и приоткрыв один глаз, подмигнула мне и Манюне. — Ну о таких грехах за вашей юридической душенькой я не подозревала, да...

— Снегирёва... Ты спишь? — ласково протянул Лектор, едва заметно дёргая уголком губ в попытке скрыть улыбку.

— Сплю, — кивнула головой девушка, вновь закрывая глаза.

— Вот и спи дальше. Пока я не вспомнил, как именно планировал поиздеваться над тобой на пересдаче.

— Сволочь вы, господин Ярмолин. Заслуженная...

— Я ему медаль такую обязательно подарю, — согласно кивнула головой и, помахала

на прощание обиженно насупившемуся байкеру. — Желаю приятно и продуктивно провести время... А мы домой. У меня там уборка ещё не закончилась...

— Ула, уболка! — тут же встрепенулась Манюня, вставая на самокат и рванув дальше по аллее. — Штучки длючки-и-и!

— Да ёпт... — только и смогла я выдать, глядя вслед удаляющейся дочери. — Ну всё, пришёл уборке тот самый полярный и толстый, хвостатый и наглый...

— Песец, — зевая, дополнила брюнетка и всё-таки соизволила проснуться окончательно, хмуро покосившись на сидящего рядом мужчину. — Догоняй, а то без тебя начнут, потом не найдёшь, куда и что засунули. А я сейчас узнаю, чем меня пытаться на передаче собираются... И не стыдно вам издеваться над бедной, несчастной девушкой?

— Мне? Мне и стыдно?! — натурально изумился Лектор, поворачиваясь к собеседнице. И...

— О, мне действительно пора, — хлопнув себя по лбу, я поспешила следом за дочерью, успев всё-таки сделать ещё одну фотографию и подумав о том, что работники того киоска печати заработают нервный тик от моих запросов.

Но мне их было даже не жаль... Эти снимки точно стоят того!

— Манюня, а ну стоять-бояться, ваше Царское величество! — громко позвала я, набирая скорость и догоняя своё обожаемое чадо. После чего мы уже вдвоём отправились к пункту проката. Прогулка это хорошо, но и дома дела сами не сделаются!

Выбираясь из своего кабинета в два часа пополудни, в понедельник, Кощей мечтал только об одном. О чашке крепкого, чёрного кофе с коньяком и блаженной тишине. И добравшись до бара на первом этаже финансист «Максимуса» уже предвкушал пять минут личного, только его собственного удовольствия. Вот только усевшись на стул и порцию напитка богов, Костин только руку поднять успел, намереваясь попросить добавку в виде коньяка у вездесущего Алика. А сверху, как глас божий, раздался очень знакомый и очень прохладный голос неизменного ледяного администратора:

— Роман, я буду очень признательна, если напиваться начнёте после окончания рабочего дня... А у нас ещё даже не все договора просмотрены, наш великий и ужасный казначей!

— Эльза, — убито протянул Кощей, уронив голову на руки и всё-таки поманив Алика пальцем. Бармен скептически выгнул бровь и мило улыбнулся, продолжая протирать бокалы. — Предатель...

— Извините, Роман Евгеньевич, я вас, конечно, уважаю... — бодро отрапортовал парень, выставляя на стойку большую чашку, наполненную ароматным, травяным чаем, который в клубе заваривали специально для Эльзы. — Но лишиться работы, премии и расположения нашего маленького начальства тоже не хочу, — и тут же переключился на подошедшую блондинку, мягко улыбнувшись ему в ответ. — Эльза, может, что-нибудь к чаю?

— Нет, спасибо, — усмехнувшись, Снежная Королева вся клуба искоса глянула на поникшего казначея и вздохнула, грея тонкие пальцы о края кружки. — Алик, дай ему допинг. Если он уснёт в моём кабинете и на моём же столе, спускаться вниз он будет на плече Олега Геннадьевича. А мы же не хотим такого позора, так ведь?

— Ну спасибо... — обиженно протянул Кощей, невольно улыбаясь в ответ на такую колкую реплику подруги. И придирчиво следя за тем, сколько граммов коньяка дополняют его утренний кофе. — И как тебе Олег терпит только...

— Поверь, — Эльза тонко улыбнулась, довольно сощурившись. — У него есть с чем сравнивать. И я — это далеко не самый худший вариант, как оказалось, да... И потом, лучше ехидная и колкая я... Чем не выславшийся, злой и голодный патологоанатом.

— А? — отвлекшись от своего живительного коктейля, Ромыч пару минут пытался просверлить любопытным взглядом Эльзу, молча пившую свой чай с таинственной и многообещающей улыбкой на лице. Но поняв всю бесперспективность этого занятия, только рукой махнул, делая первый глоток.

Заставить Эльзу сказать что-то, если она этого не хочет было фактически невозможно. Верещагин как-то признался, что его порой спасает только знакомство с роднёй собственной девушки. И то, далеко не всегда!

Мирные и тихие посиделки, нарушаемые лишь звуком смс-оповещений на телефоне блондинки, которые та стойко игнорировала, оказались прерванным самым неожиданным образом. Во всяком случае, Кощей, успевший придумать целый план по добыче ещё одной порции кофе с коньяком и увеличения дозы алкоголя в нём, такой подлянки от судьбы точно не ждал. И подпрыгнул на стуле, едва не уронив полупустую чашку на пол, когда по первому этажу раздался зычный вопль:

— Кощей, мать твою бухгалтерскую да на переплавку! Ты либо уже присваивай себе своих женщин, либо их кто-нибудь заберёт раньше тебя!

— Чё?!

— Перефразирую, — флегматично откликнулась Эльза, поставив чашку на стойку и тихо хмыкнув. — Что вы имели в виду, глубокоуважаемый преподаватель юриспруденции, и что послужило причиной таких грандиозных децибел, грозящих причинением лёгкого вреда здоровью ваших товарищей?

Повисшая тишина позволила девушке получить новую порцию любимого напитка, оценить замерших на месте Лектора и Кощея, чему-то усмехнуться и направиться в сторону собственного кабинета, пробормотав себе под нос:

— Мужчины...

— Кофе с коньяком? — вежливо осведомился Алик, стараясь не смеяться, когда Лектор уселся рядом с Костиным, провожая девушку озадаченным взглядом.

— А можно коньяк с кофе? — с надеждой уточнил финансист, хмуро кося взглядом на слишком уж довольное лицо Ярмолина.

Вместо Алика ответ снова раздался откуда-то сверху, прямо как глас божий, подписывающий приговор сразу и без возможности на помилование:

— Роман, я всё же напоминаю, что рабочий день всё-таки не закончился... И если не мой любимый УК РФ, то ТК РФ точно не одобряет нарушение трудовой дисциплины и разгар рабочего дня!

— Верещагин, угомони свою женщину! — проорал Лектор, прекрасно зная, что начальник службы безопасности явно ошивается где-то поблизости. А если не ошивается, то всё слышит и всё видит в своём кабинете.

Прямо всевидящее око Саурана, никак не меньше!

— Сами нарвались, сами отбивайтесь! — раздался приглушённый ответ от Верещагина. И выглянув из-за угла, сам Олег свет его Геннадьевич, попытался смыться из клуба по своим очень важным и тайным делам.

Ну как попытался...

— Олег Геннадьевич, настоятельно рекомендую отложить визит вежливости к Вениамину свет Александровичу и Димитрию Свет Александровичу Араньевым. По техническим причинам оба нынче недоступны для общения в чисто мужской компании... Как донесла разведка, они не могут покинуть границу определённой территории, — голос ледяного администратора был пропитан лёгкой иронией и непередаваемым добродушным сарказмом.

— А... Почему? — как-то уныло отозвался Олежек, вздыхая и устраиваясь за барной стойкой с другой стороны от Кощея.

— Потому что мои братья додумались взять на слабо мою любимую лучшую подругу, — высунувшаяся со второго этажа Эльза только хмыкнула, оглядывая композицию из трёх опечаленных мужчин. — Алик, кофе, только кофе и ничего кроме кофе.

— Слушаюсь и повинуюсь, — шутливо поклонился бармен, принявшись протирать бокалы с удвоенной энергией. А Снежная Королева, довольно улыбнувшись, наконец-то скрылась в собственном кабинете, оставив печальных байкеров наедине с собственными не самыми весёлыми мыслями.

Первым молчание нарушил Лектор, задумчиво протянув, вытаскивая из кармана куртки какой-то листок бумаги:

— Слушайте, может Харлею пожаловаться? Это ж просто произвол и тирания на рабочем месте!

Выпивший в этот момент кофе Верещагин подавился и закашлялся, глядя на юриста круглыми от удивления глазами:

— Сам-то понял, что сказал? Не, можешь попытаться пожаловаться, отправиться вместе с нашим грозным рыжим варваром на разборки... И молча удалиться с грузом вины на душе и шлейфом статей теперь ещё и трудового кодекса Российской Федерации. Ну или убежать, молча.

— А почему убежать-то? — недоумённо нахмурился Кощей, нахмурившись и пытаясь понять с чем или с кем у него ассоциируется слово «варвар».

— У своей лучшей подруги Эльза переняла привычку проводить с провинившимися особую церемонию чаепития, — вздохнув, Верещагин взъерошил волосы на затылке и фыркнул. — Чай-то вкусный. А последствия у чая самые разнообразные, но всегда убойные. Медик блин, и пофиг что пациенты у неё не совсем живые...

— Что, и тебе перепадает, когда наша Снежная Королева не в духе? — хохотнул Ромыч, умоляюще поглядывая на бармена. Тот взгляды игнорировал, продолжая натирать бокалы.

— Эй, я знаю, как загладить вину перед своей девушкой! — тут же ошетинился Верещагин, периодически поглядывая на балкон второго этажа.

— Вывод: косячит, вымаливает прощение, но не всегда-а-а, — рассмеявшись, Ярмолин хлопнул себя по лбу и пододвинул к Кощей тот самый листок бумаги. — Чуть не забыл. На, скелетон ты наш, подарок от твоих обожаемых женщин. И я, может быть, повторюсь, но если ты не поспешишь прибрать их к рукам своим, найдутся люди попроворнее!

— А я тоже повторюсь. Чё?! — взяв так называемый подарок, Кощей развернул листок. И сначала захихикал тихо, потом захохотал в голос, чуть не грохнувшись с барного стула, под озадаченные взгляды друзей.

А причина такого бурного веселья была проста. Милый, забавный рисунок трехлетнего чуда представляя собой магазин, саму Маню, вполне себе узнаваемого Харлея и... Самого Кощея. Последнего сопровождала авторская подпись в исполнении матери автора рисунка с красивым и сложным именем Варвара.

— Чёрный плащ, блин... Чёрный плащ! — наконец, сумел выдать из себя Костин, с трудом успокоившись и вытерев выступившие на глаза слёзы. — Ну Варвара... Не могла промолчать, блин. И забыть!

— Забыть? — тут же встрепенулся в поисках очередной сплетни Олежек, даже перестав страдать по запрету на алкоголь в исполнении администратора клуба. — А поподробнее?

— А хрен тебе, золотая рыбка, — вновь сложив листок пополам, Кощей слез со стула, прихватив новую порцию кофе с собой. — Обломись, подробностей знакомства не было и не будет. А если найдется хороший парень для Варьки... Так чего я против то должен быть? Я только за!

И поспешил скрыться из виду, невольно хмурясь и задумавшись на эту тему. Стойко проигнорировав понимающий смешок Ярмолина, раздавшийся у него за спиной:

— Ну-ну... Я даже где-то верю, Костин... Олежек, друг мой. А как насчёт того что бы смыться из-под бдительного ока нашего любимого администратора и отметить успешное начало рабочей недели?

— Я-то за, но...

— Алексей, а не будете ли вы любезны оказать мне вашу посильную помощь в нелёгком

деле приручения обнаглевших поставщиков и не менее обнаглевших клиентов клуба?

— Да блин, откуда она всё знает-то? — раздосадовано пробормотал Лектор, судя по звукам направляясь в сторону кабинета Эльзы. — Иду, ваша ледяная светлость, иду!

Фыркнув себе под нос, Костин добрался до родного кабинета. А там, поставив чашку на столик около дивана, развалился на нём, вытянув ноги и заложив руки за голову. Нет, спать если и хотелось то не очень. Дел особо срочных тоже не было. Как втайне подозревал Кощей, Эльза не столько действительно волновалась о работе, сколько развлекалась. Периодически доводя окружающих до лёгкого заикания и нервно дёргающегося глаза.

И хотя окружающие это тоже прекрасно понимали, возразить что-то Снежной Королеве не решались. Ну или просто не умели так красиво и главное внушительно строить слова в предложения, когда под конец фразы ты готов на всё что угодно...

Лишь бы тебя не заставили так же изъясняться!

Даже Арина и то, не всегда могла чётко определить, когда Эльза действительно похвалила собеседника, а когда она так тонко и, что самое главное, вежливо посылает в пеший эротический тур. Да так, что человек ещё и спасибо говорит! Что ни говори, а такое ораторское искусство дорогого стоит. На памяти самого Ромыча, такими способностями обладали только Рыжее Чудище, ну и ещё Варвара.

Неформальная зазноба начальства номер раз, рыжего и могучего, под эту категорию, увы, не попадала. Точнее не, не так. Красавица по имени Неаполь обладала нестандартной внешностью, подходом к жизни и особой манерой разговора. Которую порою без бутылки и толкового словаря мата ещё не сразу-то и поймёшь! А вот Варя, Эльза и Рыжик...

— Вредный бухгалтер почти экономист, — пробормотал себе под нос финансист, закрыв глаза, и хмуро потер переносицу. — Блин, Лектор, кто тебя просил, а?!

Вообще, не в привычках Костина было задумываться над колкими замечаниями юриста. Но почему-то именно сегодня слова Ярмолина засели в мыслях и не желали оттуда уходить. Кощей уже и так вертелся и так. И пытался вспомнить таблицу умножения, плавно перетекая на таблицу квадратов. Но раз за разом возвращался к размышлениям о том, что кто-то может присвоить себе внимание как маленькой, обаятельной Манюни, так и её иронично настроенной матери. Фантазия почему-то отказывалась совмещать в себе образ Варьки с каким-то мужчиной, хотя в душе Кощей ей искренне желал счастья, сильного мужского плеча, заботы, любви малышке...

Желал, да. А вот представить, кто бы это мог быть, не мог. Совсем. И заранее сомневался, что кто-то из возможных кандидатов будет достоин такого счастья. Вот сомневался и всё!

— Да мля! — вздохнув, Ромыч поднялся и сел, уткнувшись лицом в ладони. — Ну твою ж египетскую богомышь...

В душе финансиста творилось что-то неладное. И началось это с того самого вечера пятницы, проведённого в компании вредного бухгалтера почти экономиста. А сегодня с утра ещё и Лектор огня добавил, принеся этот рисунок в подарок. Костин прекрасно знал, что банде приглянулись как сама малышка, так и её суровая мама. А ещё знал о том, что никто из них не будет против, если Варя с Маней станут полноправными членами такой большой, шумной и безумной семьи.

Одно понять не получалось. Почему его-то эта мысль так донимает?!

Вздохнув, он хмуро сделал ещё один глоток. Меньше месяца знакомства. Недели две-три, а может и того меньше. Но эта вздорная, ехидная девушка умудрилась запасть в голову и

не желала оттуда уходить. Она была не похожа на Арину, совсем. Ни капли хрупкости, нежности, смущения и стеснения. Но к ней тянуло. Было что-то такое...

Байкер щёлкнул пальцами пару раз, пытаясь подобрать слова. Не получилось. Пришлось довольствоваться тем, что Арину ему хотелось оберегать, защищать, опекать. Обращаться с ней как с принцессой, тем самым компенсируя и отсутствие внимания, и заботу и дать ей то чувство уверенности, которого обожаемой всеми Кавай-сан порою так не хватало. А вот Варя...

Варю не надо было опекать. Самостоятельности в ней было хоть отбавляй, как и вполне себе здорового пофигизма, позволявшего спокойно воспринимать все происходящие приключения. Варю не нужно было окружать постоянным вниманием и придавать ей дополнительной уверенности. С Варей рядом нужно было просто быть. Препираться, спорить, шутить, острить, обсуждать всё, что угодно...

Но просто быть. Стоять рядом или ехать вместе на байке, обнимать, согревать и поддерживать, попутно корректируя буйную энергию обеих женщин, что старшей, что младшей. Просто быть... Цельным, нужным, единственным...

Тряхнув головой, Ромыч несколько минут бездумно пялился на собственный рабочий стол. После чего криво усмехнулся, зарывшись пальцами в волосы и дёрнув их. Это, в какие его дебри, мать вашу, понесло-то?! Какое быть?!

Какая Варя?!

— Игипетская ящерица мне в тётки, — наконец, озадаченно протянул Ромыч, медленно, но верно понимая, что...

Да ни чёрта лысого он не понимает! По крайней мере даже не представляет, в какой момент насмешливое отношение к шуточкам банды на тему схожести мелкой Царевны и самого Косяка, переросло в простое, но такое сильное желание, что бы это каким-то чудом стало правдой!

И, как оказалось, милый мальчик Рома, казалось бы влюблённый пусть и безнадежно, очень даже против, что бы кто-то ещё претендовал на чёртова бухгалтера почти экономиста. Хотя и понятия не имеет, как этому воспрепятствовать, учитывая их исключительно дружеские отношения, да.

— Мда... Попал ты, Ромыч, попа-а-ал... — на манер одного рыжего и неугомонного Чудища протянул Костин, взъерошив волосы и залпом допивая кофе. Сам не замечая, как на лице появляется по-детски счастливая улыбка.

В душе царил хаос, первородный и необузданный. С одной стороны становилось легко и просто, понимая, что болезненная любовь к девушке друга медленно, но верно сходит на нет, оставляя после себя лёгкую, светлую грусть и ощущение тепла. С другой остро и вопиюще нагло вставал вопрос, как быть дальше. С Варей общаться-то было не так уж и просто. За всей внешней весёлостью, здоровым пофигизмом и терпением чувствовалась некая недоверчивость...

Особенно ярко проявлявшаяся в ненавязчивых попытках отвести всю банду байкеров от себя и собственной дочери. Как будто это мог кто-то не заметить, ага. Разве что Харлей с Михой, увидевшие цель и пёршие к ней с грацией танка на биатлоне. Да и то, не настолько уж далеки они от мира эмоций и чувств, чтобы не догадаться, как порою напрягает девушку излишнее внимание со стороны мужчин.

Это не было очевидным. Но Шут, как всегда бывший главной затычкой к каждой бочке, как-то отметил, что Варвара неосознанно крепче прижимает дочь к себе всякий раз, когда

кто-то окликает её со спины, заинтересовавшись такой непоседливой и весёлой малышкой. Как будто боится, что её могут у неё забрать.

Поставив чашку на столик, Ромыч сцепил руки в замок, постукивая пальцами по подбородку. Внезапное прозрение ударило как обухом по голове, резко расставляя по местам и странные желания, и первоначальную неприязнь к девушке и даже спонтанное предложение покататься на байке. Нет, это была не любовь и даже не влюблённость. Но что-то, чему парень, как ни старался, пока не мог подобрать названия.

Только вот и терять это не хотел. Совсем. Цеплялся, упрямо и глупо, готовый до последнего бороться. Вот только бороться за что?

— Ну, понесли, мля, сандали Митю... — вздохнув, Ромыч потёр лицо ладонями и встал, прихватив куртку и ключи от байка. И вышел из клуба, проигнорировав вопросительный взгляд Олега, махнув рукой на прощание понимающе усмехнувшемуся Лектору, как раз получившему вольную от сурового администратора.

Не думая о том, как ласково, с лёгкой теплотой улыбалась ему вслед Эльза, высунувшаяся с балкона второго этажа. Вот уж воистину нашли друг друга, Серый Кардинал и его Миледи! И пофиг, что она, на самом-то деле Снежная Королева, против всех сказочных канонов выбравшая не Кая, а разгильдяя-рокера. Умения читать между строк, видеть то, что не замечают остальные и, незаметно для других, толкая их в нужную сторону, у Эльзы точно не отнять.

Город ещё только просыпался, встречая ранних прохожих заспанными окнами домов и сонно выглядывающим из-за облаков солнцем. Чёрный, блестящий хромированными деталями красавец «Харлей» скользил по дорогам, ловко лавируя между редкими машинами. Он сыто урчал, разливаясь успокаивающейся вибрацией по телу своего хозяина, мурлыкавшего себе под нос так кстати вспомнившуюся композицию группы «Би-2» под очень уж красноречивым названием «Варвара».

Ветер дул в лицо, забирался под куртку, касаясь кожи и вызывая целый табун мурашек. В душе медленным цветком распускалось предвкушение, так похожее на то, что охватывало каждый раз стоило сесть на байк и гнать вперёд. Не глядя. Не сдерживаясь. Не оглядываясь и не жалея ни о чём. Вот только сейчас оно было связано не со свободой, ценной для каждого байкера, не с ощущением власти над мощной, сильной машиной, нет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Сейчас оно будоражило кровь, гоня по телу адреналин из-за той, к кому так резко сорвался нелюдิมый и молчаливый финансист ночного клуба Костин Роман Евгеньевич. Где-то на краю сознания мелькала мысль, что его явно не встретят с распростёртыми объятиями и уж точно не кинутся на шею от радости. Но...

Тут Ромыч усмехнулся, сворачивая на знакомую тихую улочку, ведущую прямо к памятной покосившейся вывеске и одинокой бас-гитаре на подставке, на пыльной витрине. Байк послушно взрыкнул, выполняя манёвр, и мягко затормозил рядом со знакомой до боли машиной цвета бешеный апельсин. Стянув шлем и сощурившись на яркое солнце, байкер вздохнул, улыбнувшись шире. Его действительно не встретят цветами и восторженными криками, ну кроме разве что Манюни, любившей всю банду искренней, детской любовью.

Только сейчас Костин как никогда понимал, чем же так притянула Верещагина его Льдинка, Миху Ришик, Харлея Неаполь, а Влад так спокойно и ненавязчиво привязывал к себе своенравную и такую колючую Белку... Проблема с женским полом ни один из них не испытывал, это факт.

И все дружно запнулись за своенравных, самостоятельных и не собирающихся сдаваться девушек. Да, с ними невозможно, с ними сложно, с ними невыносимо. Но поменять на что-то попроще? Не-а, это не для байкерской души, определённно! И уж точно не для Костина, привыкшего разбираться с заковыками бухгалтерии собственного клуба, гоняя в хвост и гриву поставщиков, попутно отбиваясь от чёртовой налоговой.

Хохотнув, байкер слез со своего зверя, прихватив шлем, и направился к магазинчику музыкальных товаров, в последнее время пользовавшемуся небывалым спросом. Колокольчик над дверью мелодично звякнул, привлекая внимания работников заведения. И прежде, чем Кошей успел что-то сказать, весёлый, радостный визг опередил его, обозначив и самого гостя, и его личность сразу же:

— Ощей! Ты тут! Уля! Ма, тут Ощей!

— Где?! — Варя, сидевшая за стойкой продавца-консультанта, вздрогнула, поднимая голову и...

Размашисто, от души перекрестила чудное виденье мужчины почти что своей мечты, выдав:

— Иди нафиг, костлявое подобие мужчины! Я же проси-и-ила-а-а!

* * *

— Жизнь боль, — мрачно выдала я, наблюдая за тем, как байкер, что б ему и всей его компании икалось, общается с моим маленьким чудом. И изредка поглядывает на меня с непонятной улыбкой.

— Ну почему... Почему они все идут именно к тебе-е-е-е? — страдала на заднем фоне Леночка. От банальных сгрызенных под корень ногтей её удерживала лишь цена маникюра в самом крутом салоне города. Она хвасталась тем, что попала туда по благу, и теперь будет делать свои ноготки только там.

А то, что цена одного такого похода равняется почти двум месячным зарплатам нашего эксклюзивного продавца-консультанта... Когда это Леночку останавливал выбор между голодной смертью и борьбой за свою красоту и собственное обеспеченное будущее? Тут даже тени проблемы выбора нет, однозначно второй вариант!

— Да бога ради, забирай! — фыркнув, я вернулась к ноутбуку, честно пытаюсь думать исключительно о делах, а не о причинах внезапного явления одного конкретного байкера народу. И пролистав пару сайтов, где оформляла заказ на материалы для одного клиента, чьи пожелания Петя умудрился написать на буклете с двух сторон мелким, убористым почерком, добавила. — Но за последствия я не отвечаю. Как и не гарантирую того, что жертва твоего природного ума, наработанного обаяния и купленного гламура не будет сопротивляться активным попыткам женить себя на такой шикарной девушке...

— Он будет моим, — воинственно фыркнула Леночка, надув губки бантиком и состроив бровки домиком. И принялась вслух обсуждать, какое у неё будет платье, какая будет церемония, что она купит, кого пригласит...

Я на эти мечты, неисполнимые и несбыточные в принципе, только плечами пожала, искоса поглядывая на этот образчик неземной красоты. После чего, не выдержав, аккуратно ткнула пальцем в одну из щёк девушки, на полном серьёзе заявив:

— Слушай, у тебя, кажется, ресницы отклеились, — и, глядя, как вытягивается лицо

нашей вишнёвой девочки, добила её контрольным выстрелом прямо в голову. — И макияж поплыл. Интересно посмотреть, откуда, всё-таки, у этого хвалёного мастера руки растут? Судя по опадающим ресницам, явно из...

— Я его убью! Я их засужу! Я их... — задохнувшись от возмущения, Леночка сделала то, что сделает каждая уважающая себя женщина на её месте. Схватила сумочку, телефон, громко шмыгнула носом и выбежала из магазина на крейсерской скорости. Чуть не сбив опешившего от такого поворота событий Петеньку и громко сообщая всем желающим (и не желающим тоже) что именно она сделает с тем самым мастером.

Последнего даже стало жаль. Правда, не настолько что бы остановить эту разгневанную фурию от справедливого возмездия в адрес салона красоты. В конце концов, мастер сам виноват... Наверное.

— Так, от одной избавились... — задумчиво протянула, постукивая ногтями по поверхности стойки. Ромыч тут же невинно улыбнулся, поднимая голову от раскраски, которую изучал вместе с Манюней. И было что-то такое в его взгляде, что желание продолжить фразу отпало само собой.

Тихо вздохнув, я только что пробормотала себе под нос, возвращаясь к работе:

— Так нечестно...

А что именно нечестно по моему скромному мнению, я уточнять, всё-таки, не стала. Помнится мне, Роман Евгеньевич очень чётко обозначил своё ко мне отношение. Мечтать и домысливать, фантазировать и представлять «А что, если?» здорово, конечно, но не в этом случае, не в этом. Так, что у нас там на повестке дня?

Зарывшись в бумаги и погрязнув по самые уши в сети, я не обращала особого внимания на то, что происходит вокруг и сколько прошло времени. За дочь я тоже не переживала. С Кошечем она себя чувствовала более, чем комфортно, с энтузиазмом рассказывая, как провела день, какие мультики ей нравятся и что из последних она смотрела не так давно. А ещё байкеру грозило выдержать испытание коллекцией камушков, бусин, фигурок из киндер-сюрприза и всех сокровищ, которые моя обожаемая Царевишна сегодня прихватила из дома. По опыту скажу, то ещё удовольствие, особенно, когда оно идёт по третьему кругу...

— Варя... Варя! Варвара! — пальцы, ухватившие меня за нос и потянувшись на себя стали полной неожиданностью. Скосив глаза на наглых возмутителей моего спокойствия, я перевела взгляд на их владельца.

И стукнула его по руке, возмущившись:

— Совсем совесть потерял?

— Ты нас игнорировала, — Кощей стоял рядом, облокотившись на стойку, и тихо посмеивался. — Мы с Марьей уже устали тебя звать и перешли к решительным мерам.

— Вы бы ещё воду на меня вылили... — вздохнув, я выпрямилась и потянулась, разминая затёкшую спину. Маня, сидевшая в моём кресле посреди торгового зала, громко захихикала. — Вот и что смешного я сказала-то?

— Это был следующий пункт нашего коварного плана по возвращению тебя в реальность, — любезно пояснил байкер. И захлопнул ноутбук без предупреждения, до того, как я успела его остановить.

— А мы парни рискованные и страх нам не ведом, да? — моргнув, я нахмурилась, скрестив руки на груди и глядя на наглого парня. — Вообще-то, у меня работа. И она требует не меньше внимания, чем маленький ребёнок, который... Маня, это, конечно, очень интересная игрушка... Но тётя Лена выест маме мозг чайной ложечкой, если её гламурный маникюрный

набор окажется в самых интересных и труднодоступных местах нашего магазина.

— Фу, — задумчиво поколупав пальцем блески на косметичке, Маня с важным видом подошла к одному из стеллажей и пристроила свою находку на самой нижней полке. То, что для этого пришлось встать на коленки, ребёнка ни капли не смутило.

— Спасибо, — тихо фыркнув, я вновь посмотрела на терпеливо хранившего молчание Кощя. — А теперь, вернёмся к нашим баранам... То бишь к вопросу о том, какое право некоторые байкеры имеют... Ай! Поставь, где взял, Кощя! Кому сказала?!

Но слова пролетали мимо ушей парня. Возведя глаза к потолку, этот гад схватил меня в охапку и, с лёгкостью удерживая от попыток к бегству, пронёс через весь зал к выходу из магазина. Дверь ему любезно открыл Петя, мой рюкзак, со всем необходимым на все случаи жизни, пыхтя тащила довольная Манюня. А я, глядя на это безобразие, медленно, но верно начинала подозревать окружающих в тайном и очень корыстном сговоре против меня любимой.

Других причин для такого произвола пока что в голову не приходило. Слов тоже. И оказавшись стоявшей около своего обожаемого малыша матиза, рядом с которым скромно пристроился сверкающий хромированными деталями красавец «харлей», я смогла только ткнуть Кощя кулаком в бок. Недовольно протянув, глядя на подпрыгивающую от нетерпения дочь:

— И что это было?

— Мы дём улять! — радостно сообщила Манюня, улыбаясь во весь рот. И повернувшись к посмеивающемуся Костину, уточнила. — Павда, дядя Ома?

— Правда, — подтвердил дядя Ома, улыбаясь ещё шире, чем её царское величество. При этом всем своим видом показывая, что идея не его и он тут вообще не причём. Засунул руки в задние карманы джинсов, покачивается с пятки на носок и щурится на лучи вечернего, но всё ещё яркого солнца.

Так. Стоп. Вечернего?

Глянув на часы, я только головой покачала, ругнувшись про себя. Выпадать из мира, погружаясь в работу, больше чем на два часа, похоже становится дурной привычкой. С другой стороны, стоит отметить пространную тенденцию, что подобные приступы трудоголизма нападают на меня исключительно в присутствии кого-то из банды байкеров. То ли я так уверена в том, что с Маней будет всё хорошо, пока рядом один из новых знакомых, то ли ещё что...

Но факт есть факт. В тот четверг, например, с посильной помощью Пети, я успела сделать то, что обычно занимало дня три усиленного труда. А Маня носилась по магазину и ближайшей детской площадке, под присмотром бдительного Шута. Когда добрый шеф выпнул меня домой, я обнаружила эту парочку увлечённо копающимися в песочнице. Причём Шут строил целый замок, а Маня с важным видом контролировала весь процесс, периодически заявляя «Не, не падёт».

После чего в почти готовое строение вносились крупные изменения, сопровождаемые радостным возгласом от вида рушившейся постройки. И я даже не скажу так сразу, кто больше радовался этому занятию: моя дочь или её добровольный нянь.

— Однако, заработалась... — задумчиво протянув, я перекинула косу на грудь, неосознанно наматывая кончик оной на пальцы по старой привычке. — Бывает же... Жаль, не проходит, да.

— Ага, — ехидно поддакнул Кощя. — Пришлось действовать самым эффективным

способом, проверенным и перепроверенными не единожды, и не только мной.

— И что, все ещё живы после приступа такого самоуправства? — фыркнув, я возвела глаза к потолку и подхватила Маню на руки. А потом всё же уточнила. — Так что там насчёт прогулки?

Роман хмыкнул и, подмигнув мелкой, заявил:

— О, у меня есть совершенно потрясающая идея...

Знала бы я на что соглашаюсь, заранее бы отвесила ему подзатыльник. Но, к сожалению, дар предвидения у меня так и не проявился, не смотря на все клятвенные заверения отца о наличии ведьм в роду матери. Так что смирившись с собственной участью, я нацепила рюкзак, перехватила поудобнее дочь и отдалась на волю чужому коварству и хитрости.

В смысле, позволила вести наш маленький, партизанский отряд Его Кощейству. И хотя я всё ещё очень хорошо помню то острое разочарование от его слов про дружбу, почему-то рядом с этим ходячим скелетом было непривычно тепло и спокойно.

Наш путь, как оказалось, лежал в торговый центр, расположенный в двух кварталах от магазина. Почти четыре этажа из стекла и металла, забитые небольшими магазинчиками, перемежавшимися дорогими бутиками, несколькими кофейнями и огромным магазином детских игрушек для всех возрастов. И кто бы сомневался, что наш путь лежал именно в его сторону!

Попытка затормозить на входе была проигнорирована. Ромыч тяжело вздохнул, обошёл меня кругом, встал за моей спиной и дотолкал до магазина. Не смотря на наличие зрителей, смешки охранников и заинтересованно поглядывающих на него продавщиц-консультантов. Последние всё-таки изволили смутиться под моим не самым добрым взглядом, но поесть глазами байкера не перестали. Хорошо ещё не кинулись наперебой краситься и прихорашиваться, а то я бы точно испытала самое жёсткое чувство дежа вю в своей жизни.

Тем временем, ёрзающая от нетерпения Маня дёрнула меня за нос, громко заявляя:

— Ма, низ!

— Царевшна, мы покупать ничего не будем, — строго предупредила, спуская дочь с рук и хмуро зыркнула на лучащегося довольством Кощея. — И дядя подарки делать не будет... Да, дядя Ома?

— Как скажешь, — покорно согласился байкер, подхватывая меня под локоть одной рукой, второй сжимая ладошку Манюни. И хмыкнув, повёл нас вдоль стеллажей с игрушками.

Что бы остановиться в рядах с мягкими игрушками и, легко чмокнув меня в щёку вновь направиться к кассе магазина. Продавщицы прям расцвели на глазах, ровно до того момента, пока, извинившись, обаятельный, привлекательный и явно платёжеспособный клиент не конфисковал у них тележку и не вернулся к нам. Я даже вопросов задавать не стала, твёрдо уверенная, что на кассе смогу отбиться от большинства покупок. Вот только хитрость и упрямство некоторых я, всё-таки, недооценила...

Кощей с Маней катались по магазину часа два точно. Я едва поспевала за разошедшейся парочкой, умудрявшейся пропадать внезапно прямо посреди ряда и возникнуть в другом. Они о чём-то заговорщицки шушукались, посмеивались, с самым серьёзным видом решали какая игрушка красивее, а какая интереснее...

И при всём при этом, моё чадо ничего не просило, не требовало, только вздыхала тяжело иногда. Что бы тут же с самым серьёзным видом сказать «Нет, не то» и отправиться

следом, вприпрыжку, за уверенно шагающим по торговому залу парнем. А мне не оставалось ничего другого, кроме как плестись за ними в хвосте, с ужасом представляя, на какую сумму они успели набрать мишек, собачек, кукол, машинок и всего остального. Даже на первый взгляд, поглядывая на ценники, у меня столько денег в жизни никогда не было!

— Усё. Домой, — решительное заявление Мани прозвучало совершенно внезапно и на весь магазин.

Да так громко, что от неожиданности я со всего маха влетела прямо в раскрытые объятия развернувшегося на зов Царевшины Костина. Тот не растерялся, тут же обхватив меня свободной рукой за талию и не давая мне позорно растянуться на полу.

— Аккуратнее, — фыркнув, Рома снова поцеловал меня в щёку и не выпуская из объятий повёл в сторону касс, куда уже направлялась счастливая и деятельная Манюня всё же успевшая прихватить небольшого плюшевого зайца. Спорить с ребёнком у меня не было никакого желания, да и порадовать её тоже хотелось.

Так что, когда мы добрались до сияющих дежурными улыбками девушек на кассе, именно за этого зайца я и расплатилась, тут же отдав ушастого смиренно поджидающей меня дочери. И уже вместе мы смотрели за тем, как всё разнообразие детских фантазий и идей, сложенных в магазинной тележке щедрой рукой темноволосого байкера, пробивают во всю кокетничающие продавцы. Усилия их пропадали даром и спустя минуты три они предпочли сосредоточиться на работе, подсчитывая сумму. Она получилась очень даже приличная, мне на всю эту красоту месяца два-три копить придётся и то, не факт, что хватит. А Кощей спокойно расплатился картой, поблагодарил девушек и, прихватив пакеты, отправился с нами на выход.

Вопрос «Что это было?» явно читался большими буквами на моём выразительном, бледном лице. Так что, помолчав минуты три, Рома соизволил-таки ответить:

— Это для меня.

— Фетиш? Психические отклонения? — от удивления я подавилась воздухом и закашлялась, пытаюсь совместить образ сурового рокера с набором плюшевых мишек и детской посуды. Получалось так себе, особенно учитывая наличие там целого чайного сервиза из диснеевского мультфильма «Красавица и Чудовище».

— Страшное детство. Деревянные игрушки, прибитые к полу, — хохотнув, Кощей открыл дверь и пропустил нас с Манюней вперёд. — А так иногда хочется с милым мишкой чаю попить на досуге...

— А, бывает, — покивала головой, нутром чуя подвох во всём происходящем, но, так и не понимая, где именно меня пытаются обмануть.

Вот только невинные улыбки на лице дочери и парня сбивали весь подозрительный настрой и не давали докопаться до истины. Нет, обаяние Кощей на меня по-прежнему не действовало, с ног не валило и не топило моё ледяное сердце. Но вместе с невинными глазами Царевшины оно представляло просто-таки убойное сочетание. У меня просто не было никакого иного выбора, кроме как принять информацию к сведению и списать всё на то, что здоровых людей в мире нет...

Просто есть недообследованные!

Обратный путь до родного магазина оказался гораздо длиннее, чем мне помнилось. Периодически кто-то из этой парочки заговорщиков останавливался, каждый раз находя всё новые причины для задержки. То Марье захотелось посмотреть на крадущегося к голубю кота и спасти несчастную птицу от участи стать ужином бродяги. То Кощей захотелось

вспомнить детство и покачаться на качели, в ближайшем дворе. И самое страшное, я на это возразить ничего не могла, совершенно, каким-то магическим образом оказавшись вовлечённой во все эти маленькие приключения.

Я смеялась над комментариями по поводу действий «охотника» в исполнении Кощея, я улыбалась, глядя на то, как он катает Манюню на плечах. Я не сопротивлялась, когда под напором моей упрямой дочери, Рома кружил по очереди то меня, то её. И чувствовала себя на удивление легко и счастливо.

Наверное, поэтому, остановившись около своего приметного автомобиля, я с удивлением поняла, что не хочу прощаться. Но и настаивать на продолжении банкета не собиралась совершенно. Зачем? Дружба ведь не равнозначно ежедневным встречам и проведённым вместе вечерам, так ведь?

— Ну, я так понимаю, пора прощаться, — вздохнув, я вытащила из кармана джинсов брелок сигнализации. Матиз приветливо мигнул фарами, отзываясь на нажатие кнопки.

Манюня, прислонившись ко мне, старательно пыталась скрыть зевоту, сонно потирая глаза.

— Сей момент, — кивнув головой, байкер присел на корточки перед Царевিশной и, осторожно поцеловав её в щёку, проговорил. — Ну что, договорились Манюнь? Пусть вся эта красота у тебя полежит, а то набегут всякие Ыжие и Онопатые и заберут себе играть!

— До-о... Доавай... — не справившись с зевком и сложным словом, моё чудо просто кивнуло головой и ограничилось одним единственным звуком. — Дя! А моно мну игать?

— Тебе? Не моно, нуно, — щёлкнув её по носу, эта хитрая байкерская морда выпрямилась и, невинно похлопав глазами, спросила. — Багажник откроешь? Я пакеты туда поставлю.

— Ты... — глубоко вздохнув, я нажала нужную кнопку, пытаясь подобрать хоть что-то отдалённо цензурное, дабы описать всю степень собственного возмущения. Не получилось. И усадив клевавшую носом дочь в кресло, я хлопнула дверцей, обходя машину по кругу.

К тому моменту Ромашка эта, себе на уме, уже залезла наполовину в багажник, расставляя пакеты с игрушками так, чтобы ничего не выпало и не потерялось. И так соблазнительно стоял, качая своей костлявой пятой точкой, что, не удержавшись, я таки приложила его с размаху пониже спины!

Ромыч, такого подвоха точно не ждал. И знатно приложился затылком о крышу машина, после, пытаясь выползти наружу, повторно ударился уже о дверцу багажника. И высказавшись себе под нос о бренности бытия, жалобно протянул:

— За что?!

— Себе, да? Чаепитие с медведями? Ыжий и Онопатый отберёт и ломает?! — тыкая пальцем в грудь парня, я сумела оттеснить его ближе к байку. — Я что, похожа на дуру, а?!

— Да, себе. Да, чаепитие с медведями! И да... — тут Костин откровенно замялся, но всё-таки продолжал стоять на своём. — Наш могучий начальник имеет странные пристрастия. Ну кто не без греха в этом мире?

— О как... — сощурившись, я упёрла руки в бока, глядя на подлого интригана, маскирующегося под невинную овечку. — Показаний не меняем, в преступлении не сознаёмся... Ну хорошо. Завтра я приеду вместе с Царевিশной и этими самыми медведями, в охалку с сервизом. И не дай бог кто-то не умеет разводить чайные церемонии...

— Что тогда? — заинтересованно подался вперёд Кощей, снова пристроив свои руки на моей талии и притягивая меня ближе.

— Узнаешь, — высвободившись, я перекинула косу на спину и гордо уселась за руль, выразительно фыркнув и заводя мотор. И пару раз газанув на месте, выехала с парковки, собираясь оказаться дома как можно быстрее.

Почему-то в душе поселилось стойкое ощущение, что завтра днём вся чёртова банда рокеров будет демонстрировать за столом манеры, достойные приёма у самой королевы Великобритании, как минимум. При этом выражаясь тихой, но очень цензурной бранью. Что ж, по крайней мере, скучно точно не будет...

— Я не понял... Чё именно мы должны, вот, млять, просто в край обязаны сделать, а?!

Гневный вопль рыжего варвара, известного так же как Добрынин Илья Алексеевич или по-простому и для своих — Харлей, гулким эхом прокатился по второму этажу клуба. Начальство номер два, получившее очень уж специфичное предложение, изволил буйствовать, возмущаться и сеять хаос вокруг себя.

Поэтому никого не удивил пудовый кулак, приземлившийся на стол администратора, как самый веский аргумент из всех возможных. Большая кружка чая, стоящая с краю, такого порыва не оценила. Расплескавшийся мятный чай только чудом не задел важные бумаги, лежавшие рядом аккуратной, ровной стопкой.

Изабелла Александровна Араньева, неизменный ледяной администратор «Максимуса» и хозяйка кабинета, выразительно кашлянула на это. И оторвавшись от прочтения очередного шедевра от поклонников и поклонниц собственного руководства, вскинула бровь, глядя на байкера поверх очков в тонкой оправе. Тому хватило совести смутиться, осторожно вытирая образовавшуюся лужицу салфеткой, пробормотав что-то себе под нос.

После чего вернулся к прерванному монологу. Выразительному такому, вдохновенному, полному красочных и абсолютно нецензурных оборотов. Правда, шёпотом. Что автоматически снижало эффективность всех произнесённых и уж точно не способствовало пробуждению чьей-то совести.

Впрочем, продолжать высказываться это Харлею ни капли не мешало. Владислав Алёхин, старший брат совладельца клуба, граф Дракула местного разлива и просто обаятельная сволочь, глядя на это всё только хмыкнул:

— Цирк уехал, клоуны остались гастролировать, ага...

И замолчал, воздержавшись от дальнейших комментариев, с любопытством наблюдая за происходящим. Цепеш, как и Эльза, предпочитал не вмешиваться, так оно было как-то безопаснее для собственной психики. К тому же, по скромному мнению Владислава, комментировать лучше всего обладая всей необходимой информацией, компрометирующими данными и пикантными подробностями.

Кощей, глядя на это, только вздохнул, устроившись на одном из диванов и подпирая щёку кулаком. И думал, каким макаром он докатился до жизни такой. Не, то что источник всех неприятностей его не в меру кривой язык, байкер догадался и так. И справедливо подозревал, что ляп про дружбу ему будут припоминать долго, обстоятельно и планомерно. Однако, сделанного не воротишь и всё, что остаётся это — импровизировать!

Что он вчера и сделал, ага. Отмазка, конечно, была гениальной и избавила его от бессмысленного, заранее проигранного спора с Варварой. Но Ромычу стоило бы догадаться, что с него потребуют доказательств, да ещё каких! И что-то Кощей начинал искренне сомневаться в том, что верные друзья и товарищи согласятся оказать ему такую услугу...

Рожу бы не набили, за подобные инсинуации!

— Не, ну как ты себе это представляешь?! — наконец, выдохнул Харлей. И попытался повторно залепить кулаком по столу.

— Кхм... — тихо обозначила своё отношение к происходящему Эльза, поправив очки и заправив карандаш за ухо. От своих дел она не отрывалась, но этого оказалось достаточно, что бы рыжий байкер ограничился сурово сдвинутыми бровями.

Огорчать хрупкую блондинку было очень не желательно. Владислав, прекрасно уловивший эту не озвученную мысль, только фыркнул, скрестив руки на груди и подмигнув приунывшую Кощею.

— А я представляя-я-яю, — подло захихикал кактус, за которым всё это время удачно прятался Шут. Лёха эту стратегическую позицию занял ещё до того, как соизволила собраться вся банда. И теперь азартно потирал руки, превратившись в одно большое ухо и только чудом удерживаясь от того, чтобы не пообниматься с местной клубной легендой.

Кактус Федя среди своих славился репутацией отличного собеседника и собутыльника за одним. Главное при спаивании бедного растения не попасться на глаза его непосредственной владелице. Ибо нет ничего страшнее, чем женщина в гневе...

Тем более такая женщина!

— Как по мне, зрелище должно быть... — Эльза, мимоходом скользнув взглядом по излишне активному растению, пощёлкала пальцами, пытаясь подобрать подходящее слово. И, тихо фыркнув, протянула с мягкой, ласковой улыбкой. — Ми-и-ло. Брутальные, суровые мужчины, сидят с суровыми лицами и пьют сурово чай из фарфоровых чашей, оттопырив мизинец. Как это ни странно, но я бы хотела на это действо... Посмотреть, да...

— Издеваешься? — подозрительно протянул Санёк, сидя как взъерошенный воробей на жёрдочке и отчаянно мечтая оказаться где угодно, но только не здесь. Самая позитивная личность и арт-директор в одном лице нервно постукивал пальцами по подлокотнику. Судя по страдальческим вздохом, ему отчаянно хотелось выпить...

Судя по тому, как не менее отчаянно вздыхала вся банда, в своём желании он был не одинок. Жаль, гневить маленькое начальство было чревато. Как показала практика, Эльза была не злопамятной, но память у неё была хорошая...

А кто-то особо умный ещё и догадался ей книжечку записную подарить, с красноречивой надписью на обложке, выполненную готическим шрифтом. Содержимое «Тетради Смерти» было тайной за семью печатями, но все заочно его опасались. Во избежание так сказать!

— Я? — почти искренне удивилась девушка, ради такого дела даже отвлекшись от разбора почты и подняв очки на лоб. — Помилуйте, Александр... И в мыслях не было! В моём ежедневнике на сегодня пункт «Подстебни ближнего своего» скорбно отсутствует. Зато есть пункт «Обсуди запросы арт-директора к поставщикам». И знаете, что-то я прям жажду перестать быть буфером безопасности между твоими желаниями и их возможностями!

— Ну... — арт-директор изволил стыдливо опустить взгляд и вовремя прикусить язык. А довольно фыркнувшая Эльза, вернула очки на место и принялась что-то активно выстукивать на клавиатуре.

Периодически блондинка сверялась с толстенным справочником по судебной медицине, лежащим рядом на столе. Откуда у неё взялось это подарочное издание, в твёрдом переплёте и с дарственной надписью, не смог понять даже вездесущий Верещагин. А спросить напрямую...

Кощей хмыкнул, рассеянно почесав бровь. Желаящих проверить свои нервы напрочность резко поубавилось, стоило Снежной Королеве всея клуба зачитать на память пару особо интересных статей.

— Э-э-э... — почесав затылок, могучий рыжий варвар благополучно пропустил мимо ушей инфу о поставщиках. И покосившись на занятую Эльзу, всё же пробовал возмутиться

вновь. — Ну мляха-муха, Кощей! Какую грёбанную икебану надо было скурить, что б дотункать до такого вывода?!

— Уйди глюк! Я не в заты-а-аг! — заржал «кактус», активно размахивая руками, и тут же зашипел, получив отборную порцию колючек в самых интересных местах. — Да мля... Побрею к чёртовой бабушке!

— Аналогично, — прохладно протянула Эльза, оторвавшись от монитора и наградив вдруг заговоривший человеческим голосом суккулент недовольным взглядом. После чего стянула очки и, потеряв переносицу, насмешливо поинтересовалась. — И вообще... Господа бякеры, а в чём цена вопроса-то?

Вопрос прозвучал как гром среди ясного неба. Как это ни удивительно, возмущённо сопевшие до этого байкеры, получив прямой посыл предъявить железобетонные (а другие в случае с Эльзой в принципе не прокатят) аргументы, резко приутихли. И облегчённо выдохнули, когда слово взял молчавший до этого Алёхин-младший, ради такого даже умудрившийся проснуться.

— Я тебя, конечно, люблю, Эльз... — медленно протянул Михаил, вертя в пальцах зажигалку. — Но с какого хера мы должны выручать эту птичку-говорун? Сам ляпнул, сам пусть и разбирается, мля!

— А как же братство, дружба, взаимовыручка? — заинтересованно поддался вперёд его старший брат.

— А чё, смекалку, фантазию и воображение уже отменили, да? — не остался в долгу Верещагин. Брюнет скромно притулился на краю стола собственной девушки, игнорируя её недовольный взгляд. И гордо заявил, подняв палец вверх. — Чёт мне никто не помогал выкручиваться! Всё сам, всё сам!

— Ну ты и не ляпал так... Затейливо и фигурно, — хмыкнув, Эльза ткнула его кончиком карандаша в бок.

Народ только похихикал, припоминая метания начальника службы безопасности, во время эпического завоевания ледяного сердца своей лично Снежной Королевы. А кое-кто ещё и тотализатор вспомнить умудрился, где ставки на дату свадьбы этой парочки грозили достичь заоблачных высот в самом обозримом будущем! И что-то в победу самого Верещагина верилось с огро-о-омным трудом...

— Угу, сам, — поддакнул Кощей, припоминая кое-что. И не удержался, язвительно протянув. — Сам ты просто и незатейливо бился башкой об капот чужого джипа. А если бы не сестра Дема, не к ночи помянутого, хер бы у тебя что получилось... Самостоятельный ты наш! — Верещагин обиженно надулся под хохот парней, а Ромыч, взъерошил волосы на затылке, тяжело вздохнув. — Да мля! Знаю, что дурак. Ляпнул, каюсь! Но ёпт, как теперь выкручиваться-то?! Сам я такой концерт если и вытянул... То исключительно в качестве обслуживающего персонала! И то не факт!

— Я тебе искренне сочувствую... — задушевно протянул Харлей... И саданул-таки кулаком по столу, рывкнув. — Но мать твою! Сам заварил, сам и расхлёбывай!

Эмоциональный порыв Харлея был вполне себе понятен и оправдан, ага. Но чашка, не выдержав такого издевательства, благополучно грохнулась на полн. Попутно облив документы, светлые брюки Эльзы и оставив огромное пятно на ковре.

— О как... — медленно протянула девушка, кончиком туфли толкнув чудом выжившую чашку. И перевела вопросительный взгляд на застывшего в нелепой позе Харлея.

Начальство номер два, глядя на расплывающееся по тонкой ткани пятно, только и

сумело, что выдать:

— Ну... Э-э-э...

— Он виноват, — перевёл невнятное мычание Влад, взяв чашку кофе со стола и устроившись поудобнее.

— Я вижу, — медленно кивнув головой, Эльза выпрямилась и принялась отбивать кончиком карандаша по столешнице очень уж незатейливый мотив. Кажется, если Ромыча память не подводила, это был цельный марш из одной крупной саги...

И марш сей не сулил ничего хорошего!

— Я... Это...

— И дико извиняется, — снова вставил свою реплику Цепеш, явно решивший, если не спасти несчастного варвара от справедливого возмездия, то хоть потрепать нервы ближнему своему.

На взгляд Кощея, спасти там было нечего, так что он если не разделял, то вполне понимал и даже разделял, местами, желание местного графа Дракулы. Всё-таки, подстебнуть ближнего своего святое дело, что не говори!

— Да ну? — взгляд девушки был полон неприкрытого сомнения и скептицизма. Что-то решив для себя, она окинула придирчивым взглядом притихшую банду и поинтересовалась и настороженно замершего Кощея. — Роман Евгеньевич, а не будите ли вы так любезны... И не поделитесь ли ценной информацией... Когда там ваша дама сердца прибыть изволит?

После этого вопроса стоило бы мужчинам насторожиться, но, как говорят классики, ничто не предвещало. И Кощей, отмахнувшись от предчувствий грядущей подлянки, осторожно уточнил:

— После обеда, вроде бы... А что?

— Это радует, — снова кивнув собственным мыслям, Эльза и хлопнула в ладоши, привлекая к себе внимание. — Думаю, справимся. Итак, Илья Алексеевич... Помнится должны вы мне целое одно желание... И я теперь даже знаю какое!

— А может того... Кактус? — попробовал откосить Харлей и даже сделал пару шагов в сторону выхода. Что бы грандиозно и с матюгами растянуться посреди кабинета от подножки, в исполнении Цепеша. — Мля, Цепеш! Права была Белка, вам вампирюгам треклятым такое понятие как совесть, сцуко, в принципе не известна...

— Я рад, что не разочаровал тебя в этом, — ехидно откликнулся Владислав, дёрнув уголками губ в попытке скрыть довольную улыбку. И поставив кружку на стол, заинтересованно переспросил у Эльзы, уже успевшей отправить пару сообщений с телефона — Значит, с Харлея желание... Кощей, я так понимаю, кровно заинтересован. А остальные? Поделитесь тайной информацией, в чём остальные-то провиниться успели, успокойте душу заблудшего вампира!

— Дабы он поделился с жаждущей подробностей общественностью? — цокнув языком, Эльза выдала дробь кончиком карандаша по столешнице. — Верещагин будет отдуваться за компанию.

— Я?! — попытка возмутиться провалилась, стоило девушка чуть сощуриться и потянуться к той самой, заветной тетрадки. Верещагин тут же примолк, обиженно надувшись, как мышь на крупу и пробормотал. — Что бы ещё раз... Да послушал Веника... И сделал, как он просит? Да ни в жизнь!

Уточнять о ком идёт речь он не стал, ограничившись трагическим вздохом. Ромыч на это дело только фыркнул, прекрасно понимая, о каком таком «Венике» речь идёт. Точнее о

ком. Вениамин Араньев, старший брат Эльзы, обладал безграничной фантазией и невероятной способностью нести неприятности в массы, особенно своими ценными советами и стопроцентно срабатывающими подсказками!

— Это что бы нашему Царю всея злата скучно не было? — тактично уточнил Алёхин-старший и покивал головой. — Резонно. А дальше?

— Арт-директору предстоит на себе ощутить все муки бедного Гамлета, — просмотрев сообщения на своём телефоне, девушка выразительно постучала пальцем по пухлой папке с договорами, притулившейся на краю стола. — Быть ему участником чаепития или быть ему растерзанным поставщиками. А уж если даже я в последнее время защищаюсь исключительно специфичным кладбищенским юмором... Ну вы понимаете, да, Владислав?

— Вполне... — задумчиво протянул граф Дракула, припомнив пару эпизодов.

Костин тоже припомнил. И искренне порадовался тому факту, что это не ему такой выбор предложили. А ещё всерьёз задумался над тем, откуда их очаровательная Снежная Королева знает столько анекдотов, историй и курьёзных случаев, связанных исключительно с моргом, мертвецами и кладбищами. Харлей с Михой, да и Верещагин явно что-то знали...

Только говорить на эту тему категорично отказывались. Сказали, жизнь она всё-таки дороже будет!

— А остальные... — и блондинка многозначительно так замолчала, с улыбкой поглядывая на неназванных членов банды. Женёк ради такого дела даже проснулся, активно припоминая собственные прегрешения и кося подозрительным взглядом на девушку. Лектор, почесав затылок, издал страдальческий вздох и резко приуныл, явно вспомнив что-то из своих косяков.

И только Лександрыч остался хмур, недовольно поглядывая на забавляющегося родственника. После чего, буркнул категорично:

— Я в этой херне не участвую.

Однако, если начальство номер раз рассчитывало так легко отделаться и избежать участия в этом празднике жизни, то его ждало жестокое разочарование. Потому как прежде, чем Алёхин-младший успел встать с дивана, в дверях появилась тонкая, скромная фигурка миловидной брюнетки. По совместительству второго арт-директора клуба и девушки самого Лександрыча.

Арина, смущённо кашлянув, откинула волосы на спину и вопросительно улыбнулась, глядя на довольного жизнью вообще и собственным коварством в частности администратора:

— Что-то случилось?

— Кавай-сан, вы как всегда вовремя, — Владислав, глядя на это воплощение невинности и матёрого интригана в одном лице, только фыркнула, пару раз хлопнув в ладоши, изображая аплодисменты. — Проходи, проходи. Сейчас я уточню пару моментов у специалиста по чайным церемониям... И...

— Так, пожалуй, мне пора, — не обращая внимания на откровенно завидующие взгляды байкеров, Владислав поднялся, и вежливо отсалютовал шушукавшимся девушкам на прощание. — Удачи, в этом нелёгком деле, Изабелла Александровна...

— Как и вам в вашем, — не отвлекаясь от рассказа, так же вежливо и также иронично ответила Эльза, продолжая объяснять суть дела посмеивающейся подруге.

Вздыхнув, Ромыч откинулся на спинку дивана, заложив руки за голову и терпеливо дожидаясь, когда пойдет вторая волна справедливых возмущений. Правда, глядя на то, как

всё больше загораются азартом глаза Арины, и как лукаво щурится Эльза, Кощей всё чётче осознавал, что безнаказанным из этого кабинета никто не уйдёт.

Только что успел отрешённо подумать о том, что это чаепитие ему ещё припомнят, не раз и не два. И коллекционным виски он явно не отделается, да...

— Ну, что? — наконец, придя к какому-то решению, Эльза хлопнула ладонью по столу. — Граждане тунеядцы, алкоголики и интриганы... Готовы пострадать за друга своего? Нет? А вас никто и не спрашивает... Да, Кавай-сан?

— Ага, — хихикнув, Арина поднесла к губам рацию, проговорив. — Полный чайный сервиз, пожалуйста. И всё, что необходимо для чая, включая заварку, щипцы для сахара и кипятилок.

Дружный страдальческий вздох, прокатившийся по кабинету, не вызвал в девушках ни капли сочувствия. До часа «Икс» оставалось меньше, чем полдня...

* * *

— Утро красит бодрым цветом... — привычно пробормотав себе под нос этот слоган неизменного оптимиста, я потёрла переносицу и крутанулась на стуле, в кои-то веки, решив посмотреть на что-то окромя букв и циферок.

Вовремя. Успела заметить, как моё чудо, вообразив себя как минимум Дон Кихотом, при содействии местного Санчо Панса со скромным русским именем Петя, уверенно и планомерно загоняет в угол несчастную Леночку. На дочери красовался цельный хоккейный шлем, найденный в запасниках моего шефа, размахивала Маня обломком швабры. А Петя...

Ну Петя периодически на полставки подрабатывал её верным конём, попутно пытаюсь объяснить мелкой, что Леночка — это принцесса, а не дракон который её украл и убивать её не надо. По мнению Мани, на принцессу наш продавец-консультант не тянул даже при всём желании мелкой. И торжественно заявляя на весь торговый зал «Ма, я тя пасу!» моя Царевшна продолжала тыкать концом палки в сторону Леночки.

Гламурная красавица охала, хала, страдальчески морщилась и пыталась отбиваться собственным маникюром. И глядя на эти когти, я была согласна с Манюней: не тянет Лена на принцессу, ох не тянет...

Впрочем, я тоже. Из меня скорее уж Царица какая-нибудь или так, злая ведьма, захватившая в плен обаятельных принцев и не желающая ими делиться. Ну, по крайней мере смотрели на меня так, как представители Святой Инквизиции на обвинённых в колдовстве не глядели. Аж мороз по коже, ей-богу!

— Ма, мну олодец? — прогалопировав от загнанной в угол Леночки до моего стола, Маня вцепилась руками в мои ноги, заглядывая в глаза. Явно великоватый ей шлем крутился, вертелся и лишал ребёнка возможности видеть. Правда, хитрая Манюня проблемы решила легко и просто...

Она прижала шлем обеими руками, что б не крутился и, расплывшись в довольной улыбке, требовательно спросила:

— Ма, мну олодец? Мну дакона победил! Мну тебя пас! Плавда?

— Правда, — фыркнув, глянула на часы и со вздохом признала. — Дракон сражён, убитый копьём, царевна идёт под венец... Тьфу ты! В смысле, дракона убили, меня спасли, пора и в гости собираться!

— К Ыжему? — тут же заинтересовалась мелочь, стягивая шлем и сдувая с носа влажную прядь волос. И подозрительно сощурилась, прижимая свой головной убор к груди. — Павда, павда? К Ы-ы-ыжему?

— К Ыжему, и Онопатому, Уту, Оле и даже Оме, — хмыкнула, отобрав у дочери обломок палки и ткнув им в сторону недовольно кривившейся Леночки. — А кое-кто вишнёвый, гламурный и подозрительно смахивающий на ведьму клянётся всем святым и своим любимым журналом, что разберёт завал из заказов и пожеланий клиентов. Петя, проследишь?

— А почему я?! — возмущённо засопел наш продавец-консультант.

— Паматушто ты дакон! Опасный, стабый дакон! Вот! Защищайся! — и выхватив у меня палку, вновь понеслась в сторону Леночки, явно намереваясь не выпускать «сташного дакона» из угла.

И почему я всерьёз задумываюсь о том, что такое пагубное влияние на отношение моей Царевны к несчастной девушке, окали некие подозрительные личности, отзывающиеся на позывной «бьякер»? Нет, она и раньше Леночку не шибко любила, чувствуя отношение одной что ко мне, что к себе. Но не до такой же степени...

Вроде бы.

Пожав плечами, я вновь крутанулась на стуле, возвращаясь к бумагам. И принялась из разбирать, поглядывая на часы. А когда закончила раскладывать договора, счета, акты и прочую бухгалтерскую бюрократическую волокиту, потянулась, разминая затёкшую спину. После чего отправилась спасать «сташного дакона» от храброго рыцаря в хоккейном шлеме. А то знаю я Манюню!

Её царское величество коли поставит себе цель, то пойдёт к ней, не замечая препятствий и уж точно не страдая таким излишеством, как совесть или чувство сострадания к близкому своему!

Что бы отловить активно вредничающего ребёнка у меня ушло минуты три, не больше. Я просто перехватила делающую очередной круг по залу Маню за талию и, подхватив на руки, потащила смеющегося и вертевшегося ребёнка в сторону выхода из магазина. Храбрый рыцарь не желал оставлять поле боя...

— Не очу... Сташный дакон не победи-и-ит хаблого лыцаля!

— Храбрый рыцарь берёт перерыв. Страшный дракон работает, а рыцарь едет в гости к Ыжему и Онопатому. Рыцарь согласен?

— Точно?

— Точно-точно, — усадив задумавшееся чадо в кресло, я заняла место водителя и повернула ключ зажигания, заводя своего малыша. И осведомилась, поправляя зеркало заднего вида. — Ну? Что на этот раз слушаем?

— Молу очу, — кивнув каким-то своим мыслям, выдала Царевна. — Моно Молу?

— Можно, — нажав пару кнопок на магнитоле, я выбрала нужный трек и тронулась с места, слушая как моё обожаемое чадо старательно пытается подпевать сильному, женскому вокалу. Фолк-рок не моя стихия, но глядя на то, как хмурился Марья, чувствуя что не попадает в нужные ноты и с каким чувством проговаривает каждое слово, я не могла не улыбнуться, добавляя громкости.

Всё, что угодно для её царского величества. Даже не очень-то мною любимая Мельница.

До клуба мы добрались в рекордные сроки. Тридцать минут, да в два часа пополудни, да

через центр города... Это если не чудо, то как минимум мой личный рекорд. Особенно учитывая, что в этот раз никакой идиот на пресловутой машине представительского класса не пытался доказать всем и вся (особенно мне), что для него законы не писаны. В том числе законы физики.

Мой бедный малыш матиз второго такого просвещения непросвещённых не переживёт, как и мой бюджет вместе с нервной системой.

Поставив Маню на землю, я закрыла машину и собралась, было, подхватить дочь на руки. Вот только стоило мне отвлечься, как мелкая уже с радостным воплем рванула в сторону входа, подпрыгивая на каждом шагу и явно намереваясь осчастливить своим каждого, кто попадётся ей по пути.

— Ну Марья... — застонала, закрыв лицо ладонью в извечном жесте «рука-лицо». И щёлкнув брелоком сигнализации, поспешила следом, намереваясь перехватить этот снаряд системы «Земля-Земля» до того, как он найдёт свою цель.

Охранники, глядя на наш забег, только молча ржали, старательно пытаясь сохранить невозмутимое выражение лица. На мой скептический взгляд они предпочли так же молча пожать плечами, открывая двери и пропуская нас внутрь. Маня, успешно отловленная аккурат рядом с суровыми секьюрити, только возмущённо сопела, вертясь в руках как уж на сковородке. А я, перехватив дочь поудобнее, в который раз за этот день потащила сопротивляющееся чадо в нужном направлении. И опустила её на пол, только оказавшись рядом с барной стойкой на первом этаже.

Раздавшийся следом счастливый вопль «Ыжи-и-ий» заставил подпрыгнуть всех, включая незнакомую мне блондинку, спускавшуюся по лестнице со второго этажа. Вот только в отличии от замершего в нелепой позе Ыжего, она с эмоциями справилась достаточно быстро. Настолько быстро, что не прошло и пары секунд, как она вежливо и очень спокойно знакомилась с неожиданно засмущавшейся Манюней.

— Добро пожаловать в «Максимус», маленькая леди, — недолго думая, она присела на корточки, поддёрнув светлые брюки вверх. — Меня зовут Эльза. И сегодня именно я буду сопровождать тебя на самый необычный приём в мире.

— Эзя? — недоверчиво сощурилась Марья, всё же протянув руку девушке. И уточнила, кидая на меня вопросительные взгляды. — Как у мутике?

— Как в мультике, — тёплая улыбка неожиданно сгладила острые черты лица девушки, делая её не такой уж неприступной и холодной, как показалось на первый взгляд. И выпрямившись, она нежно сжала маленькие пальцы моего чуда, бросив через плечо предельно вежливым и прохладным тоном. — Илья Алексеевич, будьте так любезны, сопроводите родительницу нашей гостьи наверх.

К моему вящему удивлению, великий рыжий варвар, явно не терпевший, когда ему что-то приказывали, послушно кивнул головой. Выпрямившись и расправив плечи, Харлей подошёл ко мне и исполнил витиеватый поклон, смахивающий на помесь реверанса и челобитной.

Пиджак от классического чёрного смокинга предательски затрещал, но выдержал это суровое испытание. И байкер добил меня окончательно, схватив за руку и оставив лёгкий поцелуй на моём запястье, проговорив:

— Не соблаговолите ли вы... Прекрасная госпожа... Да мля!

— Харлей, — прохладный голос, раздавшийся откуда-то сверху, произвёл дивный, невероятный эффект.

Байкер стусевался, глубоко вздохнул и всё-таки сумел произнести:

— Не соблаговолите ли вы, прекрасная госпожа, проследовать за мной?

Я на всякий случай ущипнула себя, проверяя не снится ли мне это. И поморщившись, со вздохом должна была признать, что Ромыч явно подошёл к делу с размахом. И знать, каким образом он запихнул своё начальство в смокинг, да ещё и заставил говорить вежливо согласно этикету, мне почему-то совсем не хочется.

— Ну ведите, что ли... — глянув на свои дранные старые джинсы и свободную футболку с энным количеством разрезов, дополненные красными кедами, добавила, ехидно фыркнув. — Благоро-о-одный сэ-э-эр. Я, правда, не соответствую предстоящему мероприятию, но согласна скромно постоять в сторонке... Благородный, сэр.

На меня так красноречиво глянули, что совесть, потерявшаяся где-то в глубинах познаний о бухгалтерском учёте и системе упрощённого налогообложения в стране, вяло дёрнула лапкой, напоминая о своём существовании. Я даже язык прикусила, поспешив следом за недовольно сопящим байкером, вверх по лестнице на второй этаж. К моему удивлению, за всю дорогу Харлей не произнёс больше ни единого слова. Зато чем ближе мы были к пункту нашего назначения, тем тише и незаметнее старался быть рыжий варвар, невзирая на собственную огромную комплекцию и буйный нрав. Окончательно добив меня тем, что остановился возле входа в одну из отдельных лож для особых гостей и согнулся пополам, исполняя самую страшную версию поклона, какую я когда-либо видела. Ещё и руку в сторону вытянул, глядя на меня снизу вверх.

— А...

— Вас уже ждут-с, — довольно громко проговорил Харлей. И добавил, очень тихим и очень выразительным шёпотом. — Варя, если меня заклинит в такой, млять позе, и в таком, млять, виде...

— Понял, не дурак, — стараясь не рассмеяться, я перешагнула порог кабинета.

Что бы суметь поймать свою челюсть до того, как она окажется где-то под ногами. Уж больно восхитительно непередаваемо удивительным был открывшийся мне вид, напрочь порвав все имеющиеся шаблоны, разрушив устои моего мироздания и и заставив остро пожалеть меня о том, что фотоаппарат остался дома...

А тянуться за телефоном, в заднем кармане джинсов, будет слишком уж неприлично. И это прискорбно, ведь пропадают такие кадры!

— Милая Царевшна, что надо сказать нашим господам мужчинам? — мягкий голос Эльзы почему-то вызвал бурю мурашек вдоль позвоночника.

И видимо не у меня одной, потому как сидевшие за круглым столом мужчины дружно вздрогнули, приосанились и синхронно, вместе с Манюней, выдали:

— Здравствуйте, Варвара. Рады вас видеть...

— И вам не болеть... — задумчиво протянула в ответ, нервно хохотнув и накручивая кончик косы на палец. После чего не выдержала и выдала, глядя на разворачивающееся передо мной действие. — Деревянные счёты мне, да вместо один-эс, да во время налоговой проверки...

— У нас тут приличное общество, леди, — хмуро протянул Михаил, пододвигая к себе миниатюрную чашку из белого фарфора. — Я попросил бы вас... Не выражаться.

— Лучше выпейте с нами чаю, прекрасная незнакомка, — обворожительную улыбку арт-директора клуба портил внимательный взгляд и мягкая улыбка блондинки, стоявшей, как оказалось, недалеко от меня. Всего в паре шагов, рядом с шикарным фикусом,

притулившимся в углу.

— И поделитесь, как дела обстоят в этом необразованном, жестоком мире? — протянул системный администратор, активно пытаясь прорезать ножом не только миниатюрное пирожное, но и блюдо, вместе со столом в перспективе.

И только Кощей, рядом с которым пристроилась Марья, ничего говорить не стал. Зато улыбался так счастливо, что сазу стало понятно, кто автор такой шикарной идеи. Я, конечно, хотела доказательств его слов, но явно не в таком масштабе. Впрочем...

— Как говорил один занятый литературный герой... — пробормотала себе под нос, глядя на манерное чаепитие, в исполнении банды байкеров. — Проблемы индейцев шерифа не возбуждают, да...

Как назло чинно сидящие за столом мужчины в этот момент решили отхлебнуть чаю. А так как кроме меня никто больше ситуацию комментировать не стал, то чего я удивляюсь, что все присутствующие не менее закономерно подавились?

Тихий смешок Эльзы отлично вписался в ситуацию, дополняя невинную реплику Манюни, отвлѐкшейся от поедания сладостей:

— Мама... Упс?

— Так точно, ваше Царское Величество, — тихо хохотнув, я проигнорировала приглашающий жест Кощей, предлагавшего сесть на свободное место справа от него. И устроилась в углу, рядом с посмеивающейся Эльзой. — Ну, чего сидим, кого ждѐм? Чеширский Кот на месте, Безумных шляпников уже перебор, а воинственная мышь Соня всерьѐз задумалась над тем, что бы изменить своей чайной паре с конфетницей, в виду большего размера последней... — тут я выдержала драматическую паузу и всё же не смогла удержаться. — Так что не обращаем на нас внимания, господа... Продолжаем чайную церемонию!

— Варя! — укоризненный взгляд Лектора как-то не вязался с его вялыми попытками удержать лицо и не заржать. А моѐ обожаемое чудо...

В общем, Марья, глядя на это безобразие, решила поддержать мужчин и строгим тоном, позаимствованным явно у моего отца, собралась и смогла-таки выговорить непокорную букву «эр», произнеся чѐтко и отдельно:

— Вар-вар-вар-вар-ва-ра!

— Да, Царевшна? — я невинно улыбнулась, заложив руки за спину и шаркнув ногой.

— Ма, они оошие... Не обижай их! — и погрозив мне чайной ложкой, испачканной в шоколаде, дитѐ вернулось к прерванному занятию. И заявило. — Чай! Мы будем пить чай!

— Всё для вас, милая госпожа, — хмыкнул Лектор и...

То, что было дальше сложно описать словами. Можно лишь отметить, что добрых полчаса я со всё возрастающим удивлением наблюдала как компания байкеров-раздолбаев демонстрирует манеры, достойные того самого, не к ночи помянутого королевского двора. Антураж, кстати, был вполне соответствующий. Большой круглый стол, стулья с вычурными деревянными спинками. Белоснежная скатерть и тонкий, явно дорожный фарфор, с мягкими золотыми узорами на белой поверхности. Аккуратные кексики, миниатюрные пирожные, хрупкие серебряные приборы...

Всѐ это резко контрастировало с мужчинами далеко не слабой комплекции. Затянутые в смокинги и дорогие, строгие костюмы, при галстуках (а кое-кто и с галстуком бабочкой, что смотрелось очень интересно в сочетании с яркой рыжей шевелюрой), они с постным выражением на лицах обсуждали подробности падения акций какого-то банка и ситуацию

на бирже. Неспешно подавали друг другу молочник, сахар специальными щипцами и плавно переходили с фондовых рынков на политику, затем на дела клуба, а после вообще заговорили о том, в чьём исполнении лучше звучат произведения Чайковского и Бетховена.

И глядя на происходящее, я всерьёз подумывала о том, что бы удерживать челюсть на месте при помощи специальной повязки.

— Пожалуй, я выйду на минуточку... — сдавленно пробормотала блондинка, отталкиваясь от стены и направляясь в сторону выхода.

— Я тоже... — тихо откликнулась, бочком выползая следом за ней. Укоризненные взгляды байкеров я стойко проигнорировала, чуть ли не бегом рванув из кабинета.

Что бы уже в коридоре, у стены, согнуться пополам от рвущегося наружу хохота. Рядом пыталась отдышаться от приступа веселья Эльза, прислонившись лбом к стене и периодически пытаясь прекратить хихикать так громко. Прилившая к её щекам кровь сделала девушку ещё очаровательнее и в чём-то ранимей. Что, впрочем не мешало ей с нотками непередаваемого ехидства протянуть, сползая-таки по стене вниз:

— Ну Кощей... Ну Роман Евгеньевич...

— Да уж... Я, конечно, понимала, что он найдёт выход из ситуации... — громко хохотнув, я зарылась пальцами в волосы на затылке и дёрнула, неосознанно растрепав аккуратную косу. — Но что б та-а-ак...

— Мужчины, — тихо фыркнув, Эльза поднялась, отряхнув брюки. — Когда им что-то надо, они проявляют чудеса изобретательности, невиданную сплочённость и обаятельную креативность... Но почему-то не в тот момент, когда это действительно нужно.

Мне на это даже возразить нечего было. Тем более, что из кабинета раздался звон разбитой посуды и тихий, но вдохновенный мат. Местами цензурный, но всё же! И Эльза, тоже прекрасно это услышав, нахмурилась, недовольно поджав губы.

После чего решительно направилась обратно в комнату, поддёргнув рукава пиджака, и недовольно протянув:

— Ну сейчас кто-то у меня получит... По наглой, рыжей морде! — и стоило ей скрыться внутри, как оттуда же раздался тихий, вкрадчивый, но очень уж богатый на эмоции голос блондинки. — Харлей! Договор с совестью снова растсоргнут и мне стоит поинтересоваться у твоей благоверной, кто тебя пр детях материться учил?!

— А чё опять я?! Я чё, самый рыжий что ли?!

— Ты знаешь... — тут Эльза выдержала драматическую паузу и добавила. — Да! Марья, закрой, пожалуйста уши!

— Угаться буду-у-ут, да? — тихо вздохнуло моё обожаемое чудо и тут же начало напевать. — Ля-ля-ля... Ла-ла-ла... Ля-ля-ля...

Только успокоившись, было, я снова захихикала, закрывая лицо ладонями и заочно сочувствуя всем байкерам разом. Судя по всему, Эльза, не смотря на всю свою хрупкость и этакую эфемерность, представляла собой грозное оружие, способное присмирить даже самых отчаянных и суровых мужчин. И они ей даже слово против возразить не могут...

Или же не хотят?

— Варь? — появление Кощей я благополучно проморгала, задумавшись над тем, какие же всё-таки отношения связывают скромную блондинку и группу суровых мужчин бандитской наружности.

А один слишком уж хитрый байкер, меж тем, присел рядом со мной на корточки. Улыбнулся мягко, лукаво прищурившись. И неосознанно, видимо, провёл пальцами по моей

щеке, делая вид, что заправляет выбившуюся прядь волос за ухо. Жест вышел до смешного обыденным, привычным, словно так всё и должно было быть и самого парня это нисколько не смутило, да.

Наверное, именно поэтому, я невольно поддаюсь навстречу прохладных, осторожных пальцев, прикрыв глаза на мгновения и ощущая странную, но на диво приятную дрожь, пробежавшую по телу. Вот только сообразив, что делаю и с кем, я отпрянула, приложившись затылком об стену. И потирая его, недовольно поинтересовалась:

— Выкрутился, да?

— Ты сомневалась? — тихо хохотнул байкер, больше не делая попыток ко мне прикоснуться. Только смотрел как-то слишком уж пристально, размышляя о чём-то. И пока я пыталась сформулировать более или менее остроумный ответ, Кощей опередил меня, выдав. — Варь... А пойдём, покатаемся?

Пару минут я сидела просто глядя на него широко раскрытыми глазами. А потом, почему-то не желая задумываться о причинах и мотивах, просто кивнула, принимая протянутую руку с длинными, чуткими пальцами, так уверенно и сильно обхватившими моё запястье.

— Я об этом ещё пожалею... — тихо вздохнула, глядя, как байкер переплетает наши пальцы.

— Не-а, — уверенно покачал головой Костин, утягивая меня за собой. — Никогда.

И столько уверенности было в этом слове, что я сдалась, послушно идя следом и старательно игнорируя вопивший во всю глотку инстинкт самосохранения. В конце концов, ничего страшнее влюблённости в невыносимого байкера мне всё равно не грозит.

А уж с нею я как-нибудь смогу жить, тем более, что она всё равно уже есть...

— И тогда Эльза ему и выдаёт целую тираду на тему высокомерия, заносчивости и того, что у неё есть жаждущие общения специалисты из отряда мужчин особой нежностью. И если уж Влад так стремится обеспечить себе весёлый вечер, она с радостью поможет ближнему своему, — Ромка активно жестикулировал, рассказывая очередную байку из жизни банды и клуба.

А я сидела на парапете, болтая ногами в воздухе, и шурилась на лучи заходящего летнего солнца. Рядом, прислонившись к ограждению, стоял сам байкер, в лицах и красках описывающий знакомство их ледяного администратора и старшего брата владельца клуба. Правда, периодически Ромыч отвлекался, поглядывая на припаркованный неподалёку байк, и грозя кулаком малышне, пытавшейся поближе посмотреть на такую красоту.

С того памятного похода в клуб и чаепития, напомнившего мне небезызвестную сцену из книги великого Кэрролла Льюиса, прошла почти неделя. И за это время изменилось...

Да много чего изменилось!

Задумчиво прикусив нижнюю губу, я вздохнула, вновь вспоминая всё, что успело произойти за неполных семь дней. И приходя к безбожному в своей нелепости выводу, что, не смотря на неудачный опыт семейной жизни, на заявление Кощея, которое я всё ещё очень уж хорошо помню, на наличие дочери и безответной влюблённости Костина в какую-то милую девушку, я...

Я, дура такая, умудрилась в него влюбиться. И влюбиться так, что уже не очень-то представляю себе жизнь без этих баек, шумной компании байкеров, периодически обитающих в моём магазине и песен группы «Ария» в исполнении мелкой.

Беспечный ангел у неё выходил просто бесподобно, да. Вот ещё бы учил её этой песни кто-нибудь другой, к кому её непутёвая мать не испытывала бы ничего кроме милой, дружеской симпатии. Но, как говорят в народе, знал бы прикуп — жил бы в Сочи!

— Варь, ты чего? — заметив мою задумчивость, Костин обнял меня за талию, пристроив подбородок на плече и ласково потёршись щекой о мою щёку. — Хреновый из меня рассказчик, по ходу, раз девушка изволит думать о чём-то другом.

— Девушка изволит мёрзнуть и чуть-чуть голодать, — хмыкнула, старательно игнорируя то, как болезненно необходимы стали эти почти родные объятия. Как и то, что рядом с любителем злата клубного на проблемы в жизни смотрелось куда проще.

Почему-то я знала, что мне помогут их решить. Стоит только попросить, наступив на горло собственной песне о самостоятельности, самодостаточности и прочее, прочее, прочее.

— Так поехали в кафе, — добродушно фыркнув, Кощей осторожно коснулся губами моей щеки. То ли неосознанно, то ли забывшись, но я от этого прикосновения невольно вздрогнула. — Как утверждает Царевшна Марья, храбрый рыцарь обязан спасти принцессу от страшного и лютого дракона... Даже если это такая мелочь, как голод!

— Вот вам общение с моим чудом явно на пользу... — тихо засмеялась, вспомнив, как вся банда собралась посмотреть на запись сражения великого Рыцаря Марьи и Вишнёвого Грозного Дракона Леночки! Именно так, всё с большой буквы и с комментариями неугомонного Шута. И укорила, шутливо, ткнув байкера локтем в бок. — А вот вы на мелкую явно влияете не лучшим образом!

— Чой-то?!

— А кто научил её фразе «Уйди глюк, мы не в затыг!»? И почему она её произносит каждый раз при виде очередного кактуса? — глядя на то, как медленно, но верно краснеет Костин, я фыркнула и добавила. — А уж вопль «Зайчучуля» я по-моему вряд ли когда-нибудь забыть смогу. Особенно, учитывая, что прозвучал он внезапно, за спиной, в полной тишине и когда я проверяла, течёт слив в раковине на кухне или нет! Шишка на голове у меня два дня не сходила!

— Это всё Харлей...

— Нашёл самого рыжего, да? — снова фыркнув, я ненавязчиво выбралась из тёплых объятий и спрыгнула вниз, вздохнув. — Но Царевшна у меня упрямая... Ещё посмотрим, кто кого перевоспитает, да...

— Я и так знаю, кто кого перевоспитает... Эльза! — и тихо рассмеявшись, Рома поймал меня за руку, вновь притягивая к себе. И потёршись носом о мой нос, повторил свой вопрос, заглядывая в глаза. — Ну что? В кафе? Есть тут одно памятное местечко... Мне Мих про него рассказывал!

— Нет, — хмыкнув, я покачала головой, в душе мучаясь от этих ласковых прикосновений и в тоже время, не имея никаких душевных сил отказаться от них. И всё же осторожно разжала его руки, добавив. — Лучше поехали ко мне домой. Так и быть, накормлю тебя вкусным, домашним ужином, за приятный вечер. Варяг обещал приберечь пару кусков пиццы для нас.

— Я ему не нравлюсь... — вздохнув, Ромыч разжал объятия, вновь прислонившись боком к ограждению и дожидаясь, пока я обойду его. И вид при этом у парня был жутко недовольный.

Вот только непонятно чем. Ну не тем же, что так и не сумел найти общие темы для разговора с моим закадычным другом-ролевиком. В конце концов, на моей памяти Варяг в принципе настороженно относился к любым мужчинам, появлявшимся в моей жизни после нашего с ним фееричного знакомства полтора года назад. И дело тут не в его желании занять вакантное место моего мужа...

Просто я суровому викингу напоминала его племянницу, погибшую по дурости в горах. Вот и вызвали братские инстинкты.

— Не волнуйся, — усаживаясь позади байкера, я натянула шлем и крепко обняла его за талию, добавив. — Ему никто не нравится. Это аксиома, смирись с этим...

— Угу, как же, — буркнул Ромыч, заводя двигатель. Байк сыто заурчал и мягко двинулся вперёд, увозя нас от набережной дальше, в город, вынуждая меня вжиматься сильнее в крепкую мужскую спину.

Я закрыла глаза, уже по привычке и с долей детского, невинного восторга отдаваясь на волю своде и ветру, чувствуя мощную вибрацию и слушая мягкое урчание «харлея», стремительно двигавшегося по вечерним дорогам в сторону моего дома. Иногда мне кажется, что Кощей специально выбирает самый долгий путь, словно стремится продлить это ощущение единства, свободы, полёта, очаровывающее своей неповторимости. И если бы кто-нибудь спросил меня об этом...

Я бы сказала, что не имею ничего против. Было что-то особое в этом, что-то нереальное, недостижимое. И каждый раз я цеплялась за эту возможность вновь ощутить себя свободной и летящей. Даже на такой короткий период времени. Кто бы мог подумать, что любовь к мотоциклу, скорости и дороги может оказаться такой заразной?

Или всё дело в том, с кем ты делишь эту ночь, эту дорогу и этот рок, пробегающий

адреналином по венам, согревающий изнутри. Сегодня, почему-то, в мыслях вертелась лиричная баллада в исполнении группы Scorpions. Кажется, она переводится как «Когда ты пришла в мою жизнь» и как никогда, пугающе точно описывает всё, что творилось между мной и Кощеем.

Пусть даже творилось исключительно с моей стороны...

Дорога закончилась слишком быстро на мой вкус. И вот уже байк привычно пристроился рядом с моим малышом-матизом, а его хозяин не менее привычно сидит напротив меня на маленькой кухне. Манюня крепко спит в своей комнате, за закрытой дверью, а Варяг, смерив позднего гостя недовольным взглядом, отбыл до дома, оставив в зале несколько готовых заказов, из тех, что самые срочные. Гость же...

Гость пьёт горячий, крепкий кофе, поедает домашнюю пиццу и рассказывает очередные байки из жизни собственной банды байкеров. А я сижу, подперев щёки кулаками, и улыбаюсь, сама не зная чему.

Просто с Кощеем на моей кухне было уютно. И по-домашнему тепло. Так, что расставаться с этим ощущением не хотелось до дрожи в пальцах. Жаль, что и эти нередкие теперь моменты имеют неприятное свойство заканчиваться. Тем более, что часы на стене гордо демонстрировали полпервого ночи. Кощей, глянув на них вздохнул душераздирающе, поднимаясь из-за стола:

— Мне пора...

— Угу, — сцедив зевок в кулак, я поднялась следом, по уже устоявшейся традиции намереваясь проводить байкера до дверей. Игнорируя жуткое желание попросить его остаться, так и подтачивающее изнутри мою уверенность в том, что между нами нет ничего, кроме приятельских отношений.

Немного странных, конечно, учитывая, вольности, которые порою позволял себе Ромыч. Но всё же не более, чем дружеских, да.

Дёрнув себя за кончик косы, я стояла в коридоре, прислонившись плечом к стене и смотрела, как нехотя собирается мужчина, шнуруя ботинки и застёгивая неизменную кожаную куртку. Кощей, словно издеваясь, делал всё нарочито медленно, хмуря брови и кусая губу. А потом, выпрямившись, всё-таки заговорил:

— Варь, тут такое дело... У Цепеша новоселье, вся банда в сборе будет. Придёшь?

— А я что, член банды? — удивлённо моргнула, с трудом, но вспомнив, что такое милое прозвище носил Владислав Алёхин. Старший брат владельца клуба, блестящий юрист и на диво желчная личность, тоже не сумевшая устоять перед обаянием моего чада.

Впрочем, Маня всегда была такой. Маленьким, позитивным солнышком, притягивающим к себе всех и вся. Так что не удивительно, что даже чёрствое сердце истинного графа Дракулы не осталось равнодушным к большим карим глазам малышки.

— Почти, — мимолётная чуть печальная улыбка только подстегнула моё любопытство, так и не прояснив ситуации. А Ромыч лишь вздохнул, подойдя ко мне и осторожно погладив большим пальцем мой подбородок, вынуждая поднять голову и заглянуть в тёмные глаза. — Но никто из нас не будет против, если станешь полноправным членом нашего безумного семейства. Никто. И я тоже.

Я удивлённо моргнула, глядя на него широко раскрытыми глазами. И пропустила тот момент, когда воспользовавшийся повисшей паузой Кощей склонился ниже, закрывая мне рот поцелуем. Нежным, мягким, почти робким. Но таким... Настоящим...

Наверное, я всё-таки влюблённая дура. Наверное, мне стоило бы отстраниться, ударить

его, отказаться. Сделать хоть что-то из того многообразия вариантов, что я успела передумать за эти недолгие секунды промедления. Но я не сделала ничего.

Разве что закрыла глаза, обнимая его за талию и возвращая поцелуй. Такой же осторожный, такой же чуточку трепетный и неловкий. Только не менее сладкий, щемящий, отзывающийся в душе лёгким трепетом искристого, подзабытого счастья, разливающегося теплом по телу.

И это ощущалась как самая правильная вещь в мире, как единственное верное и важное сейчас. Прижаться крепче, глотать стоны, разделять одно на двоих дыхание. Зарываться пальцами в волосы на затылке, вставать на носочки и в кои-то веки, спустя долгие четыре года чувствовать себя живой, желанной... Нужной, необходимой как воздух. Плевать, если это не так, плевать если это самообман.

Я просто наслаждалась, улыбаясь, чувствуя как по щекам текут слёзы и поддаваясь навстречу горячим, уверенным ладоням, скользившим по моей спине, забирающимися под тонкую майку, но так и не преходящим границы дозволенного.

От этого становилось так легко и тепло, как никогда прежде. Осознавать, что в тебе видят женщину, человека, а не просто удобную вещь было чудесно.

Рома отстранился первым, но из объятий меня не выпустил, прижимая к груди и уткнувшись носом мне в макушку. Он тяжело дышал, вздрагивал и стискивал объятия сильнее. И отступил только тогда, когда сердце перестало бить как сумасшедшее, гоня по телу адреналин. Провёл пальцами по щеке, на которой наверняка выступил предательский румянец, нагнулся, потёршись носом о мой нос и тихо сказал:

— Я буду ждать звонка. Позвонишь, я заберу тебя и поедем праздновать новоселье этого чёртового графа Дракулы. А потом... Потом поговорим. Хорошо?

— Ты, вроде бы, всё достаточно чётко обозначил... — откликнулась, с трудом заставляя себя говорить, а не соглашаться напропалую на всё, что предложит невыносимый тощий рокер.

Кошечкой недовольно поморщился, прислонившись лбом к моему лбу. И снова коснулся губами моих припухших губ, в лёгкой, почти невесомой ласке.

— Я вообще имею дурную привычку сначала ляпнуть, потом понять что ляпнул, а потом судорожно искать выход из ситуации... Дурак был, исправлюсь. Варь... Пожалуйста, позвони. А потом мы поговорим. Обо всём. Обещаешь?

Инстинкт самосохранения надрывался сиреной на краю сознания, упорно толкая ответить веское, грубое «нет». Но я так и не смогла этого сделать, просто кивнув головой и сжав пальцы в кулаки так, что ногти больно впились в ладони. Байкер же улыбнулся. Так широко и солнечно, что я невольно улыбнулась в ответ, чувствуя, как повторно заливаюсь чёртовым предательским румянцем.

Который так и не сошёл, даже когда я закрыла за ним дверь, прислонившись к ней спиной и медленно сползая вниз, на пол. Подкравшийся Кошмар, протяжно, низко мяукнул, заглядывая в глаза. Медленно поглаживая подставленную крупную, лопающую голову, я слушала громкое урчание довольного котяры, я отчаянно пыталась понять, что делать дальше. Только вот мозги отказывались работать и через пять минут бесплотных попыток найти хоть какое-то решение, я мазнула рукой, поднимаясь с пола. Как говорила моя любимая Скарлетт О'Хара, я подумаю об этом завтра...

Или не буду думать вовсе. В кои-то веки просто поплыву по течению и посмотрю, к чему это всё приведёт.

— Всё будет хорошо, — вздохнула, вновь наматывая кончик косы на палец по старой, студенческой привычке. — Даже если будет плохо... Правда, Кошмар?

Кот, как ни странно, ответить просто не успел. Настойчивый стук в дверь нарушил мирную, сонную тишину в квартире, вызвав моё явное недоумение. Гостей в ближайшие несколько часов не предвиделось, Варяг обещал показаться после полудня, а Кощей только что ушёл. Соседи так поздно даже в самый голодный год не пойдут по квартирам, а коммивояжёры, сдаётся мне, сейчас приравнены к мамонтам, ввиду редкости и древности профессии.

Стук повторился. И так настойчиво, что сомнений не оставалось: неизвестное лицо прекрасно знает, что дома кто-то есть. Я недоумённо почесала бровь, сомневаясь, стоит ли выяснять, кого там черти принесли. Но глянув на зеркало, увидела там кожаные перчатки без пальцев, позабытые Кошеем. И фыркнула, уже спокойно открывая дверь.

Что бы застыть на месте, неверяще уставившись на лестничную площадку. Руки онемели, а ноги не слушались. И всё на что меня хватило, это сипло выдохнуть:

— Ты?!

Дальше я смогла лишь полузадушено хрипеть, когда сильная, грубая мужская ладонь сжалась на моём горле. Я цеплялась пальцами за чужие руки, царапалась, пыталась лягнуть незваного гостя. Но он всегда был сильнее меня. И сейчас без каких-либо проблем прошёл в небольшую прихожую, захлопнув ногою дверь. Что бы прижать меня спиной к стене и тихо, почти ласково проговорить:

— Здравствуй, Варенька. Соскучилась, родная? Я тоже скучал. По тебе и по нашей малышке. А теперь ты будешь умной девочкой... И не будешь кричать. Ты же не хочешь напугать Машулю, так ведь? Кивни, — я судорожно сглотнула, зажмурившись и отрывисто кивнув. А этот шёпот, резкий, каркающий с хриплой угрозой, долго снившийся мне в кошмарах, продолжал, взвинчивая нервы до предела. — Умница. Можешь же, когда хочешь. Дурочка моя, родная... Так где мы можем поговорить, никому не мешая, а? В Ванной? Да, в ванной. Идём.

И грубым рывком меня дёрнули в сторону, толкая в открытые двери ванной, сжимая шею так, что не было и шанса освободиться. Желудок сжался, внутренности сводило от страха. Но я ничего не могла поделать. Не сейчас, когда рядом дочь.

Ею я не готова рисковать. Не готова смотреть, как на неё поднимают руку. Не готова...

Дверь закрылась с лёгким, глухим стуком. Щеколда прошлась по нервам короткой вспышкой страха, почти животного ужаса. А дальше воплотилось то, что я так старательно пыталась забыть на протяжении всех этих лет.

Удар наотмашь, по щеке, так, что голова дернулась, и я врезалась затылком об край навесного шкафчика. Удар в живот, выбивающий воздух из лёгких, оставляя после себя надрывный кашель и привкус горько-солёной крови на языке. И тихий, почти насмешливый голос, бьющий по ушам в оглушающей тишине:

— Я же говорил, что найду тебя, Варенька. Говорил? Говорил. Я говорил, не стоит мне перечить и уж тем более не стоит бегать от меня с моей дочерью на руках. Ты, как всегда, не послушалась. Что ж... Придётся пожинать плоды своего непослухания, Варенька.

— Не надо... Андрей... — с трудом смогла проговорить, вжимаясь в угол ванной комнаты. И повторяя про себя как мантру: нельзя кричать, кричать нельзя.

— Надо, Варенька, надо...

А дальше начался мой персональный, личный, заслуженный за какие-то неведомые мне

грехи ад. Ад, где меня швыряли по небольшому помещению, как безвольную куклу. Ад, где меня профессионально и жёстко били по животу, спине, груди. Не оставляя следов, но скручивая от боли так, что приходилось до крови закусывать губы, что бы не кричать. Прикладывали головой об раковину, разбивали и без того искусанные губы, выворачивали руки.

И напоминали, что я не права. Что он решает, где и с кем будет жить его дочь. Напоминали, что нас только развели, что суд принял неправильное решение. Что я его оклеветала и за это он спросит с меня отдельно.

После чего, стоило ему выдохнуться, всё повторялось вновь. Раз за разом. Пока моему незваному гостю это не надоело. Я валялась на полу, свернувшись в калачик, давясь всхлипами и собственной кровью. Он, поднявшись, брезгливо вытер руки полотенцем, бросив его мне в лицо. И произнес небрежно:

— Я подал исковое в суд. Будет решать вопрос об определении места жительства ребёнка. И поверь мне, Варенька... Ты его не выиграешь. Здесь тебе некому помочь. Здесь никто не узнает наш маленький секрет, верно? Ты же не хочешь, что бы Машуня осталась сиротой, верно? И не хочешь лишиться даже призрачной возможности видеться с нею, так ведь? Так что будь умницей, Варенька... И не провожай меня. Дверь я захлопну самостоятельно.

— Пожалуйста... — прохрипела, пытаюсь подняться. Не смогла, рухнув на холодный капель. И беззвучно зашлась слезами, слыша его издевательский смешок.

— Нет, Варенька. Я позволил тебе решать всё самой... Теперь моя очередь. Увидимся в суде, дорогая супруга...

Хлопок двери дошёл до моего затуманенного болью и страхом мозга не сразу. Вот только осознав, что он ушёл, я так и не смогла подняться. Я свернулась в комок, обхватив колени руками, не обращая внимания на боль, на выворачивающую кости, невыносимую боль и подступавшую к горлу тошноту. И сжавшись, вздрагивая всем телом, разрыдалась.

Захлёбываясь отчаяньем, задыхаясь от безнадёжности, от невыносимого одиночества, от воспоминаний, разбуженных этим явлением из прошлого. Раздирая ногтями обнажённую кожу, выгибаясь дугой и разбивая костяшки в кровь об холодный, безучастный кафель. И не зная, что делать, не понимая, как быть дальше...

Я думала, всё закончилось. Я думала, всё осталось там, в другом, родном мне городе. Я думала, всё завершилось ударом молотка судьи, провозглашавшего вердикт. Я думала, что стала свободной и больше никогда не вернусь в этот кошмар.

Но кошмар решил иначе. Ему всегда было плевать на моё мнение, на мои желания. Ему было плевать на дочь, на родителей и подобие семьи, которое у нас было. Зато ему было далеко не плевать на пресловутое общественное мнение. И ради него он не оставил попыток найти меня и дочь.

Только... Что мне теперь делать? Что?!

Истерика только было утихшая, снова набирала обороты. У меня уже не было сил, не было желания, но я продолжала быть белугой, задыхаясь от слёз, выгибаясь дугой и умирая от боли. Не от той, которая выкручивала все внутренности и заставляя сердце биться пойманной клеткой о рёбра, нет. От той, что поселилась в душе, стоило только осознать реальность происходящего, понять, что моя Манюня, моя обожаемая Царевшна может действительно оказаться с ним. И в этот раз некому меня защитить, некому мне помочь, некому меня спасти.

— Где Варя? — Ромыч с подозрением глядел на хмурого мужчину, представленного Варей как Варяг. Высокий, блондинистый и с грубыми чертами лица он действительно смахивал на викинга. И этот самый викинг смерил его не менее подозрительным взглядом, крепко прижимая к себе притихшую Манюню.

Малышка выглядела бледной, но в целом здоровой. Вот только это Кощя ни капли не успокоило. Потому что к малышке должна была прилагаться её мама. Язвительная, насмешливая, очаровательная.

Не отвечавшая на звонки, отделавшаяся всего одним сообщением, в котором просила присмотреть за Царевিশной пару дней, не больше. И это лишь подогревало беспокойство, съедающее его изнутри.

— Занята, — сухо откликнулся Варяг, осторожно поглаживая спину девочки. И чему-то зло усмехнувшись, добавил. — И эти проблемы требуют срочного решения. Так что на тебя, Роман, возлагается ответственность за мелкую...

Осторожно отцепив крепко ухватившуюся за него Манюню, блондин передал её Ромычу и добавил, с ноткой угрозы в голосе:

— Обидишь, недосмотришь, потеряешь... Мне на твою банду глубоко параллельно, Костин. Но за Маню я тебе лично сломаю все двести шесть костей в твоём хилом организме.

— Ома хооший... — тихо произнесла малышка, тут же пряча лицо на груди байкера.

— Не сомневаюсь, принцесса, — мягкая улыбка сгладила суровые черты лица Варяга, сделав того на пару лет моложе. — Но за тебя я даже хорошему Роме устрою весёлую жизнь.

И потрепав ребёнка по голове, он направился в сторону поджидавшей его машины. Оставляя Кощя со странным ощущением вранья, осевшим вязким привкусом на языке. А ещё смутное ощущение свалившейся гадости, о которой сам парень пока не имеет ни малейшего представления. Но она ему не нравится заранее...

Как и последствия оной, определённо. Понять бы ещё, что же могло случиться за одну ночь.

— Дядя Ома... Всё будет хоошо? — вдруг тихо спросила Марья, заглядывая ему в лицо. Печальные карие глаза малышки были полны какой-то совершенно недетской грусти и затаённой боли.

У трёхлетнего ребёнка не может быть такого серьёзного взгляда. И подозрения о том, что случилось что-то действительно серьёзное, росли и крепились быстрее, чем падал курс рубля на бирже валюты. Но вместо того, что бы задавать глупые вопросы, Ромыч только крепче прижал к себе малышку, уткнувшись носом в макушку и тихо пообещав:

— Конечно, ребёнок... Всё будет хорошо, обязательно.

Маня на это только тихо вздохнула, пряча лицо на плече байкера, утыкаясь холодным носом в ткань любимой тёмной футболки и обнимая ладошками за шею. Хотелось бросить всё и рвануть по известному адресу, наплевав на алкоголь гуляющий в крови, правила дорожного движения и собственную осторожность. Хотелось выбить к чёрту двери и вытрясти из этой невыносимой женщины всю правду.

Или хотя бы просто увидеть её, понять, что страхи не оправдались и на самом деле всё

хорошо. Вот только в последнее не верилось от слова совсем. А ещё Кощей очень чётко осознавал, что не может ничего сделать. И не потому, что не хочет. Хочет и ещё как! Просто Варя в очередной раз поступила так, как от неё меньше всего ожидали, и доверила ему самое ценное, что у неё есть — свою дочь.

Не Варягу, не этому малохольному Пете, не кому-то ещё, а именно ему, Ромке. И если он не оправдает этого доверия, то смело может номинировать собственную персону на конкурс «Идиот года», как минимум. Потому как это будет вторым самым фееричным в своей глупости поступком за время его знакомства с бухгалтером почти экономистом.

Первое место занимал ляп про дружбу. Кощей до сих пор не понимал, как умудрился такое сморозить, но и сделать не мог ничего, пока что.

— Я один так и не понял, какого хе... — покосившись на придремавшую малышку, Ярмолин вздохнул и поправился. — Какого хироманта тут происходит, а я не в курсе?

— Тихо, — недовольно поморщившись, Ромыч потёр переносицу, с лёгкостью удерживая Маню одной рукой. Пришедшая в голову мысль была внезапной и, как подозревал сам байкер, единственно верной. Поэтому чуть подумав, он всё-таки попросил. — Лёх, пожалуйста... Съезди к ней. Мне вся эта свистопляска не нравится.

— А чего не сам? — озадачился Лектор, тем не менее без вопросов направляясь в сторону машины. Ромыч шагал следом, пытаясь унять невольную дрожь волнения и нетерпеливое беспокойство, съедающее его изнутри.

Получалось из рук вон плохо. Нехорошие предчувствия изрядно подтачивали нервы и собственную силу воли. Так что на вопрос товарища Костин ответил далеко не сразу, а когда устроился на заднем сиденье джипа, с маленькой Царевিশной на руках.

— Я за Марьей присмотрю, — вздохнув, Кощей зарылся пальцами в волосы на затылке, дёргая пряди. — Так что закинь меня к дому, а сам съезди к Варе. Пожалуйста.

И было что-то такое в его тоне, отчего Лектор не стал дальше спорить, просто кивнув головой и заводя мотор. Машина мягко тронулась с места, постепенно набирая скорость и удаляясь от клуба в сторону дома, где обитал финансист всяя банды. Дорога много времени не заняла. Не прошло и пятнадцати минут, как Ромыч уже заходил в подъезд, не обращая внимания на шушукующихся прохожих, заставших такое неслыханное зрелище, как байкер со спящим ребёнком на руках.

Самому Костину на общественное мнение было до лампочки. До старой, доброй советской лампочки Ильича, так что игнорируя любопытные взгляды, он просто добрался до собственной квартиры. И открыв дверь, прошёл по коридору до спальни, не заботясь о том, что бы включить свет. Устроил Марью на собственной кровати, укрыв пледом и сунув ей под бок огромного плюшевого зайца нереально рыжего цвета, обитавшего тут с незапамятных времён. Харлей попытку друзей его подстебать не оценил, пришлось приютить бедного сиротинушку. И кто бы мог подумать, что он пригодится, да...

Малышка тихо хныкнула, свернувшись в клубок и обнимая игрушку, спрятав лицо в коротком мехе. Осторожно убрав волосы с лица Царевишны, Кощей коснулся губами её лба и тихо вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь. И только тогда он со всей дури, со всей силы ударил кулаком об стену, вымещая собственное беспокойство, терзающие его плохие предчувствия и простую, но такую неожиданно сильную злость, взявшуюся не пойми откуда.

Где-то в глубине души Ромыч понимал, ничего не бывает просто так. И такое нетипичное поведение Варвары должно было иметь под собой очень веские причины. Ещё и взгляд Варяга...

Словно он что-то знал, но ничего не мог с этим поделать, отчего ненавидел весь мир разом. Очень знакомое ощущение, даже слишком. И очень знакомый взгляд. Такой Кощей видел и у Миши, и у Олега и даже у Харлей с Полонским. Правда, последний свои чувства демонстрировал очень редко, зато так, что сразу становилось ясно, на тему его бесчувственности лучше не шутить. Для здоровья полезнее будет.

Ударив ещё раз кулаком по стене, байкер глубоко вздохнул, беря под контроль эмоции. И, не разуваясь, прошёл в гостиную, вполне сносно ориентируясь в царившей вокруг темноте. Нашёл бар, налил себе виски и, проведя пальцем по аудиосистеме, выбрал наугад один из треков в списке воспроизведения, убавив громкость настолько, чтобы не потревожить сон малышки.

Голос солиста группы «Король и Шут» трудно было перепугать с кем-то другим. Но сейчас он звучал непривычно лирично, даже в чём-то нежно, напевая о забытых ботинках, любви и сожалениях. И Роман сам не заметил, как начал подпевать знакомым до последней строчки словам:

— Уставшим путником войду в твою я спальню... Без приглашения, тайком, без лишних слов... Возле тебя я сяду тихо на диване... И пожелаю необычных, сладких снов...

Виски обжёт горло, согревая изнутри. Байкер стоял у большого, панорамного окна, глядя на то, как на город опускаются сумерки. Покачивал в пальцах бокал с янтарной жидкостью. И думал. Думал, поддаваясь влиянию песни, вслушиваясь в слова и понимая, что...

Влюбился. Окончательно, бесповоротно, дико, болезненно и сильно. Внезапно, сопротивляясь и увязая во вспыхнувших чувствах всё сильнее и крепче. И чем больше он об этом размышлял, тем чётче осознавал, что не хочет ничего менять. Совершенно.

Хмыкнув, Кощей сделал ещё один глоток и закрыл глаза, прислонившись горячим лбом к холодному стеклу. А песня всё продолжалась и продолжалась, сплетаясь с осколками-воспоминаниями, что без спросу заполнили его мысли.

— Дальний путь зовёт меня, но уйти я не могу... Возвращаюсь снова я, твой облик в сердце берегу... Варя... Вар-вара... Варька...

Не самое лучшее знакомство и девушка, впервые не ставшая с ним кокетничать и флиртовать. Острые шпильки вместо комплиментов и обоюдная насмешливая неприязнь. Собственные колкие слова сейчас вызывали чувство стыда, а тогда стали ещё одним камнем в фундаменте их отношений. Совместное бдение над бумагами и неожиданное потепление, скрасившее серые рабочие будни. Лёгкое подтрунивание друг над другом, почти семейный вечер, проведённый на кухне после виртуозного лечения в исполнении Манюни. И предложение.

Совершенно необдуманное, внезапное, спонтанное. Кощей повёл себя как игрок на бирже, пошёл ва-банк. И не проиграл. Варя не казалась лишней или ненужной, она не ощущалась чем-то чужеродным рядом с ним и его байком. А когда Ромыч вспомнил ощущение хрупких ладоней на своей талии, вспомнил ровное, согревающее тепло от прижимающейся к его спине девушки...

— Твой облик в сердце берегу... — снова повторил он строчку припева, улыбаясь. Чуть печально, но с надеждой и тоской. И хотя выражение лица у него явно было идиотским и больше подошло бы герою какого-нибудь сопливого любовного романа, Костину было на это глубоко начхать.

В конце концов, он осознал, что любит. На самом деле любит, а не гонится за

мимолётным увлечением. А кому не нравится, может валить к чёртовой бабушке! И объясняться ей в любви с бутылкой виски наперевес!

Допив свою порцию алкоголя, он прихватил бутылку из бара и устроился в кресле, откинувшись головой на спинку и прикрыв глаза. Признать свои чувства перед самим собой, это, конечно, подвиг и великое достижение. Но теперь вставал вопрос о том, как донести такую простую истину до упрямой и своевольной Варвары. А это та ещё задачка!

Вибрация телефона отвлекла его от размышлений. Нехотя открыв глаза и моргнув пару раз, Кощей глянул на имя вызывающего к нему абонента и ответил на звонок, поднеся аппарат к уху:

— Ну?

— Баранки, млять, гну, — мрачно отозвался Лектор. И тихо, но очень проникновенно выдал. — У нас полная жопа огурцов, Кощей. И боюсь тебе эти овощи ох как не понравятся...

— Варя?

— В порядке. Относительном. Очень относительном, — сухо отчитался Ярмолин. Судя по звуку, он явно намеревался выпить. Костин глянул на свой полупустой бокал и...

Отставил его в сторону. Что-то ему подсказывало, что лучше сначала всё услышать, а потом уже пить.

— Лёха...

— Ща, — на пару минут в трубке повисла тишина, после чего Лектор всё-таки продолжил говорить, коротко и тяжело выдохнув. — Значит так, скелетон наш ходячий. Я тебе всё расскажу только при одном условии. Сейчас краткий свод информации и ты никуда не рвёшься. Завтра после обеда я тебе выдам полную версию случившегося без купюр, и ты снова никуда не рыпаешься, переваривая новости. И только когда тебя прекратить колбасить и плющить, как металлиста по Маше Распутиной, вот тогда ты с Варей и встретишься. План действий понятен?

— Ярмолин, ты... — Ромы потер переносицу, пытаясь подавить желание придушить собственного друга. — Ты издеваешься что ли?!

— Да если бы, млять. Ромыч, только так и никак иначе.

Кощей похлопал себя по карманам, выискивая пачку сигарет. Не нашёл и подумал уже о том, что бы посмотреть в спальне. Но вспомнив, что там спит мелкое чудо, передумал. И стиснув бокал в пальцах, коротко выдохнул:

— Ладно. Давай свои новости.

— Угу, — тихий усталый вздох только взвинул и без того напряженнее нервы. И когда Кощей уже пришёл к мысли о том, что бы смотаться до Лектора и вытрясти из него всё, что он узнал, Лектор заговорил вновь. — Факт первый. Варька была замужем, брак продлился меньше двух лет. Развод оформлен официально, все бумаги в порядке, всё вроде бы хорошо.

— И? — то, что Варвара была замужем, Романа не удивило. Что-то подобное он и предполагал, хотя и не сказал бы, что она похожа на ту, что может выскочить замуж по глупости. Но всё бывает в первый раз, тут и за примером далеко ходить не надо.

Сестра Харлея, Станислава, яркий образчик раннего брака по большой любви.

— Факт второй, — медленно протянул Лектор, снова отвлекшись на звон стекла. Пробормотал что-то о том, что с такими друзьями он точно скоро сопьётся и вздохнул, продолжая рассказ. — Муж только на первый взгляд был умником, красавцем и мужчиной в самом расцвете сил. На второй — та ещё сука.

— А поподробнее? — Кощей нахмурился, делая глоток виски. Интуиция вопила, что ему явно не договаривают. И не договаривают что-то очень существенное.

— Хрен тебе, золотая рыбка. Поподробнее будет через день. При условии что ты не натворишь дел, — зло усмехнувшись, Алексей не стал больше ничего пояснять и рассказывать что-то ещё про мужа Варвары. — Факт третий. Развод был не самым приятным. Варе пришлось переехать. Дочь она забрала с собой. Только если на ребёнка и бывшую супругу этому му... Чудаку, млять, на букву «эм» было насрать, то вот мнение общества, изволившего принять не его сторону, парня взбесило. Как итог, вчера он заявился к Варе.

— Зачем? — пальцы стиснули стакан так, что побелели костяшки. Но Ромыч на это не обратил ровным счётом никакого внимания. По спине прошёл холодок, желудок сжался, протестуя.

Предчувствия были не самые приятные и что-то подсказывало байкеру, что они и в половину не так страшны, как правда, которую на него сейчас вывалят.

— Угадай. Жена его опозорила, забрала дочь. Теперь он хочет вернуть ребёнка себе и подал в суд. Судя по всему, у него есть связи и деньги, что бы обеспечить Варе травлю и выставить её в таком свете, что ребёнка ей не оставят, — чертыхнувшись, Лектор смачно и прочувствованно ругнулся. После чего поинтересовался. — Сидишь?

— Ну?!

— Ну, хорошо. Только не дёргайся, Кощей, ладно? И без твоих психов ну ни хрена не Юрьев день и точно не Яблочный спас, — Ярмолин снова помолчал, прежде, чем выдать, спокойным, даже каким-то мёртвым голосом. — Причиной развода стало то, что этот сукин сын поднял руку. И не только на Варю. Этот урод ударил ребёнка, Ромыч. И теперь собирается отобрать его у Варьки, забрать Маню к себе. Понимаешь, что я сейчас чувствую, после таких ответов на простой вопрос «Что, мать вашу, случилось»?!

Ромка на это ничего не ответил. Он просто уставился невидящим взглядом на кровь, текущую из порезов на ладони. Костин и не заметил, как сжал бокал так сильно, что стекло просто лопнуло. Вот только боли парень не ощущал, вообще, ни капли.

Всё, о чём он мог думать, так это о «не только Варю» и «ударил ребёнка». И не знал, что именно из этого приводит его в состояние холодного, слишком уж хорошо контролируемого бешенства. Такого, что оборачивалось точными, выверенными ударами, ломающими кости и обеспечивающими в принципе мирному и местами человеколюбивому байкеру его звучное прозвище. И нет, дело ведь не в том, что он любит и умеет обращаться с деньгами, не только в этом, во всяком случае.

Умение сломать руку в трёх местах парой точных ударов тоже искусство. Определённое, но всё же. И специфичное. Зато как же на душе спокойнее становится, и как повышается понятливость у оппонента, сразу же осознающего, в чем же он был не прав.

— Ромыч, ты ещё жив или мне всё-таки стоит попросить кого-нибудь отловить тебя до того, как ты доберёшься до Варьки? — голос Ярмолина звучал флегматично, даже лениво.

Кощей на это только усмехнулся, стряхнув осколки с ладони и, откинувшись на спинку кресла, закрыл глаза. Хотелось много, всякого и в его случае абсолютно бессмысленного и бесполезного. Напиться не позволяло чувство ответственности, пойти и набить морду кому-нибудь в ближайшей подворотне тоже. Нет, байкер честно сомневался, что ребёнок, даже на первый взгляд, выглядевший измученным и уставшим, проснётся в ближайшие пару часов. Но и проверять так ли это на собственном опыте не собирался.

Наверное, именно поэтому, рвано выдохнув, Кощей всё-таки проговорил:

— Ты завтра же мне всё объяснишь, Лектор. Отмазки не канают. Попытка избежать разговора и я тебе просто и незатейливо набью морду. Ну... Возможно только попытаюсь, но одним фингалом ты от меня точно не отделаешься.

— Понял, не дурак. Дурак был бы не понял, — хмыкнув, Лектор вздохнул. — Ладно, переваривай первую порцию новостей. Завтра будет новый день, новый список... Тьфу ты. Завтра будет продолжение, вторая часть Марлезонского балета, так сказать. Все те же лица, все те же события... И новые подробности. Всё, меня нет.

И отключился, специально оставив последнее слово за собой. Ромыч на это только усмехнулся, сделав мысленную отметку завтра все-таки вытащить товарища на спарринг. Дружеский, шуточный. Но никто ж не гарантировал, что эта самая дружеская потасовка не обновит коллекцию травм и боевых ранений бедного юриста, ведь так?

— Поживём — увидим, проживём — узнаем, выживем — учтём, — Кощей пробормотал расхожее утверждение, поднимаясь и пытаясь сообразить, куда в прошлый раз засунул аптечку. А вспомнив, поплёлся обрабатывать собственное боевое ранение. На душе было беспокойно, в мыслях по-прежнему царили разброд и шатания.

Одно он знал точно. Чтобы не случилось, они эту проблему решат. И плевать, что об этом думает или скажет сама Варвара.

Безнадёжность.

У неё кислый привкус рухнувшей мечты, горький запах сигарет и боль, выворачивающая наизнанку. И пустота там, где когда-то были ещё хоть какие-то намёки на чувства и эмоции. Затягивающая пустота.

Кофе давно уже остыл, застыв непонятной серо-чёрной жижей на дне кружки. Тишина сдавила грудь, вызывая, казалось бы, давно подзабытое чувство жалости к самой себе и детское, наивное желание закрыть глаза. Зажмуриться, посчитать до десяти и обратно, а когда откроешь вновь осознать, что ничего этого не было.

Не было. Ни-че-го. Ни первой, самой сильной и серьёзной любви, ни обаятельного, подающего надежды офицера. Ни вины и самокопания, когда руку подняли впервые. Ни радости и подсознательного, введшегося в душу страха, когда узнаёшь о собственной беременности. Ни вновь поднявшей голову надежды, когда всё это время с тебя готовы были сдувать пылинки, окружали заботой и вниманием, топили в нежности и ласки. Д так тщательно и планомерно, что ты забыла. Забыла о том, что ничего в этом мире не вечно.

Не было. Ничего этого не было. Не было ярости, пелены перед глазами, стоило услышать плач малышки. Не было удара по голове, сумевшего вывести из строя двухметрового мужика далеко не маленькой комплекции. Не было заявления в полицию, долгих разбирательств и суда, на котором ты нахлебалась грязи по самые уши. Ничего этого не было, да...

Горько усмехнулась, плотнее кутаясь в тонкую бабушкину шаль. До жути хотелось курить. Так сильно, что дрожали пальцем, а рот наполнялся слюной. И хотя я никогда до этого сигарету и в рот не брала, меньше желание от этого не становилась. Да и потом, не напиваться же мне, в самом-то деле?

Обхватив белый фарфор ладонями, принялась вертеть кружку из стороны в сторону, закусив нижнюю губу. Я ведь действительно любила его, на самом деле любила Андрея. Сильно и без оглядки. И, как и все влюблённые, искала причину в себе, пыталась понять, что делаю не так. Терпела, закрывала глаза, молчала, ждала и надеялась на чудо. Что ж...

Чудо не случилось. Да, узнав о беременности, он присмирел. Просил прощения, давал слово, клялся своей честью и своим же воинским званием. Заврял, что больше никогда. И да, действительно держался. Год. Целый год у нас была настоящее, а не придуманная мною семья. Семья, где все были счастливы, где не было криков и угроз, где меня не били, то не оставляя следов, то специально разбивая губы в кровь, что бы не показывалась на улице пару дней или недель. Просто семья...

Наверное, я действительно дура. Но тогда я успокоилась, перестала трястись от страха, забыла, что его слова не стоили ничего ещё до рождения дочери, так с чего бы им вдруг обрести хоть какой-то ценой? Расслабилась, глядя на то, как он играет с ребёнком, как ухаживает за ней, как опекает её.

Очнулась только услышав плач моей малышки. Я не помню, о чем я думала, я не помню что было. Помню что выскочила из кухни с первым, что подвернулась под руку. И увидев, как он лупит по щекам маленького, грудного ребёнка, не стала ничего говорить. Я просто от души ему врезала, да. Поймала врасплох, да так, что он растянулся на полу. А я...

Ну а что я?

Усмехнувшись, залпом допила гадкий даже на вид кофе. Тогда я не стала проверять, жив он или нет. Схватив документы, ребёнка и деньги, я убежала к родителям прямо в том, в чем была, не обращая внимания на косые взгляды соседей и прохожих. И положила руку на сердце, если бы он тогда умер, я бы не стала горевать, нет.

А если уж совсем честно, то сегодня я бы ещё и добила, что бы уж наверняка. Лучше отсидеть за убийство и выйти на свободу с чистой совестью, живя без страха за себя и собственного ребёнка, чем сейчас болтаться в состоянии невесомости. Неизвестность, всё-таки, страшная штука.

Поёжилась, снова вспоминая всю череду событий, слившихся почти в одно размытое пятно, случившихся за неполные три дня. Приход Андрея, Варяг, прилетевший откуда-то из очередной своей Тмутаракани и едва не отправившийся самостоятельно разбираться с тем, кто это со мной сделал. Еле удалось убедить его, что трещина в ребре, сотрясение и общие следы близкого знакомства с твёрдой поверхностью на мне — это вовсе не дело рук одного конкретного и хорошо известного нам обоим байкера. А когда всё же удалось, пришлось рассказывать неаппетитные подробности о моём неудавшемся замужестве.

Сначала ему с просьбой отвезти Марью и сдать её на руки Костину. Потом явившемуся как гром среди ясного неба Лектору. Который на мои попытки уйти от ответа не отреагировал, вообще никак. Смерил нечитаемым взглядом, насильно спойл два бокала коньяка, непонятно как оказавшегося у меня на кухне и велел рассказывать. Просто, без понуканий, без длинных уговоров. И я заговорила.

Сбиваясь, проглатывая окончания, не замечая текущих по щекам слез, а после наступившего оцепенения. Я просто выложила ему всё, что есть и всё, что будет. Рассказала про суд, про то, что даже сейчас я могу точно сказать, что шансы у меня ладно если нулевые. Ярмолин тогда только чему-то невесело так усмехнулся. И крепко обнял, прижимая к себе, согревая дрожащую меня и обещая, что всё будет хорошо. Вот всенепременно. И хотя на душе стало чуть теплее от такой заботы и поддержки...

Я поймала себя на мысли, что это — не то. Не те слова, не тот голос, не тот человек. Не за неимением лучшего, как говорится, приходится довольствоваться тем, что есть. Хотя в то, что эти упрямые байкеры со слегка (а местами и не слегка) поехавшей крышей смогут что-то изменить в сложившейся ситуации. Разве что разбавят потенциальное судебное разбирательство справками из травматологии, предоставленными бывшим супругом.

Он не мальчик-одуванчик, но и банда тоже не хухры-мухры, как любит говорить ребёнок. Вот только что это меняет-то? Что?!

Потёрла переносицу, пытаюсь собрать в кучу то, что по идее являлось мыслями. И сгорбилась, уткнувшись лбом в столешницу. Состояние апатии сменялось беспокойством и лёгкой истерией, что бы снова уступить место апатии и той самой, пропитавшей всё вокруг безнадёжности. От которой хотелось или выть чёртовым раненым зверем на луну, или сбивать снова кулаки в кровь об ближайшую твёрдую поверхность. Потому что я не знала, что мне делать и как быть.

Три дня с визита моего бывшего мужа прошли как в тумане. Я осознавала себя кроликом, в окружении змей и шанса выбраться из ловушки у меня, похоже не будет. Варяг, примчавшийся тогда, заставил привести себя в порядок, обработать раны и искать адвокатов. Повестка, врученная на следующий день, только усилило мою мотивацию, вынуждая стучаться во все возможные двери. Вот только все адвокаты в этом городе либо называли заоблачную цену, которую мне не потянуть, даже устроив тотальную распродажу всего

своего имущества, включая моей доли в магазине, либо...

Сжалась в комок сильнее, обхватив себя руками за плечи, снова пытаюсь избавиться от противного, липкого страха, ползущего из глубины души и пробирающего до самых костей. Вторым вариантов слов, звучавших мне в лицо или по телефону было банальное предложение сдаваться без боя. Потому что нет у меня шансов выиграть при всех озвученных мною обстоятельствах. И как бы я не доказывала обратная, мотивируя прошлым решением суда, уголовным делом возбужденным против моего бывшего супруга, они всё равно стояли на своём.

Шансов нет. Дело закрыто за примирением сторон. И вообще, если всё так удачно сложилось для меня в прошлый раз, значит я нашла кому и как заплатить, что бы ребёнок остался со мною. Организовала подделку документов, сфабриковала дело, написала ложный донос...

И даже если это не так, как я докажу обратное? У меня для этого, увы, нет ни денег, ни связей, ничего. Бесперспективное, безнадёжное, заранее проигранное дело. Смиритесь, дамочка. Смиритесь.

Смиритесь...

— Не-на-ви-жу... — тихо выдохнула, врезав кулаком по столу так, что чашка, стоявшая с краю, подпрыгнула, свалившись на пол. И, жалобно звякнув, разлетелась на мелкие осколки, вперемешку с остатками кофейной гущи. — Да твою ж...

Вздохнув волосы, поёжилась от ощущения сквозняка, взявшегося непонятно откуда в пустой, закрытой наглухо квартире. Но все же слезла с табуретки, на которую забралась с ногами, и принялась собирать осколки. Пальцы тряслись, как будто у алкоголика в долгом запое, так и норовя соскользнуть по острым краям и получить ещё одно боевое ранение. И закусив губу, я старалась быть как можно более аккуратной...

Сама не заметив, как сжала руку с фарфоровым крошечком в кулак от резкого звонка в дверь и гулких, глухих ударов, раздавшихся следом за ним.

Крепко зажмурилась, невольно сжавшись в комок, и замотала головой. Выбившиеся из давно уже растрепавшейся косы волосы хлестнули по щекам, попадая в глаза и вызывая новый поток слёз. Вот только от этого и моего не желания признавать реальность происходящего, звонок не прекращался, продолжая греметь на всю пустую квартиру. И удары становились пусть реже, но не теряли ни своей силы, ни своей ритмичности. Как будто человек, стоявший на лестничной клетке, точно знал, что я здесь.

И хотел добраться до меня, во что бы то ни стало. Опять.

Словно в ответ на забившуюся в груди бешеной птицей панику, на всю кухню заиграли первые аккорды одной из моих любимых композиций группы Linkin Park «My December», разбивая повисшую в комнате вязкую тишину. Мягкий, почти трепетно звучащий голос солиста группы выводил строчку за строчкой, а слёзы, застывшие на глазах вновь потекли по щеке. И тихо, тонко всхлипнув, я подползла к столу, стянув свободной рукой с неё телефон, продолжавший играть тихую, лиричную мелодию. На этот звонок я не могла уже не ответить. Не могла и всё.

С трудом попадая пальцем по сенсору, я всё же смогла принять вызов, поднеся трубку к уху и тихо выдохнув:

— Рома...

— Я здесь, Вареник, я здесь... — так же тихо откликнулся Костин. Байкер шумно дышал, явно пытаюсь сдерживать эмоции. Но всё же продолжал говорить спокойно. — Все

будет хорошо, Варька, ты же знаешь.

— Даже если будет плохо? — хрипло хохотнула, рукавом кофты вытирая щёки. Тугой обруч, сжимавший грудь, лопнул с тихим звоном, разливая в душе тепло и какую-то ненужную, совсем неуместную сейчас нежность.

Но от знакомого, с нотками тревоги и откровенного беспокойства голоса становилось не так плохо, и пропадал успевший порядком надоесть привкус тягучей безысходности, заполнявший весь мой день. Хотя до сих пор хотелось курить, невыносимо, непреодолимо хотелось курить.

— Ну а как иначе? — хмыкнул Кощей. И помолчав немного, нерешительно, с долей растерянности попросил. — Открой, пожалуйста, Варь. И мы со всем разберёмся. Обязательно разберёмся.

— Обещаешь? — прошептала почти беззвучно, тут же зажав рот рукой и кляня себя за то, что снова лягнула не подумав и не тому. Хотя назвать Кощея «не тем» я уже не могу. И, что самое важное, не хочу.

— Обещаю, — так же едва слышно откликнулся Рома. И было что-то такое в этом простом слове, что я поверила. Просто и безоглядки, разжимая руку и стряхивая с окровавленной ладони осколки чашки на пол.

После чего всё-таки встала с пола и поплелась в коридор, кутаясь в шаль и пряча телефон в карман джинсов. Медленно повернула ключ в замке, снова не посмотрев в глазок. И толкнула дверь, не отрывая взгляда от собственных ног, щеголявших сегодня смешными, даже нелепыми пушистыми тапочками с весёлыми красными помпонами.

Я не помню, когда сильные руки обняли меня за талию, осторожно, бережно притягивая к широкой, пусть местами и костлявой груди. Я не помню, когда меня просто и незатейливо внесли в коридор, оставив лишь на пару мгновений, что бы закрыть за собою дверь на все замки. Я даже не заметила, как Кощей обхватил моё лицо ладонями, заставляя посмотреть на него. И только когда я увидела карие глаза, почерневшие от гнева и беспокойства, мешки под глазами от явного недосыпа и резко обострившиеся черты лица, подчёркиваемые растрёпанными тёмными волосами, я смогла сделать хоть что-то.

И нет, я не поступила как героиня какой-то мелодрамы и не накинулась на него с поцелуями, хотя и этого мне хотелось и даже очень, нет. Я просто обняла его в ответ, спрятав нос у него на плече, прижимаясь крепче и чувствуя, как отогревается заледеневшее за эти три дня тело и успокаивается резко взметнувшийся вверх пульс.

Рядом с чёртовым финансистом, несносным байкером и просто молчаливой и в чём-то далеко не самой приветливой личностью я действительно начинала верить в то, что всё будет хорошо. Даже если, чёрт возьми, будет плохо.

Сколько мы так простояли — да кто его знает. Ни я, ни байкер не спешили начинать разговор. Где-то задним умом я понимала, что надо было бы все объяснить, рассказать без прикрас и просто разложить по полочкам всю ситуацию. А ещё спросить как там моя Царевшна и с кем он её оставил, примчавшись ко мне. Но говорить почему-то не хотелось. И потом...

Я не настолько наивна, чтобы не понимать, что Алексей расскажет всё ему. Может, конечно, это очередной приступ самообмана, я снова себе всё придумала и вижу всё совсем не так, как оно есть на самом деле. Может, я в который раз наступаю на те же грабли влюблённости, но...

Я почему-то совсем не сомневалась в том, что Кощей всё знает. Наверное, оно и к

лучшему.

— Что у него на тебя есть? — наконец, нарушил наше обоюдное молчание Ромыч, отодвинувшись и осторожно коснувшись губами моего лба. — И что он вообще за человек такой, твой бывший муж?

— Пойдём, — поёжившись, я высвободилась из его объятий и потянула за собой в комнату. Байкер не отходил от меня ни на шаг, следуя чуть ли не по пятам. И когда я попыталась сесть в другое свободное кресло, только хмыкнул, ухватив меня за запястье и притянув к себе на колени. А я...

А я и сопротивляться не стала, в кои-то веки решив для себя побыть немного слабой девушкой. И прижавшись к нему, прислонившись лбом его виску, закрыла глаза, заговорив:

— Я так понимаю, объяснять, в чём дело не нужно? Андрей был молодым, подающим офицером войск внутренних сил. Мы познакомились в институте. Я была на пятом курсе, он получал консультацию у моего преподавателя по праву. В двадцать три года я уже не была такой наивной, но и мужское внимание меня интересовало поскольку постольку. Наверное, именно поэтому когда на меня обратил внимание высокий, харизматичный, притягательный мужчина в форме я сама не заметила, когда ненавязчивое общение и словесные пикировки переросли в нечто большее. Он... — тут я замолчала, пытаюсь подобрать слова. — Умел. Умел, когда ему это было надо. Умел быть обходительным, душой компании, шутить и мягко, по-дружески подстебывать. Умел выбирать подарки и не банальные места для свиданий. И чем больше мы общались, тем больше я влюблялась. Познакомила его с родителями... Мать он тоже очаровал, а вот отец, тогда служивший в воинской части заместителем по воспитательной работе, мой выбор принял, да. Но не одобрил. Впрочем... — тут я усмехнулась, потёршись носом о висок Ромки. — Ему было важно, что бы я была счастлива. Как он тогда сказал, не мне с ним жить. Свадьбу сыграли, когда я закончила институт и получила диплом. И только спустя пару месяцев, может быть полгода спустя я поняла, что любовь на самом деле слепа. Когда меня ударили в первый раз, он потом долго извинялся, каялся. Я верила и прощала, да... Дура была. А может и осталась такой. Потому что терпела, молчала, скрывала. Когда... Когда я всё-таки сбежала от него с мелкой на руках, отец поднял все свои связи, сделал всё, что мог, что бы нас развели без проблем. Грозил ему уголовным делом. Андрей не то, что бы испугался... Но превыше собственного авторитета он ценил только собственный образ в глазах общества. Вот такой вот нарцисс-садист в одном флаконе. Получив на руки свидетельство о разводе и решение суда о том, что ребёнок остаётся со мной, я просто и банально уехала. И никто бы ни о чём не узнал, да... Только вот город у нас маленький, так что...

— Все всё узнали, — Ромыч обнял меня крепче, второй рукой поднес к лицу мою руку и коснувшись внутренней стороны запястья невесомым поцелуем.

— Больше того. Это как глухой телефон, — горько усмехнулась, бездумно, неосознанно переплетая наши пальцы. — Всё вывернули так, что по итогу от блестящей репутации остались одни опшметки. Я вчера звонила отцу. Он и рассказал, как именно о нём говорят. И Андрей, этот чистоплюй, который терпеть не может когда на него косо смотрят... Он сделает всё, что бы забрать у меня дочь и закопать меня по уши в грязи. И самое страшное, у него это получится.

— С какого хера?

— Я обзвонила все юридические конторы, которые только смогла найти. Я либо не потяну стоимость их услуг, либо они просто отказываются браться за дело, заранее считая

его проигранным. Не спрашивай почему, я понять так и не смогла, — пожалала плечами, сползая ниже и снова пряча лицо на шее мужчины. — Но в душе с ними согласна. Вся проблема в том, что меня здесь действительно никто не знает, у меня нет большого количества друзей, я мать-одиночка у которой порою ненормированный рабочий график и ребёнка ей оставить не с кем, кроме как взять с собой на работу. Да ты и сам вдел, я местами напоминаю далеко не свежего зомби, поднятого горе-некромантом, да ещё и практикантом. Я могу сорваться на ребёнке, а если ко мне нагрянут органы опеки с проверкой условий проживания... Ром, я прекрасно понимаю, что если им будет дано задание найти... Они найдут. Они найдут опасные инструменты, которые я использую для работы с заказами, гору немытой посуды и пустой холодильник, который мне не всегда удаётся вовремя пополнить. Они спросят соседей, а те не смогут ничего внятного сказать, кроме того, что у меня вдруг внезапно объявилось слишком много мужчин. А если они ещё и до истории с няньками-байкерами докопаются... Облить грязью можно кого угодно. Если знать, как и куда обращаться, что писать и что говорить. И поверь... Андрей знает, умеет и практикует.

Слова звучали горько и сухо. За эти дни я успела все обдумать и осознать для себя, что это действительно реальные перспективы, которые меня ждут, если я всё же не смогу найти себе хорошего адвоката. Увы, как показывает практика, ты можешь быть каким угодно белым и пушистым, действительно заботиться о своём ребёнке и делать всё, что бы ему было хорошо. Вот только если органам социальных служб поставили задачу что-то найти, они найдут. И ты ничего не сможешь с этим поделать.

— Ты сдалась заранее? — недовольно хмыкнул Кощей, вновь теребя кончик моей косы пальцами.

— Нет, я просто говорю как есть, — едва заметно пожалала плечами, закрывая глаза, и тихо вздохнула. — Если я не найду адвоката в ближайшую хотя бы неделю, то все мои попытки сопротивления всё равно ни к чему не приведут. Маню оставят ему, потому что у него будет всё, все условия для проживания ребёнка. Такова суровая реальность нашего законодательства. И с ней ничего не сделать.

И я замолчала, снова прижимаясь к нему крепче, согреваясь идущим от него теплом и слушая, как быстро бьётся чужое сердце. Кощей тоже ничего больше не говорил, хмурясь и продолжая накручивать кончик косы на указательный палец руки.

Следы усталости и недосыпа были заметны на байкере невооружённым взглядом. И да, наверное, это было глупо с моей стороны, но я всё же не стала вдаваться в некоторые подробности и так много вывалив на голову Кощей. Например, я не стала говорить о том, что мне всё-таки удалось договориться с несколькими юристами и даже подписать с ними договор, пусть и в устной так сказать форме. По простому, договориться о найме, определить стоимость услуги и дать координаты бывшего супруга, что бы обсудить с ним место встречи для заключения возможного мирного соглашения, тем самым избежав суда. Вот только через пару часов меня уведомили о том, что отказываются представлять мои интересы.

И кулуарными намёками поясняли в ответ на моё недоумение, что им ещё дорога собственная репутация. Бывший супруг, как оказалось, нанял очень уж хорошего юриста, не пожалев ни денег, ни стараний, что бы стать его клиентом. Кроме определения места жительства нашего ребёнка, он решил лишить меня родительских прав. И действовал по старому проверенному временем принципу: вижу цель — не вижу препятствий.

— Варь... — наконец, подал голос Кощей, нарушая повисшую в квартире гнетущую

тишину.

— А? — сонно откликнулась, чувствуя, как убаюкивают меня теперь уже такие родные объятия. Свинцовая усталость нахлынула внезапно, разметав все тревожные мысли и не оставив ничего, кроме банального желания поспать.

— Всё будет хорошо, — и, как это ни странно, слова не прозвучали банально, наполненные какой-то странной уверенностью. — Я буду рядом, за Маней тоже присмотрят. Она сейчас терроризирует бедного Верещагина под контролем Эльзы. Не волнуйся, всё будет хорошо.

— Обещаешь? — чуть повернула голову, глядя на него. И коснулась пальцами лба, убирая прядь волос, упавшую на глаза.

— Обещаю, — кивнул головой Кощей. Хмыкнул, крепко обнимая, и добавил тоном, который просто невозможно было подвергнуть хоть каким-то сомнениям. — Я тебе обещаю, Вареник, что всё у нас будет хорошо...

И я не могу сказать, от чего на душе стало легче: от этого обещания, прозвучавшего почти как клятва или от маленького, почти незаметного местоимения «нас», разлившегося теплом по венам?

* * *

— И как ты себе это представляешь? — Лектор нервно отстукивал пальцами рваный ритм по подоконнику в курилке. Отловленный после очередной пары преподаватель юриспруденции выглядел знатно взъерошенным, взвинченным и обеспокоенным одновременно.

При этом Кощей нутром чувал, что спрашивать причину такого состояния у Ярмолина чревато. Синяки после спарринга, конечно, уже сошли, но не настолько быстро, что бы жаждать его повторения. Так что о том, что тревожит самого отъявленного садиста всея универа, Ромыч поинтересуется позже и даже поржет над этим.

А сейчас предаться праздному, чёрт возьми, веселью не позволяли ни обстоятельства, ни тема разговора. За прошедшую неделю с памятного разговора, Костин фактически переселился к Варваре, пытаясь не дать девушке окончательно упасть духом. Та держалась, усиленно язвила, вредничала и пыталась быть собой, привычным миру колким бухгалтером почти экономистом. Вот только сам Кощей прекрасно видел как нелегко ей это даётся и что оживает, по-настоящему становится собой она лишь в присутствии самого байкера и дочери. Ребёнок настроение матери чувствовал остро, вёл себя тише воды, ниже травы...

И почти беспрестанно лез обниматься. От чего у Варьки глаза были на мокром месте почти на постоянной основе.

— Не, ну чисто теоретически я могу всё. Даже вычислить настоящего убийцу многоуважаемого президента Кеннеди. Но Кощей, мля! У меня практического опыта кот наплакал! Преподавательского да, хоть жопой ешь! Договора — посмотрю, проверю. Один на один с кем-то поспорить — да пожалуйста, с допингом хоть о смысле жизни поговорить! Но реальный судебный процесс... Да ещё с такими исходными данными...

— Лёх, нет больше вариантов. Просто нет, — прислонившись плечом к стене, Кощей скрестил руки на груди. Усмехнулся криво и добавил. — Если бы деньги решали этот вопрос, я бы вобход Варьки нанял кого угодно. Да хоть того же Цепеша! Но Цепеш сам

знаешь, занят.

— Угу... — согласился Ярмолин, вертя в пальцах сигарету. И прикурив, затянулся, поинтересовавшись мимоходом. — Наш граф Дракула нынче для простых смертных не доступен. Если этих самых смертных не зовут Станислава, и они не откликаются на прозвище «Коротышка». А Эльза? У неё наверняка должны быть знакомые и проверенные люди.

— Как оказалось не только полиция не любит прокурорских детей, но и обычные юристы с ними не особо ладят. Особенно, когда эти самые дети иногда отлавливают особо охренивших персонажей. Так что этот вариант тоже отпадает, — Костин пожал плечами. Про помощь со стороны семьи Араньевых он тоже думал, да.

Только разговора с болтливым Вениамином, средним братом Эльзы, хватило, что бы понять бесперспективность этой идеи.

— Офигенно тапки пляшут, — прокомментировал информацию Ярмолин, делая ещё одну затяжку. Нахмурился, потёр лоб и задал явно давно мучавший его вопрос. — Побой-то хоть сняли? Её явно приложили и не слабо.

— А ты хоть что-то видел, кроме синяка на скуле и разбитой губы? — злой смешок вырвался сам по себе, Кощей пришлось закрыть глаза и сделать пару вдохов стараясь успокоиться. После чего горько добавил. — Не снять там побои. Следов нет. Ни-ка-ких. А то старое дело, заведённое ещё в родном городе Варьки, испарилось в неизвестном направлении. И нет никаких доказательств, что он поднимал на неё руку в прошлом. Про сегодняшние события я вообще молчу. Млять, на ней живого места нет! Но ни единого синяка, кроме кровоподтёка на лице! Так что о каких-то там побоях... Да при отсутствии свидетелей прихода бывшего мужа... Сам понимаешь.

— Как говорит одна не безызвестная рыжая личность... — понимающе покивал головой Лектор, присев на подоконник и затушив окурок в жестяной банке из-под кофе.

— Угу.

— Ладно... Предположим, я соглашусь... — оживившийся, было, Ромыч, был приземлён мрачным взглядом товарища. — Только предположим, я сказал! Не свети мечтой стоматолога раньше времени, костлявый, я ещё не ляпнул о собственном согласии. Так вот, предположим, что я согласился... Что хочет Варька? И знает она о том, что ты с таким шикарным предложением ко мне пошёл или у тебя приступ интригантства на почве тесного общения с нашим Серым Кардиналом, что б ему икалось?

— Не знает, — вынужден был признать Ромыч, недовольно поморщившись при этом.

На тему его помощи в данном деле между ним и Варькой до сих пор шли бурные дебаты. С переменным успехом байкеру удавалось отстоять своё право на участие в происходящем. Правда, ровно до того момента, пока он не пытался привычно решить всё связями и деньгами. Как оказалось, женщины, даже загнанные в угол, могут оказать очень уж бурное сопротивление.

А в словесной пикировке Костин пока что усиленно проигрывает скромному бухгалтеру почти экономисту, да.

— О как... — блондин удивлённо поднял брови. Но глядя на насупившегося друга, предпочёл не развивать тему. — Понял, подробности не спрашиваю. Зато повторяю свой вопрос. Чего Варька хочет?

— В идеале, что бы он исчез при загадочных обстоятельствах, — буркнул Кощей, поведя плечами. — Но мечты-мечты... А вообще, ей надо что бы он оставил Маню с ней. Она

согласна разрешать ему видаться с дочерью, на определённых условиях. И больше что бы он никогда и ни при каких обстоятельствах не вмешивался в её жизнь. Ну... По крайней мере это цензурная версия. Нецензурную я не берусь воспроизвести, учитывая, что половину эпитетов я всё-таки так и не понял.

— Учитывая, что я в вашей терминологии вообще не бум-бум, меня сносит уже на одном упоминании чёртовой один эс, — фыркнул Алексей, выбивая вторую сигарету из пачки и вновь закуривая. Постучал задумчиво пальцем по коленке, пуская дым в потолок и сощурился, явно что-то прикидывая в уме. — Ладно, мировое соглашение я ещё могу потянуть. Тем более, как я понял, какого-то другого выхода всё равно нет. И отец Варьки нам тут явно не помощник, так?

— Его связи оборвались вместе с его же увольнением из части, — пожал плечами Ромыч, взъерошив волосы на затылке. Знакомство с родителями Варвары вышло довольно...

Занимательным. Хотя всё впечатление изрядно портило разделяющее их расстояние, да и по телефону сложно правильно оценить собеседника. Поддержать дочь им хотелось, вот только прямого рейса самолётом не было, а на поезде, да в разгар летнего сезона... Пока доберутся, всё уже закончится. И не известно в чью пользу.

Однако бодрый, саркастичный и довольно циничный отставной замполит ему понравился. Как и его пожелание натянуть одному индивиду глаза на энное место. В обход Варвары, разумеется.

О том, что его дочь склонна к приступам помилования собственных противников он сетовал достаточно долго и громко.

— Прискорбно, — вздохнув, Лектор затянулся в последний раз и сунул так и недокуренную сигарету в жестяную банку, основательно её там затушив. — Но не критично. В конце концов, перевернётся и на нашей улице грузовик с печеньками... Когда встреча и переговоры намечаются?

— Сегодня что, четверг? — Костин сощурился, припоминая указанные в повестке сроки и то, о чём Варьке всё же удалось договориться с бывшим мужем.

Чего ей это стоило, байкер вспоминать не хотел. Хотя бы потому, что после этого пришлось полночи сидеть в кресле, укачивая Варвару в собственных объятиях. И хотя он против этого ничего особенного не имел, вот только видеть девушку такой разбитой и уязвимой всё ещё было до жути не привычно.

— Ну вроде как да... — вытащив телефон из заднего кармана джинсов, Лектор сверился с календарём и поморщился. — Угу. Четверг, три пары с утра у младших курсов, две после обеда у старших долбо... Долбодятлов, блин. Кто-нибудь сможет мне объяснить, что со мной не так, что я не могу доказать двум десяткам отягощённых интеллектом лицам, что незнание закона ну ни в одном месте не освобождает их от ответственности? Вот ка-ак?!

Костин на этот вопль души друга только весело фыркнул и предложил, без задней мысли:

— Попроси Эльзу помочь. У неё явно загнивает неплохой педагогический талант. И потом, когда тебе втирает про безнадёжно забытый всеми УК РФ не двухметровая блондинистая дылда, известная своей любовью к моральной расчленёнке, а хрупкая, мило улыбающаяся девушка, концентрация внимания повышается в несколько раз.

— И моральные унижения принимаются с радостью и покорностью, угу. Я в курсе, что БДСМ не профиль Эльзы, но иногда всерьёз подозреваю обратное, — фыркнув, Ярмолин только головой покачал. — Но способности нашей Миледи распространяются

исключительно на узкую категорию личностью и с высочайшего одобрения Олежика. Так что там со сроками?

— Встреча назначена на пятницу. Первое судебное заседание во вторник. К этому времени нужно будет хотя бы понять, что есть на руках у противника и что с этим делать. А самое главное, стоит ли... — проходившие мимо студентки активно строили глазки двум мужчинам, явно выделявшимся из серой студенческой братии.

И то, что оба байкера, увлечённые разговором, не обращали на это ровным счётом никакого внимания, их ни капли не огорчало. Хорошо ещё с откровенными предложениями не лезли, явно сомневаясь в том, что прославившийся своими едкими замечаниями Лектор не припомнит им, потом, бездарную попытку познакомиться.

— Слу-у-ушай, — вдруг хлопнул себя по колену Ярмолин, осенённый внезапной «гениальной» идеей. — А если вам пожениться?

Кощей, успевший сделать затяжку, закашлялся, согнувшись пополам и выпучившись изумлённо на друга. А когда прокашлялся, хрипло хохотнул:

— Самый умный, да? Для тормозов перестройки поясняю. Идея была озвучена почти сразу. Мною лично. С предложением нанять квалифицированную няньку для Марьи. На что мне не менее популярно разъяснили, как это будет выглядеть для окружающих, какой репутацией на самом деле я обладаю... И кто ей только рассказал об этом?! И сказали, что может быть она и дура... Но предпочтёт обойтись без таких радикальных методов.

— Женщины... — страдальчески протянул Лектор, откинувшись головой назад и несильно приложившись затылком об стену.

— Угу, — поддакнул Кощей, вытаскивая телефон и пролистывая список пропущенных вызовов и сообщений. — Встреча в три часа дня. Адрес я тебе скину чуть позже и перешлю сканы имеющихся у Варвары документов. И... — тут Ромыч несколько замаялся, снова ероша волосы на затылке и устало вздыхая. — Спасибо, Лёх... За всё.

— Иди ты, — отмахнулся Лектор, невольно поймав себя на том, что уже мысленно составляет подходящую речь и ищет аргументы, которые могли бы подействовать в данном деле. — Потом сочтёмся, костлявый. А теперь дуй к своим бабам. А мне пора идти и разлагать морально ещё не окрепшие умы, поясняя им, почему меня, при случае, вряд ли посадят за особо жестокое убийство за банальным отсутствием тела. Нет, до сих пор поражаюсь их наивности... Неужели они всерьёз верят, что такой милый и обаятельный преподаватель юриспруденции не сможет найти патологоанатома, который поможет скрыть ему все следы и уничтожит тело?

— Они всерьёз надеются, что твоя порядочность и совесть, дополненные человеколюбием, переселят природную вредность и дикую неприязнь к проявлениям чужого идиотизма, — хмыкнул Кощей, отлипая от стены и протягивая другу руку для пожатия.

— Я прям даже озадачен и не к месту встревожен... Не заразился ли ты наивностью в этом царстве педагогической запущенности, мой дорогой костлявый друг? — хлопнув его по плечу, Лектор спрыгнул с подоконника и весело насвистывая что-то отдалённо напоминающее мотивчик из пресловутого «Крёстного отца», отправился в сторону деканата. А Кощей...

Кощей потёр лоб и, вздохнув, поспешил на выход. Его дома ждали Варя и маленькая Царевшина. И помнится, он пообещал малявке пережить очередную порцию лечебных процедур, разделяя участь подопытных кроликов вместе с несчастным котом.

Кошмар-то хоть убежать может, момент улучив. А сам Ромыч не мог устоять перед

умоляющим взглядом карих глаз малышки. Увы, его сердце оказалось в плену сразу у двух женщин. И он, как это ни странно, не имел ничего против.

* * *

Хуже неопределённости может быть только ожидание.

Я сидела на стуле в холле небольшого офисного здания, сторбившись, опираясь локтями на колени и машинально теребя бабушкино кольцо на среднем пальце левой руки. Небольшое, простенькой формы, с треугольной полоской белого золота и маленьким бриллиантом оно было моим бессменным талисманом на протяжении почти семнадцати лет. И сейчас, как бы глупо это не звучало, я надеялась, невольно и совсем по-детски, что стоит мне крутануть его на пальце три раза в одну сторону, три в другую, загадать желание и...

— Всё будет хорошо, Варь, — уже, наверное, в сотый раз повторил Лектор, сжав моё плечо и привлекая к себе внимание.

Непривычно серьёзный, в строгом деловом костюме тёмных тонов, он казался старше и немного чужим. Как ни крути, но я привыкла к байкерам в их естественном, так сказать виде, уже устав удивляться уровню раздолбайства и безразличия к общественному мнению. Поэтому, когда сегодня днём в мою квартиру постучало такое вот чудо, я даже растерялась ненадолго.

Ровно до того момента, как раздался счастливый вопль Манюни «Ектол!», признававшей своих обожаемых «бьякеров» в любом виде и любой комплектации.

Наверное, улыбка у меня была так себе, потому как Ярмолин лишь вздохнул, присев передо мной на корточки и пристроив папку на соседнем стуле. Сжал мои ладони, унимая даже не вооружённым взглядом заметную дрожь, и заглянул в глаза, повторяя с ударением на каждом слове:

— Как утверждает одна не самая позитивная личность, имеющаяся в знакомых у нашего ледяного администратора... Пипец, конечно, но прорвёмся. Веришь?

— Верю...

Ещё и головой покивала, пытаюсь то ли себя убедить в этом, то ли успокоить своего спутника и по стечению обстоятельств нанятого адвоката. «Стечение обстоятельств» усиленно отрицало свою причастность к этому, но я понимала, что без вмешательства Ромки здесь точно не обошлось. И...

В кои-то веки, не имели ничего против, да.

— Госпожа Волкова? — миловидная брюнетка в серой юбке и блузке в тон, в очках прямоугольной формы, вежливо откашлялась, привлекая к себе наше внимание. И улыбнулась сухо, кивая головой в сторону приоткрытой двери конференц-зала. — Прощу. Вас ждут.

— Идём, — резко выпрямилась, поднимаясь с места. Одёрнула короткий пиджак, скрывая по-прежнему дрожащие пальцы. И решительно направилась следом за девушкой.

Ярмолин отстал от меня на каких-то пару мгновений, так что в зал мы вошли почти одновременно. Байкер даже придержал для меня дверь и успел схватить за локоть, когда запнувшись об край ковра, я чуть не рухнула лицом вниз.

Конференц-зал представлял собой огромное помещение, выдержанное в едином стиле.

Дерево, металл, мягкие ковры заглушавшие шаги. Длинный овальный стол, кожаные кресла, расставленные по его краям. И два человека, сидящие на одной стороне.

Я остановилась в шаге от кресла, любезно отодвинутого заранее кем-то из персонала. Рвано выдохнула, чувствуя, как закладывает уши от собственного, слишком гулкого сердцебиения. И улыбнулась. Горько, болезненно, бесчувственно...

— Здравствуйте, Варвара, — невозмутимо поприветствовал меня адвокат моего бывшего мужа, ехидно наблюдавшего за тем, как медленно, но верно краска сходит с моего лица. — Присаживайтесь. Нам предстоит обсудить пару вопросов... Если вы конечно готовы услышать наше предложение.

Знакомый голос. Знакомые слегка ехидные интонации, насмешка, никогда не коловшая, скорее вызывавшая некоторое смущение. Добродушное подтрунивание, скрытое за маской серьёзности и невозмутимости. Человек, заработавший свою репутацию, своё место под солнцем благодаря собственному же упорному труду. Человек, умело державший на лице маску вежливого интереса и явно знающий, как разделить работу и личное. Человек, с красивым прозвищем Цепеш, великий и кровожадный граф Дракула...

Владислав Алёхин собственной персоной.

— Здравствуйте, — медленно кивнула, усаживаясь в кресло и чувствуя, как сердце сдавливают тиски страха, ледяными липкими прикосновениями пробирающегося в душу.

— Вижу, вы всё-таки нашли себе адвоката? Похвально. Рад встретиться с вами, коллега, на этом поле, — и Алёхин улыбнулся, мягко, без малейшего намёка на дружелюбие.

Кажется, так улыбается хищник, позволяя своей добыче ещё пару раз трепыхнуться, прежде, чем раз и навсегда оборвать её бесполезные мучения и метания. Улыбка на моём лице застыла намертво, сковав все эмоции, бушевавшие где-то внутри.

Звук ломающегося карандаша разорвал повисшую вокруг тишину. Осколок дробным перекатом прокатился по поверхности стола. А Лектор, не севший — грохнувшийся в кресло рядом со мной, сумел выдавить из себя только одну фразу, прозвучавшую как приговор всему и сразу:

— Охренеть какой пассаж...

Тёмное небо медленно выцветало на горизонте, разгоняя липкую, тёмную ночь первыми лучами солнца. Стоя на кухне у окна, я медленно потягивала горький чёрный кофе без сахара и слушала.

Слушала тишину, царившую в квартире. Слушала где-то на периферии едва слышимый мужской храп, почему-то совсем не раздражавший меня. Мерное тиканье часов на стене и ворчливую вибрацию холодильника. Такие знакомые и непривычные звуки переплелись друг с другом образуя какую-то свою, неповторимую и уютную атмосферу. Создавали ощущение дома, моего родного дома. Вот только...

Надолго ли?

Поёжилась от холода, скользнувшего вдоль позвоночника. Кофе давно и безнадёжно остыл, отдавая противным металлическим вкусом. Но я продолжала смотреть, как после прохладной, чернильно-чёрной ночи на город наступает робко и осторожно очередной жаркий рассвет. И даже не вздрогнула, когда сильные руки обвили мою талию, прижимая крепче к тёплой мужской груди. Словно пытаюсь спасти и оградить от всего, что предстояло ещё только пережить.

Усмехнулась, криво и с ноткой безнадёжного отчаянья, откинув голову назад, привычно прижимаясь виском к колючей щеке.

— Опять не спишь? — хрипло поинтересовался Кощей, уткнувшись носом в моё плечо.

— Не опять, а снова, — вздохнула, закрывая глаза и сама не замечая, как расслабляются сведённые напряжением мышцы. — Да и толку-то? Всё равно, как упыря не крась, а живым он от этого не станет.

Ромка на это только фыркнул, укачивая меня с своих объятий. Вот за что я действительно ценила его, так это за отсутствие лишних слов и вялых попыток утешения. Кощей просто был. Рядом, со мной и Маней, где-то поблизости. Иногда отлучался на работу, иногда приходил хмурый, небритый, с содранными костяшками пальцев и россыпью синяков и ссадин. Иногда пропускал стаканчик другой коньяка с кофе, задумчиво глядя в окно, прямо как я сейчас.

Но он был рядом. Просто был. Поверьте, это куда ценнее, чем тысячи слов и куча сообщений в сети или на телефоне. Куда дороже, чем фальшивое сочувствие Леночки, заявившей, что ей тоже пришла повестка в суд. Куда правдивее, чем улыбки представителей органов социальных служб.

Эти пираньи тоже отметились, посетив мою скромную квартиру и с умным видом рассуждая о том, что вот тут пора ремонт делать, вот тут надо подкрасить. А тут, смотрите, опасные инструменты! Ай-я-яй! Как же так можно!

Хмыкнула, поморщившись. Ну, собственно, кто бы удивлялся, на самом-то деле... Кто угодно, только не я. Андрей действовал по любимому принципу, и отступить не собирался. А его адвокат...

Когда мы вернулись домой, я получила сомнительную честь на собственном опыте узнать, насколько хороши байкеры в искусстве нецензурной речи. К моему вящему удивлению, ни Ромыч, ни Алексей так и не повторились ни разу, попутно перемежая собственные пламенные речи статьями то УК РФ, то экономическим сленгом, явно применяемым не в то время, не в том месте и не при тех обстоятельствах. Впрочем, если бы

мысли были материальны, то я на самом-то деле не завидовала бы Владиславу Алёхину. Столько хорошего ему пожелать успели за какие-то пятнадцать минут, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Вот только...

Владислав Алёхин — это в первую очередь адвокат, преуспевающий юрист, лучший в своём деле. А уже потом он брат одного из членов банды, муж сестры Харлей и просто негласный так сказать байкер. И как любой профессионал он очень чётко разделяет свою личную жизнь, собственные привязанности и свою же работу. Смешивать это всё он не собирался, не собирается, и не будет делать. Иначе какой он тогда профессионал?

Друзья-байкеры выслушали меня молча. И так же молча вышли из квартиры, что бы заявиться под утро в непотребном состоянии. Ярмолин вырубился прямо в коридоре, где его и оставили по «доброте» душевной. А Костин просто сидел рядом со мной на диване, уложив голову на мои колени, и молчал, пока я перебирала ему пряди.

Правда, если я надеялась, что они на этом успокоятся, то я недооценила их упрямство. Оставшиеся до первого заседания дни они упорно рылись в законах, рысью носились по городу, даже умудрились каким-то образом попасть в мой родной город и поднять архивы медицинского учреждения, где с меня когда-то снимали побои. Я не стала спрашивать зачем, я не пыталась их отговорить от этой глупой затеи.

Я просто в первые в жизни доверилась кому-то и отчаянно цеплялась за эту надежду, за обещание Ромки, что всё будет хорошо. И это помогало выдержать всё, что свалилось на мою голову, не скатившись в банальную истерику.

— Варь... — негромко окликнул меня Рома, поглаживая ладонью мой живот поверх просторной домашней футболки.

Прикосновение было таким родным и правильным, что я невольно задумалась о том, как же это забавно. Я три года училась жить одна, справляться со всем самостоятельно, привыкала к тому, что дальше всё будет точно так же. Как вдруг судьба расщедрилась на целого байкера-раздолбая, в которого я не смогла не влюбиться.

Но, видимо, что бы всё было равноценно, она, эта самая судьба, решила отобрать самое ценное, что у меня есть — мою дочь. Как говорил один мой знакомый, и можно бы забавнее, но по ходу уже некуда.

— Вареник... — в шею ткнулся прохладный нос, вызывая толпу мурашек по коже. Я невольно дёрнула плечом, лишь чудом не заехав им по подбородку Кощею. А тот лишь тихо фыркнул, предложив. — Пойдем, покатаемся?

— В четыре утра? — я удивлённо покосилась на парня. Но тот лишь мягко улыбался, продолжая меня обнимать.

— В четыре утра? — я удивлённо покосилась на парня. Но тот лишь мягко улыбался, продолжая меня обнимать. И я не знаю, что меня дёрнуло, я просто кивнула в ответ, соглашаясь на более, чем странное предложение...

Прозвучи они от кого-нибудь другого.

Красавец харлей встретил нас чёрным матовым блеском и мягким светом фонаря, поймавшего мотоцикл в ловушку светового пятна. Кощей привычно прошёлся кончиками пальцев по эмблеме, погладил руль и, вновь чему-то улыбнувшись, сел на байк. Поправил перчатки без пальцев, поддёрнул рукава кожаной куртки и лукаво сощурился, поджидая меня. Я же чувствовала себя непривычно в просторном мужском свитере, поверх тонкой майки, простых джинсах и кедах.

Без куртки, которую он всегда натягивал на меня, без шлема и какой-то ещё защиты, садиться на мотоцикл почему-то было страшно.

— Ром...

— Садись, — покачав головой Кощей, обрывая любые мои возражения. И повернул ключ зажигания. — Поверь, так надо, Вареник.

Вздыхнув, я только головой покачала, устраиваясь позади него и прижимаясь сильнее к широкой, надёжной спине. Утыкаясь носом с мягкой кожу, вдыхая аромат сигарет, капельки коньяка и немного бензина, смешавшегося с запахом дорого мужского одеколona. Мягкие, рычащие звуки мотора разорвали рассветную тишину двора. И прежде, чем я успела подумать о том, сколько народу мы могли перебудить таким образом, байк рванул с места, унося нас вдаль.

Это была не первая поездка и не последняя, как я втайне надеялась, где-то в глубине своей души. Но в этот раз всё было по-другому. Острее, от того, как дерзко и резко пробирался ветер сквозь ткань, обжигая кожу, оставляя расплавленные метки на теле. Дерзче, от осознания, насколько тонка грань между наслаждением свободой и скоростью и безумным падением вниз. Интимнее, от понимания, как нелегко с кем-то разделять на двоих такое особое, недоступное большинству удовольствие. Горячее, от прикосновения к мягкой, выделано коже, от ровного,пряного тепла, распространяющегося от байкера по всему моему телу, пьяня и кружа голову.

И роднее. Слово ещё на одну преграду вдруг стало меньше, словно нет разделяющей нас одежды, нет ничего вокруг. Кроме убаюкивающего, мерного рычания двигателя, резких порывов ветра, ещё по ночному холодных и от того ещё более желанных. И нас двоих. Меня и чёртова, упрямого байкера-разгильдяя.

Байк уносил нас всё дальше, рядом мелькали дома, сонные улочки и редкие прохожие. Машины сигналили вслед, но Ромка даже не думал сбавлять скорость, двигаясь в ему одному ведомом направлении. И я не стала спрашивать или гадать, закрывая глаза, слушая, как успокаивается собственное сердцебиение, как отпускает напряжение, сводившее с ума, как становится легче дышать. На самом деле легче дышать.

По щеке скатилась слеза. За ней ещё и ещё. Прячась за воротник одежды, холодя разгорячённую кожу, смывая накопившуюся усталость и напряжение. Оставляя после себя робкую, ещё не задушенную всем происходящим надежду. Бережно охраняемую и так нежно лелеемую неисправимым, невыносимым Кощейем...

Байк уносил нас подальше от города, всё дальше от проблем, рутины и надвигающейся бури. И я сидела, прижимаясь к пусть худощавой, но надёжной мужской спине, крепко обнимая его за талию, пробираясь пальцами под футболку, согревая ледяные руки об горячую, обнажённую кожу. Знать не хочу, чего добивался сам Ромка, но одного он добился точно. Мне стало легче.

Намного легче.

Время потеряло свой ход для меня. Может быть, прошёл час, может быть два, а может не прошло и тридцати минут. Вот только, когда Кощей проезжал мимо уже полюбившегося местечка на набережной, солнце медленно поднималась над горизонтом, окончательно и бесповоротно обозначая начало нового дня. И дома, где нас встретила только мирная тишина и тихо мурлыкавший на пороге кот, я с удивлением поняла, что время давно перевалило за половину седьмого утра. Два с лишним часа свободы от обязательств и проблем пролетели незаметно, оставив после себя приятную опустошённость и сонливость,

навалившуюся внезапно и как всегда не вовремя.

Скинув кеды, я уткнулась носом в плечо Ромки, ничуть не возражая, когда меня притянули к себе, обнимая и помогая мелкими перебежками, чередующимися с лёгкими, почти невинными поцелуями, добраться до дивана, в кои-то веки свободного от немаленькой тушки моего добровольного адвоката. Кажется, сегодня тот оккупировал комнату мелкой, устроившись там вместе с ней. И даже не сопротивлялась, когда байкер уложил меня на него, укутав в плед и оставшись сидеть на полу рядом, переплетая наши пальцы, теребя кончик растрепавшейся косы. Всё равно спорить с ним бессмысленно и бесполезно, а засыпать рядом стало уже почти привычно и так знакомо.

Рядом с ним меня не мучили кошмары. Рядом с ним я могла дышать. И нет, это не влюблённость, кому я вру? Это та самая, проклятущая, так ненавистная мне после брака любовь. Которой мне хотелось сдаться без боя только рядом с ним. Странно, не правда ли?

— Спи, — тихо шепнул Рома, наклоняясь и оставляя лёгкий поцелуй на кончике моего носа. Тихо засмеявшись, когда я невольно поморщилась, поведя носом. — Всё будет хорошо, Вареник. Точно говорю.

— Угу... — сонно улыбнулась, прижимая крепче к груди наши переплетённые пальцы и позволяя уставшему мозгу наконец-то, хоть немножко отдохнуть.

Что бы проснуться через три часа и осознать, что в квартире кроме меня и посапывающей под боком дочери нет никого. Вообще. Только чашка остывшего кофе на стол, прижимающая записку с одной лишь фразой, ставшей самой настоящей мантрой за эти дни «Всё будет хорошо» размашистым, узким почерком. Но в душе всё равно кольнуло неприятное, подзабытое ощущение потерянности, быть брошенной в такой момент мне не понравилось.

И крепче прижав к себе Марью, я уткнулась носом в спутанные волосы ребёнка, закрыв глаза. Надеюсь, что он вернётся. Одна я не смогу пройти через это во второй раз, просто не смогу и всё...

Следующее пробуждение вышло не таким приятным и грустным одновременно, зато определённо эпичным. И не ограничилось банальным «Кучи мутики», сопровождаемым ударом пульта по голове, а разнообразилось басовитым, почти цензурным:

— Мляту... Тьфу! Блины-оладушки, мать вашу матушку! Варька, подъём!

Иногда я всерьёз начинаю задумываться о профессиональной пригодности Ярмолина, как преподавателя. Правда, ровно до того момента, пока не вспоминаю, что учит он великовозрастных детей от восемнадцати и старше, которым вряд ли грозит узнать для себя, что-то новое в области обценной лексики. Хотя...

— Варвара, подъём! — выскочивший в зал как чёрт из табакерки юрист был растрёпан, взъерошен и полон энергии, как тот бедный заяц из рекламы батареек. — Руки в ноги, ноги в руки... Короче, подняла свою царственную пятую точку с дивана, забыла все годы рабства и рвём когти раздавать люлей нехорошим дядям... Маня, ты этого не слышала!

— Так точно, дядя Ектол! — хитро улыбнулась мелочь, невинно хлопая глазками. Но в отличие от вышеупомянутого дяди, я в эту святую наивность не поверила от слова совсем. Марья это такое чудо чудное и диво дивное, что фраза «всё, что вы сказали может и будет использовано против Вас» характеризует моего ребёнка лучше всего.

Хмыкнув, я потрепала зевающее чадо по волосам и поднялась, тихо вздыхая. Оттягивать неминуемое было не в моей компетенции. Суд ждать не станет. И чем больше я медлю, тем больше вероятность, что я потеряю последний шанс на то, что бы отвоеваться свою дочь и

поставить окончательную точку в отношениях с бывшим мужем.

— Ну что, Ваше Царское Величество... Будем одеваться? — широко зевнув, я вопросительно глянула на задумавшуюся Манюню. И совсем не удивилась, когда в ответ мне выдали категоричное «Нет», тут же попытавшись совершить побег.

Как итог, сборы затянулись на добрых полчаса, вместо обычных пятнадцати минут. Половину этого времени я честно гонялась за ребёнком по всей квартире, выуживая мелкую из самых неожиданных мест, пока господин адвокат, явно нервничая, варил кофе на кухне, собирал бумаги в пап и пытался не споткнуться от вертевшегося под ногами Кошмара.

Кот заботу байкера явно не ценил, подставляя то хвост, то лапы, то всего себя целиком. Отчего Лектор ругался. Себе под нос, громким, не злым шёпотом, почти цензурно...

Но прыгая на одной ноге в ванной, в попытке впихнуть себя в классические брюки холодного мятного цвета, я не могла не оценить красочность звучащих эпитетов. Вот что значит, педагог со стажем!

Тихо фыркнув, я нервно одёрнула приталенную блузку с рукавами фонариками, обхватывающими руку чуть выше запястья. Оттянула ворот, делая вырез чуть скромнее, чем он висел на острых плечах. И поправив пояс, широкой лентой обхвативший талию, глубоко вздохнула, проведя рукой по гладко зачёсаным волосам, собранным в неизменную косу.

— Ну что... — усмехнулась собственному бледному отражению, которое не украсил ни лёгкий макияж, ни другая одежда, ни вроде бы в кои-то веки спокойный сон. Как был бледный упырь-недокормышь, так им и осталась, ага. — Писец, конечно... Но погнажи, да?

— Варь, выходи, — словно услышав мои слова, отозвался Ярмолин с той стороны двери, деликатно постучав по косяку. — Времени не так много осталось.

Вздохнула, прислонившись лбом к прохладному стеклу. И досчитав до десяти и обратно, вышла из ванной, привычно подхватывая дочь на руки. Не оглядываясь, не давая себе шанса на раздумья, забыв про телефон, оставшийся где-то на диване, я вышла из квартиры, крепко прижимая к себе притихшую Манюню.

И молчала до самого здания суда, к которому мы подъехали на джипе Алексея, яростно протестовавшего если не против женщины за рулём, то против моего малыша матиза точно. Самым весомым аргументом стало то, что в этой машине у него колени уши подпирают и вряд ли мне нужна радикалитная белка в качестве адвоката. Впрочем, спорить на эту тему у меня не было никакого желания, так что безропотно усевшись на заднее сиденье с ребёнком, я сидела, закрыв глаза, уткнувшись носом в волосы малышки и впервые в жизни молясь Богу. Или кто там смотрит за нами сверху.

— Варь, идём... — тихо позвал Лектор, припарковавшись и оглянувшись на нас. — За Маней присмотрит Эльза.

— А...

— Не надо ей это всё видеть, Варь. Правда, — вздохнув, байкер махнул кому-то на стоянке рукой.

Кого он там увидел, я так и не поняла. Но и не удивилась, почти, когда открылась дверь машины и Марья аккуратно перебралась на руки к той самой блондинке-администратору клуба. Эльза, она же, как я теперь знала Изабелла Араньева, на мгновение сжала мои пальцы и кивнула головой, явно стараясь приободрить. И перехватив поудобнее ёрзающее и энергичное чудо, спокойно вернулась к другому внедорожнику. Рядом с ним наворачивал круги Верещагин.

Успокоился начальник службы безопасности только, когда его обожаемая девушка

оказалась снова рядом с ним. Правда, ненадолго. Маня, узревшая дядю Олю (я небезосновательно подозревала, что парня называют так исключительно из вредности), тут же принялась выпытывать у того что-то очень уж важное. А я...

Я зажмурилась. Крепко-крепко. Сжала пальцы в кулаки так, что ногти больно впились в кожу ладоней. И набрав в грудь воздуха, резко выдохнула, выбираясь из машины. В душе всё кипело и дрожало, а по спине полз липкий, едкий страх, пробирающийся под кожу. Но я всё равно шагала, упорно заставляя себя подняться по мраморной лестнице наверх. Туда, где среди монументальных колон, эпохи старого доброго советского классицизма притаился вход в само здание суда. Лектор молча шёл чуть позади, давая хоть какое-то ощущение поддержки.

Только этого всё равно было мало. Я видела пару знакомых внедорожников, несколько байков и даже, кажется, некоторых членов банды. Я знала, что там, внутри меня наверняка уже поджидают родители, приехавшие первым же поездом, благо расстояние было не таким уж большим. Я даже понимала, что где-то там есть люди, которым я действительно небезразлична и они готовы встать на мою защиту. Поддержать меня при любых обстоятельствах. Но...

Это было не то. Не хватало самого главного, и в кои-то веки это был не Варяг, заменивший мне в первое время семью и не Петя, давно ставший кем-то вроде младшего непутёвого брата. С каждой ступенькой, приближаясь к дверям из цельного дерева, потемневшим от времени и непогоды, я всё острее чувствовала острую необходимость в успокаивающем прикосновении знакомой тёплой ладони, скользящей по спине и плечу. Мне всё больше не хватало рядом Коцея и я ничего не могла поделать с этой дикой, неуместной, но такой важной сейчас потребностью

Резко вздохнула, сжимая зубы, кусая губы. И упрямо продолжала идти, гордо вскинув голову и не обращая внимания на смешок Андрея, стоявшего на крыльце недалеко от входа, в окружении своих сослуживцев. Видимо, они вышли на перекур и теперь с насмешливым пренебрежением смотрели на меня, отпуская едкие комментарии. Владислава Алёхина рядом с ними не было, но это ничего не меняло.

Муж был уверен в собственной победе и выглядел хозяином положения, чем подстёгивал мои страхи, за последнее время превратившиеся в холёных, откормленных демонов, съедавших меня изнутри. И схватившись за ручку двери, я невольно вздрогнула, от очередного раската смеха, в ответ на шуточку бывшего мужа, отпущенную явно в мою сторону. Глаза невольно защипало, эмоции взяли дурную привычку скакать в самой непредсказуемой манере.

Вот только если Андрюша надеялся, что я промолчу, то это славное время прошло давно, а момент для перевоспитания он благополучно пропустил. И расправив плечи я не глядя протянула руку с оттопыренным в извечном и любимом молодёжью жесте. Смех оборвался так же внезапно, как и прозвучал. Ярмолин тихо хмыкнул, открывая дверь и пропуская меня вперёд.

Что бы прошептать, наклонившись к моему уху, стоило нам пройти внутрь здания:

— Молодец. Держись, Варь. Мы ещё повоюем!

— Угу, — невесело усмехнулась, невольно обхватив себя руками за плечи. Приступ храбрости прошёл, оставив вместо себя уже надоевшую неуверенность и тоску. Мне нужно было знать, что я не одна, нужно было что бы меня обняли, что бы я не чувствовала себя потерявшимся по дороге ребёнком.

Но не Лектора же просить об этом, не так ли? Да и потом, это всё равно будет не то и не тот человек. Проверенно...

Возле самого зала заседания было многолюдно. По широкому коридору то и дело сновала охрана здания суда, бегали секретари, спешили по своим делам адвокаты в образцово отглаженных костюмах. На креслах для посетителей устроились мои родители, тут же кинувшиеся обниматься, стоило нам подойти поближе. Мама встревожено заглядывала в глаза, отец просто, молча, сжимал моё плечо, позволив уткнуться ему в плечо по старой, детской привычке. И я всё-таки не смогла удержаться от слёз, прижимаясь к нему крепче, вдыхая давно позабытый запах оружейной смазки и одеколона. А папа, как тогда, в далёком теперь уже детстве, гладил меня по волосам, ничего не говоря.

Только этого всё равно было мало. И отстранившись, я криво улыбнулась понимающе усмехнувшемуся отцу, отойдя в сторону и прислонившись плечом к стене. Руки мелко подрагивали, выдавая моё состояние, а стрелка на часах, висевших прямо напротив дверей зала, как назло, ползла издевательски медленно, отсчитывая оставшееся до начала заседания время. Закрыв глаза, я попыталась отвлечься на что-то другое, в попытке успокоиться и взять себя в руки.

Я думала о тех заказах, что так и остались невыполненными, недовольных клиентах, названивавших мне несколько часов подряд. О Петьке, моём ненаглядном шефе, наконец-то разочаровавшемся в своей неземной и такой горячей любви с красивым именем Елена. Я даже вспоминала о том, что где-то там должна была подойти очередь в садик, и стоило бы позвонить в Управление образования при администрации нашего славного города. Но как назло, мысли, раз за разом, возвращались к единственному человеку, который мог успокоить меня в данный момент. И который так явно отсутствовал в этом чёртовом здании.

— Всё будет хорошо, — я закрыла глаза, развернувшись спиной и откинув голову назад, упираясь затылком в стену. — Всё будет хорошо... Всё. Будет. Хорошо...

Сама не заметила, как начала сползать вниз по стене, вдруг чётко и ясно понимая, что одна я не смогу пройти через это. Да, рядом родители и даже друзья байкеры, внезапно оказавшиеся той самой силой, что продолжала держать меня на плаву. Но я не смогу. Не смогу, просто не смогу заставить себя войти в этот зал, имея все шансы не выйти победителем из этой игры.

Одна не смогу...

— Заходите, — дверь распахнулась, не оставляя времени на побег. Я медленно поднялась, пропуская вперёд Андрея и его адвоката, окинувшего меня нечитаемым взглядом, в котором мне почудилась доля сочувствия и вины, тут же сменившаяся лёгкой, вежливой улыбкой профессионала. Следом поспешил Лектор, бросив куда-то за спину недовольный взгляд. И я уже собралась, юыло, сделать шаг вперёд, когда меня схватили за руку, дёргая назад.

— Всё будет хорошо, веришь? — тихий, такой знакомый и такой родной голос. Крепкие объятия, душившие своей заботой, топившие в своей уверенности. Мягкая кожа чёрной куртки, пропахшая ветром, бензином и свободой, причудливо смешавшейся с любимым одеколоном финансиста. Холодные ладони обжигали кожу сквозь ткань одежды, но я захлёбывалась этими ощущениями, чувствуя, как та самая, возвращённая им надежда вновь крепнет в душе, давая силы шагать дальше. И, привстав на цыпочки, коснулась губами его обветренных губ, позволив себе эту маленькую нежности, прежде, чем вывернуться из родных объятий и пройти в зал заседания под укоризненный взгляд охранника.

Дверь закрылась с глухим стуком, отрезая Кощей от меня. Но зная, что он там, что он всё-таки пришёл, я подошла к раскладывающему бумаги Лекторы уверенная в том, что пока мы боремся, всегда есть шанс на победу.

Как бы пафосно это не звучало.

— Улыбайся, мы ещё повоюем, Варь, — тихо шепнул мне Алексей, сжав на мгновение мои пальцы.

— Обязательно, — так же тихо шепнула, выдержав презрительный взгляд бывшего супруга. И поднялась, услышав сухое, безэмоциональное:

— Встать, суд идёт!

«Всё будет хорошо...» — звучало рефреном в мыслях. И я отчаянно сцепила руки в замок, стискивая собственные пальцы, стараясь в это поверить.

Сам процесс в памяти почти не отложился. Так, обрывки, редкие эпизоды, складывавшиеся в странную на первый, да и на второй взгляд картину. Владислав действовал до зубного скрёжета логично, совершенно невозмутимо, спокойно и профессионально. Он вызывал одного свидетеля за другим, задавал чётко сформулированные, совершенно определённые вопросы, приводил железные доводы и неопровержимые, на первый взгляд, аргументы. Алёхин-старший ловко манипулировал всем фактами и доказательствами, в том числе теми, что приводил Ярмолин, с каждым словом всё больше входивший во вкус.

И чем больше я слушала, чем больше смотрела на их противостояние, тем сильнее становилось ощущение, что что-то не так. словно я делаю гравировку на полотне украшения. Раз за разом прохожусь по одному и тому же месту, в попытке довести рисунок до совершенства. Но каждый раз меняю угол, инструмент, направление, силу нажима...

Ровно до того момента, пока в итоге не получится что-то совершенно другое, слишком уж отличное от выбранного мною рисунка. И слушая неторопливую, полную лёгкой, едва различимой насмешки речь Владислава, я почему-то очень чётко поняла смысл одной, когда-то обронённой кем-то фразы. «Всё, что вы скажите, может и будет использовано против вас», тогда прозвучало как шутка, сейчас казалась суровой реальностью, наконец-то получившей своё настоящее воплощение.

Нет, знаменитый в узких кругах граф Дракула ничего не делал, кроме своих прямых профессиональных обязанностей. Вот только фраза тут, комментарий там, случайно оброненные свидетелем слова, на которые адвокат ненавязчиво концентрировал внимание судьи. Факты вдруг меняли свой окрас, выставляя моего бывшего супруга не в лучшем свете. Цепеш, как ловкий фокусник-иллюзионист отточенным жестом раскладывал карты-информацию так, как ему это было нужно, при этом ни капли не отступив от договора, честно выполняя условия сделки и не нарушая адвокатскую этику.

И чем дольше длилось заседание, тем крепче становилась моя уверенность в том, что Владислав Алёхин действует исключительно в соответствии с собственным планом. Как этого не заметил тот же Лектор, по идее знакомый с ним куда дольше, я даже не представляю. Впрочем...

Глянув на начавшего своё выступление в прениях Алексея, я только нервно заправила прядь волос за ухо, усмехнувшись. Кажется, кое-кем завладел истинный охотничий азарт. Да такой, что байкер сейчас не заметил бы даже муху размером со слона, пролетевшую прямо у него под носом. О чём эта самая «муха» была прекрасно осведомлена, как мне кажется.

Уставший, бесстрастный голос судьи объявил о том, что она удаляется для принятия решения. Секретарь протараторила заученные до автоматизма фразы и объявила, что все

свободны на ближайшие полчаса точно. И переговариваясь в полголоса, народ двинулся в сторону выхода из зала, намереваясь провести свободное время с пользой. Меня вывел Лектор, крепко вцепившись в локоть и заставляя переставлять ноги в принудительном порядке. А уже на выходе, прямо около дверей, с чистой совестью сдал меня на руки Кощею, успевшему к тому моменту протоптать и без того вытертый ковёр до основания.

Костин вопросов задавать не стал, просто обнимая меня и утыкаясь по благоприобретённой привычке носом мне в волосы. Я спрятала озябшие пальцы под курткой байкера, которую тот так и не снял, и прижалась щекой к его груди, закрывая глаза и слушая мерное биение родного сердца. Держать себя в руках было сложно, бороться дальше ещё сложнее, но я честно старалась, позволяя себе слабость только вот так, рядом с Ромкой. Зная, что на него можно положиться и что он сможет меня защитить.

В этом я никогда не сомневалась, почему-то. Как и в том, что намеренно он боли мне не причинит. Глупо, да?

— Как ты? — отодвинувшись, Рома обхватил ладонями моё лицо, коснувшись губами в невесомом поцелуе.

— Держусь, — криво улыбнулась, вновь прижимаясь к нему. И пробормотала едва слышно. — Владислав что-то задумал.

— Почему ты так решила? — недовольно поморщился Кощей, кося взглядом на безмятежно улыбающегося Алёхина-старшего, стоявшего в другом конце коридора и выслушивавшего что-то от своего клиента.

Андрей активно жестикулировал, явно пытаясь что-то доказать невозмутимому блондину. Но тот лишь едва заметно вскинул бровь, поглядывая на часы, и выглядел совершенно спокойным. Его дорогой строгий костюм подчёркивал фигуру, выгодно оттенял светлые волосы. А ещё как бы случайно предавал вертевшемуся юлой рядом с ним моему бывшему супругу бледный и совершенно нетоварный вид. Настолько нетоварный, что высокая, богато одетая брюнетка рядом с Андреем то и дело морщила нос, поглядывая то на своего бойфренда, то на его адвоката. И сдаётся мне, о своём выборе она отчаянно сожалела в данный момент...

— Ощущение такое, — тихо хмыкнула, глядя на то, как перекосило Андрея, увидевшего меня и байкера. — Я, конечно, полный профан в такой тонкой науке как юриспруденция, но зато довольно неплохо разбираюсь в людях. И сдаётся мне, он не только что-то задумал, но и вполне успешно воплотил задуманное в жизнь...

— Время покажет, — пожал плечами Рома, утягивая меня на сиденье у стены.

Устроившись у него на коленях, я прижалась щекой к его плечу, наблюдая за тем, как часы на стене напротив медленно отсчитывают оставшееся время ожидания. Хотелось спросить, куда он уходил утром, но я промолчала, отсчитывая секунду за секундой. Складывая их в минуты и стискивая пальцами кожу чужой куртки, скрывая волнение и предательскую дрожь. И всё равно вздрогнула, когда секретарь суда пригласила нас всех в зал, для объявления решения.

Рома отпускал меня нехотя, успев напоследок вложить что-то в мою ладонь. Правда, внимания на это я не обратила, с замирающим сердцем проходя вдоль сидений для свидетелей, вставая рядом с Лектором. Невольно задерживая дыхания, закрывая глаза на мгновение и сжимая пальцы так, что побелели костяшки, когда прозвучала уже знакомая фраза:

— Встать, суд идёт!

Кажется, время остановилось, вновь набирая свой бег, когда судья раскрыла папку, зачитывая свой вердикт.

* * *

Ромыч не нервничал так никогда в жизни. Даже когда долбанная налоговая нагрянула по извечному народному принципу вдруг откуда ни возьмись, байкер не испытывал особых нервных потрясений. А сейчас вот не мог усидеть на месте, вновь исследуя уже знакомый, до последней трещины в плитке, пол. Хотелось...

Всякого. Морду набить Цепешу, например. Или ворваться в зал, забрать Варьку, прихватить мелкую и рвануть куда-нибудь за границу. Тем более, что в обход всем законам, здравому смыслу и собственной совести, которая легко пошла на сделку, сегодня утром он поднял на ноги всех знакомых, в срочном порядке оформив загранпаспорт на всех. И плевать, что Варька не оценит такой поступок, плевать, что если узнают как так вышло, самому Кощей влетит не по-детски.

Для него в этот момент было важнее обеспечить хоть какой-то шанс на побег вместе со своими девчонками, а на законность сего мероприятия было начхать с самой высокой колокольни. А ещё отчаянно хотелось курить, но уходить на улицу Ромыч просто и банально побаивался. Мало ли, что может случиться? В том, что Ярмолин сможет защитить Варьку он, конечно, не сомневался, но бережённому, как говорится, бог бережёт.

Тем более, когда имеешь дело с такой мразью. Кощей был финансистом по образованию, байкером по натуре и довольно спокойным человеком по жизни. Вот только встретившись с бывшим муженьком собственной девушки, как-то всерьёз задумался о том, что за родную и так любимую Эльзой сто пятую статью не настолько большая санкция. И совсем уж смехотворная, когда у тебя на неё столько на самом-то деле весомых причин!

Звук открывающихся дверей вывел байкера из задумчивости. Встрепенувшись, Костин уже собирался поинтересоваться, что произошло, когда на него налетела счастливо смеющаяся Варвара. Она вцепилась в него, повиснув на шее, и прижималась лицом к плечу, повторяя раз за разом:

— Получилось, получилось, получилось! Ром, мы выиграли! И даже если он подаст апелляцию... У него нет шансов... У нас получилось!

— Я рад, — крепко прижимая к себе девушку, Ромыч улыбнулся, вдыхая полюбившийся запах цитрусового шампуня, смешавшегося с лёгким флёром духов.

Горьковатый, чем-то похожий на аромат так не перевариваемого им грейпфрута, с яркими вкраплениями солнца и ласкового, весеннего тепла. Родной и любимый. Без которого Кощей уже как-то не представлял себе жизнь. Ну как не представлял...

Фантазией его природа всё-таки не обделила. Вот только без Варьки и маленького шила в одном месте, по имени Манюня всё будет совсем не так, не с теми и не то.

— Я же говорила, Владислав что-то задумал, — тихо шепнула ему на ухо Варя, поворачиваясь в сторону пылающего гневом бывшего муженька. Тот явно пытался высказать невозмутимому Алёхину-старшему свои претензии.

Бессмысленное занятие, если честно. Ромыч это по собственному опыту знал, не раз и не два попытавшись надавить на Цепеша и встретив такую же лёгкую улыбку, полную превосходства. Тогда она жутко бесила. Сейчас, он, кажется, начинал догадываться, что

неспроста Владислав не отказался от этого дела. И далеко не просто так он посылал всех вежливым, но очень уж далёким пешим эротическим туром, при попытке что-то ему доказать или объяснить.

Но извиняться Кощей всё равно не собирался. То, что граф Дракула помог им, вовсе не отменяет того факта, что он козёл и сволочь.

— Мог бы и раньше сказать, — недовольно пробормотал Костин, тем не менее нехотя кивнув в знак благодарности старшему брату собственного товарища и начальника. Владислав в ответ только хмыкнул, вполуха слушая прочувствованную, полную матерных оборотов речь собственного бывшего теперь уже клиента.

— Не мог бы, — покачала головой Варя, искренне улыбнувшись Алёхину и пробормотав одними губами «Спасибо». На это Цепеш улыбнулся теплее и искреннее, прикрыв глаза на мгновение, давая понять, что услышал и понял то, что хотела сказать ему девушка. — Иначе всё выглядело бы совсем не так и Андрей догадался бы раньше. А сейчас... А сейчас он не сможет ничего доказать. К тому же, может быть он и самодур, эгоист и человек с очень взрывным темпераментом... Но далеко не идиот.

— Он хуже, — буркнул байкер, притягивая девушку обратно в свои объятия. И на чистых инстинктах задвинул её за спину, когда её бывший муженёк, так ничего и не добившись от собственного адвоката, рванул в их сторону, явно намереваясь сорваться на Варваре.

— Ты... Ты! Сучка! Ты подкупила его, да? Чем заплатила-то? Собственным телом или пришлось на деньжата раскошелиться, что бы повёлся, а?! А то лицом-то ты не шибко вышла, не дотягиваешь до его стандартов! Или ты сдвумя сразу, а?! Тварь! Да я...

Договорить мужчина не успел. Кощей, молча выслушавший начало тирады, так же молча, просто и без лишних слов, двинул дебоширу в челюсть. Силу не сдерживал и даже не счёл нужным пытаться рассчитать траекторию удара. Просто врезал, от души и со всей накопившейся ненавистью, отчего бедного Андриюшеньку просто и незатейливо снесло к стене, нехило так приложив затылком.

Варька тихо охнула сзади, но остановить его не пыталась. И Ромыч искренне был благодарен ей за это. Он подошёл к мужчине и, присев на корточки, деловито поддёрнул рукава куртки до локтя, ласково улыбнувшись в ответ на шепелявый поток нецензурной брани, вперемешку с угрозами:

— Я бы на твоём месте помалкивал в тряпочку и не отвечивал. У тебя как минимум трещина в кости, как максимум незамысловатый и основательный перелом челюсти, если не заткнёшься. А если ты попробуешь ещё хотя бы на метр приблизиться к Варьке с мелкой...

— Да пошёл ты! — снова начал возбужать бывший, явно намереваясь съездить байкеру по роже.

Но Ромыч перехватил руку, занесённую для удара, и незамысловато повернул чужое запястье до характерного хруста. После чего отбросил повисшую конечность в сторону, усмехнувшись:

— Моё дело предупредить. Твоё, определиться, что напишет патологоанатом в причине смерти. И знаешь... Учитывая, что есть у нас один очень интересный патологоанатом... Моя фамилия в причине твоего внезапного окочуривания даже не прозвучит. Так что сиди и помалкивай. За то, что ты делал, млять, с тобой жаждут пообщаться несколько моих товарищей. А они будут далеко не так терпеливы и аккуратны, при нанесении тебе увечий. Ясно?

— Ты...

— Я ясно выражаюсь? — деловито осведомился Костин, обхватив шею мужчины и сжимая так, что даже идиот начинал понимать: одно неосторожное движение и всё, перелом подъязычной кости или ещё что-нибудь не менее интересное с не менее летальным исходом.

И нет, Ромыч не был садистом или извергом, нет. Он просто защищал свою женщину и своего ребёнка. И чхать хотел байкер на то, что Манюня по документам не имеет к нему никакого отношения. Она — дочь Вари, а значит его. А что сама Варвара думала по данному поводу, байкер старался не представлять.

— Да, — наконец, выдохнул сквозь зубы Андрей и Рома убрал руку, брезгливо вытерев её об брюки мужчины. После чего поднялся, отступая на шаг назад и заключая Варьку в объятия.

Сам же пострадавший за правое дело по стеночке аккуратно и медленно, баюкая пострадавшую руку, встал на ноги. И, сделав пару нетвёрдых шагов в сторону с интересом наблюдавшего за происходящем Цепеша, громко заявил:

— Я хочу подать на него в суд! Вы всё видели! И вы мне должны, раз проиграли процесс! Я заплатил вам немалые бабки!

— Кхм... — тихо усмехнувшись, Владислав поправил галстук и, стряхнув с плеча несуществующую пылинку, невозмутимо заявил. — Для начала, к вашему сведению, я больше специализируюсь по уголовным преступлениям и преступлениям в экономической сфере деятельности, чем по бракоразводным процессам со всеми вытекающими из него исками. Ну а, во вторых... — тут Алёхин-старший окинул мужчину насмешливо-безразличным взглядом и с притворным сожалением протянул. — Я дважды одного клиента не защищаю, мне моя совесть не позволяет дважды грабить одного и того же человека. Так что... Ничем не могу помочь. Коллега, мои поздравления, — кивнув головой хмыкающему Лектору, блондин неторопливо удалился в сторону выхода, пропуская мимо ушей и угрозы, и возмущения, и ругань.

Как там говорилось в одной драме? Мавр сделал своё дело, мавр может удалиться. Вот только Кощей извиняться не будет, нет! По крайней мере в ближайшие пару дней точно. А там, как получится!

— Теперь всё точно будет хорошо, — тихо пробормотала Варька, уткнувшись носом ему в плечо и улыбаясь. — Просто не может не быть, да?

— Ага, — поддакнул Костин, прижимая её к себе крепче. И искренне веря в то, что по-другому просто не может быть.

Любимая женщина, обаятельная и шкодливая малышка, друзья и все трудности позади. Как оказалось, одному конкретному финансисту популярного ночного клуба для счастья надо не так уж много, на самом-то деле. Совсем немного.

— Варька, вылазь, ёпт! — недовольный рёв Варяга нарушил медитативное состояние, в котором я пребывала, добавляя последний штрих в гравировку на запонки из чёрного серебра. — Или меня съедят, затопчут, разорвут... В общем, надругаются над моим несчастным телом!

— Я прям даже где-то в это верю, угу, — пробормотала, поправив специальные очки для работы и сдув прядь волос, упавшую на нос. После чего принялась мягкой ветошью сглаживать острые грани, оставшиеся на поверхности металла, убирая остатки стружки и ненужный мусор, портивший внешний вид украшения. Варяг продолжал что-то бурчать за дверью, развлекая расшалившуюся Марью, а я...

Я занималась своим любимым делом, выполняя три изделия по специальному заказу для трёх людей, сделавших для меня невозможное. И мне было всё равно, что я забывала поесть, проводила ночи без сна, получила пару неприятных порезов и ожогов. Глядя на мягко поблёскивающий в свете яркой лампы металл, прикасаясь кончиками пальцев к выделанной коже и слушая мерное тиканье часового механизма, я не могла не улыбаться. Чуть устало, довольно и свободно, откинувшись на спинку стула и крутанувшись вокруг своей оси. Конечно, мои изделия не заменят причитающейся тому же Лектору гонорара, но...

Вдохнула, задвинув очки на затылок, и коснулась подрагивающими пальцами каждого подарка по отдельности, устроив подбородок на локте руки лежащей на столе. Серёжка, в виде креста, с удлинённым нижним концом, превращающимся в элегантную застёжку. Чёрный камень в центре оной, матово поблёскивал, отражая энным количеством граней искусственный свет.

Широкий кожаный браслет, с циферблатом часов и секундомером. Небольшие по размеру, расположенные на некотором удалении друг от друга, цвета античной бронзы и готичными, вытянутыми римскими цифрами. Книгалю.б.нет Пара пластин из серебра и той же самой бронзы, заполненные тонкой гравировкой, фиксировали часовой механизм, придавая определённый шарм всей конструкции. Застёжка из нескольких клёпок, притягательно мерцала совсем неподходящей байкерской брутальностью.

Лектор и Кошей должны оценить то, что я для них выбрала. Пришлось, правда, напрячь Варяга, что бы достал чертежи и хотя бы попытался внятно объяснить что и как, стимпанк всё же не совсем мой профиль. Но могучий викинг в кои-то веки не шибко-то возражал. Особенно, когда узнал, что они для меня сделали. И хотя Ромку он недолюбливал до сих пор, это не отменяло того, что кусок кожи под основу для браслета он выделывал лично, придавая ей пластичность и мягкость.

Чуть в стороне, рядом с тисками для фиксации деталей и тонким стилем, которым я наносила предварительно узор на сам металл, лежали две небольшие запонки. То самое, не особо-то поддающееся тонкой работе чёрное серебро, всё же сдавшееся на милость моему упрямству и принявшее нужную форму. Гордиев узел выглядел тонко, изящно и совсем обыденно, если не знать, кому именно предназначался этот подарок. Думаю, Владислав Алёхин оценит смысл и непрозрачный намёк, заложенный мною в выборе формы и гравировки для запонок. Как гласит легенда распутать такой узел невозможно, можно только разрубить.

Как показала практика и мой собственный опыт, если ты один, очень уж определённый граф Дракула, то разрубить такой узел — это отнюдь не единственное решение. Скорее уж крайняя и совсем не обязательная мера. Всего лишь один вариант из множества других, да...

Выпрямившись, я помассировала плечи, морщась от ноющей боли в уставших мышцах. И вздохнула, услышав очередной грохот и такое знакомое «Упс», которое спутать с чем-то другим было просто невозможно. Тем более, что сопровождалось оно звонким, надрывным мяуканьем несчастного Кошмара, который уже не знал куда деваться от обилия мужчин в моей квартире.

— Да иду я, иду... — хмыкнула, сползая со стула и потягиваясь. В спине что-то явственно хрустнуло, напоминая, что сидеть почти три дня подряд за работой уже не для меня. Стара я для таких экспериментов, ох стара. С другой стороны...

Бросив ещё один взгляд на результат своего ударного труда, я не могла не улыбнуться, взъерошив волосы на затылке. Это ощущение от проделанной работы, удовлетворение, расплзающееся по душе того стоит. Вот ещё бы вспомнить, что именно я забыла, кроме как поесть и принять душ и будет совсем хорошо.

Почесав бровь, снова окинула взглядом комнату, давно и прочно переделанную под мастерскую. И хлопнув себя по лбу, подошла к стеллажу в углу, зарывшись в коробки и жестяные банки, заполнявшие собой всё пространство на полках. С трудом, но на самой верхней из них мне удалось найти три мешочка из чёрного бархата, завалывшихся с последнего заказа. Именно в них я всё и упаковала, аккуратно затянув серебристые тесёмки. После чего, подавив зверское желание плюхнуться на маленький диван, притулившийся в углу, рядом с окном, направилась разбираться с домашним бедламом.

Судя по звукам, дела в Датском королевстве шли ни шатко, ни валко. Марья, успевшая соскучиться по невыносимым байкерам и требовавшая явиться в срочном порядке в «уб», явно вышла на тропу войны. А Варяг, хоть и имевший опыт воспитания маленьких детей, ничего с ней не мог поделать. Мелкая как небольшой, но очень разрушительный тайфун, носилась по квартире, не желала отвлекаться на новые игрушки, не заинтересовалась просмотром новых мультиков и, кажется, довела сдержанного и хладнокровного викинга до тихого нервного срыва.

Во всяком случае, когда завидев меня на пороге зала, Царевшина прекратила исполнять народные пляски коренных жителей Африки на спине Вальки и рванула ко мне, счастливее лица я у своего знакомого ролевика ещё не наблюдала. Блондин даже перекрестился, блаженно раскинувшись посреди комнаты в позе расплющенной морской звезды.

— Ма, в уб! — повиснув у меня на шее, безапелляционно заявила Марья. И дёрнула за прядь волос, повисшую на носу, привлекая к себе внимание. — Очу в уб! К Оме!

— Думаешь, надо? — с сомнением переспросила, пытаюсь скрыть так и норовившую появиться на лице улыбку. Но не преуспела в этом деле и рассмеялась, прижавшись губами ко лбу дочери. Та недовольно засопела, снова дёрнув меня за прядь волос. — Ну в уб, так в уб... Маме всё равно нужно кое-что отдать господам бякерам. А сами они явно не скоро появятся. Почему-то...

— Уля! — радостно завопила мелкая, хлопая в ладоши. — Ма, низ! Я сама!

Фыркнув, спустила дочь с рук, с тихим смешком наблюдая, как маленький ураганчик, по имени Марья, скрывается в своей комнате. В последнее время у неё просто пик самостоятельности какой-то. Правда, обычно это выливается в выбор наряда для выхода, занимающего порой полчаса, а то и больше. И это на простую прогулку. Что будет сейчас, я

даже представить боялась, прекрасная зная о трепетной и нежной любви Манюни как к самим бякерам, так и к их клубу, ага.

— К своему скелету собралась? — Варяг, наконец-то, соизволил отлипнуть от пола и прекратить изображать умирающего лебедя. Отряхнувшись, ролевик подняла на ноги и широко зевнул. — И что ты в нём нашла, а, Вареник? Худющий, молчаливый, на финансах чужих повернутый... Да ещё и байкер! Может, ну его и со мной на ролёвку, а?

— Варяг, ну я ж не спрашиваю, что ты нашёл в той милой, но очень воинственной блондинке, что тебе нос опять свернула на другую сторону, — беззлобно ткнула друга кулаком в бок, увернувшись от его попыток запустить свою лапищу в мою и без того разворошенную косу.

— Но-но, леди Вал просто промахнулась, — насупился этот детина, засунув руки в задние карманы свободных камуфляжных штанов. Почему-то говорить об этой загадочной девушке по прозвищу Валькирия Валентин отказывался категорически.

Только вздыхал порой трагически, да интересовался, что ж нам бабам надо для счастья. Хотя, по-моему, это был чисто риторический вопрос с его стороны.

— Я стесняюсь спросить, куда ж она тогда целилась, если так промахнулась, — тихо засмеявшись, я махнула рукой в сторону кухни, собираясь если не перекусить, то хотя бы выпить горячего, крепкого кофе. Если, конечно, кое-кто привередливый не вывел за эту неделю, прошедшую с того самого, памятного заседания суда, все запасы кофеина в моём доме, заменив их на трепетно обожаемый им чай. Я, конечно, Варяга люблю...

Но за кофе мстить буду долго, вдумчиво и, что вполне возможно, кроваво.

Набрав воду в турку, я провела быструю инспекцию кухонных шкафчиков и облегчённо вздохнула, обнаружив в самом дальнем углу последнего из них бумажный пакет со свежемолотыми кофейными зёрнами. Раскрыв его, блаженно зажмурилась, вдохнув аромат карамели, ванили и корицы, оттеняющий терпкий запах кофе. И принялась священнодействовать, не обращая никакого внимания на укоризненный взгляд Варяга, упорно сверливший мою спину. Друг сидел на табуретке, делая и без того маленькую кухню совсем уж крошечной и явно пытался достучаться до моей совести. Ну или что там отвечает за бережное отношение к собственному здоровью?

Вот только я, прожившая три дня на одном чистом творческом энтузиазме, понимать всю степень своей безответственности категорично отказывалась, помешивая кофе в турке. За одним размышляя, стоит добавлять туда коньяк или нет. Вообще-то я не любила добавлять крепкие алкогольные напитки в кофе, но в те кошмарные две недели Ромка, не слушая моих возражений, усаживал меня на табуретку и варил кофе сам.

Ругался, проливал порою прямо на плиту и вздыхал об отсутствии кофемашины, но варил в турке. Что бы сцедить сквозь чайное сито густую, чёрную жидкость в маленькую чашку из белого фарфора. И поставить её передо мной, добавив туда чайную ложку дорогого коньяка. Я, наверное, никогда не забуду, как обжигала пальцы, грея вечно мёрзнувшие руки об неё, и задавала один и тот же вопрос. Не верила, отчаянно цеплялась за чужие слова и обещания, снова не верила...

Кто бы мог подумать, что всё закончится именно так? И кто бы мог представить, что хмурый, молчаливый финансист по фамилии Костин, решится на побег из страны вместе со мной, если суд всё-таки окажется проигранным. Та маленькая записка завалилась в кармане брюк и нашла я её только на следующий день. А когда поняла, что Кощей собирался сделать, на какие нарушения нашего родного законодательства пойти, растерянно смотрела в одну

точку, сидя в ванной на полу. И улыбалась.

Глупо так, влюблено и счастливо.

— Что будешь делать дальше, Варь? — вопрос Варяга выудил меня из собственных мыслей.

Подождав, пока начнёт подниматься пенка в турке, я выключила газ и переставила медную утварь на подставку для горячего на одной из тумб. Осторожно помешала, поднимая взвесь со дна и тихо ответила:

— Жить. Просто... Жить, Валь. Андрей вряд ли снова сунется, здесь, в этом городе ему не обрадуется никто. Поддержки он тут тоже не нашёл. Уж не знаю, чьих рук это дело, но всплыл ряд его... Скажем так, служебных нарушений, которые в совокупности потянут на неплохой срок. Реальный срок. Отец говорит, что судя по слухам его собираются турнуть, якобы по собственному желанию. А новая супруга, между прочим, дочь кого-то из высокопоставленных чиновников, благополучно помахала ему ручкой. В общем, как бы мелодраматично не прозвучало... — процедив кофе сквозь ситечко, я добавила одну ложку сахара, немного кардамона и розового перца. И пожалала плечами, убирая грязную турку в мойку. — Он получил всё, что заслужил и даже больше и ему сейчас явно не до нас с Манюней.

— Собираешься дать шанс этому скелету? — глянув через плечо на недовольно поморщившегося Варяга, я хохотнула, помешав кофе ложечкой. Обернулась, опираясь спиной на кухонный гарнитур, и отпила немного, довольно жмурясь.

— Да, — наконец ответила, после почти минутного молчания. Вздохнула, сделала ещё один глоток кофе и тихо пояснила. — Варяг, я ему верю. Правда, верю. И в кои-то веки хочу любить и быть любимой, зная, что меня смогут защитить. Хочу, что бы у Марьи был отец, который обожает её не меньше, чем я. А может даже и больше...

Тёплая улыбка вновь сама по себе появилась на лице. Я не лгала и не преувеличивала. Ромка действительно обожал маленькую Царевичу, тайком покупая для неё настоящий рокерский прикид, игрушки и сладости. И хотя в этом плане отличилась вся банда разом, даже невозмутимый Цепеш, Марья тоже выделяла из всего этого мужского цветника именно Кощея. Худощавого, местами угрюмого, местами молчаливого, но искренне любимого дядю Ому, да.

— Он байкер, — недовольно насупился Варяг, скрестив руки на груди и следя за моей чашкой с кофе самым укоризненным взглядом из всех возможных. — Вряд ли из него получится хороший отец...

— А ты ролевик, — лукаво сощурилась, краем уха прислушиваясь к возне в коридоре. Сдаётся мне, кое-кто маленький и вредный не только выбрал наряд, но даже одеться умудрился самостоятельно. — Марья, а ну, покажись, в чём в уб собралась?

— Ну ма-ам! — недовольный голос мелкой напрямую указывал, что наряд мне вряд ли понравится. — Я отова!

— Вот уж позвольте не поверить, Ваше Царское Величество... — допив кофе, я убрала кружку и поплелась в коридор, проворчав себе под нос. — Вообще-то, я планировала проверять, в чём дочь в клуб собралась лет так через тринадцать, не меньше. Мечты-мечты... — остановившись рядом с Валентином, провела рукой по встрёпанным светлым волосам и насмешливо заметила. — Он байкер, ага. А ты ролевик. Но я не сомневаюсь, что из тебя получится прекрасный отец. Как и из моего ходячего скелетона... Маня, а позвольте уточнить, что это на вас делают мамины туфли на каблуках и где ж вы их найти-то

умудрились, а, Царевшна?

— Ну ма-а-ам!

Отловив посмеивающегося ребёнка, я всё же сумела вытряхнуть дочь из явно великоватых ей чёрных туфель и даже отобрать незнамо откуда взявшийся клатч, из натуральной змеиной кожи. Отродясь не страдала любовью к рептилиям и не имею ни малейшего представления о том, откуда такое чудо могло взяться в моих скромных закромах. Однако, пока я смывала с чьей-то моськи остатки красной помады, запоздало сообразила, что единственной поклонницей моды и её последних пискон в нашем окружении была Леночка. И коли память меня не подводит, именно она не так давно страдала по поводу пропажи одной, очень уж дорогой (коли верить ценнику), уникальнейшей в своём роде вещицы.

И когда только Марья её стащить-то успела? А главное, зачем?

Тряхнула головой, отгоняя совершенно не нужные и неважные сейчас мысли. И вернулась к более насущной проблеме, требовавшей немедленного решения. А именно, во что одеть своё чадо и как её теперь отловить?

Почесав голову, хмыкнула и позвала:

— Варя-я-яг! Как ты смотришь на то, что бы два страшных и злых дракона отловили одну милую, очаровательную и храбрую принцессу, а? Чур золото и драгоценности пополам!

— Кого надо поймать? — высунулся в коридор друг. И под счастливый визг Марьи погнался за ней, с топотом и грацией истинного слонopotама скрывшись в детской. Нам с Кошмаром только и оставалось, что переглянуться, да последовать за ними. А то знаю я их, такое выберут...

Мои туфли и боевой раскрас покажутся милой, невинной шалостью, ага! И как хорошо, что я в своё время смогла отговориться от того самого бронелифчика, столь настойчиво предлагаемого мне Валькой.

На то, что бы переодеть активно сопротивляющегося ребёнка у нас вдвоём ушло где-то полчаса, не больше. И то, потому что кое-кто большой, двухметровый и сильный, мужественно притворялся смертельно раненым драконом, готовым принять смерть от руки развоевавшейся принцессы. Но в конечном итоге Марья оказалась в юбке, цветастой футболке и косынке, поверх туго заплетённых косичек. И сидела на пуфике в коридоре, недовольно сопя и нехотя натягивая сандалики.

А я, проследив за этим действием, сменила домашние штаны на любимые джинсы, растянутую майку аля «я у папы алкоголик» на футболку с эмблемой группы «Linkin Park» и в кои-то веки закрутила волосы в узел на затылке, закрепив его парой деревянный спиц. Телефон, кошелёк и подарки отправились в чёрный рюкзачок, с болтавшейся на замке чёрной пушистой летучей мышкой. И закинув его лямки себе на плечо, я подхватила ребёнка на руки, выходя следом за Варягом.

Тот любезно помог закрыть дверь и даже донёс дрыгающего ногами ребёнка до моего малыша матиза, одиноко притулившегося на парковке перед домом. Там мы и попрощались, отправившись каждый по своим делам: я в клуб, а Варяг...

Ну, судя по некоторым оговоркам, мой разлюбленный викинг смылся на очередную ролёвку, явно намереваясь добиться таки расположения неприступной и обожаемой леди Вал. И я не могла не пожелать ему удачи в этом нелёгком деле, да. Если она ему промахнувшись нос умудрилась сломать, что будет, если она прицелиться поточнее, я даже представить-то боюсь.

До «Максимуса» мы добрались без особых проблем, напевая в два голоса (ну кто-то напевал, а кто-то просо старался попадать в ноты) песню незабвенной Лолиты Милявской под названием «Помада». Каким макаром этот шедевр отечественной попсы затерялся на просторах моего плей-листа, я так и не поняла. Но песня почему-то понравилась и мы с Маней с удовольствием спели её несколько раз, до того, как я припарковала своего малыша возле клуба.

Охранники на входе приветственно махнули рукой, один из них, кажется, его зовут Макс, сунул Марье в руку мармеладного дельфинчика, невинно мне улыбнувшись при этом. Дочь подношение приняла благосклонно, деловито сунув конфету в рот и пробормотав невнятное «Шпашибо». И потянула меня внутрь, не дав даже парой слов перекинуться с парнями, ставшими если не добрыми знакомыми, то определённо приятелями для меня.

— Ма, в уб! — невозмутимо заявила Царевшна, утягивая меня всё дальше. И я даже не нашла у себя сил сопротивляться, тихо смеясь в ответ на упрямое сопение ребёнка, лавирующего со мной на прицепе среди официантов и работников клуба.

Видимо, сегодня в клубе планировалось грандиозное мероприятие, судя по внезапному ажиотажу и наплыва желающих поработать на благо владельцев «Максимуса». На первом этаже царил самый настоящий хаос и бедлам, дополняемый самым настоящим столпотворением, пройти сквозь которое в кабинет к Кощею я даже не рискнула. Зато сумела по голосу определить местонахождение самого молодого из всей банды байкеров по прозвищу Шут.

Лёшка кому-то поэтично обещал устроить незабываемый отпуск в морге, вместе с не менее незабываемой компанией одного очень уж интересного патологоанатома, если криворукое подобие обезьяны соизволит уронить ещё хоть что-то. И для наглядности активно жестикулировал, видимо, надеясь через эти самые жесты донести всю глубину проступка до провинившегося. Отвлёкся он лишь один раз, на невысокую, скромную брюнетку, недовольно погрозившую ему кулаком в ответ на очередной пассаж. И состроил обиженную моську, сокрушённо кивая головой на её тихие упрёки.

Но стоило очаровательной и милой девушке отвернуться, как Лёха продолжил своё чёрное дело. Правда, куда тише и постоянно оглядываясь по сторонам. Наверное, именно поэтому боевой клич Марьи он позорно пропустил, успев только охнуть, когда мелкая врезалась в его ноги, обхватив их руками и важно заявив:

— Ут! На учки! Мну учал!

— Ваше Царское величество... Я тоже скучал, — мученически вздохнув, Шут махнул рукой замершим на месте работникам и с улыбкой подхватил Манюню на руки, обернувшись ко мне. — Варька, как я рад тебя видеть, словами не передать, жестами не оценить! Некоторые костлявые личности тут без тебя с ума сходить изволят! Прямо как тогда!

— Например? — заинтересованно склонила голову набок, оттянув пальцами лямки рюкзака и с интересом оглядываясь по сторонам. — И по какому поводу такая бешеная активность-то?

— Её ледяное величество Эльза планирует провести какое-то мероприятие исключительно в стиле стимпанка... — Шут недовольно скуксился, посадив Маню себе на плечи. Мелкая довольно хихикая тут же принялась вертеть головой в разные стороны, то и дело дёргая байкера за волосы и что-то у него выясняя. — Нет, Царевна Марья, мы не пойдём выяснять что там за огонёчки на потолочке... Потому что если мы пойдём, то бедный дядя Ут потом будет эти самые огонёчки выуживать оттуда, откуда детям знать пока

не положено!

— Дя? — заинтересованно склонила голову Маня, хмурясь и явно обдумывая слова друга.

— Ещё какое «дя»! — активно закивал головой Лёшка, пощекотав мелкую под коленкой. Та захихикала громче. — Это тебе наш великий и могучий Ыжий и Конопучий простит всё за одни только глазки! А мне за эти самые глазки ещё и по шее надают... Все! И только Риша пожалеет меня несчастного... Сначала отчитает, а потом пожалеет, да...

Я засмеялась, качая головой. Причитать, как показала практика, самый молодой байкер во всей банде мог часами, а то и днями, находя повод для жалоб на несправедливость мирового бытия всегда и везде. Впрочем, была в этом и своя доля очарования, что не говори.

— Ут ооший, — активно закивала головой Марья, погладив парня по волосам. — Я ублю Ута!

— Ну хоть кто-то меня любит... — показательно трагично вздохнув, Шут тихо фыркнул, чуть подпрыгнув, подкидывая Марью вверх. Та снова засмеялась, захлопав в ладошки. А сам байкер обиженным шёпотом поинтересовался. — Так, где вы пропадать изволили, Варвара-краса? Царь Кощей изволил пребывать в прескверном настроении, портя окружающим жизнь своей постной миной!

— Дела были, — едва заметно пожала плечами, не собираясь развивать эту тему.

Не то, что бы в этом было что-то сверхсекретное, нет. Я просто и незатейливо приводила в порядок, как собственные мысли, так и квартиру, и порядком позаброшенную отчетность в магазине. С Ромкой мы обменивались сообщениями, иногда перезванивались. Но понимая, что мне нужно время, что бы прийти в себя, байкер не стал навязывать своё общество, приструнив рвавшихся поздравлять приятелей.

И за это я ему тоже была благодарна. К тому же, так у меня появилась возможность заняться подарками для тех, кто помог мне отвоевать дочь, а это тоже немаловажно. Учитывая, как умел ненавязчиво заполнять собой всё пространство Кощей, вряд ли мне удалось бы изготовить серёжку, часы и запонки втайне от него.

Я люблю этого раздолбая, что отрицать, но моя работа не терпит чужого вмешательства и сопения над душой, определённо. Увы, издержки творчества и жизни с человеком, погружённым в него с головой.

— Всё нормально? — тут же нахмурился Лёшка, внимательно глядя на меня. Одной рукой он придерживал вертевшуюся на его плечах Маню, второй потянулся к рации, висевшей на поясе.

— Да, — я тепло улыбнулась, покачав головой. И перекатившись с пятки на носок и обратно, тихо добавила. — Даже лучше, чем могло быть, — оглядев ещё раз тврившийся вокруг слегка упорядоченный хаос, я зацепила краем глаза ту самую брюнетку, что разговаривала с Шутом. И вспомнив, нечаянно оброненные слова последнего, всё же решила выяснить, что этот шалопай имел ввиду. — Так что там за тогда?

— А?

— Ты сказал, что некоторые личности с ума сходить изволили. Прямо как тогда, — я сощурилась, скрестив руки на груди. — Тогда это когда?

Байкер, явно сообразивший, что ляпнул что-то лишнее замялся, почесал затылок и жалобно поинтересовался:

— Ва-а-арь... Может это... Не надо, а? И вообще, не был, не участвовал, не привлекался!

— Шу-ут...

— Да ёпт! — тяжело вздохнув, парень поправил сползавшую по его спине с многозначительной улыбкой Маню и выдал. — Язык мой, враг мой, блин! Говорил мне один знакомый и нежно любимый трупоман, доведёт он меня до местного морга! И не факт, что в целом состоянии! Вот её душа порадуетя-то...

— Лёша! — я сощурилась, постукивая ногой. Мимо нас сновали рабочие и сотрудники клуба, попутно хихикая над сокрушённым выражением лица байкера.

А тот, насупившись, тихо проговорил:

— Да тут дело такое... Девушку видела рядом со мной? Тёмненькую такую, милую? Вот это Ришик. Моя подруга детства и девушка Михея. Риш тут ходит под негласным прозвищем Кавай-сан и оно ей полностью подходит. Банда при ней даже матом ругаться разучилась, голос повышать бояться, ага.

— И? — краем глаза зацепив знакомую худощавую фигуру, я повернулась, выискивая, куда это мог рвануть царь и бог калькуляторов и счетов. И нахмурилась, увидев Костина рядом с той самой девушкой. Как Шут её назвал? Кавай-сан?

Действительно, кавай. Обаятельный, с мягкими ямочками на щеках, со смущённым и ласковым взглядом синих глаз. Невысокая, хрупкая, нежная, как ветка мимозы. Толко тронь сильнее и закроется. Только есть в таких людях то, что не видно на первый взгляд. А именно стержень. Стержень, позволяющий идти дальше не смотря ни на что, заботится о близких со всей отдачей и с такой же отдачей защищать их от остальных. Давать всё, ничего не требуя взамен и не ожидать удара в спину...

Тихо хмыкнула, качнув головой. Я тоже когда-то была такой... С поправкой на суровое отцовское воспитание и собственный характер. Но опыт хороший учитель, хотя и берёт дорого, сволочь. Отучил открываться всем подряд и быть для всех хорошей, ведь это априори невозможно.

Брюнетка мягко улыбнулась подошедшему к ней Кощей, вынырнувшему как чёрт из табакерки за спиной у девушки, и что-то ему сказала. Тот фыркнул, как огромный большой кот, сощурился и дёрнул её за прядь волос, выбившуюся из-за ушка. После чего заправил на место, наклонившись и шепнув что-то. Она рассмеялась мягко и, привстав, чмокнула его в щёку, после чего поспешила по своим делам. Не видя, как ей смотрели вслед, не замечая этого.

Зато это видела я, вполуха слушая объяснения Шута. Парень не сильно вдавался в подробности, но мимоходом заметил, что Кощей, оказывается, чувствовал за собой ответственность за Ришика. Говоря проще, влюбился он тогда, хотя Лёшка и не сказал этого прямо, так пробормотал что-то себе под нос о глупости некоторых костлявых личностей и их самообмане. Вот только...

Самообмане ли?

— Я думал уже всё, пропал наш болезный навсегда пучине грусти-тоски... Но не-ет, ошибся, к счастью... — парень наконец-то заметил моё молчание, но расценил его по-своему. — Чего это ты там увидела? Варь?

— И... Кхм... — прочистив горло, я всё же сумела перевести взгляд на Лёшку, тихо спросив, сжимая пальцы в кулак так, что побелели костяшки, а ремешки рюкзака едва слышно скрипнули. — Он даже... Не пытался?

— Кто? Кощей что ли? — Шут смешно округлил глаза. — Да ну тебя, мать, там же вообще без вариантов! Вот и вздыхал он... В тайне... ну почти... Пока ты не появилась, вот.

Варь? — меня дёрнули за руку, привлекая к себе внимание. — Варька-а-а... Ну блин, ну вот кто меня за язык-то тянул?!

— Нормально всё, — с трудом справившись с наплывом эмоций, я снова глянула на Кощю, усевшегося на одну из коробок и о чём-то явно задумавшегося. Он по-прежнему смотрел на ту самую милую девушку и взгляд этот...

Слишком часто я видела его у себя под носом. Петька так смотрел на Леночку, тайно вздыхая и мечтая когда-нибудь покорить её сердце. Такая же нежность, тихое, мирное счастье и что-то ещё, что я не могла так сходу определить. Или не хотела. Потому что мне и так было больно.

Больно осознавать, что ты-то влюбилась по-настоящему, а с тобой находятся лишь за неимением лучшего варианта. Очень больно.

— Врать ты не умеешь, — буркнул недовольно байкер, снимая Маню с плеч и ставя её на пол. — Колись, подруга. Чего надумать себе успела? Варь?

Тряхнула головой, давая дикое желание позорно разреветься прямо тут. Наверное, надо было бы подойти, спросить у Ромки напрямую. Узнать так сказать из первых уст всё, что мне только что рассказали. И, либо получить подтверждение собственным мыслям, либо услышать опровержение им. Вот только, то ли я от суда и встречи с бывшим супругом ещё не отошла, то ли ещё что, но вместо этого рывком стянула рюкзак с плеч и принялась рыться в нём в поисках подарков.

В голове засела только одна мысль «Бежать» и у меня не было никаких причин не последовать ей. Разочаровываться в собственном выборе, осознавать, что ты всего лишь замена для человека, который значил для тебя если не всё, то многое. Этого для меня было слишком много. Слишком много, что бы суметь понять, принять и осмыслить.

И слишком много, что бы хоть о чём-то сейчас говорить с этим чёртовым байкером.

— Варька? — Шут хмурился всё сильнее, нервно выстукивая рваный ритм пальцами по бедру. Моё чудо, явно уловившее настроение собственной родительницы, молча прижималось ко мне сбоку, уткнувшись лицом мне в ноги.

Закусив до крови нижнюю губу, я судорожно рылась внутри чёрной дыры по ошибке названной рюкзаком. И старалась не подавать виду, что чувствую, как Кощей заметил меня в толпе. Это было странно, но я давно уже научилась определять, когда среди множества людей он видит именно меня.

Наконец, пальцы нащупали три бархатных мешочка, оказавшихся погребёнными на самом дне сумки. Вытащив их, я вздохнула с облегчением, сдув прядь волос с носа и сунула их в руку открывшему, было, рот парню.

— Передашь это ребятам, ладно? — закинув рюкзак за спину, я подхватила Марию на руки. — Там в каждой карточка подписанная, так что не перепутаешь кому что. Пусть считают что это моя благодарность за помощь.

— А почему сама не передашь-то? Лектор тут, Кощей вон тоже щас подойдет. Граф, правда, где-то пропадает по делам, но и ему можно через Миху передать. Да и вроде как подарки принято лично вручать, не? — озадаченно почесав затылок, Лёшка сощурился, глядя на меня. — Варь, ты чего?

— Мне пора, — криво улыбнувшись, я поудобнее перехватила дочь и развернулась на каблуках, быстрым шагом направившись в сторону выхода. Сердце билось как загнанное, а бушующие внутри эмоции рвались наружу, требуя выхода.

Но сжав зубы, я шла всё быстрее, почти срываясь на бег. Не оглядываясь на удивлённый

окрик Шута, на голос Кощей позвавшего меня привычным прозвищем «Вареник» бившим под дых с размаху и сразу. Я прижимала к себе ребёнка, опустив голову, не глядя по сторонам и не замечая, как всё же сорвалась на бег, выскакивая из дверей прямо на парковку перед клубом. Слезы мешали видеть, но найти среди кучи машин и байков мой маленький матиз бешеной расцветки труда не составила.

Щелчок брелока, приветственный писк сигнализации. Я пристёгивала Маню в детском автокресле, когда услышала окрик со стороны клуба. Полный непонимания и недоумения, раздражения и какой-то даже злости.

— Варька! Подожди!

— Хватит, — тихо выдохнула, замерев на секунду, подавив в себе предательское желание остаться. Если останусь, то эмоции возьмут верх и не удастся сохранить даже иллюзии дружбы. Я себя знаю, если сжигаю мосты, то раз и навсегда. — Хватит!

Резко выпрямившись, я захлопнула заднюю дверь и юркнула на водительское сиденье, вставляя ключ в замок зажигания. Двигатель послушно заурчал, а нога сама вжала педаль газа в пол, заставляя бедную машинку чуть ли не подпрыгнуть и рвануть с места так, что на асфальте наверняка остались чёрные следы от шин. Вот только мне было наплевать.

Я выжимала газ до конца, не замечая, куда еду и зачем. Не обращая внимания на разразившийся противной трелью телефон, валявшийся на пассажирском сиденье. Не слушая испуганных вздохов собственного ребёнка, не видя несущихся мимо машин и знаков. Пролетая на красный свет светофора, и только чудом не попадая в аварию. В груди щемило так, что нечем было дышать, а в голове никак не наступала блаженная апатичная пустота и мысли вились роем, не отпуская, не давая вдохнуть и забыться.

Слезы душили, боль оглушала. Может быть, я не права. Может быть, я всё себе надумала...

Но я видела, как он на неё смотрел. Я знаю, что означает этот взгляд. И я не хочу, не хочу быть второсортной заменой кому бы то ни было! Просто не хочу...

— Ма! — крик Марьи рубанул по ушам, вырывая меня из водоворота эмоций, чувств и нерадостных мыслей. Резко выдохнув, я крутанула руль, уходя со встречной полосы на обочину до того, как мой малыш матиз встретился бы в лобовом столкновении с грузовиком. И только там заглушила двигатель, положив руки на руль и уткнувшись в него лбом.

После чего всё же позорно разревелась, выплёскивая всё, что накопилось в душе. Горькое разочарование, уязвимость и ненависть. Печаль и страх, получивший своё материальное воплощение. И снова боль, с привкусом безысходности, кажется, ставшей моей вечной спутницей в этой грёбанной жизни.

Успокоиться получилось не сразу. Сначала сопли на нет слёзы, оставив после себя мокрые щёки и головную боль. Затем наступило приятное опустошение, от схлынувших и получивших выход эмоций. А после горькое сожаление о собственной глупой мечте и надежде на счастье. Откинувшись на сиденье, я давила новую череду всхлипов, чувствуя себя тонкой берёзой посреди урагана. Очень хотелось сломаться, окончательно и бесповоротно. Но нельзя, хотя бы ради этих больших карих глаз, отражавшихся в зеркале заднего вида, смотревших на меня с испугом и тревогой

Криво улыбнулась дрожащими губами и нажала на магнитола, включая случайно выбранный трек. И тонко, беззвучно всхлипнула, когда из динамиков полился знакомый голос солиста группы «Scorpions», певший о том, что мы рождены, что бы летать. Пока есть крылья у нашей мечты, пока мы живём и любим...

Пока нас не предали те, кто рядом. Но всё равно. Мы рождены, что бы летать.

Телефон, так и забытый мною на соседнем сиденье снова завибрировал, привлекая к себе внимание. Высветившееся на нём имя вызвало лёгкий, истеричный смешок. Взяв дрожащими пальцами несчастный аппарат, я сбросила звонок и хотела уже выключить мобильник, как пальцы замерли на половине пути от внезапно пришедшей в голову мысли.

Бредовой, сумасшедшей, но такой притягательной. Я не могу вернуться домой, он знает, где я живу. Я не могу выйти на работу, Костин знает и этот адрес. Но я могу... Могу принять давнее предложение близкого мне человека. Единственного, кто заботится обо мне, просто ради меня самой. По крайней мере, я точно знаю, что для него я друг, которого нужно иногда опекать, но не более того.

И мне от него тоже больше ничего не нужно, кроме поддержки и понимания, да...

— Варька? — встревоженный голос Варяга заставил меня вздрогнуть. Но в душе от этого бескорыстного волнения что-то сломалось и потеплело. Так, что даже дышать стало чуточку легче. — Что-то случилось?

— Валь, твоё приглашение на ролёвку всё ещё в силе? — хрипло кашлянула, прочищая горло, и оглянулась, сжимая тонкие пальцы своего чуда. Маня, молча, сопела, крепко ухватившись за мою руку. И это простое прикосновение давало сил не сорваться вновь, держать себя в руках.

Ради самого родного и любимого человечка на свете.

— Конечно, — озадаченно протянул товарищ, отмахнувшись от кого-то, пытавшегося воззвать если не к совести блондина, то к его чувству долга точно. Бездарное дело, как по мне. Коли Валентин что-то задумал, отговорить его от исполнения невозможно.

Вот и сейчас в трубке раздался чей-то недовольный зычный рёв, оборванный едким комментарием Вальки, сдобренным не менее ехидным женским голосом, ласково и нежно сообщившим мешающей разговору личности где и в каком виде его Хель встретит, коли он не соизволит заткнуться.

— Варь? — Варяг вздохнул и поинтересовался. — Что-то случилось, так ведь?

— Почему? — невольно дёрнула плечом на звук оповещения о сообщении, очередном, пришедшем на телефон. — Я что, не могу хоть раз в жизни разделить с лучшим другом его любимое увлечение? Сам же сказал, развеемся, пообщаемся с народом, приобщимся к древней культуре...

— Излечимся от душевных терзаний...

— Излечимся, — непроизвольно повторила и прикусила губу, закрыв ладонью глаза и устало вздохнув. — Варяг... Не надо, ладно? Я не хочу сейчас об этом говорить. ч Просто скажи... Куда ехать. И что взять с собой.

— Дурочка, — наконец, после минутного молчания, вздохнул Валька и тут же принялся диктовать как проехать к месту их стоянки, что лучше всего прикупить, а что он и тут найдёт. Я послушно записывала на обрывки оберточной бумаги, затесавшейся в бардачке. И горячо, мысленно, благодарила друга за то, что он ни словом, ни полсловом не стал возвращаться к вопросу о том, что такого случилось, что я решила почтить их компанию своим вниманием.

Выяснив всё необходимое, я попрощалась с Варягом и выключила телефон, не став даже смотреть сообщения и список пропущенных вызовов. Просто бросила несчастный мобильник на панель и повернулась к мелкой, криво улыбнувшись дрожащими губами:

— Ну что, ваше царское величество, поедem в гости к дяде Варягу? Мечами помашем, из

лука постреляем, на лошадях покатаемся... Поедем?

— Дя, — кивнула головой Марья, глядя на меня непривычно серьёзным взглядом. И неожиданно солнечно улыбнулась, выдав. — Лю тебя ма! Муку кучи!

— Музыку, так музыку...

Глубоко вздохнув, я на мгновение закрыла глаза, сжимая пальцами руль. И повторяя про себя как мантру «Всё будет хорошо», завела двигатель, выезжая с обочины на трассу. Ничего, как говорил один знакомый по сети мастер слов, интриги и изысканных украшений, в тонком, эльфийском стиле...

Перевернётся ещё на моей улице грузовик с печеньем и личной жизнью! И обойдёмся в этот раз без всяких там байкеров. Правда, ведь?

Правда?...

Грохот в коридоре разнёсся по дому гулким эхом, с оттенками явно металлического скрежета. Отвлёкшись от плетения особо заковыристого узла на кожаном ремешке, одной из составляющих будущего наруча, я с любопытством глянула на продолжавшую спать в кресел-качалке Марью.

Ребёнок, за пять дней получивший шикарный загар дачника, познавший всю прелесть крапивы и замучавший гуся Гогу до состояния ручного любимца, только вздохнул тяжело и перевернулся на другой бок, продолжая спать. А значит, к происшествию в женском доме моя маленькая Царевшина не имела никакого отношения...

— Мил человек, а позвольте уточнить, это что так громко упало? — вкрадчиво поинтересовался у неизвестного мне лица мелодичный, довольно высокий женский голос.

— Кхм... Эт моя кольчуга упала... — извиняющимся тоном откликнулся, как оказалось, Варяг. И голос у моего друга-ролевика был такой заискивающий, что я сразу поняла, Валька умудрился нарваться на хозяйку женского дома.

А если уж совсем конкретно, то на свою зазнобу леди Вал, на этой ролёвке отыгрывающую роль северной княгини Хельги.

— А что ж она так громко падать изволила? — с лёгким удивлением поинтересовался леди Вал, явно пытаясь не рассмеяться.

— А я из неё выбраться того... Не успел...

— Беда-беда, огорчение... — тяжело вздохнув, суровая воительница тут же взяла незадачливого парня в оборот. — Ну коли вы посетили нас ни свет ни заря, помощниц моих перебудили да перепугали... То выбирайтесь из своей кольчуги и в качестве искупления, дуйте дрова рубить. А то печи ещё не топлены, подданные мои и гости не кормленые, кони не доенные...

— Кони?!

— Ну подумашь, оговорила... Коровы конечно же, коровы. Так что нечего тут разлёживаться, дела великие ждут вас, храбрый викинг! Вперёд!

— Ну Вал...

Тихо фыркнув, я вернулась к работе, игнорируя привычный уже шум пробуждающегося дома. И принялась переплетать криво получившийся узел, вспоминая как я вообще оказалась в этом филиале местного дурдома.

Думала ли я, когда ехала по указанному Варяг маршруту, что окажусь в небольшой, ухоженной деревеньке, где ушные ролевика арендовали несколько домов на ближайший месяц? И встретят меня не уставшие, изъеденные комарами и прочей лесной нечистью парни и девушки, с фанатично горящими глазами, а вполне себе весёлые, ухоженные, опрятно одетые люди, живущие по целому своду законов и традиций?

Конечно... Нет. И тем приятнее было ошибиться по всем пунктам сразу, оказавшись принятой в эту пёструю, шумную компанию с распостёртыми объятиями.

Да, они все поголовно увлекались фентези, спорили о достоинствах и недостатках эльфийского оружия, о магии и способах уничтожения нежити и нечисти. Но это были именно что люди увлечённые, а не повёрнутые на выдуманном мире. Как это ни странно под одной крышей вполне спокойно уживались фрилансер, установщик окон и банкир. И ничего, что здесь они оборотень, некромаг и вампир.

Так, периодически кто-нибудь из них пытается героически помереть от рук товарищей, а потом вместе с ними же песни у костра горланит сидит, да анекдоты травит. Исключительно на фэнтезийную тему, кстати.

Пальцы привычно натянули полоски из нарезанной кожи, переплетая их между собой, действуя спокойно, не торопясь. Точно так как учил скобяных дел мастер Травомир, известный среди ролевиков как ценитель травяных настоев. За что, кстати, и получил такое имя. А пока руки выполняли доведённые уже до автоматизма движения, мысли шли своим чередом.

Как я добралась до деревни и места стоянки ролевиков — это отдельная история. Половина пути просто выпала из памяти, и остановив машину возле деревянных ворот нужного мне дома, я тихо порадовалась, что всё обошлось без происшествий. А потом у меня просто не было времени, что бы думать об этом. Вышедший их калитки Варяг схватил нас с Марьей в охапку, закинул вещи на плечо и повёл знакомиться с народом.

Вся эта честна компания, живущая в своём особом, обособленном мире, объединённая одной страстью и общими интересами, нашим явлением оказалась не удивлена. Словно у них на пороге каждый день появляются зарёванные девицы, с ребёнком на руках. Зато обрадовались как родным и тут же затащили в свой круг. Приютили, накормили, обогрели, переодели, отвлекли традиционными, как оказалось, вечерними байками да напоили душистым травяным настоем. И даже не спросив, кто я, откуда и зачем, приняли в свои ряды, поселив в женском доме, под крыло к той самой, несравненной леди Валькирии.

Вот такая вот большая, разношёрстная семья, быть частью которой, как показала практика, пусть и безумно, но интересно и хорошо.

Усмехнулась, затянув потуже узел на конце плетёной косы. И осмотрев получившееся творение критическим взглядом, отложила его в сторону, потянувшись и разминая затёкшую шею пальцами. Леди Валькирия, в миру больше известная как Ольга Николаевна Зимина учитель начальных классов в обычной общеобразовательной школе, оказалась личностью деловитой и занятой.

К росту выше среднего, под метр восемьдесят, прилагалось хрупкое телосложение и тяжёлая рука, от удара которой порою гнулась латунная перчатка, в которую та была закована. Вздёрнутый нос, холодные глаза с гетерохронией, тонкие губы и мягкие черты лица, сглаживающие суровое нордическое выражение оного. Светлые волосы, со специально прокрашенными седыми прядями, длинной до попы и нелёгкий характер шли в комплекте, делая образ воительницы севера как никогда приближенным к реальности.

Впрочем, Хельга, неприступной была только с виду, да и то не для всех. Она обожала сладости, совершала неизменный ночной дождор ровно в три часа тридцать три минуты ночи, обладала каверзным чувством юмора и зачастую жила по принципу подстебни ближнего своего, пока он не подстебнул тебя. Искренне любила детей, хотя не стеснялась называть своих учеников олухами и балбесами, с радостью возилась с Маней, вовлекая её в развивающие игры и чудила, наравне со всеми ролевиками.

И знаете... Глядя на леди Вал я понимала, почему Варяг вокруг неё уже который год, как выяснилось, круги наматывает. Спокойный и флегматичный Валька и строгая, но кипящая энергией Ольга составляли на диво гармоничную пару.

Правда, ругающуюся так, что порою стены дрожали, но всё-таки пару!

— Спит? — обернувшись на тихий шёпот, сдобренный широким, неучтивым зевком, я улыбнулась Ёлке, местной целительнице и травнице, известной так же как Кожухова Елена

Петровна, фельдшер со скорой помощи, тридцати лет от роду.

Босая, со стоящими дыбом волосами, заспанным лицом и следами от чернил на носу, она спустилась со второго этаже, пытаясь не запутаться в подоле ночной рубашки. Глаза открываться у нашего лекаря отказывались напрочь с подъёма в восемь утра и ровно до полудня нового дня. Все четыре часа до него она жила по принципу свежее поднятого зомби, у которого было всего одно желание — прислониться к ближайшей твёрдой поверхности и вздремнуть минуток так шестьсот.

— Спит, — так же тихо откликнулась, с мягкой улыбкой глядя на мирно сопевшую Царевিশну.

— Слава богу, — довольно выдохнула Ёлка, снова душераздирающе зевнув. И медленно, пошатываясь, добрела до облюбованного мною стола, рухнув на свободный стул и уронив голову на скрещенные на столешнице руки. — Убейте меня, я обещаю не воскресать.

— Опять? — беззлобно фыркнув, я вытащила металлическую фурнитуру и наброски орнамента, сделанные мной вчера на скорую руку. Положив перед собой одну деталь, постелила поверх неё кальку, затем приложила сам рисунок и принялась острым стилем переносить узор для будущей гравировки. — Слушай, Ёлка, ваши околонучные теории когда-нибудь доведут вас до греха, чует моя печень.

— Моя уже нифига не чует, моя уверена на сто процентов, — буркнула целительница, не поднимая буйную голову. И снова зевнула широко, пробормотав. — Но должна же была я доказать этому чёртову подборнику кладбищ и погостов, что его теоретические выкладки о переносе души в тело посредством тёмного ритуала из книги по высшей некромантии не верны и требуют...

— Ёлка-а-а, — хохотнула, лукаво глядя на сонную, недовольно ворчавшую себе под нос Ленку.

— Да ладно тебе, Варь, — хмыкнув, девушка приподняла голову и сощурилась. Потёрла заспанные глаза и, в который уже раз, чуть не вывихнув челюсть во время зевка. Ей богу, скоро уже и я приму участие в ставках на то, когда сей знаменательный миг уже случится. — Ещё неделя в нашем обществе и ты сама погонишь кузнеца доказывать все его теоретические выкладки на тему влияния процентного соотношения металла в артефакте на его магические свойства!

— Я это даже выговорить не смогу, язык узлом завяжется, — честно признала, убирая бумагу и кальку, отложив стил в сторону. И разглядывая то, что получилось. Узор немного повело, что было неизбежно, учитывая, неровную поверхность детали, но это можно будет исправить при нанесении самой гравировки, да.

— Как завяжется, так и развяжется, — отмахнулась Ёлка и сладко потянулась, что бы снова устроится на столе, закрыв глаза и довольно вздыхая. И когда я уже подумала, что наш целитель всё-таки умудрилась снова заснуть, она совсем не сонным голосом поинтересовалась. — Со своим-то рыцарям мотора и дороги поговорила или всё ещё телефон в режиме доорись до ближайшей вышки?

Я от неожиданности чуть стилом себе палец не пропорола, ладно успела вовремя руку отдернуть. И хмуро глянула на продолжавшую мирно дремать целительницу. На Ёлку мои укоризненные взгляды не произвели никакого впечатления, она только поёрзала, устраиваясь поудобнее и продолжила кемарить, наслаждаясь последними минутами тишины в доме.

Так уж повелось, подъём в восемь, а собираются все на завтрак в десять. В доме

проживало пять женщин, не считая нас с Марьей. Ёлка — целитель, невысокая, с хитрым, лисьим выражением лица и ярко-зелёными волосами, отдающими синевой. Иринка — недобитая эльфийка странных кровей, тихая, романтичная, вся такая воздушная и слегка не от мира сего. Марго — ведьма чёрная с котом породы сфинкс и дурацкой привычкой курить трубку. Степанида — ведьма белая, светлая, с отдающим кладбищенским душком юмором и псом породы маламут. Ну и, собственно, Хельга, она же Ольга, она же леди Вал, суровая воительница и княжна севера. У каждой была своя история попадания в компанию ролевиков, свои тайны, свои тараканы и своя жизнь, о которой не больно-то кто любит распространяться.

Наверное, подсознательно понимая это, я смогла всё рассказать лишь леди Вал да Ёлке, отпаивавшей меня успокоительными настоями. В них чувствовалось что-то близкое, что-то родное и своё. Вот только теперь они по очереди подкалывали меня порою и ненавязчиво напоминали, что надо бы позвонить да поговорить. И я бы с радостью, но...

— Трусиска зайка серенький... — пропела Ёлка себе под нос, даже голову не поднимая.

— Иди ты... К любителю мертвяков своему, — вздохнула, отложив в сторону инструменты и встала, подхватив лежавшую рядом на скамейке шаль. И накинув её на плечи, вышла на веранду, укутавшись в платок, обхватив себя руками за плечи.

Здесь было прохладно, даже зябко. Чувствовалось приближение осени, ещё почти незаметное, но уже ощутимое. Прохладный ветер скользил по босым ступням, заставляя поёжиться. Пахло свежескошенной травой, где-то за домом кто-то рубил дрова, за забором гомонили соседи, то ругаясь, то обмениваясь колкими шуточками. Самобытность этого места, обособленность его и удалённость от города, создавали иллюзию другого мира. Мира, где нет проблем, нет никаких забот и всё, что с тобой случилось, остаётся за границей этого нового, сказочного мира.

Одна беда, проблемы-то от этого никуда не деваются. Как бы тебе этого не хотелось, на самом-то деле.

Вздохнула, прислонившись к перилам и прикрыв глаза, подставляя лицо косым солнечным лучам. Приехав сюда я сутки пребывала в состоянии прострации, то начиная смеяться, то плакать, то болтая без умолку, то закрываясь. Девушки на это смотрели-смотрели, а потом плюнули на все возражения, как мои, так и Варяга и утащили меня на шабаш. Варили «зелья», кликали водяных и кикимор, гоняли заблудшую в кустах русалку из тех, что за айфон душу продадут, сигналят через костёр...

И кружась с ними в этом водовороте странных для меня событий, я чувствовала, как меня отпускает. А потом, за вечерними посиделками на кухне, с добродушно улыбающейся и зевающей Ёлкой, хмурой и скептической Хельгой, я и рассказала им всё, что случилось. Без особых подробностей, да, но всё же основную суть девушки уловили, выслушали и пару дней меня не трогали, давая возможность прийти в себя, успокоиться, проникнуться окружающей атмосферой.

После чего посоветовали не маяться дурью и поговорить со своим рыцарем, как они дружно окрестили Кошея. Потому как влюблённость влюблённостью, но она была до того, как мы познакомились. И сами поступки байкера говорят куда красноречивее всех слов разом. Он ведь со мной сбежать собирался, если суд не в нашу пользу решение примет, что мне ещё знать-то надо?

— Ох, дуры мы, бабы, дуры... — пробормотала себе под нос, прислонившись головой к

одному из столбов, подпирающих крышу. И вздохнула, укутываясь плотнее, переступая с ноги на ногу, но не спеша возвращаться в дом.

Да, глупо было срываться с места, ехать неизвестно куда, подвергая опасности не только себя, но и собственную дочь. Но зная свой характер, местами паршивый и жутко упёртый, я прекрасно понимала: останусь — сожгу все мосты к чёртовой бабушке, не оставив ни себе, ни Ромке даже мизерного шанса на хоть какое-то будущее. Есть у меня такая черта, на эмоциях ковырять до последнего, биться головой об стену, но разрушить всё до основания.

Бывает. Никто не идеален в этом мире, как бы не утверждали обратное наши доморощенные, диванные психологи. И будь ты хоть трижды отважной и ответственной матерью, никто не сможет сказать, как ты поведёшь себя, когда тебя захлестнут с головой эмоции, и сорвёт последние тормоза.

Слава богу, что в этот раз всё обошлось, и мы отделались только лёгким испугом. Теперь осталось всего ничего... Поговорить с Кощеем и либо подтвердить, либо развеять все свои сомнения. Но...

Чёртово, проклятое «но», всегда выползающее там, где его не надо бы!

Я действительно «трусиска, зайка серенький». Я банально, совершенно по-глупому, по-человечески боюсь. Боюсь включить телефон, набрать знакомый до последней цифры номер и...

Не слышать ничего в ответ. Или услышать. То, после чего любые попытки быть вместе будут бессмысленны и бесполезны. Услышать, что мы не нужны, что я всё себе придумала. Сама придумала, сама обиделась, сама всё разрушила. Глупо, да. Но ничего не могу с собой поделать.

Может, последовать совету Марго и принять на грудь для храбрости, а потом уже позвонить?

— Варька, заканчивая пугать гусей своим бледным видом и заманивать собак свои костями, — выглянувшая на веранду Хельга недовольно нахмурилась, заметив меня в одной пижаме и пуховом платке, босиком на холодных досках. — Мать, ну не трави мою педагогическую душу! Ей богу, простынешь — сдам Ёлке со Стешкой на опыты! А ну, кыш в дом, буди Марью, собирайтесь и завтракать!

— Слушаю и повинуюсь, княже мой княже, — фыркнув, покорно поплелась обратно в дом, решив про себя, что обязательно позвоню Ромке. Позвоню и мы всё обсудим.

Вечером. Когда все спать лягут и у меня будет хоть какое-то подобие уединения. А то с любопытными дамами на хвосте поговорить по душам с любимым мужчиной не получится просто по определению. Замучают советами, подколами и шуточками.

Я сама-то научилась их понимать и принимать только после трёх дней интенсивного общения, а для неподготовленной психики это будет стресс. И неизвестно удастся байкера из него потом вывести или такое количество виски он всё-таки не сможет выпить.

Но как говорят в народе, хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах!

Мирный и неспешный завтрак в женском доме, когда не проснувшиеся ещё толком девушки зевая и периодически роняя что-нибудь из столовых приборов, обсуждали планы на день и возможность проведения какого-то особого магического ритуала, нарушило явление Варяга народу. Ввалившийся почему-то в окно столовой на первом этаже блондин выглядел встрепанным и местами пожёванным, причём в прямом смысле слова. Он щеголял соломой в волосах и довольно впечатляющим финалом под глазом, которого вчера на лице Варяга не

наблюдалось вовсе. И так широко и довольно улыбался, что мрачная Стешка, не любившая утра от слово совсем, молча перекрестила парня и выдала угрюмо:

— Сгинь, нехристь. Не порть нам карму своей счастливой рожей!

— Может его того... — задумчиво протянула сидевшая рядом Марго, набивавшая трубку табаком из кисета на поясе. — Отворот? Приворот? Заговор? Порча?

— Может завтрак пройдёт хоть раз без планов по захвату мира? — страдальчески вздохнула Ёлка, возя ложкой в тарелке с добротной сваренной на молоке овсянкой, сдобренной свежими ягодами малины и черники. — Честное слово, на следующей ролёвке выпну вас в лагерь Чёрных, что б разлагали противника морально, теребили материально и психологически убивали все надежды на победу.

— Дя, — подтвердила Маня, уплетая свою порцию завтрака за обе щеки. Девушки тихо рассмеялись, умиляясь над этой картиной. Я только головой покачала, медленно цедя травяной чай. Что поделать, обаяние мелкой действовало на всех, без исключения.

И на суровое сердце ледяной воительницы, и на мягкую душу ершистого лекаря и даже на чёрствые сердца потомственных ведьм. Маню обожали все, кроме, пожалуй, Ирины. Не понять какие мысли бродят в остроухой голове не мог никто из присутствующих, предпочитая принимать поведение почти эльфийки как должное.

— Что случилось, воин, что тебе в голову взбрело нарушить покой моего дома в такой неурочный час? — леди Вал и бровью не повела, продолжая филигранно нарезать поджаренную колбаску на своей тарелке. — Или опять куры подняли бунт, не желая расставаться с частью насеста, который вы, умники, на дрова пустить изволили?

Варяг на это только фыркнул. И встряхнувшись как огромный большой пёс, улыбнулся во все тридцать два... После чего огорошил всех сидящих внезапной новостью. Новостью от которой леди Вал подавилась квасом, закашлялась и некультурно поминала чью-то дальнюю родню до пятого колена, Ёлка сетовала о том, что у неё нет такого запаса лекарства, а эльфийка Иринка радостно хлопала в ладоши, вопя во всё горло «Турнир, турнир!». Остальной честной народ её энтузиазма не разделял, хотя и заметно оживился услышав сию новость.

И только я откровенно говоря не понимала, что тут происходит. О чём и сообщила сидевшей рядом со мной Марго, вертевшую трубку в тонких пальцах с алчным алым маникюром. При ребёнке ведьма не курила из принципу, заявляя, что травится или нет в будущем будет личный выбор Мани, а не её ведьмовское тлетворное влияние.

— Есть тут у мужиков традиция такая. Выяснить, кто из них сильнее, ловчее, быстрее. Выясняют, сражаясь друг с другом. Кто на кулаках, кто на мечях, а иногда чередуя и то и другое. И победитель вправе выбрать среди нас официальную пару себе на всю ролёвку. Ничего криминального, не подумай, — фыркнула Марго, увидев моё скептическое выражение лица, и закусила мундштук. — Заботы по общему дому, там, помощь, поддержка в турнирах и играх. Ну и всё такое. Занятно, кстати, что сколько турниров не было, ни разу нашу ушастую не выбирали. Вот от слова совсем! И почему это, интересно...

— Вот уж действительно... — хмыкнув, я вернулась к завтраку. И задумавшись о том, как буду собирать наручи, выпала из обсуждения подробностей предстоящего турнира. А сдав Марью под ответственность Аглаи, деревенской девчонки, что с компанией ребяташек регулярно навещала ролевиков, и вовсе потеряла счёт времени, погрузившись в работу. Только иногда порывалась всё же сбегать до комнаты за телефоном, но вовремя одёргивала себя, возвращаясь к гравировке и полировке деталей будущего изделия.

Вечером, всё будет вечером... Во всяком случае, я в это действительно верила. И поэтому очень удивилась, когда в восемь вечера, стоило мне уложить мелкую спать, девчонки схватили меня под локти и потащили наряжаться. Не обращая никакого внимания на мои вялые попытки сопротивления.

То, что меня обрядили в длинное платье в пол, с широким, плетённым поясом под грудью и короткими рукавами до локтя, я ещё кое-как вытерпела. Хотя не могу не признать, что тёмно-синяя, ближе к чернильному цвету, ткань приятно льнула к коже, струясь вниз по ногам, а широкая юбка не мешала при ходьбе, создавая такой непривычный образ хрупкости и женственности. Затем мне выдали лёгкие балетки чёрного цвета, нацепили на запястья широкие браслеты, с мелкими колокольчиками и подвесами и принялись расчёсывать волосы, распутывая наспех собранную с утра косу. И не отпускали до тех пор, пока волосы не легли шелковистой волной до самой пятой точкой, с тонкими косами, затерявшимися между основной массой, перевязанными яркими синими атласными лентами. Но когда Марго попыталась меня накрасить, я всё же взбунтовалась, наотрез отказавшись от косметики. Только глаза чуть подвела, сдавшись на милость умоляющим взглядам прыгавшей вокруг меня Ёлки. И поспешила скрыться от них, пока они не придумали ещё что-нибудь мне во благо и для красоты.

На понимающую усмешку леди Вал я только рукой махнула, вновь усевшись за отданный мне на откуп стол и принявшись доводить до конца начатую полировку уже выполненной гравировки. Как показала практика, с жительницами женского дома спорить было непродуктивно. Особенно, когда они действовали заодно!

— Хельга, твой черёд! — свесившись через перила, прокричала со второго этажа Стешка, щеголяя чёрным платьем с глубоким декольте. И то, что она вроде как светлая ведьма её ни капли не смущало.

— Нет, — воительница сдвинула брови, роясь в огромном сундуке, вытащив оный в центр комнаты.

— Да!

— Хочешь, объясню всё на пальцах?

— Пугаешь ведьму неприличным жестом? Фи такой быть! — и компания девушек скатилась по лестнице со второго этажа, что бы унести воительницу в неизвестном направлении. Возмущённые вопли леди Вал ещё долго сотрясали стены и я тихо, мирно порадовалась, что ещё легко отделалась, соединяя плетёные кожаные косы по специальной схеме, отнятой в неравном бою у оружейников. О том, что бы подняться в комнату за телефоном сейчас и речи не было.

Вновь оказаться в руках девчонок я не горела желанием от слова совсем и надеялась, что под шумок и в вихре забот о моей скромной персоне забудут. Участь наблюдать за турниром была привлекательна, с определённой точки зрения, но возможность оказаться чьей-то парой меня несколько напрягала. И я искренне надеялась, что если не привлечь к себе внимания, то раззадоренные и предвкушающее знатное зрелище ролевики обо мне благополучно забудут.

Ага, как бы не так! Леди Вал в компании Ёлки лично вытащила меня из-за стола, взяла под руки с двух сторон, и повели за собой, идя следом за распеваящими не самые культурные частушки ведьмами в сторону пруда. Марго и Стеша ради такого мероприятия раздобывшие где-то остроконечные шляпы и расчехлившие свои боевые посохи, украшенные искусной резьбой, шагали уверенно и гордо. Что совершенно не вязалось с содержанием

исполняемых ими текстов. Бредшая чуть в сторону Иринка косилась на них недовольно и бурчала что-то под нос, прижимая к себе самодельную арфу.

Но на неё уже никто не обращал внимания, спеша занять самые лучшие места для наблюдения за турниром. Эльфийке её странности прощали, хотя особой теплоты со стороны остальных я к ней так и не заметила.

Местом сбора была выбрана вытоптанная большущая поляна возле пруда. С одной стороны был край деревенский и огороды, с другой лес, где и проводились основные игры и сражения. А здесь возле пруда народ собирался на пиры, просто вечерние посиделки и чисто народные гулянья, куда не гнушались приглашать и деревенских жителей. Те, кстати, охотно участвовали в веселье. И сейчас, глядя на разношёрстную толпу, я отметила и пенсионеров, у которых тут дачи были, и молодняк, приехавший в гости к родне. Все они чинно расселись по дальним, грубо сколоченным лавкам, притащив с собой, кто семечки, кто чипсы и явно намеревались хорошо провести время.

Вздыхнув, я едва заметно покачала головой, игнорируя комплименты в свой адрес от городских мажоров, взявшихся тут вдруг, откуда ни возьмись. На них же громко цыкнула Ёлка, отставшая от нас недалеко от поляны и нагнавшая только у самого края оной. Запыхавшись, целитель смахнула со лба прядь зелёных волос и водрузила мне на голову венки из полевых цветов, пряно пахнувший разнотравьем и лесом. Себе и Хельге она вплела в волосы за ухо ветку колокольчиков и купав, отмахнувшись от моих возражений. И полюбовавшись делом рук своих, утащила нас на первый ряд скамеек, аккуратно у самого края тренировочного поля, огороженного сегодня небольшими брёвнами. Я и пикнуть не успела, как оказалась зажата между весело хохотавшей Ёлкой и скупой улыбающейся Хельгой, вновь вошедшей в образ суровой княжны севера. Но стоило мне попытаться отвоевать хоть немного личного, как на меня тут же зашикали, призывая не мешать наслаждаться зрелищем, а на поляне тем временем началось само представление...

И у меня пропало всякое желание возмущаться и возражать.

Я не могу сказать, что это было красиво. Я не могу сказать, что это было профессионально, всё же для большинства участников боёвки и сражения на мечях были увлечением. Хотя и требовавшим держать себя в неплохой физической форме. Но то, что это было завораживающе и самобытно, это точно!

Сначала выступали наездники, демонстрируя основы джигитовки и свою слаженность работы с жеребцом. Кто-то без седла, кто-то в полном обмундировании. Один даже лихо размахивал шашкой, демонстрируя неплохую сноровку и выдержку. Что интересно у большинства участвующих мужчин нижнюю половину лица скрывала тёмная повязка, в отблесках костровищ делавшая их совершенно неузнаваемыми.

Следом вышли фехтовальщики, сойдясь в поединках на мечях. Тяжёлые полуторники и ятаганы сталкивались, высекая искры, под одобрительный свист и гомон толпы. Мы аплодировали и кричали, срывая голос до хрипоты. И беззастенчиво заглядывались на обнажённые торсы мужчин, пытаясь угадать, кто из них кто и кому же предстоит выйти победителем в этой борьбе.

Ни капли не огорчаясь, когда все наши предположения вспыхивали и рассыпались искрами, как догоревшее в костре полено. Лишь крики становились азартнее, шуточки острее, а смех жизнерадостнее. Я и не заметила, как меня захватила атмосфера происходящего, как ноги стали сами отбивать ритм барабанного боя, сопровождавшего каждое выступление участников турнира. Как пальцы сжимаются в кулаки, а в душе кипит

адреналин и нетерпение. И хочется вскочить от радости за удачно проведённый бой или всплеснуть руками, видя поражение приглянувшегося бойца. Это было...

Невероятно. И хотелось продлить ощущение праздника как можно дольше. Праздника, полного хмельного сидра и азартных ставок, праздника полного языков пламени, весёлого смеха и свободы, очищающей, окрыляющей душу и дававшее то самое, невероятное ощущение полёта, которое знает каждый художник и творческий человек. То самое щемящее чувство счастья и могущества, которое так редко удаётся достичь...

И тем желаннее оно становится.

— Смотри, смотри! — хлопнула меня по плечу Ёлка, указывая пальцем группу участников, подпоясанных широкими, чёрными поясами и скрывающих лица под повязками. — Сейчас будет самая зрелищная часть турнира! Бои без правил! Победители будут выбирать среди девушек себе пару! У-и-и-и!

— Ты чего? — прочистила ухо, глядя на целительницу, но та только отмахнулась, сунув два пальца в рот и залихватски оглушительно свистнув.

Я же, не без удовольствия, разглядывая мужчин с оголённым торсом, вышедших в центр поляны. Почему-то внимание привлекли двое. Высоченный блондин с татуировкой волка на спине и худощавого телосложения брүнэт, казавшимся неуместно хрупким по сравнению со своими противниками. Только было в нём что-то змеиное, какой-то стержень, что позволяло ему раз за разом выходить победителем в коротких, но зрелищных схватках.

Ещё в нём было что-то неуловимо знакомое, что-то такое притягательное, не дающее отвести взгляд. Но понять, почему я всё время пытаюсь найти его взглядом в толпе у меня так и не вышло. А после стало и не важно, когда ударом об медный таз, благополучно отобранный ролевиками у местного старьёвщика, объявили начало боёв.

Удар за ударом. Подсечки, молчаливый вызов, брошенный и принятый. Удар за ударом. Кувырок, нырок, промах и всё по новой. Взвиться или сохранить молчание в ответ на выпады противника — выбор только за бойцом, не больше и не меньше. Здесь не играют роли деньги, звания и положение в обществе.

Как как-то вскользь сказала Хельга, счёт в банке и дорогая тачка ничем не помогут против меча или арбалетного болта. Разве что будет прикольная эпитафия на надгробии, только и всего.

Приглянувшийся мне боец порою проигрывал по силе и массе своему противнику, но брал гибкостью, ловкостью и смекалкой. Он чётко следил за каждым шагом, за каждым действием своего соперника, явно определяя его слабый и сильные стороны. И пусть порою движения получались неловкими, а сам боец пропускал пару ударов то в корпус, то в челюсть, то в плечо, это не мешало ему вырывать у соперника победу раз за разом. А я сама того не желая, каждый раз невольно хлопала в ладоши, радостно и широко улыбаясь в ответ на вычурные поклоны и явное позёрство мужчины.

Не замечая понимающей, добродушной ухмылки леди Вал, неотрывно следившей за тем самым блондином, тихих смешков довольно улыбающейся Ёлки и того, что девчонки, как-то незаметно отсели подальше. Поэтому вздрогнула, когда внезапно оказавшийся слишком близко мужчина, лукаво подмигнул и щёлкнул меня по носу, тут же вернувшись в бой, к кричавшему что-то ему вслед противнику. И всё произошло так быстро, что я только удивлённо хлопнула глазами, не понимая отчего в душе разлилось предательское тепло и запомнив только то, что у незнакомца оказались притягательные тёмные глаза. Смутно знакомые, но...

Тряхнула головой, продолжая следить за боями, сжимая руки в кулаки так, что ногти впивались в ладонь. Отчего-то загадав на мелькнувшую в небе падавшую звезду, что бы победил именно этот таинственный незнакомец, закрывший половину лица повязкой с принтом из скрещенных костей на чёрной ткани. И искренне веря, что хотя бы это моё желание всё-таки сбудется, не смотря ни на что.

Бои набирали обороты, число выбывших участников увеличивалось. А та самая парочка бойцов, составлявшая казалось бы полную противоположность друг другу, уверенно шли к победе, выигрывая один раунд за другим. Не обращая внимания на кровь из разбитой губы и рассечённую бровь, на явно вывихнутое запястье и ушиб рёбер. Азарт, кипевший в крови, заставлял зрителей не обращать внимания на то, что дневной зной давно сменился сначала вечерней прохладой, а затем и первыми ночными заморозками, что уж говорить об участниках, танцевавших перед нами дикий, но от того не менее прекрасный в своей первобытности танец?

Сдаётся мне, они порою даже не ощущали ударов, сходясь друг против друга на утопанной земле. Бой барабанов дополнили тонкие, в чём-то надрывные звуки флейты, органично вплетаясь в рисунок поединка. И чем дольше я смотрела, тем завораживающее становились движение участников.

И тем неожиданнее было услышать, как по удару в импровизированный гонг обрывается мелодия, а на площадке остаются только двое. Тот самый блондин с татуировкой и брюнет, небрежно поправляющий так и норовившую сползти повязку. Наш знакомый вампир Георгий, сегодня исполнявший роль судьи торжественно и замогильно провыл о начале финального поединка, за право первым выбрать наречённую и поспешил смыться, пока ему не прилетело за компанию от кого-нибудь из бойцов.

Зрители замерли, в ожидании развязки турнира. Мерная дробь барабанов только усиливала напряжение, нагнетая обстановку. А парни стояли неподвижно, лишь иногда переступая с ноги на ногу, обмениваясь тяжёлыми, нечитаемыми взглядами. Что бы в одно мгновение сместиться в движении навстречу друг другу. Удар, ещё удар, блок, подсечка, снова серия ударов. И каждый раз они чередовали атаку с отступлением, словно шутя, играя друг с другом. Сознательно и без труда затягивая поединок, который, не смотря ни на что, так и не потерял своей неповторимой зрелищности.

Что бы оборваться внезапно, резко, под оглушительный, единый вздох толпы. Просто блондин провёл удар, не рассчитав замаха, а соперник пригнулся, ускользая, уходя от него. И одни чётким, выверенным броском повалив его на землю, рухнув следом и поднимая облако пыли над землёй.

Я вскочила на ноги следом за остальными. И засмеялась, хлопая в ладоши, когда обескуражено почесавший затылок вампир Гоша объявил... Ничью. А парни, посмеиваясь и явно что-то говоря друг другу, поднялись, пожимая руки и вскидывая переплетённые пальцы вверх в знаке победы. Под гром аплодисментов и радостный гогот зрителей, довольных и тем, как дрались парни и тем, как всё закончилось.

Похоже, ничья не обидела никого, а самая азартные ролевики, забившиеся в деревенскими, кто же выиграет в турнире, теперь пытались по-честному поделить собранную мелочёвку между всеми, кто участвовал в тотализатора. И на задних рядах разгорался жаркий спор, кто и кому больше должен. Я даже не вольно задумалась, оглянувшись на эту возню, как бы до драки не дошло. И пропустила тот момент, когда брюнет оказался прямо передо мной.

Он не стал ничего говорить. Всё, что я почувствовала, это прохладные, сильные пальцы, обхватившие моё запястье. И только недоверчиво, широко раскрытыми глазами смотрела, как на коже защёлкивается широкий, витой, серебряный браслет, с чёрным ониксом в центре и шёлковой тёмно-синей лентой, скользнувшей по руке вниз, до самого локтя. Но стоило мне открыть рот, просто поднять голову, как парня и след простыл.

Победивший боец скрылся в толпе, оставив меня в недоумении сидеть на скамейки и хлопать глазами, пытаюсь понять, что только что произошло. И... Что мне теперь делать-то?

— Варька, поздравляю! — Ёлка сграбастала в охапку и чуть не задушила в объятиях радуясь непонятно чему. — Варь, это ж кру-у-уть! Такой парень выбрал тебя своей наречённой! Я та-а-ак за тебя рада!

— Подожди... Что? — мотнув головой, я озадаченно уставилась на Ленку, чуть ли не подпрыгивающая на скамейке рядом со мной. — Какой наречённой?!

— Тыщ, ты чем слушала, Варвара-краса? — Хельга, возникшая рядом как из ниоткуда, крепко сжала моё плечо и ободряюще улыбнулась. — Ничья, два победителя. Брюнету выпало первым выбирать наречённую из свободных девушек, сидящих с венком на голове. И он выбрал тебя. Так что давай, поднимай свой зад со скамейки и вперёд, в шатёр, знакомится и праздновать!

— А... Что?! — подпрыгнув от неожиданности, я стянула венок с головы и бросила его в хихикающую целительницу. — Ты специально, да?!

— Да, — довольно фыркнула Ёлка и пихнула меня локтем в бок, кивая в ту сторону, куда смылся один из победителей. Второй, в котором я с удивлением опознала Варяга, стоял рядом с Хельгой, и широко, довольно улыбался.

И леди Вал только шурилась лукаво, поглядывая на него из-под упавшей на глаза светлой чёлки. Цветы, вплетённые в её волосы, успели куда-то пропасть.

— Не пойду, — покачала головой, скрестив руки на груди. Браслет неприятно охлаждал кожу и в тоже время жёг, вызывая противоречивые ощущения. С одной стороны было притягательно и приятно, что выбрали именно меня. Тут девушки и покрасивее были, и без приключений, прилагающихся в комплекте.

С другой, мне даже временный спутник жизни не нужен, особенно ролевик. Байкера с его тараканами за глаза хватит, что бы жизнь мёдом не казалась. Зачем мне ещё кто-то, если я влюбилась безответно и навсегда в самого Коцея? И даже боюсь представить, что будет, если окажется, что я ему уже не нужна.

— Пойдёшь, — леди Вал усмехнулась и дёрнула меня за руку, поднимая со скамейки. Развернула в нужную сторону и толкнула в спину, приложив тяжёлой ладонью пониже спины. — Тебя это ни к чему не обязывает, но правила турнира есть правила турнира, Варька.

— Ага, — поддакнула Ёлка, вновь водрузив венок мне на голову. — И потом... А вдруг он получше твоего костлявого байкера будет, а?

— Да иди ты, — недовольно дёрнув плечом, я всё же побрела в сторону шатров, установленный на другом конце поляны.

Зрители постепенно расходились, потянувшись широкой рекой к накрытым столам у крайней деревенской избы. Там народ собирался отметить окончание мероприятия, плавно перетёкшее в весёлую, праздную ночь. Слышался весёлый щебет женщин, гогот парней и клятвенные заверения старожиллов, утверждающих, что вот они да в своё время и не такое могли показать. Вдалеке наездники катали понравившихся им девчонок и купали лошадей в

прохладной воде пруда. Раздались первые звуки гитары, неведомо откуда взявшейся скрипки и тесно переплелись с задорным ритмом барабанов и бубнов.

Я хмыкнула, лавируя между спешивших на застолье ролевиков. Широкая русская душа, пусть и отравленная острой иглой зарубежного и отечественного фентези, требовала отмечать и отдыхать с размахом. И деревенские жители с радостью присоединились к заезжим гостям, принеся с собой разносолы, мясо и свежие овощи и ягоды. Странные увлечения и развлечения приезжих не пугали вовсе, главное чтоб люди хорошие были, а чем они на досуге занимаются — это не их дело.

Возле указанной мне Ёлкой палатки столкнулась нос к носу с зарёванной девушкой, одетой в богато расшитый наряд. Она выскочила из неё, громко шмыгнув носом и пожелала неизвестному мне мужчине тридцать три несчастья, грозя сунуться к знакомой чёрной ведьме и приворожить его. Единственная ведьма в этой деревне, тем более чёрная, звалась Марго. И несметное количество желающих получить у неё приворот понравившихся мужчин посылала по очень известному адресу. Так что проводив взглядом несчастную, я остановилась перед полуоткрытым входом. Помялась немного, стискивая пальцы и оглядываясь по сторонам. После чего всё-таки глубоко вздохнула, нагнувшись и заходя внутрь палатки.

Что бы замереть на месте, закрыв рот ладонью и задохнувшись от неожиданности. Меня встретил слишком знакомый взгляд карих глаз. Холодный, равнодушный, незаинтересованный. Тут же потеплевший и наполнившийся ласковой нежностью, стоило разглядеть, кто вошёл в палатку. Мягкая улыбка сгладила угрюмое выражение лица. И преодолев разделяющее нас расстояние, один из победителей турнира, сдвинувший повязку на шею, заключил меня в крепкие объятия, уткнувшись привычно носом в волосы на затылке.

— Ты... — слова давались с трудом. Тонко всхлипнув, я обхватила его за талию, спрятав лицо на груди. — Ты...

— Вот ты и попалась, моя Варвара-краса... — хриплый, взволнованный голос согрел душу, разгоняя все мои страхи и сомнения. — Разве тебе не говорили в детстве, что Кощей свои сокровища не отпускает, а?

И прежде, чем я успела что-то на это ответить, он отстранился и крепко поцеловал меня, не давая и шанса освободиться или уйти. Да мне и не хотелось. Я тонула в этих родных, обжигающих, согревающих меня объятиях, в его нежности и страсти, в невесомых прикосновениях осторожных пальцев, пробегающих по спине в лёгкой ласке. Тонула и не испытывала по этому поводу никаких возражений.

Кто сказал, что для счастья нужно обязательно влюбиться в принца? Порою куда лучше оказаться самым ценным сокровищем для нелюдимого, молчаливого Царя Кощея. Особенно, если ради тебя он пойдёт на всё, что угодно: на преступление, на обман, на шантаж...

И на участие в турнире чокнутых ролевиков. Вот же...

Бякер! Мой бякер...

Три года спустя...

— Это не справедливо... — надувшись, как мышь на крупу, бухтела Солнцева, примостившись на краю кушетки.

— Что именно? — устало вздохнув, я откинулась на подушки, тепло улыбаясь сопевшему на груди малышу. Тёмный, с завихром мягкого пушка на затылке, сына причмокивал пухлыми губами и забавно морщил нос.

Чем очаровал добрую половину санитарок, медсестёр, суровых врачей из дежурной бригады и девчонок, прибывших проведать нас на следующий день после родов. Как компании милых, хрупких и, чего уж греха таить, скандальных барышень удалось обойти все правила и законы, я не имела ни малейшего представления.

Да и не особо-то хотела знать, если честно.

— Вот это, — рыжее Чудовище, прозванное так отнюдь не за красивые глаза, ткнула пальцем в сторону малыша. — Он ещё говорить не начал, а я его уже люблю! И не я одна! Как так-то?!

Тихо засмеялась, качая головой, осторожно глядя маленький пальчики, настойчиво сжимающие в кулаке прядь моих волос. И наклонившись, мягко коснулась губами его лба, зажмурившись и чувствуя, как стекает по щеке слеза. Мне ведь даже гадать, на кого он больше похож не нужно.

Такую трепетную любовь к моей несчастной косе только его царское величество Кощей проявляет. Всё время норовит хотя бы самый кончик в руке удержать. И не важно, что я об этом думаю.

— Смирись, Чудище ты наше, — хмыкнула Станислава, в отличие от остальных оставшаяся стоять в дверях. — У Варьки дети обладают просто убийственным обаянием... До которого тебе, недоразумение лохматое, ещё расти и расти!

— Э-э-эй!

— Анют, Стася, тише, — Арина, устроившаяся на свободном стуле, укоризненно посмотрела на подруг, работая неизменной совестью и у обеих сразу. — Разбудите ведь...

Я на это только хмыкнула, вспоминая, как Марья дрыхла первые сутки так, что можно было салют над ухом запускать — не добудишься. И снова посмотрела на Белку, так и не сумевшую войти в палату и нервно прикусывающую губу, тиская в руках большого, плюшевого кота.

Невысокая, миниатюрная, в неизменном байкерском прикиде и взлохмаченными волосами, Стаська казалась тут лишней. И чувствовала себя таковой, переминаясь, порою с ноги на ногу и украдкой оглядываясь назад. Смотрела с тоской на меня, вздыхала и усиленно притворялась сильной, негибаемой личностью. Но я видела, как подозрительно блестят её глаза. И приподнявшись, поманила её пальцем:

— Иди сюда.

— Я?! — неподдельно изумилась Станислава, на всякий случай, повертев головой в разные стороны. — А... Надо?

— Надо, — я улыбнулась чуть шире, старательно сжевивая зевок в кулак, и вскинула бровь, неосознанно копируя фирменный жест Эльзы. — Или ты боишься?

— Да тьфу на вас, — нахохлилась байкерша, осторожно приближаясь к кровати. — Я

смотрю, кто-то нахватался уловов у нашей Ледышки... Чему бы хорошему у неё научились!

— Мне уголовный кодекс ни к чему, — улыбнулась, кивая головой, что бы она подошла поближе и приподнимая мелко. — Я пока убивать никого не собираюсь. А налогообложение и бухгалтерский учёт не её профиль. Держи, аккуратнее...

И пока Стася хлопала глазами, открыв рот и не зная, что сказать, я положила ей в руки сопящий комочек, ласково пройдясь пальцами по его щеке. Глянула на замершую в нелепой позе девушку и добавила, вновь откинувшись снова на подушки:

— Привыкай, Белка. Крестник же...

— Я... А... А?!

— Ага, — всё же не удержалась и зевнула, прикрыв рот ладонью. И смешно фыркнула, сдувая прядь волос с носа. — Ты же не откажешь такому милому молодому человеку?

Замершая неподвижно девушка закрыла на пару мгновений глаза. Потом тихо всхлипнула и кивнула головой, прижимая к себе моего сына, укачивая его в объятиях, касаясь невесомо вихрастой макушки и улыбаясь. Сквозь слёзы, стекавшие по щекам, молча, но всё же улыбаясь.

Я только головой качнула, ткнув прикорнувшую под моим боком Солнцеву локтем. Та недовольно засопела, приоткрыв сонные глаза и всем своим видом говоря о мировой несправедливости вообще и моей же чёрствости в частности. Но сообразив, что от неё требуется, сползла с нагретого места, уступая его всё ещё осознающей, что произошло Стаське.

— И нет покою мне ни днём, ни ночью, — тяжело вздохнув, Анька присвоила себе оставшийся свободный стул и принялась на нём раскачиваться, сетуя на свою незавидную долю. Арина в ответ на это бухтение только тихо посмеивалась, то и дело, кидая встревоженные взгляды на мирно спавшего ребёнка. А я, глядя на пристроившуюся рядом Стаську, положившую голову мне на плечо, на по-прежнему сладко сопевшего сына, на вредную Солнцеву и смущённую Арину, только головой покачала, вспоминая, как же всё так получилось-то...

Тогда, стоя в палатке, греясь в руках Кощея, я не думала ни о чём. Надо было поговорить, надо было всё объяснить, всё выяснить и понять. Но не хотелось. И я просто, молча, наслаждалась моментом, позволяя баюкать себя в таких родных объятиях. Отвечая на лёгкие поцелуи, ласковые прикосновения и в кои-то веки живя одним единственным днём.

Это потом была ночь без сна, трудные слова и горькие признания. Ромка мне и слова вставить не дал, пока не рассказал всё до конца, а потом с упрямой неуступчивостью заявил, что у меня нет ни единого шанса, никакой надежды на то, что и в этот раз он будет только вздыхать украдкой издалека.

Не-е-ет, так Варвара-краса, дело не пойдёт точно. Не совсем точная цитата, но примерно так высказался Ромыч, на мои вялые попытки что-то возразить. И знаете, мне, глядя на него, даже из чистого принципа спорить перехотелось. Я вздохнула, покачала головой и поцеловала его в ответ. В конце концов, мы оба далеки от идеала, оба со своими страхами и ошибками за спиной...

Прошлое надо оставить в прошлом, и гори оно синем пламенем.

Впрочем, самое веселье началось позже, когда мы вернулись в город, в компании леди Вал, Варяга и Ёлки, прихватившей своего любимого некроманта. Как оказалось, некромант-то в жизни работал травматологом, обладал специфичным, как и все врачи, чувством юмора, отзывался на имя Егор и каким-то чудом умудрялся выдержать всю бешеную энергию своей

спутницы.

Ну так вот. Попрощались мы на вокзале, договорившись обязательно встретиться как-нибудь потом. Варяг клятвенно заверял, что все заказы приготовит в срок, а леди Вал, скептически слушавшая его обещание, только вздохнула, добавив, что проследит за ним. Подцепила под локоть и утащила вдаль, под наши дружные смешки. После чего и мы с Кощеем отправились домой. Точнее, отправились бы...

Если бы не встал вопрос, что именно считать домом. Кощей настаивал, что бы мы с Маней переехали к нему. Я отказывалась, прекрасно понимая, что так сразу мне там себе мастерскую не обустроить. Да и потом, привыкла я жить одна и что-то менять, да так резко не хотелось. И кто бы сомневался, что, не придя к консенсусу, мы тут же поругаемся?

Хохотнула, прислонившись виском к лохматой макушке Станиславы. Так и спорили мы на эту тему, больше года курсируя с одной квартиры на другую. Попутно я знакомилась с бандой, их жизнью и деятельностью клуба, наотрез отказавшись работать в нём. На все уговоры, вопросы и возмущения отвечая неизменным и спокойным, что у ребёнка должен быть хоть один родитель с нормированным рабочим днём.

И почему-то на этом все возражения и аргументы как-то внезапно заканчивались, под понимающие смешки Эльзы и Аньки. Оба администратора присутствовали при каждой попытке переманить меня на тёмную сторону зла и активно спорили о том, хватит ли парням одного убеждения или стоит всё-таки прикупить печенек. А по итогу вздыхали и признавали, что «бьякерам» до душики Сидиуса и лапочки Вейдера, как до Китая попластунски.

И отпаивали бедный кактус по имени Федя травяными настоями, ругая за запущенный алкоголизм и грозя ему циррозом горшка. В общем, в дурдоме всё как обычно, без перемен!

— Спасибо, — тихо шепнула мне Стаська, потёршись щекой о моё плечо и вздыхая.

— Да не за что, — тепло улыбнувшись, я вздохнула. Как ни странно, ближе всех я сошлась именно с Белкой. Колючей, как тот самый кактус, неуживчивой и резкой временами до зубного скрежета.

Но у Белки на такое поведение было своё личное, навеянное прошлым право. И только компания невозмутимого графа Дракулы и собственного, обожаемого сына, смогла сгладить острые углы. Не убрать, конечно, но всё же, как мне по секрету рассказали как-то, теперь со Стаськой общаться было в разы проще. А уж как она менялась в присутствии Макса...

Фыркнула, вспомнив про закадычного друга своей Царевитшны. Два мелкий террориста нашли друг друга, обзавелись при знакомстве парой синяков, а после оказались не разлей вода, пройдя испытание садиком, детской площадкой и парком аттракционов. И сейчас готовились пойти в первый класс, конечно же вместе. Ни Марья, ни Макс не соглашались расставаться, ни в какую. И, глядя на это дело, мы со Станиславой только плечами пожали. Время покажет, что из этой дружбы получится.

Правда, валерьянкой я всё-таки запаслась, подозревая, что отпаивать учителя мне придётся едва ли не первого же сентября. Белка в свою очередь запаслась коньяком, ради такого дела ограбив стратегический запас собственного старшего брата. Протестующие вопли последнего, она благополучно пропустила мимо ушей, назидательно заметив, что пить вредно!

Видели бы вы лицо Харлея при этом... Очередное фото на память было распечатано и любовно вставлено в рамочку со стразами и цветочками. И теперь ждало подходящего момента, что бы быть подаренным Ъжему и Онопату с наилучшими пожеланиями.

— Уснула, — тихо заметила Арина, заправляя за ухо прядь тёмных волос. И смущённо заметила. — Она, кажется, больше тебя переживала.

— Бывает, — вздохнула, скосив глаза на придремавшую байкершу. И хихикнула, лукаво подмигнув Аринке. — Пусть спит, Кавай-сан. Ей отдых не помешает, учитывая, что два мелких террориста на её попечении остались. А зная Марью... Вопросы когда, зачем, почему, как скоро и ну когда же... Приправленные фирменным взглядом «Кот из Шрека»...

Девчонки понимающе заулыбались, на собственном опыте пережив период вечных «почему» и разговорчивости от двух мелких пострелят. Анька даже прокомментировать собиралась, явно припомнив особо интересный момент. Но её прервал странный звук, раздавшийся со стороны приоткрытого окна.

Начавший повторятся с назойливой настойчивостью, постепенно приобретая черты хора пьяных в дюпель гопников с ближайшего района. Недоумённо почесав затылок, Анька прекратила качаться на стуле и отправилась на разведку, намереваясь тихим, незлым шёпотом послать этих явно маргинальных личностей по известному адресу. Что бы от удивления чуть из этого не окна и не выпасть, выдав сдавленно:

— Да ну на... Да ёбу... Да мать мою перекинь водорода, да об сульфат натрия!

— Ань? — встревожено позвала балансирующую лёжа животом на подоконнике рыжую, надеясь, что в её планы полёт со второго этажа всё-таки не входит. — Что случилось?

— А? — выровнявшись и оглянувшись на нас, Солнцева только вздохнула, тыкая пальцем куда-то в сторону продолжавшихся невнятных завываний. — Если что, я к этому не имею никакого отношения. И попрошу в случае моего внезапного попадания в родильное отделение, привязать всех мужиков далеко в лесу, оставив под надзором ОМОНа, братьев Араньевых и сурового патологоанатома, самого заместителя заведующего городским моргом! Потому как на такие поздравления я не согласная, ни в жизнь!

— Да что там такое-то? — недоумённо нахмурилась, попытавшись сползти с кровати, но явно переоценивая собственные силы. Как итог, немного сдвинулась влево, дав Стаске возможность забраться на койку с ногами, чем та и воспользовалась, сопя в унисон с мелким.

Вот только ответить мне никто не успел. На весь двор частной клиники грохнула с трудом опознаваемая, исполняемая заплетающимися языками и явно нетрезвыми людьми песня группы Би-2 «Варвара». Певцы запинались на полуслове, сдавались на букве «эр», матюгались вполголоса, но послушно завывали дальше. И всё бы ничего, но вот этот странный металлический скрежет и подбадривания на тему «Давай, Ромыч, жги!», ох как меня насторожили. А уж когда на подоконник приземлилась чья-то рука, со знакомым браслетом на запястье, напугав до икоты Солнцеву, у меня и вовсе не осталось никаких сомнений.

Ну, Кощей...

— Ариш, дай яблочко, — хмуро глядя на вторую конечность, зацепившуюся за подоконник, я ласково улыбнулась озадаченной девушке. — Не бойся, я просто витаминчиков хочу... Очень хочу!

— Держи, — взяв из вазочки на тумбочке у входа спелое, красное яблоко, Аринка принесла его мне, озадаченно поглядывая на попеременно то ржущую, то крестившуюся Солнцеву. Рыжая, увидев в моих руках потенциальный метательный снаряд, предпочла от окна отойти в сторону, присев на край стула Арины и явно приготовившись наблюдать за

происходящим из первых рядов.

Тем временем гость соизволил-таки подтянуться, явив нам свой счастливый и явно не самый трезвый лик. Кощей радостно улыбался, судя по взгляду готовый полюбить весь мир разом, идохнул таким перегаром, что даже мирно спавшая Стаська нос недовольно наморщила, зарывшись поглубже в одеяло.

— Варени-и-ик... — протянул эта жертва зелёного змия, пытаюсь забраться через подоконник в палату, при этом прижимая к груди огромного плюшевого медведя. У медведя, кстати, вид был изрядно потасканный. — А я это... Того... Этого... К тебе, во!

— Вот я бы подивилась, если бы к кому-то другому, — хмыкнула, подкидывая на ладони яблоко и глядя, как байкер пытается закинуть ногу на несчастное окно и каждый раз промахивается, балансируя фиг его знает на чём.

На голове у парня виднелись остатки некогда-то красивого и пышного букета полевых цветов, на шее болталось что-то отдалённо напоминающее фотоаппарат, а под глазом наливался синяк. Вопрос, где эта компания умудрилась побывать, терзал мою душу всё сильнее. Я даже невольно задумалась над тем, не будет ли в новостях спецрепортажа, прохождение весёлых байкеров по городу, с демонстрацией разрушений, оставленных ими по пути до роддома!

— Варя, а это... У нас девочка, да? — и Ромыч умильно похлопал глазами, сумев таки усестись на подоконник, пристроив потрёпанную игрушку на полу.

Солнцева в уголке всхлипнула от смеха и продолжила угорать, тихо побившись лбом об стенку. Арина, глядя на это непотребство только вздохнула, присев на кровать у меня в ногах и подперев щёку кулачком.

— Нет, — склонила голову, набок внимательно следя за телодвижениями своего почти вменяемого бойфренда.

Тот медленно стекал с подоконника на пол, прислонившись плечом к медведю. Что бы озадаченно почесать взъерошенный затылок и выдать гениальный вопрос всех новоявленных отцов в мире:

— А кто?

— Кощей, ты... — жест рука-лицо у нас троих вышел одновременно. А когда за окном раздался заговорщицкий шёпот, в исполнении прекрасно опознанных нами лиц, интересовавшихся «Ну что, нам можно или как?» захотелось ещё и головой обо что-нибудь твёрдое приложиться.

Хотя...

— Спокуха Маша, я Дубровский, — наконец, сумев просмеяться, выдала Солнцева, вытаскивая из кармана джинсов телефон. — Сейчас я им устрою, как шведам под Полтавой! Только этого надо как-нить нейтрализовать и...

Пущенное яблоко приложило Кощей по темечку аккурат в тот самый момент, когда его костлявая сиятельность решила высунуться в окно, оповестить друзей-товарищей по несчастью, что всё отлично. И герой моего романа, попутно ударившись лбом об несчастный подоконник, сполз на пол, отправившись в глухую несознанку.

Рыжая, глядя на это, только уважительно присвистнула. И тут же отвлеклась от комментариев сложившейся ситуации на телефонный разговор. Некто по прозвищу Харон звонку в пол первого ночи не обрадовался, радости от разговора не испытывал и явно не шибко-то любил нашу рыжую занозу в энном месте.

Впрочем, саму Солнцеву сей факт не смущал от слово абсолютно. Препираясь,

зубоскаля и шутя, она сумела-таки выдать своему собеседнику диспозицию сил, кратко обрисовать сложившуюся ситуацию и полюбопытствовать, чем нам может помочь тот самый заместитель заведующего городским моргом. Только побыстрее, а то водосточная труба не выдержит вес всех желающих поглядеть на новоявленного члена банды.

Видимо, собеседник описанным впечатлился и молчал добрых пять минут. После чего из динамика раздалось шипение гремучей змеи, обещавшей обеспечить трепанацию черепа всем, кто попадётся на её пути и неизвестный абонент буркнул «Щас», прежде, чем отключиться. А Анька, пакостливо хихикнув, пояснила:

— Это мы с вами девочки, души добрые, совестливые... А один конкретный патологоанатом свою совесть давно и честно похоронил за ближайшим плинтусом. Так что мальчиков ждёт незабываемое приключение... За их ночные гуляния в непотребном виде, вот!

— Злая ты... — фыркнула Арина, укоризненно качая головой.

— Я? — искренне оскорбилась Рыж, глядя то на нас, то на сладко дрыхнувшее тело на полу. — Не, девчат, я ещё добрая! Будь злая, позвонила бы Эльзе... А у той недосып, помноженный на родственников и гиперопеку Олежека.... Вот где в случае чего, живые мёртвым позавидуют, точно говорю!

Мы на это заявление только прыснули, припоминая с каким выражением лица, как-то заявила в клуб Эльза, притащив на буксире за ухо непосредственно начальника службы безопасности. И сдала его на руки ошалело хлопающему глазами Харлею, заявив, что срок по любимой сто пятой статье её уже не пугает. И если они не хотят познать все прелести попыток спрятать чей-то определённый труп в ближайшем лесопарке, пусть займут Верещагина хоть чем-нибудь на ближайšie пару часов.

В противном случае, сапёрная лопатка «Азарт» у неё есть, пила тоже, а место захоронения поможет выбрать один из братьев. Народ даже возразить ничего не успел, как Снежная Королева вся клуба развернулась на каблуках и удалилась в неизвестном направлении, пробормотав себе под нос что-то о том, что у кого-то явно проблема с мозгами и чувством меры!

Обменявшись понимающими взглядами с Ариной, мы только вздохнули, припоминая каждая своё. Не знаю, что вспоминал Кавай-сан, умевший мягко и убедительно перенаправлять энергию своего байкера в нужное русло, а я вот вспомнила, как Кощей пытался поначалу, когда только узнал о беременности, оградить меня от всего и сразу, подрываясь на каждый мой вздох. Не зависимо от причины оно и невзирая на мой скептический взгляд. Правда, надолго его не хватило и, выдержав прудней без нас в своей квартире, Ромыч признал за мной право за самостоятельность...

И снизил опеку до приемлемого уровня. А сегодня, видимо, на радостях, что все волнения его были напрасны, расслабился и отдохнул с друзьями на славу. Кстати о них. Где там обещанное Рыж возмездие на буйные пьяные головы?

— А ну стоять бояться, упасть отжаться! — негромкое, но вдохновенное шипение под окнами в ночной тиши было прекрасно слышно даже на втором этаже. — Ну что, аборигены родины дятлов и ящеров с приставкой долбо... Какого самурая я наблюдаю ваши мятые лица в непосредственной близости от роддома, супротив всей логике и режиму? Али у кого-то зачесалось одно место и страсть как приключений захотелось? Так наша туристическая фирма «Аид и Компания» обеспечит вам незабываемый, экзотический пеший тур по достопримечательностям городского морга! Вас ждут заспиртованные части тела

нечестивцев, помешавших мне спать, весёлая компания штрафников-санитаров с убогим чувством юмора, основанных на трешовых фильмах ужасов и визит к добрым дядям судмедэкспертам... Вам понравится, гарантирую! Если выживете, конечно же...

— Э... Харон? — раздался чей-то робкий вопрос.

— Нет, блин. Это тень отца Гамлета в период мезозоя!

— А ты что это... Тоже родила, да?

— Та-а-ак... Кажется, народ вопрос не вкурил... Ладно, сейчас я таки разъясню на пальцах... — женский голос наполнился непередаваемыми вкрадчивыми нотками. — Или я вас тут не наблюдаю на счёт пять... Либо вы идёте знакомится с Герычем и вскрытием трупа мотоциклиста, попавшего в аварию!

— А... Может это... Не надо?

— Жмураэлло, Герыча в студию! Народ просит!

Вот уж не знаю, что там был за Герыч, но спустя ровно пять минут во дворе царила блаженная тишина. И только всё тот же голос вздохнул:

— Никто нас Герыч, не любит... А ведь мы, простые патологоанатомы, много-то и не просим! Всего лишь уважения к чужому труду, сну и репутации! Беда-беда огорчение...

Ещё один душераздирающий вздох и вокруг наконец-то воцарился мир и покой, нарушаемый лишь сопением с пола, где пристроился помятый, изрядно испачканный кощей. Анька, глянув на него, поморщила нос, поинтересовавшись:

— Убрать?

Я покачала головой, вновь устроившись на кровати в положении лёжа и тут же оказавшись в объятиях Стаськи. Та, не смотря на весь шум, так и не проснулась, прижимая к себе мелкого и с удобством вытянувшись поверх одеяла рядом со мной. Мне бы стоило заволноваться, встревожиться или даже заревновать, но глядя на эту картину я только мягко улыбалась, прикрыв глаза.

— Оставь его, пусть валяется. А вы домой идите, — приоткрыла один глаз, глянув на зевающих девчонок. — Мы тут все не поместимся.

— Ладно, — со вздохом признала мою правоту Солнцева, соскребая себя со стула. Прихватив под локоть сонно моргавшую Аринку, она послала мне воздушный поцелуй и смылась из палаты, осторожно прикрыв за собой дверь. А я...

Я вздохнула, повозилась, устраиваясь поудобнее и задумалась о том, что жизнь штука странная. Не мечтала о принце, получила безответно влюблённого «бьякера». Не думала о повторном замужестве, получила самую настоящую байкерскую свадьбу на третьем месяце беременности. Не хотела второго ребёнка, а теперь думаю, что бы делала без этого незваного и негаданного счастья, так уютно устроившегося между мной и Белкой. Не считала байкеров своей семьёй, так кого из них волновало моё мнение об этом? И знаете...

Ни капли не жалею об этом. Да, в моей первой, сказочной влюблённости не было ни намёка на сказку, не ждало меня в ней своё личное «долго и счастливо», как бывает в книжках. И поэтому так отчаянно сопротивлялась своей любви к Ромке. Так что пришлось бедному Кощей пережить много приключений, сказочных и не очень, что бы получить моё сердце и душу в своё единоличное пользование. И пусть всё совсем не по канонам старой доброй сказки...

Кому до этого дело, если всё закончилось не просто хорошо, а намного лучше?

— Люблю вас, — тихо шепнула, закрывая глаза.

И совсем не удивляясь, когда в ответ, откуда-то с пола, раздалось вполне себе чёткое и

тихое:

— И мы тебя. Спи, Варвара-краса...

Фыркнула, обнимая Стаську свободной рукой и засыпая под мерное сопение малыша. Которому, кстати, предстоит выбрать имя. Ох, чую, споров будет...

КОНЕЦ!

Больше книг на сайте - Knigolub.net